

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт российской истории

В.В.ТРЕПАВЛОВ

«БЕЛЫЙ ЦАРЬ»

ОБРАЗ МОНАРХА
И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ
О ПОДДАНСТВЕ
У НАРОДОВ РОССИИ
XV–XVIII вв.

МОСКВА
Издательская фирма
«Восточная литература» РАН
2007

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)4
Т66

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
согласно проекту № 06-01-16091а*

*Издательство благодарит за содействие в издании книги
Институт практического востоковедения (Минск)*

Редактор издательства
Л.С. Ефимова

На передней стороне переплета:
Трон царя Ивана Грозного. XVI в.

На задней стороне:
Письмо хана казахского Младшего жуза Абу-л-Хайра
императрице Анне Иоанновне. 1730 г.

На форзаце:
Прием турецкого посольства Екатериной II 14 октября 1764 г.
С гравюры А.И. Казанчинского

Трепавлов В.В.

Т66 «Белый царь» : образ монарха и представления о подданстве
у народов России XV–XVIII вв. / В.В. Трепавлов ; Ин-т русской
истории РАН. — М. : Вост. лит., 2007. — 255 с. — ISBN 5-02-
018517-5 (в пер.)

В книге рассматривается начальный этап формирования многонационального Российского государства. На основе письменных и фольклорных источников показано, каким образом народы России в XV–XVIII вв. воспринимали высшую власть, как они трактовали свое российское подданство, каковы были их представления о функциях и прерогативах монарха, о пределах подчиненности ему, как пребывание в составе Московского государства и Российской империи преломлялось в их сознании и представлениях и при этом концентрировалось в образе русского «белого царя».

ББК 63.3(2)4

ISBN 5-02-018517-5

© Трепавлов В.В., 2007
© Оформление. Издательская фирма
«Восточная литература» РАН, 2007

У нас Белый царь — над царями царь.
Голубиная книга

ВВЕДЕНИЕ

При изучении истории народов России и ее государственности исследователям часто приходится сталкиваться с понятием *белый царь*. Очевидно, рано или поздно следовало попытаться выяснить, кто и когда пользовался данным выражением, какие значения в него вкладывал и каково, наконец, его происхождение. Ввиду специфики актов, нарративных и фольклорных источников, с которыми до недавнего времени мне доводилось иметь дело, казалось, будто это словосочетание практиковалось главным образом у восточных народов. Их правители и простолюдины титуловали так российского монарха (конечно, на своих языках: *ак падиша*, *ак хан*, *ак бек*, *цагаан хаан* и т.п.). Мнение об исключительно восточном источнике и ареале распространения понятия *белый царь* казалось несомненным. Тем более что, несмотря на практически полную неразработанность проблемы, оно уже давно и уверенно было высказано авторитетными учеными. И сам я до недавнего времени придерживался такого мнения.

Его пришлось пересмотреть после одного разговора с А.Н.Бохановым — известным исследователем монархии последних Романовых и в целом феномена российского самодержавия. Выслушав рассказ о моих текущих занятиях по исследованию института подданства «иноверцев» и «инородцев» русскому *белому царю*, Александр Николаевич сообщил, что этот образ широко представлен в русском фольклоре и православной народной традиции. Озадаченный, я обратился к соответствующим материалам.

Передо мной открылась настоящая Атлантида! Оказалось, что *белый царь* в самом деле присутствует в русских исторических песнях и духовных сочинениях. Причем если в устах тюрок и монголов это почти всегда правитель чужой и далекий, абстрактный носитель верховной власти над могущественной и безграничной Россией, то в русских текстах он предстает как идеальный государь, средоточие и воплощение светлых черт, которые народ желал видеть в праведном

христианском мироустройстве. В XIX в. образ *белого царя* прочно вошел в российскую изящную словесность¹, а затем в общественную мысль и публицистику.

Планируя исследовательскую тему в Институте российской истории РАН и составляя заявку на грант в Российский гуманитарный научный фонд, я сначала намеревался сосредоточиться на восточной составляющей данного образа (считая тогда ее единственной). Однако, проведя немало времени в работе над русскими материалами после того «поворотного» разговора с А.Н.Бохановым, я понял, что рамки исследования необходимо значительно расширить и посмотреть, что представляет собой образ *белого царя* также в памятниках русского народного творчества и в русской традиционной политической культуре.

Единственный известный мне автор, который пытался разобраться в его истоках, П.И.Рычков, в 1770-х годах направил на сей счет запрос оренбургскому секретарю заграничных дел П.Чугалову, прожившему год в Хиве. Чугалов в свое время интересовался, по какой причине местные жители именуют российского императора *белым царем*. Те «сказывали ему, якобы тот титул у них от русских людей издавна введен в употребление², а по каким обстоятельствам, того они не знают». Рычков пришел к выводу, что «титул Белого царя азиатские народы не от себя вымыслили, но перешел оный к ним из России по разным обстоятельствам...» [Рычков, 1763, с. 122, 123]³.

¹ П.Ободовский. «Белому Царю от русского народа на Новый год»:

С Новым годом, Белый Царь,	Верных дедушек одёжа
С новым счастьем, Государь,	Ведь недаром нам к лицу.
Без даров к Тебе приходим:	Молви слова три народу:
Ведь достойных не находим	Смирно! слушай! и пошел!
В Царстве Русском для Тебя...	Мы пройдем огонь и воду,
Все Твои мы. Царь-Надёжа,	Сечи, бури нам — раздол!..
Рады жизнь отдать Отцу,	

Эти верноподданические вирши с поздравлением Николаю I были напечатаны в январской книжке петербургского журнала «Русский вестник» за 1841 г. Какими бы комичными они нам ни казались сегодня, автор, очевидно, был искренен в своем преклонении перед императором. Литературная эстетика того времени допускала такую вот прямолинейную лесть монарху и выражение преданности ему. А уж какими средствами показать и преподнести эти чувства, зависело от таланта писателя. «Достоинства» цитируемого стихотворения оттеняются впервые опубликованной здесь же, сразу вслед за ним, знаменитой «Москвой» Ф.Н.Глинки («Город чудный, город древний...»). Написанный в том же православно-патриотическом ключе, величественный гимн Первопрестольной столице надолго пережил своего создателя, чего не удостоилась «верных дедушек одёжа» Платона Ободовского.

² Здесь и далее в цитатах выделено мною.

³ См. также полный текст данной работы П.И.Рычкова в Приложении к нашей книге.

Автор этой книги — историк, причем изучающий неславянское население средневековой России (в основном тюрко- и монголоязычное). Для анализа я взял ситуацию XV–XVIII вв., когда Российская держава быстро расширялась, раздвигала свои границы в Евразии, поглощая территории, населенные множеством разноразличных племен и народов.

Разрастание Российского государства в то время, включение в его состав новых подданных влекли за собой кардинальные перемены в жизни присоединенных народов. Они сталкивались с новыми политической системой и экономическим строем, поступали в подчинение русской администрации, обнаруживали на своих землях множество пришельцев-русских, которые селились в основанных ими городах и деревнях. Как бы историки ни оценивали ход и последствия вхождения каждого отдельного народа в состав России, в любом случае это событие оказывалось стрессовым, кризисным, переломным в его судьбе. Привычные жизненные модели и ориентиры переставали работать, а новые модели только еще формировались и к тому же зачастую вступали в противоречие со старыми.

В подобных исторических ситуациях, когда люди пытаются приспособиться к переменам, в массовом сознании возникает благодатная почва для складывания различных мифологем, спасительных иллюзий как средства адаптации к «жесткой» действительности. Населению нестабильного «постсоветского пространства» рубежа XX–XXI вв. это хорошо знакомо. Своим существованием такие иллюзорные конструкции как бы компенсируют неурядицы повседневного бытия потенциальной возможностью улучшения его условий.

Одним из таких компенсаторных конструктов является общеисторическая («общечеловеческая») концепция верховной власти как арбитра и заступника. С некоторыми своеобразными вариациями она продолжает бытовать и в наше время. Однако для России эпохи позднего средневековья закономерности восприятия власти имели заметные отличия. Дело в том, что большинство российских народов в то время находились на социальной стадии пред- и раннегосударственного развития. Соответственно и трактовка такого сакрального института, как власть, нередко обладала налетом патриархальности или, вернее, традиционности. Носители традиционной политической культуры воспринимали ее в качестве не столько социально-политической, сколько ментальной, духовной категории⁴. Высшая государственная власть понималась как явление, во-первых, тотальное, всеохватное, пронизывающее все сферы жизнеустройства; во-вторых, магически-

⁴ Анализ образа власти в традиционной политической культуре см., например: [Бочаров, 1992, с. 44–57].

сакральное, далекое и недостижимое, недоступное для простых людей; в-третьих, персонифицированное — воплощенное в монархе.

В эпицентре власти основным ее носителем естественно оказывался царь. Именно его абстрагированный образ (а не конкретно-исторический индивидуум!) служил воплощением тех надежд, иллюзий и стереотипов, которые были характерны для традиционной политической культуры народов России XV–XVIII вв. Представления о верховном сюзерене формировались во многом стихийно, по ходу жизни в пределах государства, но порой также пропагандировались (насаждались) властями на местах. В условиях, когда волей истории в общих границах объединились носители многих языков и нескольких религий, фигура государя служила одной из немногих идеологических и политических скреп колоссальной полиэтничной державы. Кроме того, насаждение культа монарха выполняло функцию «культурно-ментальной экспансии империи» (А.Каспэ), формирования символической связи правителя с подданными (см. об этом [Большакова, 2003, с. 56; Каппелер, 2000, с. 86, 120; Кундакбаева, 2005, с. 34, 35]).

Мы попытаемся проследить, каким образом пребывание в составе Московского государства и Российской империи преломлялось в сознании и представлениях народов и при этом фокусировалось в образе русского царя. За исключением коренных жителей Северо-Западной и Восточной Сибири, все они в разное время находились под властью собственных и иноземных правителей: татарских и джунгарских ханов, польских и шведских королей и др. Поэтому принцип верховной власти оказывался для них не новым, и необходимость жить в пределах единого государства, управляемого *белым царем*, не вызывала у них непонимания и «кроскультурного шока», как это случалось у сибирских аборигенов.

Сейчас в нашей науке происходит кардинальный пересмотр множества проблем и аспектов отечественной истории. Один из принципиальных вопросов — трактовка присоединения народов и территорий к России, выстраивание отношений между ними и центральным правительством. Уходит в прошлое апологетический подход, ученые учитывают как добровольные, так и насильственные формы присоединения [Сахаров, 2002, с. 12]. В советский период случалось, что историки с легкостью объявляли тот или иной народ добровольно вступившим в российское подданство — на основании первого же соглашения, договора местной знати с Москвой или с провинциальным российским начальством. Рецидивы подобного подхода встречаются и в наши дни. Юбилеи «добровольных вхождений» вновь стали отмечаться в российских республиках в начале XXI в. То есть установленные когда-то (как правило, по инициативе регионального партийного

руководства) искусственные, конъюнктурные схемы проецируются на интерпретацию реальных исторических процессов. Происходит противоестественное движение «от термина к явлению, а не наоборот» (как удачно выразился современный кабардинский историк К.Ф.Дзамихов [Дзамихов, 1994, с. 58])⁵.

На самом деле картина была гораздо более сложной. Отношения подчинения и подданства русская сторона и ее партнеры зачастую воспринимали совершенно по-разному, и нужно тщательно проанализировать различия во взглядах на статус пребывания в составе России у русских властей и у присоединенных народов.

Российская историография XIX — начала XX в., советская и зарубежная историография XX в. при исследовании присоединения народов к России концентрировались в основном на последствиях этого процесса (отечественные историки писали главным образом о позитивных последствиях, западные — о негативных). Многие авторы в бывших союзных республиках и отчасти в современных российских отрицательно оценивают правительственную политику по отношению к народам в XV–XVIII вв. в ущерб объективному ее анализу.

За долгий период исследований определился ведущий методологический принцип освещения этого круга проблем — своего рода «центроцентризм» и русоцентризм, т.е. взгляд на них, во-первых, с точки зрения политического Центра, столичной и региональной администрации; во-вторых (если брать этническую составляющую), с позиций русских участников строительства государства. Во многом такой односторонний подход вызван объективными обстоятельствами.

С одной стороны, русские изначально доминировали в государстве, составляя численно и культурно (религия, язык) преобладающее этническое сообщество. Соответственно и интерпретация политических событий прошлого, созданная в среде русских политиков и интеллектуалов, стала в науке господствующей: как и в любом обществе, доминирующий этнос заложил основополагающие традиции [Кожин, 1997, с. 8].

С другой стороны, источниковую базу, которой располагают историки, составляют в основном документы, исходящие главным образом из среды правящей бюрократии. Однако для полноты картины следует знать также взгляды и позиции партнеров русских по созданию державы, т.е. ее нерусского населения. Необходимо привлечь к исследованию и анализу произведения, созданные в его среде.

⁵ Вхождение в состав России несомненно было историческим событием в жизни каждого народа, и поэтому память о нем может служить основанием для празднования. Я возражаю лишь против датировки присоединения конкретным годом. Такой «юбилейный» год может служить, как правило, условной, символической датой присоединения народа или региона к России.

Поскольку исследование ограничено периодом до XVIII в. включительно, в поле зрения оказываются только те регионы, которые к тому времени были включены в состав России: север Европейской части, Украина, Поволжье, Урал, Сибирь, отчасти Северный Кавказ и Западный Казахстан⁶. От населения большинства этих регионов сохранилось чрезвычайно мало письменных источников XVII–XVIII вв.⁷. Историки черпают информацию в основном из официальных документов, в которых трактовка межэтнических отношений предстает по определению односторонней. Для выяснения точки зрения противоположной стороны нужно найти источник сведений, который отразил бы соответствующие взгляды. В условиях дефицита письменных сведений большое значение приобретает устная литература, главным образом исторический фольклор, существовавший в разнообразных жанрах.

Очевидно, одним из первых авторов, кто сформулировал необходимость подобного подхода, был А.Каппелер с его тезисом о задаче изучения «реакции нерусских» на установление российского господства и правительственную политику интеграции, «насколько они принимали чужеземное владычество и сотрудничали с правительством или же оказывали сопротивление» [Kappeler, 1982, с. 6]; он же отметил указанные выше особенности источниковой оснащенности данной темы [Каппелер, 2000, с. 11]. Историки России и стран СНГ также формулируют аналогичные подходы и исследовательские задачи; но мне известны лишь единичные работы подобного плана, и все они посвящены отдельным регионам (см., например: [Бисенбаев, гл. 7; Ерофеева, 1999, с. 227–230; Зуев, 2000а, с. 61, 62; Зуев, 2000б⁸; Кундакбаева, 2005; Сабырханов, 1965]⁹).

Разумеется, фольклор не может служить историческим источником в прямом смысле слова, т.е. для поиска информации о *событиях* про-

⁶ При этом главное внимание уделяется народам, входящим ныне в Российскую Федерацию.

⁷ Сказывалось и слабое пока владение русским языком, что не позволяло коренным жителям различных регионов выражать свои взгляды на правительственную политику и другие вопросы. В середине XVII в. вологодский архиепископ писал царю о коми: «Говорят твои государевы крестьяне по-зырянски, по-пермяцки, и многие русским языком говорить не умеют, и люди безответные — в... воеводских налогах и в затейных делах бить челом тебе, государю, не смеют» (цит. по [Очерки, 1955, с. 101–102]).

⁸ А.С.Зуев пишет: «Необходимо избавиться от „русоцентристского“ подхода к присоединению Сибири и взглянуть на это дело глазами не только русских казаков, но и сибирских аборигенов».

⁹ К сожалению, из-за ограниченности научных связей мне оказались недоступны аналогичные современные разработки в большинстве государств СНГ и в странах Балтии.

шлого (этой сложнейшей и спорной проблеме посвящено множество научных трудов)¹⁰. Мы обратимся к нему в целях реконструкции *представлений* об этих событиях. А для этого эпические, мифические, сказочные и прочие тексты могут оказаться весьма полезными. Ведь устная народная литература фиксирует мировоззрение той этнической группы, в недрах которой она творится.

Во-первых, «по праву авторства» данная группа наделяет создаваемые ею произведения этноцентризмом, ставя себя в центр повествования и мироздания. Этноцентристский взгляд вообще присущ традиционному общественному сознанию.

Во-вторых, такая группа отражает и оценивает исторические условия своего существования. Для нас это тем более важно в случае, когда происходит включение этнического коллектива в обширный политический государственный организм. Тогда в устной литературе имеет место интерпретация завоевания, подчинения или добровольного вхождения, а затем и пребывания в составе государства. Трактовка статуса здесь может колебаться от определения себя на доминирующей позиции до признания своего подчиненного положения [Göög-Karady, 1992, с. 115]. В последнем случае само подчинение может изображаться как данность, как факт самоощущения группы; тем более это было актуально при определении своего отношения к русским, поскольку «необъятные просторы Русского государства и его мощные ресурсы придавали известный блеск и народу, населявшему их» [Коваленко, 1990, с. 69].

Или же происходит приписывание себе положительных характеристик в качестве компенсации за подчиненное положение, как средство повысить свою позицию в символической иерархии народов (повысить хотя бы только в собственных глазах!). Наиболее востребованными в идеологическом отношении здесь становятся этногенетические мифы с их компенсаторной функцией — представлением о том, что нынешним невзгодам предшествовал «золотой век», эпоха деяний славных героев-предков [Шнирельман, 2003, с. 6]. Полагаю, что эту особенность, выведенную В.А.Шнирельманом для мифов в области этнической генеалогии, можно применить и к исторической памяти в целом. В данном случае имеет место поиск оснований для культурного противопоставления своего народа России и русским — процесс, ши-

¹⁰ Что касается разбираемых в нашей книге вопросов, наибольшее значение имеют разработки проблем типичности/уникальности изображаемых ситуаций, соотношения правды и вымысла, закономерностей в сохранении и изменении фольклорных сюжетов и образов, в том числе под влиянием письменной культуры (см., например: [Аникин, 1960; Пропп, 1976 (особенно статьи «Фольклор и действительность» и «Об историзме фольклора и методах его изучения»); Путилов, 1997; Соколова, 1960; Соколова, 1981]).

роко развернувшийся на периферии «постсоветского пространства». Следовательно, такой миф становится не просто средством интерпретации исторического прошлого, но и фактом общественного сознания.

Наконец, трагические или неприятные детали истории могут забываться — порой путем умышленного замалчивания с общего согласия (об этом феномене см. [Андерсон, 2001, с. 216–218]).

Фольклор служит одним из средств хранения исторической памяти, а в условиях отсутствия у народа письменности (или при неграмотности его большинства) — единственным средством. Можно предположить, что фольклорный текст выполняет роль интегратора этнической группы, сплавляя ее памятью об общих предках, общезначимых событиях, победах и поражениях. Он служит хранилищем устной традиции, передаваемой средствами не абстрактных концептов, а нарратива, описаний человеческих интересов и поступков; а эта традиция, в свою очередь, содержит в себе все аспекты мировоззрения бесписьменной группы [Соколова, 1960, с. 13; Siikala, 1992, с. 14].

Именно в фольклоре наслаиваются давние этнические стереотипы, неуловимые по позднейшим письменным сочинениям и полевым исследованиям. Кроме того, предания, легенды и мифы принадлежат к числу средств объективации стереотипов наряду с языком, обычаями, приметами и пр. [Левкович, 1983, с. 76]. Для обыденного сознания эти стереотипы в определенном смысле играют такую же роль, что и устная историческая литература¹¹. И в фольклоре, и в этностереотипе присутствуют схематизация и упрощение образа Чужого (особенно если этот образ отягощен военными победами над народом-создателем стереотипа), происходят формирование и хранение идеологии данной этнической группы, наступает психологическая компенсация нарушения гармонии — статусного равноправия.

Привлечение корпуса фольклорных памятников давно и плодотворно практикуется при анализе традиционной культуры и народных представлений — прежде всего у русских, а также у других славян и прочих народов Европы¹². Что касается неславянского населения России, то труды по аналогичной проблеме очень немногочисленны. Наиболее заметны в этом смысле разработки, связанные с историей Сибири. Исследователи выделяют ступени взаимодействия пришельцев и абор-

¹¹ О функциях этнических стереотипов см., например: [Шопова; Солопова; Соснин].

¹² Укажем для примера на две представительные научные конференции, проведенные в Институте славяноведения и балканистики АН СССР (затем РАН): «Славяне и их соседи. Этнопсихологические стереотипы в средние века» (1989; в следующем году вышли одноименные сборники тезисов и статей); «Славяне в зеркале неславянского окружения» (1996; некоторые материалы были опубликованы в журнале «Славяноведение». 1997, № 1).

ригенов: изначально неравноправное — между традиционной культурой последних и носителями модернизационных процессов в лице чиновников, купцов, промышленников; равноправное и даже обоюдно комплиментарное, обусловленное заинтересованностью в контактах, — в данном случае между аборигенной традиционной культурой и традиционной культурой русского старожильского крестьянского населения [Ерохина]. Кроме того, существует проблема взаимодействия менталитетов у народов, стоящих на разных уровнях политического и социального развития, их (народов) взаимной притирки, выработки толерантных психологических установок [Люцидарская, 1998, с. 99, 106].

К интересным результатам привели наблюдения В.И.Кузьминых над образом русского казака в фольклоре народов крайнего северо-востока Азии, над позитивными и негативными чертами этого образа. Именно этим автором впервые в историографии, насколько мне известно, поставлена и сформулирована одна из исследовательских проблем, разбираемых в нашей книге (правда, лишь касающаяся Сибири и с упором на конфликтные отношения): «Такой немаловажный аспект проблемы, как оценка аборигенами русских, целей и значения их появления в Сибири, обычно выпадает из поля зрения историков. — В.Т.). Хотя, на наш взгляд, именно исследуя восприятие туземным населением русских, можно выявить глубинные причины конфликта между местными народами и пришельцами» [Кузьминых, 2001]. Ю.Слезкин также широко привлек фольклор кетов, эвенков, энцев, юкагиров и якутов для анализа первых контактов коренных сибиряков с русскими [Slezkine, 1994].

Яркий материал относительно отражения межэтнических взаимодействий в устном народном творчестве чувашей собран Г.А.Николаевым [Николаев, 1999; Николаев, 2001а; Николаев, 2001б], И.В.Зайцевым — в татарском фольклоре и письменной литературе [Зайцев, 2004, очерк 11; Зайцев, 2005; Присоединение, 2003, с. 76, 77].

Итак, автор этой книги поставил перед собой следующую задачу: на основе письменных и фольклорных источников проанализировать, как неславянские (по большей части) народы России в XV–XVIII вв. воспринимали высшую власть, как они трактовали свое российское подданство, каковы были их представления о функциях и прерогативах монарха, о пределах их подчиненности ему. Решение этой задачи видится мне через рассмотрение нескольких взаимосвязанных проблем, а именно: желательно разобраться, каким образом складывались и проявлялись:

— трактовка высшей власти, которая персонифицировалась в образе российского монарха, *белого царя*, — образе, зачастую предельно искаженном и мифологизированном;

— представления о российской государственности как регулирующей системе, которая адекватно (или неадекватно) заменила прежние модели общественного устройства. Это было особенно актуально для народов, лишившихся собственной государственности в результате присоединения к России;

— отношение к доминирующему в государстве народу — русским;

— отношение к России в целом как стране проживания;

— трактовка обстоятельств и легитимности вхождения в состав Российского государства;

— интерпретация российского подданства.

В соответствии с этими пунктами выстроена структура монографии.

При работе над обширным кругом перечисленных проблем я пользовался помощью, советами и консультациями Р.Алимова, Д.Ю.Арапова, А.Н.Боханова, М.Е.Бычковой, Е.В.Вершинина, А.В.Виноградова, Л.С.Гатаговой, А.А.Горского, В.Я.Гросула, А.Г.Гуськова, С.М.Исхакова, Д.Колодзейчика, И.Г.Коноваловой, Д.В.Лисейцева, Н.Н.Лисового, Е.Н.Марасиновой, Г.А.Николаева, Н.С.Попова, М.А.Рахматулина, Г.А.Санина, Н.В.Синицыной, Т.Д.Скрынниковой, В.П.Терехова, Д.А.Функа, Р.П.Храпачевского, М.К.Юрасова. Всем им выражаю искреннюю благодарность.

Глава 1

ЦАРЬ: ПОЧЕМУ «БЕЛЫЙ»?

Имеющиеся в моем распоряжении источники позволяют утверждать, что *белый царь* появляется в политическом лексиконе тюркских соседей России не ранее XVI в.¹ Правда, в 1549 г. ногайский бий (правитель) Юсуф в грамоте Ивану IV вспоминал о временах Ивана III: «Ахмата царя брат наш Темир князь убил братства для з белым князем» [Посольские, 1995, с. 308]. Но мне не встречались документы эпохи княжения Ивана III с этим обозначением, и ногаи тогда подобным образом к московскому государю не обращались. Скорее всего здесь произошло перенесение титула Ивана IV (названного в адресате грамоты *белым князем*) на его деда.

В XVI в. выражение *белый царь* присутствует в переписке Москвы с тюркскими государствами, и наиболее многократно и разнообразно — в русско-ногайской. В крымских посланиях данный титул фигурирует эпизодически. В начале XVI в. новый образец титулования взяли на вооружение патроны Бахчисарая — османы. В 1519 г. в русскую столицу доставили грамоты от турецких вельмож Азова, в которых к великому князю обращались как к «государю великому князю Василью Ивановичу всеа Руси белому царю» и «государю великому князю Василью Ивановичу всеа Руси белому царю восточному» [Сборник, 1895, с. 671, 672]².

В целом в течение XVI столетия на Руси сформировалось стереотипное убеждение о восприятии восточными владыками москов-

¹ Образ *белого царя* фигурирует также в историческом фольклоре финно-угорских народов Поволжья о событиях того же столетия. См., например, марийскую песню о Рознеге Черемисине, где так именуется Иван IV: [Ширяева, 1966, с. 154]. Белое холщовое платье отличало знать у черемисов (марийцев); якобы именно из-за цвета платья к именам черемисских аристократов прибавлялся эпитет *ак-ах* (Акпарс, Ахлатыр, Ахпай) [Худяков М., 2003а, с. 125] — несомненный тюркизм, заимствованный от татар.

² А.Л.Хорошкевич приписывает эти обращения крымцам и объясняет наличие *белого царя* в цитируемых грамотах возрастанием престижа Василия III после его побед над литовцами [Хорошкевич, 2001, с. 188].

ского царя как *белого*. В конце XVI — XVII в. в Московском государстве составлялись произведения, пародировавшие переписку между турецким султаном и Иваном IV. В одном из посланий падишаха к царю, придуманном русскими публицистами, последний удостоивается обращения «избранному моему ратаю и тележному поганатаю, белому Ивану, великому боярину, ясельнику моему, русской области воздержателю, русскому князю...» [Памятники, 1989, с. 16]. Здесь наблюдается «персональный» характер эпитета, практически личное прозвище Ивана Грозного, поскольку понятие *белый* не предваряет титул. Характерно, что в памфлетном царском ответе оно не фигурирует [Памятники, 1989, с. 19]. Все эти произведения проникнуты нарочитой иронией по отношению к мусульманским партнерам по вымышленной переписке, причем одним из основных объектов осмеяния была как раз вычурная восточная титулатура [Яковлев, 2003, с. 402]. Учитывая искусственность подобных публицистических наименований, мы все же можем расценивать их как отражение действительной практики адресации восточных владык к царю; судя по документам, в *белого* он ранее всего превратился в устах турок.

Первые случаи наименования Ивана IV *белым* в ногайско-русской дипломатической переписке содержатся, очевидно, в адресатах посланий мирз Урака и Исмаила 1536 и 1537 гг. («волного человека белого Ивана величеству»; «волному человеку Ивану, белому князю»; «белому князю поклон») [Посольские, 1995, с. 192, 203, 237]. Обретение в 1547 г. русским монархом царского титула было замечено за Волгой. С 1549 г. в грамотах появляется обращение «царь», которое продолжает соседствовать с княжеским титулом (и с *белым князем* как синонимичным выражением) [Посольские, 1995, с. 309–311; РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 4, л. 52–54, 76об., 90об., 91]; ногаи здесь явно учитывали московское официальное словосочетание *царь и великий князь*. В дальнейшем различные комбинации «царя» и «князя» с эпитетом *белый* продолжали употребляться — чаще в виде *великий князь белый царь* [Посольская, 2003, с. 14; РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 4, л. 42; д. 7, л. 47об.]; нередко в посланиях из Ногайской Орды московский государь значился просто как *белый царь*. При этом титул сопровождался многообразными эпитетами и обозначениями в зависимости от политической ситуации: «брат мой»³, «сын мой», «вольный человек», «счастливый»,

³ В послании мирзы Белск-Пулада 1552 г. адресант, обращаясь к *белому царю* в интитуляции, ниже называет его своеобразно: «С нишаном грамоту написал, брат белою» [РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 4, л. 105, 105об.]. Вероятно, здесь никакого «белого брата» на самом деле не значилось, а при переписывании перевода грамоты в Посольскую книгу выпал титул «царь» или «князь».

«христианский государь», «всех крестьян государь», «всево христианства государь» и т.п.⁴

Таким образом, исследуемое выражение появляется в ногайских материалах в период правления Ивана IV. Выше отмечалось впечатление, будто *белый царь* служил персональным обозначением именно этого царя. Так титуловали его, даже не называя по имени, ногайские сановники при обращении к царевичу Ивану Ивановичу (еще при жизни Грозного) и впоследствии к царю Федору [РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 7, л. 47об.; 1586 г., д. 8, л. 8]. В последнем случае покойный государь именовался *белым*, что соседствовало с официальным титулованием правящего монарха: «Многова крестьянства государю царю и великому князю Федору Ивановичу всея Руси Урус князь много челом бьет. Отец твой белой царь с моим отцом с Исмаилем князем в дружбе и в любви были; а как отца моего Исмаиля князя не стало, и яз от отца твоего белого царя не отстал» (1586 г.) (цит. по [Самарское, 2000, с. 51–52]). То есть словосочетание *белый царь* вовсе не заменяло обязательного набора титульных формул, принятых в Москве, а практиковалось параллельно с ними.

По одному косвенному свидетельству можно полагать, что и за глаза, в переговорах между собой, тюркские владельцы также считали правителя Руси *белым царем*. К такой догадке подводит информация бия Исмаила от конца 1561 г. об антимосковском сговоре крымского хана Девлет-Гирея и мирзы Гази, основателя Малой Ногайской Орды, который пообещал Гирею: «Будет... тебе белого царя воевати, ино... перед тобою яз саблею доведу» [РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 6, л. 11–11об.]. Но это — всего лишь зыбкое предположение, поскольку цитированная фраза известна в пересказе Исмаила, уже привыкшего к тому времени видеть Ивана IV *белым*.

В документах, исходящих из сибирско-татарской среды, титул *белый царь/князь* встречается в письмах хана Кучума к Ивану IV (1569 г.: «крестьянскому белому царю и великому князю» [Собрание, 1819, с. 63]; 1570 г.: «великий князь белои царь» [РГАДА, ф. 130, оп. 2, д. 1,

⁴ А.Л.Хорошкевич заметила, что «если до взятия Астрахани бей (здесь — бий Исмаил. — В.Т.) обращался к царю как к своему сыну, то... в 1556 г. он должен был (? — В.Т.) величать Ивана IV «всего христианства белым царем»» [Хорошкевич, 2003, с. 180]. На самом деле изменения в титуловании московского правителя претерпели в устах главы ногаев более сложную эволюцию, и занятие русскими Астрахани было при этом скорее всего не определяющим фактором (см. [Трепавлов, 2001, с. 631]). К тому же указание на главенство над всеми христианами вовсе не противоречило поползновениям Исмаила объявлять Ивана IV своим «сыном»; см. его грамоту, привезенную в Москву в мае 1555 г. (т.е. еще до падения Астраханского ханства): «Государя саблею врагов победителя от Исмаила князя всех крестьян государю сыну моему белому царю много много поклон» [РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 4, л. 247–247об.].

л. 1]) и к тарским воеводам по отношению к Федору Ивановичу, что применительно к этому монарху нехарактерно для ногаев и крымцев (1598 г.: «...вам от государя своего от белого князя о том указ есть ли?» [Собрание, 1819, с. 130]). Возможно, с татарской Сибирью был связан хронист Кадыр Али-бек Джалаири, который в начале XVII в. жил в вассальном Касимовском царстве и писал свою книгу «Джами ат-таварих» (Собрание летописей), содержащую в том числе панегирики в адрес царствовавшего тогда «его величества государя всех христиан Бориса Федоровича [Годунова]), великого князя, белого царя» [Сборник, 1854, с. 3 (араб. паг.): *джумле ал-киристан падшах хазратлары Барис Фидоравич улуз бик ак хан*]. Как видим, здесь интересующее нас обозначение применяется уже ко второму преемнику Грозного на московском престоле.

В конце XIX в. в родословных, сохранивших воспоминания об эпохе завоевания Кучумова ханства, местные татары упоминали «великого государя белого хана» (*улу патша ак хан*) и рассказывали о судьбе своих предков, которые «сделались верноподданными белого московского государя» (*Москоунунг ак патшаны[нг]... верни поданай... кадышлар*) [Катанов, 1887, с. 258; Катанов, 1897, с. 52; Радлов, 1872, с. 214, 220]⁵.

Башкирские племена к середине XVI в. считались подвластными казанским и сибирским ханам, но большая их часть входила в Ногайскую Орду. С середины 1550-х годов начался процесс постепенного вхождения их в состав Российского государства. Фольклорно-исторические воспоминания о первых обращениях предводителей башкир к Ивану IV с просьбой о покровительстве содержат знакомое нам словосочетание. После взятия Казани «Ак бей-батша во все земли направил послов с грамотой, чтобы никто не бежал, не скрывался, свою религию соблюдал»; «Русские взяли город Казань. После этого царем стал белый бий... Татигас (глава племени юрматы. — В. Т.), взяв с собой представителей трех родов... вместе ходили в Казань, где преклонили голову белому царю... Татигасу белый царь пожаловал чин мурзы...» (цит. по [Очерки, 1956, с. 60; История, 1996, с. 141])⁶. Здесь фигурирует *белый князь (ак бий)* как обычная номинация русского монарха. Переход под его власть не сопровождается указанием на его этническую принадлежность — раз *белый*, значит русский (российский): «Мы пришли к белому бию, ударили челом, стали холопами (рабами)»

⁵ Предания были записаны В.В.Радловым в третьей четверти XIX в. Н.Ф.Катанов перевел *улу патша* в первом из цитируемых выражений как «высокий государь московский», *ак патша* во втором — как «белый царь».

⁶ Фраза «царем стал белый бий» (т.е. князь) в оригинале звучит *ак би бадшах булды* [Башкирские, 1960, с. 33].

[Мирасов, 1927, с. 5: *без ак би бадшахга бардык баш салдык кул булдык*].

В дальнейшем, по мере накопления опыта жизни в пределах России, башкиры разнообразили соответствующие обозначения, иногда с применением искаженных русских и европейских терминов. Наряду с традиционным *белый князь государь* (*ак би бадшах*) добавились «милостивый государь» (*рахимле бадшах*), «великий наш шах и царь» (*олуг шахымыз чар*), «хан России» (*Русиә ханы*), «шах России» (*Русиә шахы*), «наш великий шах» (*огул шахымыз*), «великий шах император его величество царь» (*олуг шахымыз император әгзәм сар*), «султан государь великий князь» (*солтани бадшах олуг кенәз*), «государь Российской империи» (*Рәсәй империяһынын государе бадшах*), «великая императрица, самодержавная государыня всей России и прочая, и прочая, и прочая Елизавета Петровна» (*Елисоват Битровнә кем бильстиклал барча Русиә йортын зыбыт иджуче вә хәкмендан вә саир вә саир вә саирлар*) и др. (см. [Башкирские, 1960; Башкирские, 2002; Халикова, 1985, с. 25]). Выражение *белый царь* продолжало употребляться главным образом в народной речи. В официальных же документах фигурировал строго утвержденный малый царский титул — пусть и переданный посредством тюркских терминов⁷.

Казахи вступили в регулярные отношения с российским правительством в XVIII в., и на протяжении всего столетия в их обращениях применялась формула, похожая на ту, что фиксируется у башкир: *ак хан улуг падишах*. Переводимая русскими по-разному, иногда с перестановкой или пропуском компонентов, она встречается в посланиях ханов и султанов на имя Петра I, Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны и Екатерины II («белый царь», «белая царица», «великий белый царь», «великий государь белый царь», «великая государыня императрица и белая царица» «белая и великая царица и государыня» и т.п.) [Казахско-русские, 1961, с. 14, 35, 38, 88, 97, 98, 101, 103, 121, 127, 133, 142, 186, 268, 290, 298, 490, 568, 570, 599, 615, 635, 643, 644; Материалы, 1936, с. 282, 283; Памятники, 1885, с. 164, 165; Под стягом, 1992, с. 362, 365]⁸.

Послания в Россию из государств Средней Азии, написанные на тюрки или фарси, обнаруживают в целом те же особенности. Как пра-

⁷ См., например, челобитную башкир Ногайской дороги уфимскому воеводе 1663 г.: «...великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича, обладателя всеми великими и малыми и белыми городами» (*улу бадшах хан улу би Алаксийа Михайловича барча улу кучу ак шахрны бакургган*) [Материалы, 1936, с. 166].

⁸ Публикации оригиналов писем от хана Младшего жуза 1730 г. Абу-л-Хайра (*ак жәңге улуг падишах хазрат*) и от знати Старшего жуза 1733 г. Анне Иоанновне (*ак хан улуг падишах*) см. [Казахско-русские, 1961, с. 102; Под стягом, 1992, вклейка, л. 7об.].

нство, после обычного краткого богословия (местоименного обозначения Бога — *хит*) следовал царский титул, сочетавший российские и восточные элементы. Среди последних часто встречается *белый царь* (*ак хан*) и *белый князь* (*ак бий*)⁹. Подобно башкирам и казахам, узбеки, туркмены и каракалпаки практиковали клише «великий государь белый царь» в сочетании с другими титулами и эпитетами (см., например: [Материалы, 1932, с. 132 (послание хивинского хана Араб-Мухаммеда 1619 г.; текст — с. 435), 141, 166 (послания хивинского хана Ифендиара Михаилу Федоровичу 1633 и 1641 гг.), 231, 236 (грамоты от посла балхинского хана Субхан-Кули и от него самого 1677 и 1678 гг.), 243–245, 248 (грамоты от посла хивинского хана Ануш-Мухаммеда 1669, 1677 и 1679 гг.; текст — с. 439, 442) и др.; Под стягом, 1992, с. 326 (послание каракалпакского хана Ишим-Мухаммеда 1722 г. Петру I), 334 (присяга каракалпакской знати 1743 г. Елизавете Петровне), 340 (послание ташкентского владетеля Юнус-ходжи 1797 г. Павлу I); Сборник, 1879, с. 543 (послание бухарского хана Убейдуллы 1705 г. Петру I)]).

Иногда адресат таких посланий назывался по имени, но, как правило, обходились без этого. Создается впечатление, будто словосочетание *ак хан* (*ак бий*) превратилось в краткую канцелярскую формулу для обозначения русского государя. Очевидно, к XVII в. на мусульманском Востоке уже сложился стойкий терминологический трафарет: *белый царь* — это любой русский монарх. Непосредственно об этом свидетельствует фраза из письма Араб-Мухаммеда хивинского Михаилу Федоровичу: «В прежних летех предки ваши московские государи белые цари были с предками нашими... в любительной ссылке...» [Материалы, 1932, с. 114]. Впрочем, иногда чувствуется вероятный «первоисточник» данного прозвища в лице Ивана Грозного: в обращении Убейдуллы I к Петру I последний назван «грозным белым царем» [Сборник, 1879, с. 543]; хотя, конечно, здесь совсем необязательно видеть воспоминание об Иване Васильевиче.

Не отличались оригинальностью в этом отношении и послания кавказских владетелей XVII–XVIII вв., для которых правители в Москве и в Петербурге также являлись «белыми князьями великими государями», «великими князьями белыми царями» и т.п. (см., например: [Белокуров, 1889, с. 64 — послание окоцкого (чеченского) Шейх-мурзы 1588 г. Федору Ивановичу); Кабардинско-русские, 1957, с. 15 — послание кабардинских князей 1717 г. Петру I]). В данном случае дипломатический протокол испытал явное воздействие тюркской внешнеполитической практики и взаимоотношений татар с Московским

⁹ Обобщенную характеристику этого элемента протокола грамот см. [Кулмаматов, 1994, с. 82].

государством. Но речь идет именно о стороннем влиянии, а никак не об укорененности на Кавказе интересующей нас формулы. Скажем, грузинские правители, насколько мне известно, не называли царей «белыми». Да и среди северокавказских народов имели хождение тюрко-персидские титулы с более понятным для нас (и для них?) значением — *улул падишах* (великий государь) и *урус падишах* (русский государь) [Русско-чеченские, 1997, с. 182 (текст), 184 (пер.) — письмо Шибутского джамаата (Чечня) 1657 г. Алексею Михайловичу].

Однако образ *белого царя*, видимо, стал уже настолько распространенным, что из повседневной политической практики проник в народное сознание и в фольклор. Так, осетины в исторической песне, посвященной своему первому посольству в Петербург 1749 г., называют тамошнего властителя *урс падззах* (белым царем) [Хамицаева, 1973, с. 126]; причем фонетическое сходство с только что упомянутым *урус падишах* абсолютно случайное: *урс* здесь не «русский», а «белый»¹⁰.

До сих пор мы рассматривали регионы и народы, которые относились к миру ислама или заимствовали установки и представления из мусульманской политической культуры позднего средневековья (Северный Кавказ). Если же мы посмотрим еще дальше на восток Евразии, то убедимся, что образ русского *белого царя* имел распространение также вне так называемой области *Дар ал-ислам*.

Обратимся сначала к тюркским языческим народам Южной Сибири — Алтая, Хакасии, Тувы и сопредельных земель. Многочисленные примеры, почерпнутые из текстов шертей и присяг местных владетелей, свидетельствуют о том, что глава Российского государства однозначно расценивался как *белый царь*. Извещения о намерении перейти в подданство и клятвы ему в верности содержат это выражение как обобщенное обозначение правителя страны; для местной политической культуры было нехарактерно называть его по имени (см., например, публикации документов: [Модоров, 1996, с. 378, 379; Под стягом, 1992, с. 10; Самаев, 1991, с. 238, 243, 244]). пышная титулатура, столь любимая в мусульманских странах, не была присуща южносибирским тюркам¹¹.

Насколько можно судить по запискам путешественников, выражение *белый хан* России фигурировало также в повседневной речи местного населения, соседствуя с *желтым ханом* Китая (см. [Радлов, 1989, с. 488])¹². Таким образом, наш «персонаж» проник в традиционную

¹⁰ Консультация Л.С.Гатаговой.

¹¹ Одно из немногих исключений — шертная запись правителя енисейских кыргызов Иренка («князца Ереняка Ишеева») 1677 г.: «Из великих царств великий белый царь миродержавный» (цит. по [Бахрушин, 1955а, с. 212]).

¹² Здесь данные о второй половине XIX в. Вообще-то фразу «между белым ханом и желтым ханом — дружба», обращенную к тувинцам, произнес сам В.В.Радлов, но он

политическую культуру, и мы вправе ожидать его появления в фольклоре. Действительно, такие упоминания есть. Один из замеченных мною эпических эпизодов напрямую не связан с российским правлением. Богатырь Ай-Мёкё спрашивает встречного витязя, почему тот охотится в его угодьях, и получает ответ:

Землю эту создал бог,
У тебя ли мне просить ее?
Есть наверху бог всевышний,
А внизу — белый царь
(цит. по [Радлов, 1989, с. 231]).

Белый царь здесь скорее есть воплощение абстрактной земной верховной власти, хотя, несомненно, в основе его образа лежит именно русский монарх (за неимением других столь же явных прототипов).

Но это — героический эпос с присущей ему условностью. А вот в историческом предании хакасов о Ханза-беге главный герой, посаженный воеводой в темницу, поет, не оставляя сомнений в подобной идентификации: «Сделанная русским ханом черная юрта, оказывается, была с острым куполом! Сделанная белым ханом каменная тюрьма напоминает свод юрты!». Русский воевода накалывает на штык кусок хлеба, заставляет пленника есть его с клинка и произносить слова клятвы: «Если я, кроме белого хана, буду думать о власти другого хана, то, наколовшись на этот штык, пусть я умру!» (цит. по [Бутанаев, Бутанаева, 2001, с. 100, 101]).

Кстати, можно заметить, что в этой зоне Евразии уже нет восточно-кипчакского *ак бий* или тюрко-персидского *ак падишах*~*ак бадшах* — только *ак хан*¹³.

Далее на восток и на юг простирались земли монгольских народов Центральной Азии — халха, ойратов (джунгар), бурят. Их владельцы стремились соблюсти подобающее почтение к правителю могущественной России, поэтому нередко воспроизводили в своих посланиях и обращениях малый царский титул (в московском официальном варианте), зачастую добавляя в него некоторые характерные детали: «белому царю великому государю великому князю Алексею Михайловичу, всеа Великия и Малыя и Белья Росии поздравление»; «На небе бог помиловал, великий государь белой царь, Великия и Малыя и Белья Росии самодержец, восточных и западных и северных и многих государств государь и обладаатель, божиею милостию, такого другого нет»; «великому государю белому царю и великому князю Михаилу»

наверняка использовал понятия, знакомые и близкие своим собеседникам. Попутно заметим, что в XIX в. жители Аравии почему-то называли русского царя «великим желтым королем» [Родионов, 1998].

¹³ См. то же в телеутских исторических преданиях [Костров, 1884, с. 203–205].

ну Федоровичю всеа Руси самодержцу» и т.п. [Русско-монгольские, 1974, с. 72; Русско-монгольские, 1996, с. 78, 123–124]. Порой монголы сами домысливали, как назвать далекого русского владыку: «высокий богатырь-властитель белый хан», «великому пресветлейшему белому царю», «божиею милостью утвержденному, праведному, милосердному, светлому московскому великому государю белому царю» и т.п. [История, 1951, с. 160; Посольство, 1887, с. XXX–XXXII; Русско-монгольские, 1974, с. 156]¹⁴.

В данных выражениях присутствует словосочетание, замеченное нами выше в тюркоязычных документах, — «великий государь белый царь» (или «великий белый царь» — *ики цаган хан ~ ики цагаан хан*), — которое и здесь порой употреблялось в качестве обозначения адресата, без прочих пышных титулов (см., например: [Русско-монгольские, 1974, с. 156, 157, 256; Русско-монгольские, 1996, с. 123, 124, 134, 250, 281; Русско-монгольские, 2000, с. 327, 328, 376]). Это может быть не случайным совпадением, а заимствованием из ногайского или казахского дипломатического протокола. Во всяком случае, известно, что переписка ойратских тайшей с Москвой в XVII в. велась с эпизодическим использованием арабицы («татарского письма», «фарсовского письма»)¹⁵.

При контактах русских с халха-монголами обыгрывалась цветовая гамма, создаваемая соседними монархами, — только в данном случае не «желтым» цинским богдыханом, а «золотым» алтын-ханом Северной Монголии. Это своеобразное соотношение предстает из стихотворного письма вдовы монгольского Эрдэни-Дайчин-хунтайджи:

Белого царя указ — совет держать положили.
Золотова царя заказ — совет держать вельми добро.
Золотой царь — Белой царь,
Двое издавна и доныне в совете
(цит. по [Окладников, 1937, с. 191]).

Как видим, монгольской аристократке казалось уместным ставить царя и местного хана в один ряд как равноценных правителей, лишь отмеченных разными цветами.

Калмыки — отколовшаяся и ушедшая к Волге часть ойратов — практиковали наименования царя (*цаган хана*) в целом с теми же осо-

¹⁴ Прочитав грамоту джунгарского Батура-хунтайджи Алексею Михайловичу с обращением «Белой царь, здорово ли живешь?», Г.Ф.Миллер заметил: «С древнейших времен у всех татарских, калмыцких и монгольских народов принято называть русских государей белыми царями; причина этого достоверно неизвестна» [Миллер, 2005, с. 23].

¹⁵ Прямые указания на это см. [Русско-монгольские, 1996, с. 74, 191]. Причина заключалась в отсутствии соответствующих переводчиков (см., например: [Миллер, 2005, с. 256]).

бенностями, что и их соплеменники в Центральной Азии (см., например: [Калмыцкие, 1969, с. 52 (анонимная хроника «Сокращенное изложение истории калмыцких ханов», XVIII в. (?); Материалы, 1936, с. 276 — послание калмыцкого хана Аюки 1710 г. Петру I; Очерки, 1967а, с. 415 — цитируется историческая песня о переселении калмыков в Джунгарию в 1771 г.))¹⁶.

От народов Восточной Сибири не осталось памятников дипломатической переписки, поэтому судить об их обозначениях русского царя приходится в основном по фольклору. Известно, что у якутов одним из таковых было *урунг ыраактаагы* («белый царь») [Исторические предания, 1960, с. 306 (примеч. Г.У.Эргиса); Ксенофонов, 1992, с. 200]¹⁷; в долганских преданиях русские названы *маган ыраактаагы дьонноро* («белого царя люди») [Фольклор, 2000, с. 338, 340 (текст), 339, 341 (пер.)]. Однако в данном случае рискованно приписывать «изобретение» титула местной безгосударственной традиционной политической культуре. Полагаю, что имело место заимствование из русского неофициального лексикона.

Мы убедились, что интересующее нас понятие *белый царь* практиковалось в письменной или устной речи многих народов, населявших южные и восточные территории Московского государства и Российской империи. При этом несомненно несходство их исторических судеб, культурное и языковое разнообразие «иноверческого» населения. Потому сомнительно, чтобы все они когда-то переняли друг у друга данное титульное выражение. Вероятно, может быть два объяснения такого широкого его распространения: или был общий для них всех источник термина; или понятие *белый царь* отражает некие общие характеристики, присущие культуре и традиционному сознанию всех этих народов.

¹⁶ Очевидно, от своих северных соседей (и впоследствии подданных), монголов, переняли аналогичное титулование царя также власти империи Цин. Оно практиковалось на протокольном дипломатическом уровне и, как и в других регионах, не комментировалось. В 1676 г. первый же вопрос, заданный московскому послу в Пекине от лица императора, звучал так: «Сын Неба — Великий хан спрашивает, великий государь, всея России самодержец, белый царь в добром ли здравии?» (цит. по [Ражев, 1999]); в придворной маньчжурской хронике о посольстве из России 1655 г. говорится: «Прежде, в 12-й год Шуньчжи, от русского белого царя приходил посланник с поздравлением...» (цит. по [Мелихов, 1974, с. 98]). См. также изложение цинским историком обстоятельств перехода калмыков в подданство и пребывания под властью российского *цаган хана* [Циши, 1820, с. 171, 175, 214].

¹⁷ *Ыраактаагы* — букв. «далекий; тот, кто живет вдали». Более распространенным наименованием было *кун ыраактаагы* («солнце-царь») [Исторические предания, 1960, с. 306 (примеч. Г.У.Эргиса)]. Ненецкому фольклору тоже знаком русский *белый царь* [Головнев, 2004, с. 66]. В преданиях чукчей русский государь — «солнечный владыка» [Богораз, 1902, с. 156, 157].

Почитание белого цвета в разных вариантах присутствует практически во всех культурах и представляет собой «семантическую универсалию» [Кононов, 1978, с. 59]. Нередко он интерпретируется как сумма или источник всех других цветов и оттенков. Сейчас нас интересует по-прежнему трактовка белизны у тюркских и монгольских народов. В целом она остается в рамках универсалии, но все же укажем на этнографические и культурологические наблюдения по этому поводу. Так, для казахов «белый» (*ак*) в переносном смысле означает целый спектр свойств — честный, прямой, правильный, прекрасный, роскошный, великолепный; чистый, святой, космический. В тюркской антропонимии *ак* может интерпретироваться как «счастливый», «долгожитель», «благословенный» [Бахтигалиева, 2000; Гафуров, 1987, с. 23]. Сходные взгляды на белизну наблюдались у других тюркских и монгольских народов (см., например: [Колесник, 2003, с. 198; Никитин, 1999, с. 253; Туяа, 1986, с. 202]).

Нетрудно заметить, что все перечисленные качества, связанные с белым цветом, имеют несомненно позитивный характер¹⁸. Добавим к этому такое понимание, как «вольный», «свободный». Именно этот смысл восточного происхождения порой кладут в основу объяснения *Белой Руси* как одного из наименований Московского государства и прилегающих русских земель в конце XV — XVI в. (см., например: [Соловьев, 1947, с. 33]). Подобное убеждение сформировалось в умах российских интеллектуалов, наверное, еще в XVIII в.¹⁹ и прочно укоренилось, приняв вид общепризнанной истины (отразившись в энциклопедических изданиях)²⁰.

Однако свобода и вольность — слишком абстрактные категории, чтобы посредством их обозначать одного из правителей. Излишне доказывать, что невыплата дани кому-либо (т.е. соответственно отсутствие вышестоящего государя) не являлась отличительной чертой именно русского царя.

¹⁸ 13 февраля 1893 г. активный участник политической жизни и придворных интриг, бурят по происхождению, П.А.Бадмаев составил для Александра III «Записку» о задачах русской политики на Востоке, где, в частности, именование восточными народами русского царя *белым* преподносится как знак несомненной симпатии их к России [Бадмаев, 2001, с. 65, 66].

¹⁹ «Восточные народы соединяют с именами цветов разные понятия: белый, например, значит между прочим никому не подвластного, свободного от должности и податей, также нечто радостное, счастье приносящее и протчее» [Фишер, 1774, с. 20].

²⁰ См., например: «Белый царь — название, даваемое восточными народами турецкого и монгольского происхождения русским царям... Название это дано русским царям как свободным, независимым, никому не платящим дани властелинам, согласно тому понятию, которое придавали слову „белый“ восточные народы» [Энциклопедический, 1891, с. 249 (автор статьи не указан)].

Еще одно распространенное значение *ак* ~ *цаган* — «западный». Именно таким образом подчас и объясняют как *Белую Русь*, так и *белого царя* — они, дескать, находились на западе от тюрков и монголов, в частности от Золотой Орды (к которой мы ниже еще вернемся) (см., например: [Кононов, 1978, с. 170, 171; Жуковская, 1988, с. 156])²¹. Очевидна сомнительность и натянутость версии о перенимании русскими татарского обозначения одной из сторон света для номинации собственного государя. Объяснение этой трансформации предложено М.Перри: изначально татарский термин пространственной ориентации «впоследствии был принят в фольклорном употреблении как общепринятый эпитет, чтобы отличить христианского русского царя от поганых (*paḡan*) татарских ханов... и мог, следовательно, вызывать благоприятные ассоциации, подобно эпитету *православный*» [Pettie, 1987, с. 64]²². Очевидно, что данная интерпретация не вносит ясности, поскольку не содержит указания на причины столь странного заимствования и изменения значения слова *белый*.

Белизна есть воплощение сакральности, и это тоже относится к ее общецивилизационным атрибутам. Для древних тюрков белый и голубой являлись цветами бога неба, Тэнгри; Юрюнг («белый») Уолан — верховное божество якутов; на белых конях носятся по миру добрые духи *сюрегенсем* («всюду ходящие»), подчиненные главному божееству чувашей; монгольский Белый Старец — мифологический хранитель благоденствия и долголетия всего живого — через свой эпитет связывался с культом солнца; «белые» шаманы (*бэжи*) у средневековых монголов носили белые одежды и ездили на белых же лошадях; в шаманском лексиконе южных алтайцев (телеутов) *ак* означало «священный», являясь при этом одним из основных эпитетов главного божества, Ульгена [Батырева, 2002, с. 175; Потапов, 1969, с. 176, 177; Скрынникова, 1997, с. 127, 128; Таймасов, 2001, с. 38; Ткачев, 1984, с. 107; Функ, 2005, ч. 1, гл. 3]²³.

²¹ Связь смысла «белый = западный» с *белым царем* не очевидна, но употребление белого цвета для обозначения народов, живущих на западе, действительно встречается. Так, в эпосе южносибирских тюрков *белый хан* означает живущего на западе [Титов, 1856, отд. 2, с. 22]. А в «Сказании о дэрбэн-ойратах», написанном калмыцким нойоном Батур-Убуши-Тюменем в 1819 г., о завоевании Чингис-ханом тюркских народов сказано: «Богдо-Чингис-хан пошел войною на белошапочников (*цаган малахайту*), привел их под свою власть...» [Калмыцкие, 1969, с. 19]. Неизвестно, чтобы западные соседи монголов в то время выделялись белыми головными уборами; здесь *цаган малахай* — атрибут именно западных соседей.

²² Добавим, что формула *белый = западный* имеет иллюстрацию также в китайской мифологии: один из пяти небесных правителей, Бай-ди, — правитель запада; его воплощение — Бай-ху (белый тигр) [Рифтин, 1988, с. 545].

²³ Укажем также на подобное явление в финно-угорском мире. Персонаж марийского языческого пантеона — Кугужан-юмо (*кугужа* — царь), или — с использовани-

В тюркской и монгольской семантике белизны присутствует также группа оттенков, связанная с благородством, главенством, а в социальном аспекте — со знатностью и соответственно властью (явлением, которое также было пронизано сакральностью). Такое значение отмечено уже в памятниках древнетюркской письменности (см. [Древнетюркский, 1969, с. 627²⁴]), оно распространилось, как и связанная с ним обрядовая символика, в средневековых и современных тюркских и монгольских языках и культурах (см., например: [Кононов, 1978, с. 170; Новосельцев, 1990, с. 125²⁵; Плетнева, 1967, с. 178; Скрынникова, 1997, с. 86, 198]²⁶, проникло к соседям — финно-уграм [Четкарев, 1951, с. 170, 171; Четкарев, 1955, с. 78, 79]²⁷. Кроме того, «белой костью» (знатью) у казахов считались потомки Чингис-хана (*торе*) и пророка Мухаммеда (*ходжи*) [Валиханов, 1986, с. 261]. Трактовать отношение к русскому правителю с точки зрения знатности и священности его персоны, очевидно, более продуктивно, чем через западную сторону горизонта. Т.Д.Скрынникова увидела в словосочетании *белый царь* (в устах монголов и бурят) именно выражение наивысшей сакральности [Варнавский и др.]. Причем в монгольском мире позднего средневековья подобное отношение получило своеобразную поддержку со стороны буддийского вероучения.

Известно, что в XVIII в. бурятские ламы объявили российских императриц, Елизавету Петровну и Екатерину II, реинкарнациями Белой Тары (монг. Цагаан Дара-эхэ), почитаемой едва ли не наравне с буддами и бодисатвами: первая — за официальное признание в империи буддизма (1741 г.), вторая — за определение юридического статуса этой конфессии (1763 г.)²⁸. Это логично объединило фигуру россий-

см русизма — Сар юмо (бог царя), он же Ош-юмо (белый бог). Это божество заботится о главе государства, внушает ему намерение снизить подати. В жертву ему приносятся соловая или белая лошадь [Кузнецов, 2003, с. 368].

²⁴ Правда, здесь «белый» не *ак*, а *uring* — ср. выше имя якутского божества Юрюнг Уолан и якутское обозначение русского царя *урунг ыраахтаагы*.

²⁵ А.П.Новосельцев связывает значение русского *белого царя* именно с заимствованным с Востока значением благородства, высшего качества.

²⁶ В башкирской мифологии «белая змея — падишах всех змей», в белых юртах жили башкирские старшины [Ахметшин, 1995, с. 21; Ахметшин, 2001, с. 83; Сидоров, 1979, с. 57]; в центре кыргызского аула размещалась белая юрта, защищенная другими юртами, которые ставились крутом [История, 1984, с. 606]. Белые ханы хакасских богатырских сказаний живут у Белой горы или на берегу Белого моря [Катанов, 1907, с. 213].

²⁷ Применение белого цвета для маркировки высокого социального статуса заметно и вне зоны влияния тюрко-монгольской политической культуры. В долганских преданиях «князца» узнают по белым одеждам и упряжке белых оленей [Таймырские, 1982, с. 80].

²⁸ См. интервью пандито хамбо-ламы Дамбы Аюшеева [Беляков]. Тары — популярные в буддийской мифологии женские персонажи, воплощающие сострадание [Мяль, 1988, с. 494].

ского монарха с давно утвердившимся клише *белый царь*. Впоследствии воплощение Тары стали видеть также в Петре I, который в 1703 г. милостиво принял депутацию от бурят. Историческая песня, посвященная тому посольству в Москву, характеризует его так:

Белый царь по имени...	(Сагаан хаан нэрэтэй...
Воплощение Белой Дара-эхэ,	Сагаан Дара эхэйн хубилгаан
Святой повелитель наш.	Манай эзэн богдо ло)
	[Тулохонов, 1973, с. 100].

С Россией связывались различные эсхатологические представления, распространявшиеся в среде местного населения. В конце XIX в. буряты помнили о пророчестве, якобы сделанном полтора столетия назад одним бурятским родоначальником перед казнью его цинскими властями: если его отрубленная голова отлетит в сторону России (что и произошло затем), то Монголия перейдет во владение *белого царя*; кроме того, среди монголов существовало поверье, будто при восьмом хутухте (духовном правителе страны), в седьмом столетии после смерти Чингис-хана, с севера явится белое знамя как символ российского могущества и одоления. В начале XX в. буддисты продолжали считать русского царя перерождением Белой Тары [Бадмаев, 2001, с. 65]²⁹.

При таком разнообразии версий и вариантов мы не можем определенно утверждать, будто концепция русского *белого царя* имела определенный и единственный источник. Ведь и в языческом мировоззрении народов Евразии образ белого правителя, очевидно, фигурировал задолго до начала российской экспансии. Фольклорные записи, сделанные на протяжении последних двухсот лет, безусловно, содержат наслоения, вызванные реальностью пребывания в Российском государстве. Однако встречающийся в них царь не всегда связывается с правлением русских.

Коми-зыряне заимствовали былину об Илье Муромце и изменили ее сюжет до неузнаваемости. На Белое царство, где «раньше жил белый царь» (*белой цар*), пришла беда — напал Неверный Идол: «белого царя в полон взяли» и заточили в тюрьму. Освобождает его богатырь Илья Муромец [Власов, 1999, с. 165]³⁰. По чувашским преданиям и языческим представлениям, на земле существует 77 народов и 77 вер, а из царей самый могучий, старый и уважаемый — белый царь (*шур патша*). Против него не смеют воевать, он над всеми творит суд [Сборник, 2000, с. 58]. Вспомним также разговор хакасского богатыря Ай-Мёкё с упоминанием белого царя как главного земного властелина.

²⁹ Эти сведения — из цитированного выше письма П.А.Бадмаева Александру III.

³⁰ О феномене заимствования сказителями русских фольклорных образов см. [Коровина, 2004].

Конечно, в приведенных фрагментах влияние исторических обстоятельств XVIII–XIX вв., когда земли названных народов уже прочно вошли в состав России, и фольклорный *белый царь* мог ассоциироваться с российским императором. Однако архаичная первооснова сказаний позволяет предположить, что изначально ассоциации могли быть и не столь однозначными, и *белый* владыка осознавался вне связи с русским правлением.

Если же все-таки поставить вопрос об общем источнике, то ответ следует искать, очевидно, в таких исторических обстоятельствах, когда исследуемая зона Евразии состояла в единой социально-политической структуре, что объективно создавало основу для формирования и использования некоторых общих фундаментальных понятий — в частности, обозначения верховного правителя. Собственно, таких ситуаций в прошлом евразийских народов было две — пребывание в составе Монгольской империи в XIII в. и в составе Российского государства. Следовательно, искомым общим источником теоретически должны были стать явления, происходившие из традиционной политической культуры: в первом случае — монголов (или шире: тюрко-монголов), во втором — русских. Обратимся к поискам монгольского «следа».

Во Введении уже говорилось, что, несмотря на полную неразработанность вопроса о происхождении словосочетания *белый царь*, в литературе сложилось мнение о его исключительно восточном источнике и ареале распространения (см., например: [Вернадский, 1997, с. 394; Хара-Даван, 1996, с. 251; Pritsak, 1967, с. 578]). В концентрированном виде данный подход изложил Ч.Гальперин (однако не соглашаясь с ним): решающим актом в обретении имперского статуса правителем Московского государства явилось завоевание Казани и Астрахани; «...с этого момента Иван Грозный называл себя „белым царем“, или каганом, Белым или Западным ханом, правителем северо-западной области Монгольской империи, Белой (Золотой) Орды» [Гальперин, 2003, с. 69]. Заметим (и Гальперин на это указывает³¹), что сам царь никогда не называл себя *белым*.

Многие исследователи уверены в монгольско-ордынском происхождении интересующего нас выражения. Однако мне не удалось найти

³¹ Здесь он ссылается на наблюдение Д.Островски [Ostrowski, 1998, с. 181, 182]. Действительно, бытование выражения *белый царь* в политической лексике тюрко-монгольских народов, как уже сказано, наглядно проступает в источниках. В 1555 г. в грамоте, составленной в Посольском приказе от лица митрополита Макария и направленной в Литву, говорилось, будто соседние «бусурманские цари» называют московского государя «русским белым царем» [Хорошкевич, 2003, с. 165, 166].

ни одного документа периода существования Монгольской империи и Золотой Орды, где какой-нибудь из русских князей титуловался бы подобным образом. Отдаленное, очень опосредованное подтверждение ордынского источника выражения *белый царь* можно вывести из указаний на такое наименование королей Ягеллонов польско-литовскими татарами. Однако и в данном случае я не смог найти аутентичных документов, поэтому ограничиваюсь ссылками на случайные упоминания в историографии (см., например: [Гришин, 1995, с. 17; Федоров-Давыдов, 1973, с. 142; Чацкий, 1824, с. 230]).

Золотоордынское происхождение пытались вывести из указанных выше значений: *белый* = *западный*, *белый* = *знатный* или *белый* = *вольный*, *великий* (см., например: [Кононов, 1978, с. 171; Пайпс, 1993, с. 106; Соловьев, 1947, с. 33]). Есть еще точка зрения, будто прообразом послужила «белая кость» — в Золотой Орде название знати, а также лиц духовного сословия, освобожденных от уплаты налогов [Энциклопедический, 1891, с. 246]. На самом деле тех, кто получал налоговый иммунитет, жаловали у монголов званием *тархан*. Сведений о том, что монголы и татары называли тарханов «белыми», мне не встречалось.

Н.И.Веселовский высказал предположение о восточном (татарском или монгольском) источнике белого облачения рынд, поскольку монголы одевались в белое на свой новогодний праздник Цагаан сар, а наши князья, дескать, могли это подметить и ввести в свой обиход [Веселовский, 1911, с. 18]. Несомненно, в данном случае имеет место безосновательный домысел. Невероятна связь титулования могущественного монарха на основании формы его охранников или даже цвета тронного кресла!

Столь же малоосновательны попытки вывести наименование русского *белого царя* от аналогичных наименований его ордынских «коллег». Такой всемирно признанный авторитет в востоковедении, как В.В.Бартольд, неоднократно утверждал, будто это явилось результатом перенесения на московского государя «татарской государственной идеи» [Бартольд, 1966, с. 430; Бартольд, 1977а, с. 364; Бартольд, 1977б, с. 536]. К сожалению, это свое утверждение академик никак не обосновал.

В начале главы представлены материалы, из которых явствует, что первые признаки появления в документах русского *белого царя* обнаруживаются гораздо позже распада Золотой и Большой Орд. Правда, иногда представляется, что существует некоторое ретроспективное основание связать его именно с татарами. Имеются в виду реплики казанских татар в адрес Ивана IV в русских исторических песнях:

Тебе не взять же, тебе не взять же, белый царь,
Наш Казанский ли славный городок..
А не быть нашей Казани за белым за царем!
[Исторические песни, 1960, с. 94–95].

Эти реплики показались М.Перри исторически верными, поскольку казанцы считали-де Ивана Васильевича западным, или, что то же самое, *белым* [Ретге, 1987, с. 188]. В действительности указанные эпизодические высказывания персонажей не могут служить аргументом в пользу татарского источника интересующего нас выражения. Во-первых, привлекаемые мною и М.Перри песни — это результат собственно русского народного творчества, в котором авторы и исполнители оперировали широким набором оригинальных, не заимствованных символов и эпитетов. Тот же *белый царь* в этих песнях неоднократно возникает как в речи русских участников описываемых событий, так и в повествовании от лица сказителя. Во-вторых, в других старинных песнях российского монарха титулуют *белым* не только татары, но и турки, и пруссаки (см., например: [Исторические песни, 1971, с. 180; Исторические песни, 1973, с. 175; Нижегородские, 2000, с. 150]).

Трудно сказать, на чем основывалась уверенность В.В.Бартольда (и многих других авторов) в монголо-ордынском происхождении титула. Насколько мне известно, материалы XIII–XIV вв. не дают оснований для такого вывода. Попытки связать символику белизны с личностью основателя Монгольской империи встречаются как в научной литературе³², так и в историко-политологической публицистике³³. Э.Хара-Даван попытался возвести зарождение данной символики ко временам основания Золотой Орды, когда Чингис-хан передал своему первенцу Джучи «все свои западные владения, символом которых, как описывает очевидец Плано Карпини при изображении монгольского хана, в первый день вывешивается белый флаг, почему это Джучиево царство Кипчак получило у монголов... название Белого царства, а его владыка — Белого Хана» [Хара-Даван, 1996, с. 251]. На самом же деле Карпини, рассказывая об обрядах, увиденных им в ставке верховного хана, пишет только о том, что в первый день его приезда монголы были одеты в белые одежды, которые затем сменили на красные [Путешествия, 1957, с. 74]. Ни о белых флагах, ни о «царстве Кипчак» итальянский путешественник не сообщает — это домысел Э.Хара-Давана.

³² См., например: [Базаров, Ням-Осор, 2004, с. 36]: «Девятибунчужное белое знамя служило символом (монгольского. — В.Т.) народа и лично Чингисхана... Белый цвет для монголов являлся благим цветом, а число девять — священным».

³³ См., например: [Дугин, 1996, с. 91]: «В глазах тюркских народов Сибири русские ясно осознали как „возобновители“ миссии самого Чингисхана, и фигура русского царя, „Белого царя“, совпадала с образом „Белого Монгола“, носителя „Белого Обета“».

Единственный известный мне случай подобного наименования монгольского правителя — эпизод из «Истории» Стефана Орбелиана (конец XIII в.), когда армянский аристократ Смбат решает преподнести драгоценный камень «великому хану, царю царей, властителю суши и моря, Мангу-хану, т.е. белому царю, внуку Чингиз-хана» [История, 1873, с. 36]. Публикатор хроники К.П.Патканов решил, что в данном случае произошло сопряжение имени кагана и монгольского слова *мунгу* («серебряный» resp. «белый») [История, 1873, с. 85]. Здесь очевидное недоразумение: имя Мункэ (монг.) ~ Менгу (тюрк.) означает «вечный», а привязка похожего слова со значением «серебряный» к белому цвету есть явная натяжка. Однако внятного объяснения, почему правитель империи назван белым, у меня все же нет — просто потому, что это упоминание уникально для монгольской титулатуры того времени.

Улус Джучи был поделен на два крыла между его старшими сыновьями, Орду и Бату. Остальные Джучиды со своими улусами оказались распределенными между этими крыльями — правым, западным (Ак, т.е. Белой, Ордой) и левым, восточным (Кок, т.е. Синей, Ордой). В каждой из них был свой хан. Границей между ними служила, по мнению одних историков, Волга, по мнению других — река Яик (Урал); третьи вообще причисляют к левому крылу лишь юго-восточную окраину улуса (личные, домениальные кочевья хана Орду в южном Казахстане). Белый и синий цвета — традиционные тюркские и монгольские символы соответственно правой (западной) и левой (восточной) стороны. В ряде восточных источников государи правого крыла Джучидов титулуются ханами Белой Орды, государи левого крыла — синеордынскими ханами. Вопрос о цветообозначениях в удельной системе Золотой Орды долгое время оставался неясным и был разрешен Г.А.Федоровым-Давыдовым, который, кстати, прямо высказался о связи между Белой Ордой и русским *белым царем* [Федоров-Давыдов, 1968; Федоров-Давыдов, 1973, с. 141–144] (см. также [Вернадский, 1997, с. 394; Pritsak, 1953, с. 249, 260–263; Pritsak, 1954, с. 382, 383; Pritsak, 1967, с. 578]).

Какими бы логичными ни казались умозрительные построения подобного рода, очевидно, что в русских источниках нет ни малейшего намека на соотнесение московского государя с Белой Ордой. Что касается восточных текстов, то мне известен единственный случай. Вышеупомянутый Кадыр Али-бек во вступительной части своего сочинения, посвященной восхвалению царя Бориса Годунова, дает ему, в частности, такую характеристику: «Когда ты выступаешь в поход, у тебя пестрый, как земные цветы, царский шатер, многочисленное, как небесные тучи, войско» [Сборник, 1854, с. 7 (араб. паг.): *атланып чыксанг йер чечеги дек ала баргах ак орданг кёкдеки булыт кибн кёп аске-*

«царский бар»³⁴. Выражение «царский шатер (ставка)» передано парным персидско-тюркским словосочетанием *баргах ак орда* — это излюбленный стилистический прием данного автора. И.Н.Березин перевел соответствующее место как «пестрый, как цветы земные, трон — Белая орда» [Березин, 1851, с. 544]. Однако персидское *баргах* обозначает дворец или шатер и полностью совпадает с одним из изначальных значений термина *орда-орду* — «ханская ставка» [Древнетюркский, 1969, с. 370; Наджип, 1979, с. 299]. Вспомнив же белые юрты родовых предводителей у башкир и кыргызов, мы можем трактовать *ак* именно как «царский». Таким образом, и у Кадыр Али-бека *белая орда* не имеет никакого отношения к державе Джучидов XIII–XV вв.

Похоже, мы начинаем заходить в тупик, натолкнувшись на полное молчание источников. Каких-нибудь ясных «подсказок» относительно происхождения наименования русского *белого царя* в тюрко-монгольской языковой среде обнаружить не удастся. Лишь единичные отрывочные упоминания, разбросанные по самым разным документам, позволяют наметить разрешение этой проблемы в будущем. Дело в том, что в некоторых тюркоязычных документах для обозначения московского правителя адресанты использовали исследуемое клишированное словосочетание в монгольском варианте, т.е. писали не *ак хан*, а *чаган хан*.

В 1703 г. бухарский хан Убейдулла обратился к Петру I как к «охотничьему государству, обладающему полнотой власти, воинственному и доблестному Чаган хану» (в оригинале — *чаган ханка*) [Материалы, 1932, с. 276, 449]. Это обозначение явно поставлено на том же месте, где в посланиях других среднеазиатских владык стоит тюркское *ак хан* (см. выше). Вероятно, сотрудники внешнеполитического ведомства не поняли монгольского слова и оставили его без перевода.

Письменная традиция, бытовавшая у тюркских народов Урала и Поволжья, приписывала собирательно-нарицательному персонажу *чаган хану* царствование в Москве. Так, анонимное татарское сочинение конца XVII в. «Дафтар-и Чингиз-наме» (Книга о Чингисхане, конец XVII в.) содержит «Главу повести о местопребываниях и владениях», где в кратком перечне владений и их правителей упоминаются реальные и легендарные, конкретные и собирательные персонажи. В частности, там есть фраза: «Москва была юртом Чаган-хана» [Ivanics, Usmanov, 2002, с. 90: *Маскав Чаган ханнынг йуртыдур*]. В «башкирской родословной хронике» (шеджере), переведенной и опубликованной Д.Н.Соколовым в конце XIX в., говорится то же самое: «У бухаров был тогда Буляр... в Москве — Саган» [Соколов, 1898, с. 48]³⁵.

³⁴ Благодарю Р.Алимова за помощь в переводе этого фрагмента.

³⁵ Здесь «Буляр» — это искаженное «Булгар», а «Булгар», упоминаемый в аналогичном контексте в «Дафтар-и Чингиз-наме» [Ivanics, Usmanov, 2002, с. 89: *Бухара*

Сопряженность *чаган хана* с Москвой, несомненно, позволяет отождествить его с русским *белым царем*, причем в двух случаях используется старинная (для XVII–XIX вв.), книжная, литературная форма слова «белый»: *чаган*, тогда как в позднейшем (и современном) монгольском языке утвердилось произношение *цагаан*. Буряты говорят *сагаан*, но едва ли эта языковая норма отразилась в публикации Д.Н.Соколова — в имени хана Саган; скорее здесь искажение первоначального *Чаган*. Сам Д.Н.Соколов рассуждал так: хан Саган сопоставим с *цаган ханом* («белым царем»), монгольским прозвищем русского государя. В башкирском тексте должен был бы стоять *ак хан*, но в конце XIV в. (когда, по мнению Д.Н.Соколова, происходили описываемые в «летописи» события) «монголы еще господствовали в Кипчакской орде. Если признать такое объяснение, то надо заключить, что „Белый царь“ в русских песнях и народной речи есть название, заимствованное русскими у восточных народов, а не наоборот, так как в XIV веке московские государи еще не назывались царями» [Соколов, 1898, с. 62–63]. Но нагромождение анахронизмов и вымышленных деталей не позволяет с доверием отнестись к информации цитируемого шеджере. Сходный текст «Дафтар-и Чингиз-наме» показывает, какая разновременная смесь событий и героев представлялась неизвестному автору этого сочинения. Поэтому нет оснований опираться на них при датировке упоминаемых там реалий.

Использование монгольского выражения, пожалуй, действительно может привести к предположению о рудиментах монгольского источника данного титульного обозначения. При этом — источника для тюркской политической лексики (в некоторых регионах), но никак не для русской. Выше указывалось, что наименование *белый царь* в русской традиционной политической культуре существовал независимо от восточных образов и представлений. И сейчас мы обратимся именно к русским материалам.

В русских текстах понятие *белый царь*, вероятно, впервые появилось из-под пера Симеона Суздальского в первой редакции его «Повести о осьмом соборе» (начало 1440-х годов), где рассказывается о заключении унии между православными и католиками на съезде первосвященников во Флоренции и Ферраре в 1439 г. У Симеона говорится: «В лето 6949-е пришедшу митрополиту Исидору из Фрязской земли из собора от папы римскаго Евгения на Москву к благоверному

Булгар ханнын җуртыдур — «Бухара была юртом Булгар-хана», — это, в свою очередь, искаженное имя узбекского хана XV в. Абу-л-Хайра (в данном случае нас не интересуют явные исторические и хронологические несообразности в источниках).

и христоролюбивому и благочестивому, истинно православному великому князю Василию Васильевичу, белому царю всея Руси, с великою гордостью и неправдою и буйством латынским...» [Павлов, 1878, с. 207]³⁶. В литературе обращалось внимание на это выражение. Авторы указывали, что в данном случае имеет место первое прижизненное титулование русского монарха царем и оно не случайно связано с конфликтом именно между великим князем и митрополитом [Горский, 2000, с. 150; Горский, 2001, с. 143; Сеницына, 2003, с. 62]; что здесь возможна связь с *Белой Русью* как одним из обозначений Русского государства [Флоря, 1993, с. 64]; что у Симеона заложена идея о переходе вселенского православного царства из изменницы-Византии на Русь [Карташев, 1928, с. 147].

Впоследствии, в «Похвальном слове» 1505 г., обращенном к Василию III, выдающийся мыслитель Иосиф Волоцкий именовал великого князя «русским белым царем, самодержцем всея Руси» [Боханов, 2005, с. 127].

В середине XVI в. братья сербского Хиландрского монастыря на Афоне обращались к Ивану IV как к «белому царю восточных и северных стран», «единому правому государю белому царю восточным и северным странам» (цит. по [Самойлова, 1999, с. 155; Хорошкевич, 2003, с. 94]).

Но в целом употребление интересующего нас словосочетания не характерно для официальных документов и переписки. Гораздо больший материал для наблюдений и размышлений дает фольклор. Ниже мы еще будем обращаться к лаконичным свидетельствам письменных текстов, а пока посмотрим, что предлагают на этот счет устные памятники.

Прежде всего, обратим внимание на те из них, в которых *белый царь* оказывается историческим лицом, одним из реально живших правителей России. Пожалуй, чаще прочих так называются Иван IV и Петр I³⁷; первый остался в народной памяти главным образом как покоритель Казани и гроза для бояр, второй — как реформатор и победитель шведов, суровый по отношению к народу, солдатам и боярам. Эпизодически *белыми царями* именуются и другие монархи: Василий Шуйский,

³⁶ В позднейших, в том числе летописных редакциях выделенная фраза отсутствует, хотя упоминается «вышшее христьянство Белая Русь» (см. ниже).

³⁷ На это в свое время уже обратили внимание П.И.Калещкий и Г.В.Лобачева [Калещкий, 1958, с. 34 (данная статья представляет собой часть диссертации, защищенной в 1940 г. Автор погиб в 1942 г. в Ленинграде во время блокады); Лобачева, 1998, с. 71]. Специальное исследование образа Ивана Грозного в русском фольклоре см. [Perric, 1987] (выше приводились суждения этого автора о понятии *белый царь*). Фольклорные тексты об Иване IV как *белом царе* см. [Исторические песни, 1960, с. 94–99, 464, 478, 482, 483, 491; Исторические песни, 1966, с. 98, 126; Песни, 1935, с. 66; Путилов, 1948, с. 19]. О Петре I см. [Исторические песни, 1971, с. 38, 53, 70, 72, 73, 103, 115, 127, 135, 150, 175, 180; Нижегородские, 2000, с. 138; Путилов, 1948, с. 57, 60].

Екатерина II, Павел I, Александр I, Николай I, Александр II [Исторические песни, 1966, с. 93; Исторические песни, 1971, с. 183, 191, 194³⁸; Исторические песни, 1973, с. 45, 77, 123, 134, 175; Лобачева, 1999, с. 75]. Кроме того, в фольклоре часто действует *белый царь* без имени, хотя по контексту иногда можно догадаться, о каком реальном лице идет речь. Порой это обобщенный образ верховного правителя, власти в целом: «Здравствуй, белый царь, в кременной Москве, а мы, казаки, — на Тихом Дону» [Шолохов, 1963, с. 13]; «Нет у белого царя вора супротив курянина» [Даль, 1957, с. 340];

Все ли, все ли вам, кудерушки,
По девушкам ходить,
Не пора ли вам завнться,
Царю белому служить
(цит. по [Лобачева, 1999, с. 88]).

С прототипами царя порой сближает противопоставление иноземным государям (не обязательно сопровождающееся военным столкновением): прусскому королю, просто королю, шведским князю, королю или королевне, турецкому султану, крымскому хану, воистину сказочному «хану турецкому, шишиморе деревенскому» (см., например: [Исторические песни, 1960, с. 446; Исторические песни, 1966, с. 46; Исторические песни, 1971, с. 70, 72, 73, 191, 194; Маслов, 1906, с. 464 — «Не служи-ка королю, ты не езд-ка в орду, Не служи-ка королю, служи белому царю»; Нижегородские, 2000, с. 101, 149, 150]³⁹). Наконец, он может фигурировать как предельно абстрактный персонаж, стоящий в одном ряду с языческими стихиями и символами:

А я, добрый маладец, заручон лижу.
Абручил-та миня да и белый царь.
Благаславила миня мать сыра зимля.
Павинчала миня шашка быстрая.
Абручона жина — грабавая даска
[Песни].

³⁸ Интересно, что здесь императрица названа *белым царем*, а не царицей («Напишу я письмо-грамоту Своему царю белому — Катерине Алексиевне...»), что свидетельствует об устойчивости и неизменности данного образа. Причем в период описываемых в цитируемой песне событий Семилетней войны на престоле сидела не Екатерина, а Елизавета Петровна. Историческая песня о Семилетней войне, записанная в Нижегородском крас, тоже упоминает *белого царя* в качестве русского правителя (Нижегородские, 2000, с. 149, 150), «не замечая» пола императрицы.

³⁹ Некоторые авторы интерпретируют разбираемый нами персонаж с позиций противопоставления истинно русского *белого царя* как носителя архаических, «допетровских» смыслов чуждому, привнесенному на Русь из Европы *императору* (см. [Крылов, 2001, с. 75]). Однако из текстов заметно, что российские императоры оказывались не менее привлекательными в народном восприятии, чем цари доимперской эпохи.

Заметим, что если в исторических песнях этому персонажу (в целом положительному) иногда присущи также жестокость и беспощадность⁴⁰, то в других устных жанрах он является воплощением исключительно самых светлых, идеальных черт. Исследователи фольклора и традиционной политической культуры не раз обращали внимание на обилие положительных эпитетов, сопровождающих царя в народном творчестве. Царь — батюшка, благоверный, благодатный, благородный, благочестивый, великий, ласковый, милосердный, милостивый, многолетний, надежда, праведный, прозритель, славный... (см., например: [Волков, 1974, с. 515; Даль, 1991, с. 570; Калецкий, 1958, с. 34; Лукин, 2000, с. 58–60; Побережников, 1994, с. 21; Серафим (Соболев), 1992, с. 55]).

Устойчивый эпитет *белый* неоднократно обыгрывается сказителями. То и дело нашего героя сопровождают всякого рода детали и явления, окрашенные в этот цвет. Так,

Во гробнице лежит тело белое
Царя белого Петра Первого
[Исторические, 1971, с. 150].

У государыни Екатерины, узнавшей о шведском ультиматуме, «ее царски белы руки опустились»:

...Белотельные жо белы ноженьки задрожали под ёй,
Белотельные жо ее белы рученьки опустились вниз по ёй.

А злодей-король требует от нее:

Ты построй мне полатушки
Белокаменные,
Ты поставь-ко мне столики
Белодубовые
[Исторические, 1971, с. 232, 234, 235].

Шведская королева поздравляет *белого царя* со взятыми у нее городами. Экспозиция этой сцены соответствующая:

Не белы снежки в поле забелелися,
А это забелелся славный град Колываньца...
[Исторические, 1971, с. 70].

В украинской народной песне об измене гетмана И.Мазепы при обращении к русскому царю упоминается его герб — «белый орел прекрасный», «двоглавный белый орел славный» [Бантыш-Каменский,

⁴⁰ Единичны сюжеты с *белым царем* как отрицательным героем. Один из таких — сказка «Еруслан Лазаревич», где богатырь Еруслан воюет с *белым царем* как с «врагом-недругом» Русской земли [Русские, 1969, с. 58–60].

1859, с. 239]. Г.В.Лобачева цитирует былинку «Птицы», где монархия изображается сатирически: «царик» в виде белого колпика (т.е. цапли — вместо ожидаемого орла или сокола), царица — белой колпицы, бояре — гусей, боярские холопы — воробьев [Лобачева, 1999, с. 67]. Нам важно здесь отметить, что, несмотря на саркастический оттенок отдельного произведения, царь с царицей остаются белыми.

Таким образом, белый — это «царский» цвет, и можно, очевидно, предположить какую-то связь между цветом и образом. Для того чтобы выявить эту связь, обратимся вновь к белому цвету как культурному феномену.

Выше отмечалось, что в разных культурах понятие *белый* кроме непосредственного цветообозначения имеет еще и многообразные дополнительные значения. Оно обычно ассоциируется с совершенством, светом, чистотой, невинностью, непорочностью, святостью (последние три аспекта, возможно, присутствуют в трактовке белого как цвета траура). Часто белые одеяния выступают атрибутами священнослужителей и вообще сакральных обрядов, связанных с прекращением прежней жизни и началом новой⁴¹. Сходная гамма значений бытовала и в средневековой Руси. Как формулировалось в анонимном сочинении середины XVII в. о символике знамен «Писание о зачинании знам и знамен, или прапоров»: «Бело, значит — незлобие, бесхитрость, совестная чистота, правда, неистленное совершенное, беспорочна» [Успенский, 1904, с. 19].

Непосредственно к указанным значениям примыкает и трактовка сакрального феномена власти — как духовной, так и светской, монархической как олицетворения исконной легитимности. По наблюдениям В.И.Даля, русские называли белыми «веру свою, царя и отечество» [Даль, 1989, с. 153]; словосочетание «белая гвардия» также происходит от интерпретации «белизны» монархизма в противовес «красной» революционности [Гражданская, 1983, с. 59]⁴². Существует версия, возводящая царский эпитет *белый* к санскритским праформам *bala* (власть) > *balaksa* (белый) [Белый царь, 2001, с. 531 (коммент. А.Л.Доброхотова)].

Наконец, есть попытки осмысления белого цвета в мистических, расистских и прочих псевдонаучных ракурсах, которые мы оставляем

⁴¹ Сводку значений и примеров см., например: [Peter Griff's; Носенко].

⁴² Русский мыслитель И.М.Солоневич, оказавшись в послереволюционной эмиграции, в 1941 г. опубликовал свою книгу «Белая империя» с размышлениями об историческом пути России; однако он никак не пояснил названия своей работы и в тексте к нему не возвращался [Солоневич, 1997]. Впрочем, книга не была завершена.

без внимания. Перед нами стоит основной вопрос: откуда мог появиться в русской культуре *белый царь*?

Наверное, самая очевидная и «лежащая на поверхности» версия — историческая, выводящая генезис этого понятия из белых одеяний и прочих культурных атрибутов. Имперский (австрийский) посол С.Герберштейн, в 1520-х годах посетивший Московию, первым сформулировал мысль о том, что русские правители «именуются белыми по причине белого головного убора» [Герберштейн, 1988, с. 75]. У позднейших европейских визитеров, наблюдавших белый русский грон и облаченных в белое стражников-рынд по обе стороны от него, тоже возникала мысль увязать эту белизну с обозначением царя (см. [Хорошкевич, 1997, с. 157])⁴³. Как указывалось выше, такую же точку зрения высказал Н.И.Веселовский.

Более основательна и гораздо более распространена трактовка слова *белый* в сочетании с высшим титулом как «вольный», «свободный», «независимый» и т.п. В самом деле, бесспорно употребление его русскими в XVI–XVII вв. именно в перечисленных значениях — например, для территорий, население которых было освобождено от уплаты государственных налогов (*белые, обеленные земли*) (см., например: [Бакулин, 1970, с. 163]). Кроме того, простонародье под названием *черных людей* противопоставлялось аристократии, князьям [Соловьев, 1988, с. 475], которые, следовательно, по закону бинарной оппозиции интерпретировались как *белые* — и это также можно связать с правом не платить подати. Легендарная страна Беловодье из русских крестьянских утопий означала, кроме прочего, «ником не заселенную, вольную землю» (см., например: [Даль, 1989, с. 156]), причем *белый* здесь не цвет, а синоним чистоты, свободы, вольности [Чистов, 1967, с. 29]⁴⁴. Стало быть, *белый царь* — это государь, никому не платящий, не являющийся ничьим данником? При некоторой странности подобного объяснения оно теоретически имеет серьезное историческое обоснование.

В конце XV в. Русь перестала быть ордынской данницей, и прекращение выплаты «выхода» означало обретение подлинной независимости, отсутствие вышестоящих правителей над московским монархом. Именно в этом смысле иногда понимают выражение *белый царь*

⁴³ Этимологическим курьезом выглядит попытка средневекового английского дипломата Дж.Флетчера возвести русского *белого царя* к имени нескольких венгерских королей — Бела [Флетчер, 1991, с. 38, 39, 53].

⁴⁴ Академик А.А.Потебня полагал, что *белый царь* синонимичен *вольному царю* [Державин, 1944, с. 120].

(см., например: [Чистов, 1967, с. 249; Классен, 1999, с. 167; Православие])⁴⁵, причем известно, что по неоднократным распоряжениям (ярлыкам) татарских властей земли и имущество Русской Православной Церкви освобождались от дани. Скорее всего именно здесь коренилось дожившее до XIX в. наименование церковных владений белыми (*белая земля, белое место*) [Даль, 1989, с. 153].

Эпитет *вольный* присутствует в дипломатической переписке между христианскими правителями Восточной Европы и татарскими династиями в XV–XVI вв. *Вольный царь* (позднее — *вольный человек*) служил неким подобием неофициального титула, сходного в этом отношении с выражением *белый царь*. Так обращались к ханам Большой Орды польско-литовские монархи, так называл себя сибирский хан (см. [Сафаргалиев, 1996, с. 515; Собрание, 1819, с. 130]). Наиболее часто и наглядно применение данных выражений прослеживается по русско-крымской и польско-крымской переписке; для периода последней четверти XV — первой четверти XVI в. они проанализированы А.Л.Хорошкевич [Хорошкевич, 2001, с. 117–121, 197, 198] (см. также [Борисов, 2003, с. 417]). Исследователь предполагает, что они употреблялись в значении «лица, облеченного властью жаловать своих подданных» [Хорошкевич, 2001, с. 117]. Буквальное подтверждение такой интерпретации мы находим в обращении московского боярина И.Д.Всеволожского к золотоордынскому хану Улуг-Мухаммеду в 1432 г.: «...князь Юрий Дмитриевич хочет взяти великое княжение по мертвой грамоте отца своего, а не по твоему жалованью волняго царя, а ты волен во своем оулусе кого восхочеш жаловати по твоей воле. А государь наш князь великий Василий Дмитриевич великое княжение дал своему сыну великому князю Василию, а по твоему же жалованию волняго царя...» (цит. по [Горский, 2000, с. 137]).

Следовательно, *вольный* здесь имеет смысловой оттенок не «свободный = независимый» (к которому мы подошли, рассматривая се-

⁴⁵ Существует еще проблема средневекового понятия *Белая Русь* (сводки употреблений см. [Мыльников; Храпачевский]). В целом пока по разным источникам и исследованиям выстраивается следующая схема: Белая Русь — это владения, подвластные русским правителям (сначала великим князьям киевским, позднее литовским великим князьям, а также московским великим князьям и царям). Если следовать дефиниции, предложенной Б.Н.Флорей, это — обозначение всей восточнославянской территории [Флоря, 1993, с. 64]. А раз так, то следует искать славянские корни интересующего нас словосочетания *белый царь*, тем более что оно, оказывается, имело хождение не только у восточных народов (как принято считать). В XIX в. зафиксировано его бытование еще и в южнославянских странах (см. [Кралюк, 2003; Шушарин, 1999]). Данная тема выходит за рамки нашей книги. Последнее по времени монографическое исследование проблемы «Белой Руси» см. [Белы, 2000].

мантику понятия *белый*), а «свободный = полновластный»⁴⁶. Это обращение к хану практически исчезло из московского политического лексикона после 1487 г., когда Иван III достиг огромных успехов внутри и вне страны: присоединил Тверь, навязал протекторат Казани, принял титул государя всея Руси [Горский, 2000, с. 119]. Правда, позднее оно возродилось в общении с Крымом, но в конце XVI в. вновь было отвергнуто — на сей раз из-за ужесточения османского контроля над Крымским юртом (в такой ситуации *вольным человеком* становился султан, но никак не хан Гирей)⁴⁷. Изредка крымцы называли *вольным человеком* главу Польско-Литовского государства; к русским же, за единственным исключением в 1516 г., они так никогда не обращались [Хорошкевич, 2001, с. 120]⁴⁸.

Я разделяю трактовку А.Л.Хорошкевич. Значение царской вольности как власти жаловать (добавлю: и карать) подданных выводится не только из посольских документов, но и из других источников. «Доселе русские владатели не истязуемы были ни от кого, но **волны были подвластных своих жаловати и казнити**, а не судилися с ними ни перед кем...» — писал Иван Грозный Андрею Курбскому [Памятники, 1986, с. 58]. Взгляд на вольность как на всевластие монарха по отношению к подданным сохранялся и в следующем столетии. Именно таким образом в 1657 г. перевели слова монгольского правителя Лубсана русские участники переговоров с ним. В ответ на их упреки в обложении южносибирских племен непосильной данью Лубсан заявил: «А то де, что собираешь подати большие и запросы и ясак, и то... мне вольно у своих кыштымов (данников. — *В.Т.*) хотя все взять, хотя их пощадить» [Русско-монгольские отношения, 1996, с. 27]. Использование здесь наречия *вольно* в русском переводе с монгольского отразило характерное для XVII в. явление, досконально исследованное П.В.Лукиным, — представление жителей Московского государства о том, что «во всех людях „волен“ государь, и они являются его собственностью», что «именно это оказывается основой для поддержания закон-

⁴⁶ Именно так интерпретирует Д.М.Исхаков выражение *вольный царь* в отношении казанского хана Махмудека, употребленное в послании московского митрополита Иова 1455 г. [Исхаков, 2004, с. 11].

⁴⁷ Консультация А.В.Виноградова. Регулярный привоз московскими посольствами в Бахчисарай поминков — рудимента старой ордынской дани — долго ставил русскую сторону в глазах татар (как, кстати, и поляков) в положение данников. Только в 1640-х годах они согласились титуловать царя *самодержцем*, признав тем самым его полный суверенитет [Санин, 1987, с. 234].

⁴⁸ Чего, кстати, нельзя сказать о ногаях. Возглавляемые беками, а не ханами, они менее стеснялись себя в эпитетах и адресовались к Ивану IV: «вольного человека белого Ивана величеству», «вольному человеку Ивану белому князю» [Посольские, 1995, с. 192, 203].

ности и порядка. Раз „сильных у государя нет“, то все в равной степени подлежат его суду» [Лукин, 2000, с. 20].

И неслучайно понятие *вольный* неоднократно сочетается с понятиями *самодержавие*, *самодержец*: «сей волный самодержец и царь Великия Росия Василие Иванович» (Послание Спиридона-Саввы, начало XVI в.); «приими от нас... сия честныя дарове... на славу и честь и на венчание твоего волнаго и самодержавнаго царствия» (Сказание о князьях владимирских, середина XVI в.); «царьский жребий на славу и честь и на венчание твоего волнаго и самодержавнаго царствия» (вступление к чину венчания на царство Федора Ивановича, 1584 г.) (цит. по [Дмитрисева, 1955, с. 165, 177, 194]). О том, что этот эпитет связывался с царской властью, свидетельствует его использование Емельяном Пугачевым в своих указах: «Я... император Петр Федорович, во всем свете вольны...» [Документы, 1975, с. 26]⁴⁹. Можно встретить *вольного царя* и в русском фольклоре — как историческом, так и сказочном⁵⁰.

Таким образом, как и в случае с *белым царем*, несмотря на яркий «восточный» материал, мы не можем однозначно связывать признак *вольный* с татарскими или иными внешними заимствованиями. В собственно русской культуре для него также находилась почва, причем в вольности как свободе жалования и наказания царь иногда уподоблялся Богу⁵¹.

Восточноевропейские и балканские славяне видели в российском царе прежде всего единоверного владыку, заступника от иноземного ига или вражеских нашествий. По отношению к ним он выступал еще и как правитель территорий, расположенных на востоке. Поэтому в торжественных обращениях выражение *восточный царь* превращалось чуть ли не в титульную формулу.

В цитированной выше «Повести о осьмом соборе» о Василии II говорится как о государе восточных земель, которые «суть Рустии»

⁴⁹ Исследователь социальной психологии О.Г.Усенко отмечает, что в представлениях пугачевцев вольность, к которой они стремились, означала «некую систему из прав, привилегий и высочайших пожалований. Один лишь монарх был способен „учинить по всей России вольность“» [Усенко, 1995, с. 41].

⁵⁰ См., например: [Древние, 1977, с. 27–30; Исторические, 1960, с. 126, 127: «...при бывшем вольном царе, при Иване Васильевиче»; «А свет ты, вольный царь, Иван Васильевич!» и т.п.; Щербинин, 1997, с. 165: «Живал-бывал царь, вольный человек, жил на ровном месте, как на скатерти»]. Да и в сказке А.С.Пушкина, наконец: «Не хочу быть столбовою дворянкой, хочу быть вольною царицей!».

⁵¹ Например: «И в том волен бог да царское величество, как их (освобожденных из татарского полона. — В.Т.) пожалует» [Воссоединение, 1953, т. I, с. 5].

[ПСРЛ, т. 6, вып. 2, с. 75; т. 20, 1-я половина, с. 242; т. 25, с. 254]. «Белым царем восточных и северных стран», как уже упоминалось, был для хиландрской братии Иван IV в середине XVI в. «Правдивым певчим царем восточным» виделся составителям Баркулабовской летописи воцарившийся на Москве Лжедмитрий I [Успенский, 1996г, с. 145]. Данный эпитет неоднократно присутствует в обращениях и заочном титуловании Михаила Федоровича и Алексея Михайловича украинскими духовными иерархами и гетманом Богданом Хмельницким (см., например: [Воссоединение, 1953, т. I, с. 48; т. II, с. 269, 271; т. III, с. 455, 460, 461]); при этом каждый раз подчеркивается православие московского государя. П.В.Лукин приводит материалы следственного дела 1624 г., согласно которым выходец из «Литвы» ссылался на слова киевского митрополита о будущем рождении в семье русского царя грядущего царя восточного, «и все де земли будут под ним» [Лукин, 2000, с. 115]. П.В.Лукин склонен считать, что эта легенда возникла в народной среде, несмотря на приписывание пророчества митрополиту. Нам в данном случае интересны подтверждение бытования образа *восточного царя* в эсхатологическом фольклоре Украины («Литвы») и трактовка этого персонажа как наделенного исключительным могуществом.

«Восточные и северные страны» упоминаются в титулах московских государей в переписке их с турецкими султанами. А.Л.Хорошкевич видит в этом следование русскими византийской традиции, которая трансформировалась в славянских странах — конкретно в Сербии — и была взята на вооружение османами (точнее, славянскими писцами османских канцелярий) [Хорошкевич, 2004, с. 197, 108].

Применение различных эпитетов и титульных выражений по отношению к царю в славянской среде имело различные оттенки. Однако главным и доминирующим смыслом было подчеркивание его православной сущности. Фигура правителя Руси обрела устойчивый сакральный облик как в церковной традиции, так и в народном сознании. Он являлся одним из основополагающих символов и архетипов идеального образа православного царства как своего рода земной проекции Царства Небесного. В традиционной политической культуре сформировался образ идеального государя, святого и кроткого, владычащего силою не меча, но любви [Булгаков, 1991, с. 339, 340]. В этом образе наряду с представлениями об идеале сфокусировались взгляды на сопряженность светской власти с властью Царя Небесного. Актом помазания царь превращался в своего рода передатчика благодати в мир. Здесь можно было бы увидеть сходство с трактовкой власти у языческих властителей. Но, в отличие от них, православный помазанник после воцарения превращается не в гаранта и показателя

милости божественных сил к его государству и подданным, а в средоточие правды, справедливости и прочих идеальных свойств, ожидаемых от Царства Божия.

При этом исследователи справедливо отмечают, что сакрализация монарха вовсе не означала его персонального обожествления (см. [Боханов, 2002, с. 134; Лукин, 2000, с. 253]; ср., однако: [Побережников, 1994, с. 21, 22]). Священной представлялась дарованная Богом власть, но не ее конкретный носитель (лишь в этом смысле можно рассуждать о теократической тенденции в православной концепции государственности, *Белого царства*: С.Н.Булгаков — см. [Белый царь, 2001, с. 346, 348]). Гораздо более сильная византийская теократическая идея не получила развития, углубления на русской почве. В отличие от василевсов, московские цари не назывались ни святыми, ни вселенскими [Савва, 1901, с. 69–72]. Хотя функция преемственности Москвы от Царьграда на поприще главенства над православным христианским миром естественно воспринималась уже во время фатального ослабления Ромейской империи — и тем более после ее падения.

В этом смысле царь московский заменил василевса, о чем, собственно, и свидетельствует сам царский титул (уже Иван III неофициально титуловался православным царем) [Успенский, 1996а, с. 111]. В XVI в. считалось, что к русскому царю перешли prerogatives царя «греческого» по распространению православия в мире и борьбе с магометанами [Флоря, 2003, с. 92, 93]; в следующем столетии оформилась идея о воплощенных в государе неразделимости и взаимной необходимости Царства и Церкви (см. об этом [Богданов, 1999, с. 99]). Она также была унаследована от Византии, но имела на Руси гораздо менее клерикальный характер.

Русские монархи и сами, и усилиями московских первосвященников стремились придать своей державе облик единственного оплота православия. Зазвучали гордые заявления о том, будто существует «един православный великий русский царь в всей поднебесной якоже Ной в ковчезе спасенный от потопа» («Послание о крестном знамении», приписываемое старцу Елсазарова монастыря Филофею, XVI в. — цит. по [Успенский, 1996в, с. 213]). Служить образцом веры и благочестия было в глазах народа едва ли не важнее, чем успешно исполнять непосредственные обязанности правителя. П.В.Лукин аргументированно заключает, что главным признаком царя в народном сознании являлась праведность (благоверность, благочестивость). В данном случае религиозная составляющая выдвигалась на первый план, и царь постоянно соотносился с Богом. Эти качества понимались в том числе как воля и способность осуществлять патерналистскую заботу о подданных, «стоять» за них, «не покидать» их, вершить справедливый суд

и т.д. [Лукин, 2000, с. 53, 54, 58–60, 102] (см. об этом также [Белый царь, 2001, с. 526, 527 (коммент. А.Л.Доброхотова); Калецкий, 1958, с. 34; Киселева])⁵².

Так мы выходим на проблему образа идеального государя в традиционной политической культуре. Как правило, для анализа подобных явлений привлекаются фольклорные произведения. Именно на материалах устного творчества можно получить наиболее наглядное представление о том, каким виделся народу эталон верховного правителя — *белый царь*. Эта тема ввиду своей «классовой» специфики в советский период не изучалась, но некоторые подходы к ней все же были тогда сделаны и в наше время продолжены (см., например: [Калецкий, 1958, с. 34, 35; Домников, 2002, с. 225–229]).

В исторических песнях XVI–XIX вв. устойчивое речевое клише *белый царь* очень часто синонимично выражению *православный царь*. Иногда они соседствуют и сочетаются:

Ты восстань-ко, сядь, да православной царь,
Православной царь, да царь ты белой наш.
Царь ты белой наш Иван Васильёвиц!
[Исторические песни, 1960, с. 478]

На устье то было Дону тихого...
Пришлось-то пройти-проехать самому царю,
Царю белому православному
[Исторические песни, 1960, с. 491].

Царь наш белый православный
Он недолго собирался.
Отправлялся в Сенат
[Исторические песни, 1973, с. 134].

То же в популярных куплетах М.Лобанова (1814 г.), превратившихся в народные песни:

⁵² В русских сочинениях XIV–XV вв. главным эпитетом восточноримских кесарей Константина Великого, Юстиниана, Мануила Комнина и др. был *православный* [Борисов, 1999, с. 343, 344]. Но это не равнозначно *праведному* и *благочестивому*. Следование *правой вере* свидетельствовало о личной благочестивости, но не обязательно означало справедливое правление.

Значительная разница в представлениях европеизированной дворянской элиты России конца XVIII в. об «эталоне» монарха выявляется из контент-анализа эпистолярных источников, произведенного Е.Н.Марасиновой. Император мыслился «великим, мудрым, умным, сведущим, добрым, щедрым, милостивым, правдолюбивым, благородным, чувствительным, с возвышенной душой» [Марасинова, 1999, с. 157]. Как видим, праведность и благочестие в качестве определяющих признаков здесь уже не предусмотрены.

Ездил Русский Белый Царь,
Православный Государь
Из своей земли далеко
Злобу поражать
(цит. по [Васильев, 2000]).

Иногда эти словосочетания взаимозаменяются:

Подходил он к белу царю близехонько,
Кланялся белу царю низехонько,
Речь возговорил добрый молодец белу царю:
«Гой ты гой еси батюшка православный царь!..»
[Исторические песни, 1966, с. 38].

«...Потяжелела служба царская,
Что не стало в нас царя белого,
Царя белого, Петра Первого!..
Ты восстань-проснись, ты наш батюшка,
Ты наш батюшка православный царь»
[Исторические песни, 1971, с. 150].

Отвечал ей православный царь Александр Павлович:
«Спокидаю де я свое белое царство,
В-первых, на царя Константина Павловича,
А во-вторых, на царя Николая Павловича»
[Исторические песни, 1973, с. 123]⁵³.

Иногда сопряженность их выводится из контекста:

(Казак думают, как схватить Разина, чтобы выдать его царю:)
Давайте-ка сольем Степанушке
Чуден золотой крест.
От крестного батюшки
Пошлем благословеньице...
Вот тебе, Степанушка,
Чуден золот крест,
От крестного батюшки
Благословеньице тебе,
Царя белого
[Песни, 1935, с. 49]⁵⁴.

⁵³ В другом варианте песни Александр сразу назван *белым царем*: «В палатах лежит белый царь... спомирает» [Исторические песни, 1973, с. 123].

⁵⁴ Царь здесь хотя и не «православный», но выступает в качестве крестного отца и ассоциируется с крестом. В западной политической практике имеется сходство в титуловании венгерского короля Эндре II (1205–1235) белым и католическим — *albus et catholicus*. С.Тот предположил, что объяснение кроется в дихотомии *белый* — *черный*, равнозначной противопоставлению христиан и язычников (см. [Toth, 1983, с. 8, 9]).

Похваляю король на святую Русь,
На святую Русь царя белого
[Исторические песни, 1966, с. 46].

Духовная народная поэзия уже не увязывала образ *белого православного царя* с историческими реалиями, а возносила его в центр мироздания, Богом установленного порядка. Самый известный пример в этом отношении являет сборник народных религиозных песнопений «Голубиная книга» — уходящий истоками в раннее средневековье (а возможно, отчасти и в дохристианские времена) катехизис о происхождении и устройстве вселенной и человечества⁵⁵:

Премудрый царь Давыд Евсеевич!
Скажи ты нам, проповедай,
Который царь над царями царь.
...Возговорит мудрый царь Давыд Евсеевич:
«У нас Белый царь — над царями царь.
Почему ж Белый царь над царями царь?
И он держит веру крещеную,
Веру крещеную, богомольную,
Стоит за веру христианскую,
За дом Пречистые Богородицы, —
Потому Белый царь над царями царь»
[Оксенов, 1894, с. 213–214].

Здесь мы возвращаемся к характеристике идеального правителя с точки зрения русской традиционной народной культуры, уже впитавшей православную символику и терминологию. *Белый царь* стоит выше всех царей в силу своей приверженности истинной вере, являясь ее хранителем и защитником. Характерно, что богатство и могущество в «Голубиной книге» не упоминаются и не подразумеваются вообще, так как вовсе не эти свойства важнее всего для царя.

Приведенные выше примеры отнюдь не являются лишь плодом художественного вымысла и результатом абстрактных размышлений. В истории встречались случаи буквального проявления сходных концепций. Так, по словам свидетеля русской Смуты начала XVII в. Конрада Буссова, вождь первого Ополчения Прокопий Ляпунов «называл себя белым царем, хотел бороться, как говорил, за христианскую московитскую веру...» [Буссов, 1989, с. 353]. А в 1732 г. в Тамбовской губернии появился нищий, который выдавал себя за казненного много лет назад царевича Алексея Петровича и обещал крестья-

⁵⁵ По преданию, гигантская «Голубиная книга», написанная самим Христом, упала из грозовой тучи на гору Фавор. В книге содержится вся премудрость мира сего, изложены сокровенные знания во всей глубине; предполагается, что изначальным ее названием было именно «Глубинная».

нам: «Когда мое дело вскроется, то ланд-милициев и подушных денег не будет, и орлы все преклонятся белому царю» [Чистов, 1967, с. 126]. В последнем случае европеизированной действительности явно противопоставлялась «истинная» жизнь допетровской Руси, старомосковский уклад. Это находилось в полном соответствии с первоначальным неприятием петровских нововведений, объявлением их еретическими, а самого первого императора — Антихристом (см. об этом [Шмурло, 1912])⁵⁶.

А.Л.Доброхотов резонно предположил, что именно в воззрениях, изложенных стихами «Голубиной книги», коренится основной идейный мотив русской «метафизики власти» [Белый царь, 2001, с. 530, 531 (коммент. А.Л.Доброхотова)]. Как известно, эта метафизика нашла законченное выражение и описание в трудах русских религиозных философов конца XIX — начала XX в. Наибольшее значение для нашей темы имеют сочинения С.Н.Булгакова. Именно он рассмотрел фигуру *белого царя* как православную утопию, связав ее с ветхозаветными пророчествами о «кротком царе», входящем в «царственный град», апокалиптическими обетованиями «царствования святых со Христом» и «первого воскресения». *Белый царь* в русском православном сознании — это святой правитель, посредством которого призвано осуществиться Царство Божие на земле — Белое Царство как торжество божественной Софии в конце истории [Белый царь, 2001, с. 339, 340; Россия, 1993, с. 218, 219]. Таким образом, по мнению мыслителя, *Белое царство* и *белый царь* — это феномены грядущей действительности; до тех пор они живут только в представлениях и мечтаниях людей, в умозрительных конструкциях. Что, впрочем, не мешает им превращаться в активный дискурс, особенно в периоды исторических потрясений⁵⁷.

Поскольку *белый царь*, как мы видели, четко и чаще всего ассоциируется с царем православным, целесообразно обратиться к христианской символике и посмотреть на роль и место в ней белого цвета.

⁵⁶ Да и сам императорский титул у ревнителей старины вызывал протест как нехристианский (заимствованный от язычников — древних римлян) или, во всяком случае, неправославный (перенятый у католиков) и соотносящийся с чисто светским, мирским началом [Успенский, 2000, с. 37]. См. также выше, примеч. 39.

Впрочем, интересующее нас понятие имело и более приземленное употребление. Как известно, территориальные приобретения на востоке осуществлялись казаками и служилыми от имени государя; долю ясака, взимаемую с якутов для казны, т.е. для *белого царя*, они так и называли *беляком* [Стеллер, 1999, с. 137].

⁵⁷ С.Н.Булгаков вспоминал, что в начале Первой мировой войны увидел в проявлениях всеобщего обожания и преклонения перед Николаем II мгновенную вспышку «апокалиптического луча Белого царства» [Россия, 1993, с. 219].

Выше отмечалась общецивилизационная трактовка его как олицетворения чистоты, святости. Не является исключением система образов Ветхого завета, как и связанная с ней иудейская обрядность, в которой белизна интерпретируется как очищение от грехов. О сакральной чистоте свидетельствуют божественные одеяния, упоминаемые в пророчестве Даниила (Дан. 7, 9) (подробнее см. [Носенко; Носенко, 2001 с. 89]). В первой книге Исаяи переплетаются темы праведного царя и возвышения Иерусалима после долгих лет страданий и унижений. Пророк говорит: «Научитесь делать добро, ищите правды, спасайте угнетенного, защищайте сироту, вступайтесь за вдову. Тогда придите — и рассудим, говорит Господь. Если будут грехи ваши, как багряное, — как снег убелю; если будут красны, как пурпур, — как волну убелю» (Ис. 1, 17–18). Здесь белизна — символ Божия прощения и заступничества.

Христиане стали практиковать одевание в белое новокрещенных как вступающих в один ряд с праведниками и даже с ангелами⁵⁸. Возможно, это переключка со словами Апокалипсиса: «Сии облеченные в белые одежды кто и откуда пришли?» (Ап. 7, 13). Эта культовая норма фиксируется не ранее IV в.: на Западе — упоминание у Амвросия Медиоланского, в восточной церкви — у Кирилла Иерусалимского (о крещении: «Совлеки же с себя ветхие ризы и облекшись в духовные, белые, надлежит всегда быть облеченным в белое. И без сомнения разумею не то, что всегда должно облакаться в белые одежды, но необходимо быть тебе облеченным в то, что подлинно бело, светло и духовно») [Афанасьев, 1971, с. 29]⁵⁹. Здесь явно подчеркнута соотнесенность белого с духовным, высшим, горним (у Исаяи белое противопоставляется багрянцу и пурпуру). После крещения и миропомазания православный только на восьмой день мог снять с себя белое крестильное одеяние и смыть миро (то же касалось и правителя после венчания на царство) [Успенский, 2000, с. 28]⁶⁰.

⁵⁸ О белом цвете как знаке причастности к ангельскому чину, лику блаженных и святых см. [Бахилина, 1975, с. 26]. Н.Б.Бахилина замечает, что эпитет *белый* — один из самых употребительных в русской литературе домонгольской эпохи и встречается почти в каждом произведении [Бахилина, 1975, с. 23, 24]. Наблюдения над употреблением прилагательного *белый* в русских памятниках XI–XVII вв. см. [Бахилина, 1975, с. 23–27, 45, 74–76, 88–92, 94].

⁵⁹ В начале VI в. Иоанн Дьякон писал, что после крещения человек облачается в белые одежды и голова помазуется миром в ознаменование царства и священства, которые в нем соединились (см. [Успенский, 2000, с. 21]).

⁶⁰ То же в свое время имело место и в западной церкви [Успенский, 2000, с. 72]. В русских концепциях верховной власти незаметно прямого соотнесения с библейскими земными персонажами. Как заметил Б.А.Успенский, в Византии и на Западе при помазании монархов уподобляли ветхозаветным царям, но на Руси царь объ-

Вообще в церковной обрядности белый цвет присутствует прежде всего в двух сферах — облачении и иконописи⁶¹, хотя мы сталкивались с более широким применением (вспомним церковные белые земли, белое духовенство⁶²).

Белый цвет считается цветом Господним (голубой — Богородичным). В одежды из белой парчи православные священнослужители облачаются во время празднования Рождества, Крещения, Преображения, Пасхи.

Символическое значение приобретает головной убор русского первосвященника в «Повести о новгородском белом клобуке» (середина XVI в.), иногда приписываемой Дмитрию Герасимову (текст см. [Памятники, 1985, с. 198–233]). В ней рассказывается, что Константин Великий в благодарность за исцеление предложил папе Сильвестру царскую власть, но тот отказался, «понеже мних есть». Во сне императору явились апостолы Петр и Павел и сказали, что если он хочет почитать папу, то пусть сделает для него «одеяние на главе носити лицем белейшимъ по подобию святительскаго и мнишескаго чина», и показали ему клобук, который держали в руках. Позднее белый клобук, изготовленный по воле Константина, попал к архиепископу Великого Новгорода, а впоследствии к московским митрополитам и патриархам.

Религиозно-политический смысл «Повести» подробно разобран исследователями (см., например: [О преемственности; Сорокин, 1998, с. 6; Успенский, 1998, с. 436, 438]). Отмечено символическое перемещение святительского убора в то место, куда перемещался центр сохранения традиций православия (Рим — Константинополь — Русь). Кроме того, эта «миграция» совпадала с движением православной царской власти и к тому же соответствовала концепции трех Римов. Правда, официального признания версия, изложенная в данном сочинении, не получила. Церковный собор 1667 г. даже признал «Повесть о новгородском белом клобуке» «лживой и неправой». Однако она

являлся подобным самому Христу [Успенский, 2000, с. 28]. Впрочем, Симеон Полоцкий уравнивал Алексея Михайловича с царем Давидом [Величко, 1991, т. 2, с. 219].

Нахожу фантастической и не соответствующей с реальностью догадку Н.Козлова о том, что библейская символика белого цвета была заимствована на Руси из Хазарского каганата — «мощного иудейского царства», которое, в свою очередь, «по плотскому преемству» восприняло ее от древней Иудеи. Святослав Игоревич якобы разбил Хазарию и перенес на русскую почву эту идею в числе прочих особенностей хазарского государственного устройства. Так Русь стала-де Новым Израилем, а русский государь — «престолонаследником Царства Давидова» [Козлов].

⁶¹ О литургическом значении белого цвета в западнохристианских обрядах см., например: [Реформатская; Словарь; Braun, 1907, с. 449, 450, 454–460].

⁶² Б.А.Успенский предполагает, что деление духовенства на белое и черное возникло на славянской почве [Успенский, 1998, с. 431, 432].

имела широкое распространение в книжности XVI–XVIII вв., в том числе в среде старообрядцев [Памятники, 1985, с. 588 (коммент. Н.Н.Розова)]. Интересно, что они порой выдвигали на первый план переход священства из Рима и Византии не к новгородскому митрополиту или московскому патриарху, а в целом на «Святую Русь» как государство. В 1665 г. старообрядческий дьякон Федор Иванов пересказывал повесть так: «Святой же белый клобук изволением небесного царя Христа дан бысть русскому государству по явлению аггелону... со многими преславными чудесы» [Лукин, 2000, с. 190]. С 1564 г. этот головной убор стал обязательным атрибутом предстоятеля Русской Православной Церкви⁶³.

Если первосвященника паства могла лицезреть очень редко, то произведение иконописи и стенной росписи она видела ежедневно при посещении храмов. В православном изобразительном искусстве большую роль играла символика цвета, в том числе белизны.

Белый занимает первое место в иконописной иерархии цветов. Он ограждает божественную сущность и энергию, трансцендентность, неограниченность и как зримое выражение этих категорий — светоносность, воплощенную в Фаворском свете [Бычков, 1975, с. 1333, 134; Рафаил; Соболева, 2002, с. 109; Языкова, 1995, с. 27, 28]⁶⁴. Как известно, во время Преображения этот свет был явлен апостолам на горе Фавор: «...одежды Его сделались блистающими, весьма белыми, как снег, как на земле белильщик не может выбелить» (Мк. 9, 3). Кроме облачения Спасителя в сцене Преображения белым пишутся также ангелы и юноши; в сцене Страшного суда — одежды праведников («...они... убелили одежды свои кровию Агнца» [Откр. 7, 13–14]); на многих иконах — одеяния святых и праведников; белыми пеленами обвито тело новорожденного Христа. Причем богословы и искусствоведы отмечают, что белизна на иконах — не просто белая краска, а скорее соединение, синтез всех цветов [Рафаил; Языкова, 1995, с. 28]⁶⁵. Таким об-

⁶³ Церковный собор, обосновывая эту меру, в особой грамоте от 2 февраля 1564 г. указал, что высшим иерархам — московскому митрополиту и новгородскому архиепископу — пристало носить белый клобук, поскольку митрополиты XIV в. Петр и Алексий изображаются на образах именно в таком облачении; после них митрополиты по чину стали носить черные клобуки, «а того в писании не обрели есмь, чего для белые клобуки отставлены» [Акты, 1841, с. 332].

⁶⁴ Как отражение символики Преображения в день одноименного праздника храмы украшаются белыми цветами [Стрижев, 1998, с. 69].

⁶⁵ В духовных сочинениях XVII в. в образе белого щита предстает духовная сила, связывающая человека с горним миром и защищающая его от пагубы мира сего [Домников, 2002, с. 426, 427]. Иногда, впрочем, белым изображали предметы и сущности, далекие от божественной первоосновы: белый зверь как олицетворение языческого «Оллинского царства, белое брюхо у зверя, сопровождающего Антихриста (см. [Черный, 1997, с. 129]).

разом, это не столько цвет, сколько свет, из которого проистекают все краски и оттенки в мире.

Выше указывалось, что для русской традиционной культуры не было присуще персональное обожествление царя. Однако уподобление его Христу неизбежно вызывало сакрализацию царя не как индивидуальной личности, но как символа, «живого и видимого... одушевленного образа Самого Царя Небесного» (И.Л.Зайцева — цит. по [Боханов, 2002, с. 203]). В народном сознании Христос и *белый царь* стояли рядом как податели и источники блага, к ним обращались чаяния и надежды — и не только в молитвах, но и в различных ситуациях мирской жизни. Вот заговор на удачную охоту: «Стану я, раб Божий (имярек), благословясь, пойду, перекрестясь... выйду в чистое поле, поклонюсь и помолюсь истинному Христу, Белому Царю, Егорию Храброму, скажу солнышку: „Истинный Христос, Белый царь, Егорий Храбрый, дайте мне зайцев белых, ярых Божьих зверей, черноухих, короткохвостых...“. И как наш Белый царь всю Россию держит, так бы мой промысел зайцев держал, прочь не отпускал» [Охотничьи] (см. также [Власова, 2001, с. 40]). В эпохи смут и социальных потрясений приход *белого царя* ожидался крестьянами как избавление от тягот и лишений (см., например: [Дневник]), т.е. в качестве мессии. Фактически здесь наблюдается трансформация идеи Второго пришествия.

Изложенные выше христианские интерпретации образа *белого царя*, во-первых, были достоянием весьма узкого круга духовных и светских интеллектуалов, во-вторых, выкристаллизовались, судя по источникам, не ранее XV в. Однако восприятие верховной власти имело ведь гораздо более давнюю историю, и мы вправе предположить, что существует более обширный и глубокий пласт культуры, в котором такое восприятие отразилось. В этом смысле примечательна связь белизны и света. Она, как мы видели, присутствует в христианстве, но фиксируется также на гораздо более широком культурном пространстве.

В текстах самого разного происхождения царь уподобляется солнцу. Иосиф Волоцкий в послании к Василию III сравнивал царя со светилом, отдавая предпочтение первому: свет солнца прекращается с наступлением ночи, а царь постоянно «светом истинным обличает тайнаа неправды» (цит. по [Флоря, 2003, с. 95]); Ивана IV афонские монахи титуловали «солнцем христианским» [Самойлова, 1999, с. 155]; Лжедмитрия I составитель Баркулабовской летописи — «праведным солнцем» [Успенский, 1996г, с. 145]; по мысли патриарха Никона, Алексею Михайловичу надлежало «на вселенней... возсияти яко солнце посреди звезд», поскольку царь есть «великое солнце сияющее»

(цит. по [Соловьев, 1927, с. 94]); «всего света солнцем земным», «светилом русским», «светилом православным» был Алексей Михайлович для украинского духовенства середины XVII в. (см. [Воссоединение, 1953, т. II, с. 132, 271, 289]), да и для русских идеологов. В XVII в. образ царя-солнца внедрялся «в сознание и подсознание народа» официальными панегиристами [Хорошкевич, 2000, с. 159].

Как видим, это присуще авторам главным образом из церковного круга. Однако здесь, очевидно, присутствует не только христианская символика⁶⁶. Аналогичный образ царя широко распространен в русском фольклоре, прежде всего в пословицах (см., например: [Пушкарёв, 1994, с. 39, 40; Серафим (Соболев), 1992, с. 55]), а также в песенных жанрах:

Потемнело солнце красное...
Что не стало в нас царя белого,
Царя белого Петра Первого!..
[Исторические песни, 1971, с. 150]

Солярная символика выводит нас на понятие света, которое уже фигурировало выше в связи с библейской белизной, Фаворским сиянием и др. Однако если вспомнить уподобление солнцу князей-персонажей «Слова о полку Игореве»⁶⁷, то можно полагать, что библейская картина мироздания здесь, пожалуй, ни при чем. Солнце и свет занимали заметное место в русской картине мира помимо и независимо от христианского вероучения.

Гораздо чаще, чем непосредственное сравнение с солнцем, к царю прилагался эпитет *светлый*. Примеры находим как в письменных документах, так и в фольклоре. «Батюшка-свет», «свет-государь», «свет ты польный царь» и т.п. постоянно употребляются в исторических песнях и иных жанрах устной литературы. То же иногда встречается и в официальных материалах, в том числе в дипломатической переписке. «Мочным и светлым», «насветлейшим и навышшим» рекомендовался сам Иван III в посланиях к императору Максимилиану I, а Максимилиан II обращался к Ивану IV и к его преемнику «напресветлейший и насильнейший», «пресветлейший велможнейший» [Лаврентьев, 2001, с. 16]. В «Утвержденной грамоте» об избрании на престол Михаила Романова, составленной в мае 1613 г. для подписания на земском со-

⁶⁶ Хотя порой и саму церковь ставили в один ряд с солнцем: «...едина ныне святая соборная апостолская церковь восточная паче солнца в всей поднебесной светится» («Послание о крестном знамении» — цит. по [Успенский, 1996в, с. 213]).

⁶⁷ См. издание памятника, подготовленное А.А.Горским [Слово, 2002, с. 82, 123: четыре солнца — князья-участники похода; с. 88, 138: два солнца — князья Игорь и Всеволод; с. 98: «Солнце свѣтитъ на небесе — Игорь князь въ Руской земли!»]; см. также [Робинсон, 1978].

боре, само происхождение московского правящего дома мыслилось как продолжение «от превысочайшего цесарского престола и прекраснорощущего и пресветлого корени Августа кесаря, обладающего всею вселенною» (цит. по [Боханов, 2005, с. 183]).

В XVII в. «светлым» считали московского государя его единоверцы — украинцы⁶⁸ и грузины⁶⁹.

Религиозная идейная составляющая подобной корреспонденции позволяет соотносить световую символику с христианской, в частности с божественным образом. Что касается фольклора, то здесь возможна и внехристианская интерпретация: *светлый* = *милый* (равно как и *белый* в качестве олицетворения красоты и любви) [Лобачева, 1999, с. 58]⁷⁰. При этом позитивная трактовка в любом случае позволяла совмещать церковную и «языческую» интерпретации, причем последняя фиксируется в отношении верховного правителя у восточных славян еще в дохристианские времена.

Речь прежде всего о титуле *светлый князь*, который неоднократно упоминается в договорах киевского князя Олега с византийцами 907 и 911 гг. На него обратил внимание Б.А.Рыбаков, предположивший, что это — название главного князя племенного союза (в летописи упоминается светлый князь вятичей). Б.А.Рыбаков сопоставил эти данные с информацией арабского хрониста начала X в. Ибн Русте о титуле предводителя славян *свиет малик* [Рыбаков, 1982, с. 173, 276] (см. также [Трубачев, 1997, с. 228]). В сочинении Ибн Русте «Алак ан-нафиса» (между 903 и 913 гг.) говорится: «Глава их [славян] коронуется, они ему повинуются и от слов его не отступают. Местопребывание его находится в середине страны славян. И упомянутый глава, которого они называют „главою глав“ [ра'ис ар-руаса], зовется у них свиет-малик...» (цит. по [Новосельцев, 2000, с. 294–295]). Последнее выражение имеет несколько толкований⁷¹, но совпадение выражения лето-

⁶⁸ См., например: [Величко, т. 1, с. 136, 144: «пресветлейший всероссийский монарх», «пресветлый государь»; Воссоединение, 1953, т. I, с. 46, 47, 66, 76, 299, 300, 343, 344: «пресветлое царское величество», «всесветлейшее царское величество», «пресветлый и богоукрашенный царь», «державнейший, пресветлый и благочестивый царь», «пресветлосияющий благочестивый царь» и т.п.; Летопись, 1854, с. 314–316: «царское пресветлое величество»). Иногда применялись синонимичные слова и выражения: «наияснейший», «светило», «православное светило» [Воссоединение, 1953, т. II, с. 32, 132, 269, 271; т. III, с. 289].

⁶⁹ См., например: [Белокуров, 1889, с. 12: «царь царствующим, превеликий и пресветлый»].

⁷⁰ В тюркоязычных манифестах Пугачева он не титулуется *белым царем*, но иногда назван «светлым государем мира» [Алишев, 1973].

⁷¹ Обзор мнений см. [Lewicki, 1977, с. 124–126]. О семантике в Древней Руси титула *светлый князь* (воплощение святости, сакральной функции правителя) и его соот-

писного светлого князя с «арабским» словосочетанием все же побуждает меня принять гипотезу Б.А.Рыбакова. Арабское *малик* (царь, правитель) сопровождается неарабским *свиет* [Lewicki, 1977, с. 36–38], которое выглядит явным повторением славянского *свет* как раз перед собственно титулом. А если так, то позднесредневековый *светлый царь* имел предшественника еще на заре русской истории⁷². Вероятно, некоторые фундаментальные представления о верховной власти и ее носителях формировались уже в то время и лишь позднее стали сопровождаться христианскими символика и интерпретацией образов.

Попутно заметим, что популярным было и обозначение Руси как светлой земли. Общеизвестная фраза из анонимного «Слова о погибели Русской земли» (первая половина XIII в.) о «светло светлой и украсно украшенной» земле Русской [Памятники, 1981, с. 130, 131] является лишь одним из многих случаев подобного обозначения. Часто эпитет *светлый* трактуется в сугубо религиозном ключе как синоним «Святой Руси», как результат просвещения истинной верой, просветления монашеским подвигом и т.п. (см., например: [Домников, 2002, с. 344; Cherniavsky, 1961, с. 104–106]). В источниках действительно «светлая» Россия предстает иногда как страна, где сохраняется истинное православие. Но, как мы уже видели, связь здесь, во-первых, все же не непосредственная, во-вторых, сравнительно поздняя.

Светлый и *белый* соседствуют в языке и культуре славян с давних языческих времен. Явно не имеет христианской первоосновы распространенное выражение *белый свет* (т.е. весь мир)⁷³. Это словосочетание любопытно наглядной взаимопричастностью двух интересующих нас понятий. Их изначальная близость иллюстрируется палеолингвистическими разысканиями. С одной стороны, русское слово *белый* исконно родственно древнеиндийским *bhalam* (блеск), *bhati* (светит, сияет) и имеет индоевропейскую праоснову **bhel(ə)* (блестеть, блестящий, светлый, белый). С другой стороны, слово *свет* родственно древнеиндийскому *cvetas, sveta-(h)* (светлый, белый), авестийскому *sraeta*

пошении с *великим князем* (воплощение реальной власти правителя) см. [Александров и др., 1995, с. 12–14].

⁷² Заметим, что *светлыми* в русской литературно-публицистической терминологии XVI в. считались также аристократы вообще («светлые в роде») [Ерусалимский, 2005, с. 195]. Это в определенной степени отражало их оппозиционность гипертрофированному объему царской власти, сформировавшемуся при Иване IV.

⁷³ В «Голубиной книге»: «белый вольный свет» [Оксенов, 1894, с. 210–218]. Интересно, что в фольклоре шорцев (Алтай) распространено выражение *ак чарык* (белый свет, белый мир). Так, в сказании «Алтын Куш» богатыри «месяцем освещаемый белый свет насквозь проскочили» [Функ, 2005, с. 297]; по-шорски: *ай шалган ак чарыкты ары отюре чюжур шыктылар* (консультация Д.А.Функа). Правда, здесь белый свет — не весь мир, а лишь один из миров, «окрашенных» в разные цвета.

(с теми же значениями; ср. совр. хинди *швэт* — «белый») и имеет индоевропейский корень **k'uei* [Фасмер, 1986, с. 149; Фасмер, 1987, с. 575, 576; Черных, 1994, т. 1. с. 84; т. 2, с. 145]. То есть понятия *белый* и *светлый* не только близки семантически, но и родственны лингвистически. А если так, то можно предположить взаимосвязь и даже, может быть, взаимозаменяемость устойчивых речевых форм с этими лексемами — в частности, *белый царь/светлый царь* и *Белая Русь/Светлая Русь*.

И тогда мы возвращаемся к вопросу, который ставили вначале: что означает в данном контексте *белый*?

В литературе отмечены древнейшие истоки сакральности белизны, общей для индоевропейских народов, в том числе и для славян, равно как и образ «властителя в белом», который возник на перекрестье символов, характерных для поверий, заговоров, легенд. При этом широкое распространение термина *белый* на территории восточного славянства позволяет предположить его изначальную многозначность; когда-то он обозначал не только один из цветов [Бахилина, 1975, с. 7; Власова, 2001, с. 39, 40; Державин, 1944, с. 121; Поповић]. Даже те авторы, которые не углублялись в историю языка, полагали (скорее интуитивно), будто «сие неоспоримо, что цвет белый в России издревле был почтеннейший» [Рычков, 1763, с. 125]⁷⁴.

Некоторые наблюдения над фольклором позволяют установить соотношение между цветами и сторонами света. По О.Н.Трубачеву, *белый* в польском и сербском языках некогда означал «ожный», а в древнерусском — «западный» [Етимологічний, 1985, с. 27, 28]⁷⁵. Наблюдается противоречие между несомненно позитивной трактовкой белизны, о чем мы говорили в этой главе, и интерпретацией запада в русской традиционной культуре как «злой» стороны (см. [Дмитриева, 2004, с. 13] — в противовес востоку (что, кстати, характерно далеко не только для славян). Но если принять во внимание попытки сопоставления понятия *русь* с дославянской лексикой сарматской эпохи, то мы обнаружим сходство его с ираноязычным эпитетом *ruks, rusan, rus, ruhn* (светлый) и с индоарийским *rukṣa, ru(s)sa* (светлый, белый) [Горский, 2004, с. 43, 44; Трубачев, 1997, с. 226–229]. Если учесть, что этноним «северяне» может восходить к иранскому корню *sei* (черный), то про-

⁷⁴ Существуют версии о связи выражения *белый царь* и популярностью белого цвета на Руси вообще — вплоть до преобладания его в московской белокаменной крепости и белой печати на посланиях царей мусульманским падишахам [Козлов].

⁷⁵ О.Н.Трубачев полагает, что и само слово *Русь* возможно трактовать как «белая» в смысле «западная» [Трубачев, 1997, с. 228].

тивопоставление руси и северян как южного/северного и белого/черного [Горский, 2004, с. 56] подтверждает данную линию гипотетических сопоставлений.

Вероятно, можно видеть первооснову семантики выражения *белый царь* в древнейших архетипах, которые формировались в ранней истории индоевропейцев Евразии и позднее были унаследованы славянами. Такой подход разительно отличается от самой распространенной версии о восточном (тюрко-монгольском) происхождении этого титула. Как уже указывалось, впервые сформулировал его в историографии П.И.Рычков.

Той же проблемой заинтересовался С.Герберштейн, посещавший Великое княжество Московское в первой четверти XVI в., при Василии III. Он слышал, как русские титуловали своего правителя *белым царем* (*Albus rex, weisser Khünig*), но никто из них не смог объяснить австрийскому дипломату происхождение этого названия [Герберштейн, 1988, с. 75]⁷⁶. Однако мы видели, что данный образ присутствует в русских памятниках самых разных жанров и на протяжении огромного исторического периода. Он употреблялся на Руси еще в те времена, когда многие восточные народы и не подозревали о существовании Русского государства и его монарха. Неосведомленность же московских придворных информаторов Герберштейна свидетельствует о незапамятной древности возникновения выражения *белый царь* — такой древности, что рациональные объяснения оказались уже прочно забытыми.

Похоже, оно прошло ту же эволюцию, что и «Русь» (тем более «Святая Русь»), которая в общеупотребительной речи со временем была заменена «Россией» и осталась только в народном творчестве [Soloviev, 1959, с. 39]. Но если название страны и государства претерпело эту метаморфозу не позднее XVIII в., то исчезновение выражения *белый царь* из русского речевого обихода произошло намного раньше. Следы его широкого и при этом внеписьменного употребления угадываются по фольклору и изредка по духовным текстам.

Некоторые косвенные данные позволяют предположить, что в русской традиционной культуре XV–XIX вв. титул *белый царь* обособно-

⁷⁶ Аналогичное титулование великого князя было известно в Европе в предыдущем столетии. Например, миланский герцог Франческо Сфорца в письме к монетному мастеру Дж. Зекьере 1463 г., отправленному им в Москву, называет русского государя *Illustrissimus Dominus Albus Imperator* [Успенский, 1996б, с. 412], обнаруживая не только знакомство с интересующим нас термином, но и отмеченную нами выше связь между понятиями *светлейший* (*illustrissimus*) и *белый* (*albus*). Это может свидетельствовать о русском источнике представлений герцога по поводу выражений, которыми подобает характеризовать главу Московии. Сводку упоминаний о применении в Европе титула *albus* к московским монархам см. [Белы, 2000].

вался прочно. И когда развернулось формирование многонационального государства, этот образ, столь популярный у русских создателей державы, наложился на традиционные архетипы, которые бытовали у неславянского населения, и совпал с ними. Общекультурная универсалия, объединяющая в триединстве белизну, сакральность и высшую власть, в этих архетипах естественным образом воплотилась в фигуре русского монарха. Вот почему *белого царя*, «не сговариваясь», включили в свои системы мироустройства самые разные народы. Определяющим, конструирующим здесь мне видится именно русский культурный компонент.

Большого, чем эти гипотетические утверждения насчет происхождения образа *белого царя* в восточных и русской культурах, я пока предложить не могу. Во всяком случае, уверенности на сей счет у меня гораздо меньше, чем у премудрого царя Давыда Евсеевича из «Голубиной книги».

Глава 2

ЦАРЬ И ЦАРСКАЯ ВЛАСТЬ

В представлениях российских народов образ «великого государя» сочетал абстрактные и конкретные, персональные черты¹. В последнем случае мы сталкиваемся с персонификацией отвлеченных символов власти, облакаемых в фигуру реального исторического деятеля. Чаще прочих в исторической памяти фиксировались правители, с именами которых были связаны присоединение данного региона к России, удачные войны или заметные административные преобразования. При этом на событийную канву накладывалось общее представление о носителе высшей власти. Сначала выделим наиболее «популярные» фольклорно-исторические персонажи, а затем попытаемся обобщить сведения о них, составить своего рода парадигму царского правления и поведения с точки зрения традиционной политической культуры.

Иван IV² фигурирует в памятниках, созданных народами, которые испытали на себе военную и политическую активность первого царя в середине — второй половине XVI в., т.е. жителями Поволжья и Южного Урала, отчасти Карелии и Северного Кавказа. Завоевание Казанского ханства стало поворотным пунктом в истории волжских народов. В устных памятниках бывших насельников Горной стороны ханства — марийцев и мордвы — сформировался стойкий мотив помощи представителей этих народов Ивану IV при взятии татарской столицы (см. [Ефимова, 1991, с. 43; Марийский, 1991, с. 165, 244; Четкарев, 1955, с. 63–68; Ширяева, 1966, с. 155])³. Башкиры помнили его прежде всего

¹ Анализ историко-художественной интерпретации этого явления в народном традиционном сознании русских см., например, в неоднократно цитировавшихся выше работах П.И.Калецкого и Г.В.Лобачевой, а также [Field, 1989, с. 1–29].

² Специальные исследования образа Ивана Грозного в русском фольклоре см. [Росовецкий, 1981; Pettie, 1987].

³ Совсем другое отношение к царю сформировалось по понятным причинам у казанских татар, которые в своих фольклорных сочинениях выражали антипатию к демо-

в связи с принятием их в подданство на чрезвычайно льготных условиях, выдачей жалованных грамот на пользование родовыми землями, а также опустевшими ногайскими кочевьями⁴. У кабардинцев это влюбленный в княжну Гошаней (Марию Темрюковну), ради брака с ней готовый присоединить Кабарду к своему царству [Аутлева, 1973, с. 71]; для карелов он — владыка, подчинивший их земли [Карельское, 1982, с. 122, 124, 125] (правда, события Ливонской войны практически были полностью вытеснены впечатлениями от войны Северной — см. ниже).

Петр I запомнился главным образом как победитель шведов и персов, жесткий реформатор и организатор подвластной империи⁵. Баталии Северной войны проходили и на карельских землях, где до Петра владычествовала Швеция. Абсолютно положительный образ царя запечатлен в исторических песнях и преданиях карелов, где они выступают как его соратники в борьбе против ненавистных шведских наместников и генералов, как помощники при взятии Выборга [Карельское, 1982, с. 116–120; Беспятых, Коваленко, 1988, с. 132–134, 136, 137; Очерки, 19576, с. 193, 194]. Персидский поход 1722 г. отразился в воспоминаниях дагестанцев и астраханских туркмен о щедрости и доброжелательном отношении Петра к окрестным народам (см. [История, 2004, с. 429; Небольсин, 1852, с. 135]); сходный фольклорный образ, связанный с разъездами царя по стране и раздачей милостей, фиксируется у марийцев и чувашей (см. [Марийский, 1991, с. 262; Мифы, 1996, с. 256–260]). Жалование землями и титулами, защиту от притеснений

низированному «Явыз Ивану», «Хайвану» и в целом к завоевателям (см., например: [Измайлов, 2005]). Впрочем, и у других народов не все фольклорные воспоминания о «Казанской войне» отличались благой констатацией солидарности с Иваном IV. Если в цикле марийских преданий о князе-богатыре Акпарсе господствует мотив помощи московскому войску против татар, то предания о таком же витязе Полтыше-Болтуше повествуют о жестокой и неравной борьбе марийцев с русским завоеванием [Худяков М., 2003а, с. 138; Худяков М., 2003б, с. 61–65, 83–86]. При этом в повстанческих движениях марийцы второй половины XVI в. участвовали гораздо более активно, чем татары. А.Г.Бахтин предложил, на мой взгляд, весьма резонное объяснение: живя представлениями по большей части родового строя, марийцы-черемисы боролись с русскими властями за свою независимость в полном смысле, т.е. за свободу от правления какого-либо вышестоящего государя. Татары же, мыслившие категориями уже феодального общества, видели в московском царе не душителя свободы, а очередного сюзерена, которому были вынуждены подчиняться в результате его победы [Присоединение, 2005, с. 126, 127 — выступление А.Г.Бахтина].

⁴ Весь комплекс этих проблем, в том числе отражение в исторической памяти, подробно освещен в историографии. См., например: [История, 1996, гл. V; Трепавлов, 2003б; Трепавлов, 2004; Усманов, 1982].

⁵ Эти же деяния Петра отобразились в народной исторической памяти и фольклоре русских, причем в основном на севере России. Правда, среди них были распространены также резко отрицательные трактовки образа царя, что в целом нехарактерно для нерусского населения (см. [Шмурло, 1912, с. 13–30]).

приписывали Петру якуты и буряты (см. [Токарев, 1940, с. 112; Тулохонов, 1973, с. 99, 100; Цыдендамбаев, 1972, с. 58]). Башкиры же, напротив, воспринимали этого монарха в целом отрицательно — во многом по контрасту с Иваном Грозным. Если тот даровал право на вотчинное пользование землями и вольную службу, то Петр I потворствовал чиновникам, притеснявшим башкир, а их делегацию, явившуюся в столицу с челобитьем, выдал в руки казанских властей (реальный факт 1706 г.) [Акманов, 1993, с. 146].

Екатерина II изображалась прежде всего как подательница благ, справедливая и могущественная «бабушка-царица» (*ана батша*), в частности начавшая политику терпимости по отношению к исламу в империи (см., например: [Цыдендамбаев, 1972, с. 58, 59; Ислаев, 2001, с. 172; Rorlich, 1986, с. 42])⁶. Несомненно, сыграли роль установка императрицы на осторожную и ненасильственную политику по отношению к вновь обретенным подданным, ее убеждение в том, что «иноверцы более пристойно снисхождением, нежели строгостию и насильною переменою их обычаев, в порядочное правление приводимы» (цит. по [Марасинова, 2005, с. 16]).

В мордовском фольклоре сложился по-своему уникальный цикл исторических песен о *Павле I*, в которых отразились по большей части не реальные события, а надежды на лучшее будущее, связанные с его поцарением⁷.

Реальность разительно контрастировала с фольклорными легендами и вымыслами об участии монархов в жизни подданных, тем более «иноверцев» и «инородцев». На самом деле царь, конечно, был недоступен. Возможно, как раз эта отстраненность от повседневной жизни и позволяла, домысливая, наделять его образ недоверенными деталями, распоряжаться им по своему «художественному произволу». Русские крестьяне были убеждены в умышленном воздержании его от вмешательства в дела общины, регулируемые обычным правом; точно так же не затрагивает он и повседневную жизнь окраинных народов — если только положение на окраинах не приобретает угрожающего характера [Платонов, 2003, с. 919]. В определенной мере подобное патриархальное отношение можно предположить и у неславянского населения государства. Наверное, такое невмешательство увеличивало позитивное

⁶ Именование Екатерины *ана батша* обычно интерпретируется как показатель доброжелательного отношения татар к ней за такую ее политику. Думаю, однако, что это могло оказаться просто калькой с распространенного в то время русского выражения «матушка государыня».

⁷ В частности, сыграли роль обещания, данные Павлом в коронационной речи 5 апреля 1797 г., об ограничении барщины, снижении налогов, наделении дворовых крестьян землей и др. [Ефимова, 1991, с. 79–91; Устно-поэтическое, 1977, с. 262–305; Шапонов, 1973, с. 19].

отношение, почтение к *белому царю* — далекому, внешне безучастному, но безмерно могущественному и применяющему свою колоссальную власть только в самых крайних случаях.

Верховный правитель в традиционной политической культуре предполагается как обязательный элемент мироздания. Отсутствие его означало некую ущербность, неполноту жизненного устройства. В концентрированном виде подобный взгляд выражен в мордовском предании: «В старину не было у мордвы верховных правителей. У других народов — короли, цари, ханы. А мордва все свои дела решала на сходках... Каждому двору хозяин нужен, всякому делу — свой голова. А царь — он народу всему голова, земли своей хозяин» [Легенды, 1982, с. 51]⁸. Характерно, что «обоснование» целесообразности монархии исходит из недр социума, который изначально не знал единого предводителя. Очевидно, здесь отразилась эпоха, когда в результате общественного развития появляется историческая фигура лидера, «хозяина» земли и народа, и рассудительные тезисы мордовских «мыслителей» служат объяснением и оправданием этого процесса. Трактовка царя как хозяина буквально представлена в карельских исторических песнях: «Иван-хозяин», «царь Иван, большой хозяин», «тот Иван, большой хозяин» [Карельское, 1982, с. 122, 124, 125].

Сходные явления наблюдались и в таежной Сибири, где до присоединения к России тоже никаких царей не было. Мансийское предание гласит: «Однажды было такое дело: нигде не было суда. Появились такие начальники: ездит, приедет в поселок, войдет в дом, сядет и говорит: „Здравствуйте! Десять белок!“ Вешают ему на ногу десять белок. Кто не имеет десяти белок, пусть не здоровается. Бедный народ думает: „Есть ли где-нибудь царь? Сходить как-нибудь туда“» [Мифы, 1990, с. 379–380]. А в 1745 г. был арестован обдорский хант Хаска Ваносов, объявивший себя государем [Миненко, 1975, с. 294]. Пусть данный случай самозванства и стал возможен под русским культурно-политическим влиянием, но сам факт посягательства простолюдина «иноверца» на монарший ранг свидетельствует о его, ранга, значимости в среде аборигенов.

Из многочисленных документальных и фольклорных источников предстает объемный образ царя, в котором сплелись как представления об идеальном правителе, так и искаженные сведения о реальных российских самодержцах.

Конечно, находились невыгодные русской стороне основания для сравнения. Скажем, оседлый образ жизни русских негативно воспри-

⁸ Правда, здесь речь не о русском царе, а о правителе в принципе. Порассуждав подобным образом, «старики решили избрать мордовского царя». Жребий пал на крестьянина Тюштяня.

нимался кочевой знатью, для которой сезонные передвижения по пастбищам составляли привычный и престижный образ жизни. Нелицеприятно оценивал эту разницу в укладах джунгарский хунтайджи Галдан-Церен в обращении к казахскому хану Абу-л-Хайру: «Когда он, Абулхаир, перед белой государыней стоит на коленях, то ему, Галдан-Чирину, неприятелем находится. С такими речми мы де калмыки и кайсаки (т.е. джунгары и казахи. — *В.Т.*) вдвоем — ястребы, а перед оной вороной (российской императрицей. — *Авт.*) мы не станем на колени, ибо де они (русские. — *В.Т.*) тележные, а мы узбеки (кочевники. — *Авт.*) и ежели де вы на российских понадеетесь, то наши калмыки вас... будут бить» (цит. по [Моисеев, 1991, с. 128]).

Порой в текстах встречается сравнение с другими государями — и часто (но не всегда) правитель России предстает в более выгодном свете. В его владениях царят стабильность и благоденствие, в отличие от других властителей (см., например: [История, 1959, с. 128; Присоединение, 2003, с. 58: выступление на «круглом столе» А.Г.Бахтина]). Могущество и богатство российских государей были столь явными, что зачастую превращались в главные отличительные признаки их — как правило, с лояльной, доброжелательной оценкой. Бурятская историческая песня дает следующую характеристику Петра I:

Он имеет несметное число подданных,
Он имеет несчетную казну,
Он имеет непоколебимое прекрасное слово,
Отмеченный знаменем, великий и святой
[Тулохонов, 1973, с. 100].

В XVIII в. империя находилась на взлете своего могущества. Подданные, понимавшие (или скорее чувствовавшие) это, были убеждены и убеждали других в бесполезности, тщетности попыток сравняться с *белым царем* и уж тем более посягнуть на его власть и земли. В начале столетия разразилось очередное башкирское восстание, и на исторической арене возникла фигура самозванного хана — сибирского султана-Кучумовича, намеченного мятежниками для управления освободившимися башкирами. Группа знати, лояльной к престолу, заявила инициаторам этой авантюры: «У нашего великого государя силы много безсметно и вам, вора́м, нас и земли своей никогда не отдаст. А как великий государь наш гнев свой государев положит на тех ханов и салтанов... и они не токмо ево государевой земли взять, но и в своих землях места не сыщут; не токмо степные кочевальники, но и в каменных городех ево государевы неприятели не усиживают и искарены (так. — *В.Т.*) бывают, а он, великий государь наш, в полной силе и богатстве... И наш великий государь в прежних годах дедов их салтановых и хановых из их земли избивал, а иных салтанов изымал, а ныне

у него, великого государя, после того казны и силы многое множество прибыло, и тех ханов и салтанов... разорить и искоренить может» [Материалы, 1936, с. 254].

Констатация необъятных ресурсов не просто служила поводом для преклонения, но и отражала надежду на безбедное существование под царским скипетром. Какими бы эпизодическими ни оказывались милости и помощь, народная память прочно фиксировала их. В летописи хоринских бурят «Сочинение о генеалогии ханов», составленной Аюши Саагиевым в 1843 г., есть глава «О высочайших благодеяниях со времени принятия подданства русского белого царя». В ней перечень монархов предстает как череда их благодеяний для бурят. В то время, когда хоринцы оказались в тяжелом положении из-за притеснений монголов, Алексей Михайлович принял их в свое подданство; царь Петр в 1703 г. защитил их от притеснений русских чиновников и наделил кочевьями; когда в 1792 г. скот страдал от бескормицы, Екатерина II выделила сельскохозяйственный инвентарь, чтобы научить бурят земледелию; при Александре I во время эпидемии оспы была оказана медицинская помощь и внедрено оспопрививание [Цыдендамбаев, 1972, с. 58, 59]⁹.

Сострадание и покровительство придавали царю как персонажу исторической памяти привлекательные черты. Особенно характерно это для воспоминаний о временах, когда монархи сами появлялись среди народа в связи с военными походами или путешествиями. В мордовских песнях типично обращение к Ивану Грозному «батюшка великий государь», «батюшка-свет великий государь», и вообще в повествованиях о событиях XVI в. царь и народ показаны понимающими друг друга, готовыми к взаимной помощи [Ефимова, 1991, с. 43–45, 52]. Примерно то же с Петром в карельских песнях:

Петр царем был знаменитым,
Знатным молодцем московским...
[Карельское, 1982, с. 116]

Более того, в устах народа он сам становится карелом:

Был царь Петр герой удалый,
Сын Карелии красивый...
Петр царем был знаменитым,
Сыном Карялы красивым
(цит. по [Беспярых, Коваленко, 1988, с. 136];

см. также [Очерки, 1957б, с. 193, 194]).

При этом антагонист Петра, шведский король Карл, всегда несимпатичен.

⁹ Это не единственный случай в бурятском летописании — см. [Варнавский и др.].

У донских казаков фольклорный царь тоже «отец», «батюшка», «батюшка-надежда», «батюшка-свет». Однако слепого обожания вовсе нет. Казаки в исторических песнях (как и в действительности в XVI–XVII вв.) откровенно требуют для себя жалованья — дескать, «батюшка» бояр-то своих жалует, а казаков забывает [Усенко, 1995, с. 56].

В осетинской исторической песне о первом посольстве в Россию в 1774 г. ее герои, даже еще не зная русского монарха, называют его «наш царь» и «наш славный царь»; обычными его эпитетами в осетинском фольклоре являются также «благородный» и «благочестный» [Хамицаева, 1973, с. 133, 134]¹⁰.

Екатерину II признавали не только «вороной» (см. выше), но и «венчницей» — причем даже те народы, которые еще не вошли в состав империи (см., например: [Аутлева, 1973, с. 114; Фольклор, 1988, с. 12]). На официальном уровне преклонение, разумеется, было обязательным. Как указывалось во Введении, документы составлялись, как правило, в русских канцеляриях и выражали точку зрения русских бюрократов: «как должно относиться к государю». Поэтому опираться на них при анализе отношения народов к власти рискованно. Однако в качестве иллюстрации все же приведем речь и собственные стихи, которыми ученики-кряшены новокрещенской школы встретили императрицу при посещении ею Казани в 1767 г.: «Всемиловитейшая государыня, мы видим, что Ваше Величество о всех верноподданных своих печетесь, дальные края своей земли посещать не оставляете, дабы сим способом подлинно узнать, каково живут во всех местах всякого чина державы нашей люди. По сему Ваше Величество сердобольною о чадах своих признаем материю...»

Вся орды в невежестве кои замерзели
И глупость досель справить не умели,
Свои не просвещенны отворите очи,
Сложите вы завесу мрачные с них ночи.
Дар милости хранит сам Бог в Екатерине,
Познайте ея щедрость в нас материю ныне,
Она, как и предки, нам школу утвердила
И тем помраченный весь род наш просветила
[Никольский, 1919, с. 217, 218].

В этом удивительном сочетании лести, подобострастия, фразеологии «Века просвещения», неоправданного самоуничижения нет ни малейших признаков того подлинного, искреннего отношения к царице,

¹⁰ Впрочем, позднее, в XIX в., в связи с российской экспансией на Северный Кавказ и ужесточением правительственной политики, отношение меняется, и царь в исторических песнях превращается в «бесчестного» (хотя сюжеты песен при этом остаются неизменными).

которое просматривается в текстах, созданных без надзора казенного начальства. И дело здесь вовсе не в классовой солидарности с «царизмом» местной «феодалной верхушки» и «попов-миссионеров»¹¹, а в «матричности», фундаментальности образа монарха в традиционной политической культуре. Настоящие симпатия и благоговение к нему иногда проявлялись открыто и удивляли посторонних наблюдателей своей наивной искренностью.

М.О.Акишин опубликовал письмо сибирского губернатора Д.И.Чичерина своему брату, генерал-полицмейстеру и сенатору Н.И.Чичерину от 9 июля 1767 г. Д.И.Чичерин направил в Москву двух обдорских князцов для участия в Уложенной комиссии, о чем и сообщает в послании. Обращает на себя внимание ироничная характеристика отношения аборигенов, хантов и самоедов, к имени и персоне царицы: «Не могу, братец, изъяснить, сколько здешние дикие народы искренности и верности имеют к государыне и как освящают все то, где указ императрицы Екатерины Алексеевны написан. И так принужден, когда в дикие улусы указы пишу, прописывать высочайшее имя. Как туда доидет, сходятца великими толпами с женами и детьми, целуют губами и лбом написанное имя [императрицы] и малинких детей прикладывают, и тот день, когда в указе имя государынино упомянетца, — великое торжество» [Акишин, 1994, с. 130].

Поскольку мы обращаемся к фольклорному отображению власти, нелишне будет упомянуть о полностью вымышленных ипостасях царя, его сказочных образах. Конечно, в первооснове их порой могли лежать какие-то реалии. Скажем, рассказы жителей степной или таежной глухомани о поездке в крупный город (не обязательно в столицу) передавались из поколения в поколение и обрастали невероятными подробностями, причем город воспринимался как средоточие начальников, цитадель власти, а стало быть, и царя как средоточия всех административных функций. Царь в таких рассказах присутствует как чисто сказочный персонаж — владелец прекрасных дворцов, хитрых бояр, дочек-красавиц на выданье и пр. Он может ходить к простолюдинам в гости, жаловать их «по-царски» землями, льготами, привилегиями... Иногда герою устраивается хитроумное испытание, за которым следует награждение его и милостивое дозволение вернуться домой, сопровождаемое пожалованиями (см., например: [Балдаев, 1970, с. 269; Головнев, 2004, с. 260, 276, 292, 294; Коми, 1984, с. 39; Люцидарская, 1998, с. 101; Марийский, 1991, с. 262; Мифы, 1996, с. 256–260; Телеутский, 2004, с. 46; Фольклор, 1967, с. 127; Худяков М., 2003б, с. 78; Четкарев, 1955, с. 68; Ширяева, 1966, с. 155]). Принад-

¹¹ Подобную трактовку см., например: [Очерки, 1965, с. 137, 138].

лежность его к сказочному «пантеону» иллюстрируется и отсутствием имени — обычно он просто *царь*.

Иногда его связывают с эпическими повествованиями, как это произошло у карелов: в войне Петра против шведов участвуют герои «Калевалы» Вяйнемейнен и Илмаринен (подробно см. ниже). А есть и случаи вовлечения рассматриваемого персонажа в миф о творении, хотя в поздних записях этот миф преобразуется в несколько странную картину. Наглядный пример — мордовская историческая песня «На горах на Дятловых»:

На горах, горах Дятловых
Мордва богу молится,
Кланяясь на восток до земли-матушки.
Мурза, царь московский, плывет по притоку Волги¹²,
По притоку Волги плывет мурза на суденышке.

Царь посылает мордве золото и серебро. Мордовские старики в ответ направляют ему мед, хлеб и соль, но молодежь, которой поручено все это доставить, съедает подношения и взамен кладет в корзины землю и песок. Царь, увидев содержимое корзин, крестится и благодарит Бога:

«Слава тебе, мой бог, властелин!
Ты отдал мне всю эту землю¹³,
Мордва предоставляет мне всю свою территорию.
Я получил то, что желала моя душа».
Мурза поплыл дальше по Волге,
По Волге на судне.
Где бросит руку песка —
Появляется город.
Где бросит горсточку —
Деревня появляется¹⁴

[Устно-поэтическое, 1983, с. 15, 18, 19]¹⁵.

Собираемый образ явлен здесь в исторически нелепой татарско-русской фигуре мурзы-царя московского¹⁶, а вхождение мордвы в со-

¹² Варианты: по Воложке, по Камышине.

¹³ Вариант: Слава тебе, боже царю,
Что отдал в мои руки мордовскую землю!

¹⁴ Вариант: Где бросит земли горсточку —
Быть там градечку,
Где бросит шепоточку —
Быть там селеньицу.

¹⁵ Анализ этой песни см. [Ефимова, 1991, с. 47–51].

¹⁶ Возможно, в этом образе смешались персонажи из разных исторических эпох — Андрей Боголюбский, Юрий Всеволодович, Иван Грозный [Власова, 1981, с. 116, 117,

став России представлено как сказочное недоразумение. Однако в последней части текста мурза-царь предстает в облике демиурга, создающего города и деревни. В народном сознании он наделен божественной прерогативой миротворения, что можно оценивать как переосмысление организующей роли царя в государстве. Как в мире, так и в государстве он наводит порядок, пресекая изначальный хаос, — здесь то и просматривается связь с первичными космогоническими мифами. Царь в традиционном, начинающем христианизироваться сознании занимает место языческого зиждителя.

Из этого посыла вытекает другой: земля есть царское достояние, угодья принадлежат государю. По этому поводу приведем чувашское предание, в котором кратко изложена история рода человеческого. Сначала люди жили охотой. Затем они размножились, и стало голодно. Отец и сын выпросили у царя 30 десятины земли в долг [Димитриев, 1993, с. 268]. В 1770-х годах ногайцы-едисаны, получив под кочевья пастбища по реке Манычу, как передавал путешественник И.А.Гильденштедт, «благодарят Бога и славят русскую монархию за их нынешнее благосостояние» [Гильденштедт, 2002, с. 301]¹⁷. Хотя на самом деле положение ногайцев было далеко от этой пасторальной картины, для нас важно отметить связь обладания благодатными пастбищами с монархией как их подательницей. Документы от имени царя о земельных пожалованиях (или память о таких документах) сохранялись веками. Столь же долго порой тянулись и земельные споры со ссылкой на государеву волю. Как обычно, это были самые запутанные дела, и надежды на их справедливое разрешение оживлялись с воцарением каждого нового монарха¹⁸.

В общем уже просматривается основной мотив отношения народов к *белому царю*. Этот мотив — патернализм. Буквально он выражен, как отмечалось выше, в обозначениях «отец» и «батюшка»¹⁹, а на офици-

129]. Высказывалось также мнение, что данный персонаж «однозначно был представителем... симбиозной бургасско-булгарско-мещерской цивилизации, прямыми потомками которой являются нынешние татары-мишари» [Хайретдинов, 2005].

¹⁷ Для полноты идиллического пейзажа автор добавляет, что и ногайский скот «был здоровым и веселым» (и тоже, надо полагать, превозносил матушку-государыню).

¹⁸ Касательно башкир см. [Ахметшин, 2001, с. 47; Усманов, 1960, с. 139].

¹⁹ Сочетание надежды на покровительство и улучшение жизни проявилось в отношении к Пугачеву — самозваному царю «Петру Федоровичу». Участник подавления мятежа И.И.Михельсон писал: «Во многих местах встречал партии вотяков (удмуртов. — В.Т.)... Сии злодеи не имели намерения сдаться. Они все до единого, кроме купцов, склонны к бунту и ждут злодея Пугачева как отца» (цит. по [Очерки, 1958, с. 100]). В общем-то «мужицкий царь» в определенном смысле может рассматриваться в рамках нашей темы, хотя чаяния, возлагавшиеся на него простонародьем, так и остались несбывшимися. Пугачев в устных повествованиях — человек богатырской силы, воплощение справедливости (часто понимаемой как гарантия традиционного жизнен-

альном уровне получил своеобразное воплощение в форме обращений на высочайшее имя в челобитных XVII в. В них просители-«иноверцы» рекомендовались как «сироты (твои государевы)» (см., например: [Бахрушин, 1955б, с. 91; Документы, 1940, с. 248, 249, 301, 302, 340; Колониальная, 1936, с. 56, 109–111, 150, 151, 202–208, 211])²⁰. Хотя в то время это слово служило самообозначением крестьян-просителей вообще (т.е. их русского большинства — см. [Крестьянские, 1994, Указатель]), но само по себе оно ярко отразило сложившиеся отношения — и народов России к власти, и власти к народам.

Однако в памятниках устного народного творчества подобная трактовка все же составляет исключение. Гораздо более распространены рациональные мотивы налаживания отношений с русским царем. Одним из ведущих мотивов выступает боевое сотрудничество. Есть тексты о противоборстве с абстрактными врагами (см., например: [Коми, 1984, с. 39]), выделяется мордовский цикл о Павле I, где армия изображена многонациональной:

Стоит войско солдат, идет отряд рекрутов,
Гренадерский полк.
Все солдаты русские, чувашаи,
Все рекруты эрзяне, татары.
Перед ними ходит Павел Петрович
[Ефимова, 1991, с. 85].

Как уже указывалось, популярны сюжеты о помощи Ивану IV в завоевании им Казани и Петру I в Северной войне. Первые распространены в основном среди марийцев и мордвы (советы царю взорвать крепостную стену), вторые — среди карелов.

В карельских исторических песнях причудливо соседствуют исторические, фантастические и эпические персонажи и события. Безыскусное повествование об охотничьем сыне Алешке, который повстречал царя в лесу и помог одолеть в бою шведов, а затем сделался солдатом в его армии [Беспярых, Коваленко, 1988, с. 132, 133], напоминает так называемую бывальщину, лишенную сказочного налета (разве что

ного уклада — без христианизации, рекрутчины и т.п.) и представлений об идеальном государе. Правда, его царская «сущность» в известных мне памятниках находится на периферии внимания авторов. В частности, казахов мало интересовало, какой именно титул носит глава повстанцев. Главное — «он обещал нам свои милости... обещал киргизам степь» [История, 1979, с. 87]. Заметим, что при всех его пышных титулах Пугачева никогда не называли *белым царем*. См., например, послания к нему от казахских правителей [Казахи, 2004, с. 196–198].

Трактовка отношений между царем и подданными как между отцом и детьми фиксируется также у бурят [Варнавский и др.].

²⁰ Наряду с этим иногда применялось понятие «холопы (твои государевы)». Одно из средневековых значений слова *сирота* — «раб» [Срезневский, 1903, с. 359].

в конце истории Петр с Алешкой на волшебном коне едут к царскому отцу). А вот в песнях о взятии Выборга Петр обретает уже черты трикстера и проявляет чудеса находчивости, чтобы проникнуть в город: то ложится в сани, зарывшись в навоз, то просится в помощники к местному кузнецу («Я силен, ковать умею!» — отголосок реальных увлечений царя²¹) и, работая в кузнице, за три дня узнает все подступы к городу [Карельское, 1982, с. 118–120].

Своеобразно отразилась Северная война в эпическом преломлении. На землю Калевалы вторглось множество шведов (*руочи*). Калевальцы растерялись, но на подмогу им пришел царь Петр с русской ратью. Во время его поединка с «руочи Карлом» царский меч сломался. Старый Вяйнемёйнен заиграл на золотых струнах кантеле, и Карл уснул, не успев зарубить безоружного Петра. Тот приказал достать железо со дна болота, снять медные колокола и привезти все это к «вечному кователю Илмаринену» (отражение промышленных преобразований в России). Илмаринен выковал из собранного металла чудесный меч и лук со стрелами. В бою Петр одолел Карла, но отпустил с обещанием не нападать на Карелию [Карельское, 1982, с. 133, 134]. В другой песне Илмаринен изготавливает для царя копье, которое бьет без промаха [Карельское, 1982, с. 116, 117].

Хотя теоретически у Петра имеется (и иногда упоминается) войско, действует он в одиночку (как разведчик или поединщик) или сотрудничая с эпическими героями. Огромная русская армия, которая вела долгую войну, в песнях отсутствует. И сам Петр заявляет Пунтусу, «хитрому Выборга хозяину»:

Побеждал своей я силой,
Собственных нам сил хватает;
И не только силой царской,
Вяйнемёненской я силой,
Так же, как и с божьей силой,
Побеждал в больших я войнах
Да в боях кровопролитных
[Карельское, 1982, с. 121].

Значимыми оказываются только личная сила царя, помощь карелов и божественное благоволение. Так *белый царь*-харизматик осмысливался вне всего исторического государственного антуража.

²¹ Энергичная деятельность Петра I предстает, как видим, в явно сказочной интерпретации и со сказочной мотивировкой. Но изображения монарха как труженика являются редчайшими исключениями. Собственно, очень немногие исторические прототипы давали повод для такого изображения. У мордвы рассказ о Павле I: «Днем отдыха не знает, Ночью сна не ведаст» [Ефимова, 1991, с. 85], хотя как раз этот император не выделялся каким-то особым рвением к государственным делам.

Однако самый смысл существования царя выражается ведь в государственной власти, поэтому данный антураж, конечно, присутствует и в его идеальном образе. Прежде всего монарх есть воплощение справедливости, источник и страж нерушимой законности (тоже понимаемой как справедливость, но вовсе не как сумма юридических норм). У адыгов даже появилась клятва-поговорка: «Божись именем царя Ивана!» или «присяга, которая перед царем Иваном» [История, 1957а, с. 106; Ногмов, 1994, с. 122], т.е. Иваном IV — первым русским монархом, с которым им довелось столкнуться. Наиболее рельефно связь верховного правителя с правосудием проступает в фольклоре народов Сибири, которые до прихода русских не сталкивались с государственным законодательством. Оно пришло к ним как новая реальность, внедряемая многочисленными чиновниками от имени государя, который стал и гарантом мира в межплеменных отношениях, и грозой для нарушителей спокойствия.

Ненецкое предание гласит: предводитель ненцев Вавлë Ненянг напал на хантов. «В то время стоял над всеми царь. Дошли до царя слухи, что в районе Салехарда появились воинствующие ненцы... Царь был возмущен, что в его владениях появился человек, который нарушает покой мирных людей. Однажды в Салехард пришла бумага от самого царя. Это был указ поймать Вавлë Ненянга и наказать». Местные русские начальники хитростью заманили ненецкого вожака в ловушку и увезли в большой город навсегда [Мифы, 2001а, с. 208, 209].

В первые полтора столетия пребывания в составе России сибирские аборигены непосредственно сталкивались с властью лишь по поводу выплаты ясака и судебных дел. Суды разбирали только уголовные преступления (в том числе и кровопролитие во время распри между родами и племенами), остальные же коллизии оставались в сфере действия обычного права [Национальные, 1998, с. 95–98]. Поэтому обычно именно суд появляется в преданиях как орган, посредством которого верховный правитель связывается со своими подданными.

Эвенкийское предание: род Момолей издавна воевал с родом Чемдалей. Они сражались, осыпая друг друга стрелами. Чемдали обратились в суд и выиграли дело, поскольку, в отличие от соперников, знали русский язык. «Русские наказали Момолей железными прутьями. На Ангаре был русский начальник. Он написал царю: „Если будем наказывать эвенков, (они) все вымрут“. Царь написал: „Бейте потихоньку, прутиком“. Начали бить прутиком, чтобы, поссорившись, (они) не стреляли друг в друга. Стало хорошо... С тех пор из луков били только белку» [Исторический фольклор, 1966, с. 296].

Якутское предание: богатырь Солук, защищаясь, убил человека из враждебного рода. По приезде домой он объявил родичам: «Против

закона солнца-царя, несомненно, я совершил большой проступок. Поэтому за убийство этого человека я обязательно попаду под суд... Если мне суждено умереть от законов грозного царя, пусть умру от этого...». Когда русские пришли арестовывать богатыря, он прицелился в них из лука, но те сказали: «Высокоchtимый Солук удалец, мы прибыли взять тебя согласно законам солнечного царя. Поэтому ты брось лук и вооружения свои, по дороге не станем обижать тебя». Солук подчинился [Исторические предания, 1960, с. 23, 24]. Такой исход соответствует обычному поведению якутского эпического героя, который при всей своей отваге и буйном нраве беспрекословно выполняет повеления родоначальников-тойонов [Trepavlov, 1994, с. 35–48].

Царской же милостью объясняли якуты освобождение от военной службы. Дескать, Алексей Михайлович, узнав об их малочисленности, распорядился не брать их в солдаты [Исторические предания, 1960, с. 273].

Здесь мы подошли к основной проблеме в отношениях власти и «иноверческих» подданных: произвол провинциальной администрации и поиски защиты от него. Собственно, в правительстве понимали, что зачастую управленцы на окраинах оказываются бесконтрольными, а это таит опасность злоупотреблений. Поэтому жалобы с мест рассматривались в столице внимательно, и у населения была возможность воззвать к августейшему заступнику. В 1574 г., после подавления очередного мятежа в Среднем Поволжье, Иван IV выдал жалованные грамоты в разные волости Казанской земли. В этих документах, кроме прочего, дозволялось бить челом на наместников — бояр и воевод, которые не станут выполнять государевых предписаний (править без насилий, судить без волокиты...), — «и яз, царь и великий князь, выслушав... челобитье, [от бояр и воевод] оборону велю учинити» (цит. по [Флоря, 2003, с. 338]; см. также [Бахтин, 1998, с. 164]).

Такой канал общения верховной власти с народом представлял собой своего рода амортизатор, отдушину, средство выброса отрицательной энергии, скапливавшейся среди «иноверцев». Отсутствие реакции на прошения воспринималось как злодейство придворного окружения, утаивающего от правителя народные нужды. В 1663 г. в разговоре с уфимским воеводой башкиры подчеркивали бесполезность их жалоб царю на действия местных властей, так как бояре не докладывают об этом: «челобитные их... до великого государя... бояре не доносили, и по тем челобитным указу не учинено» (цит. по [Устюгов, 1947, с. 37]).

А в 1706 г. Петр I допустил вопиющее нарушение установившейся практики прямого челобитья, о чем упоминалось выше. Вместо обещанного им рассмотрения жалобы башкир он передал их посланцев, которые привезли ему грамоту, казанским властям. Это было не толь-

ко вероломно по отношению к просителям, но и неразумно, потому что в Башкирии разгоралось народное восстание. Ясно, что авторитет царя и доверие к нему сразу резко снизились, и это послужило толчком к выдвижению радикальных лозунгов отказа от русского подданства, провозглашения собственного хана²².

В фольклорной интерпретации механизм общения подданных с монархом обычно упрощен. Причины и результаты рассмотрения жалоб в подобных сюжетах предельно концентрируются и персонифицируются. Кетское предание: «Зачем народ свой, как собак, мучаешь? — говорит центральный персонаж, Антоска Бальбин, царю. — Или шкуру снять хочешь? Если я твоих собак буду мучить, заезжу их — хорошо будет? Твои люди много остяцкой пушнины даром берут». Царь не поверил, но Антоска потребовал показать меха в казне и указал на остяцкую пушнину, отмеченную особым опознавательным знаком. Царь убедился в его правоте и сказал приближенному (*цырку*): «Не берите у них больше налога. Не мучайте людей!». Антоска поблагодарил царя и устроил пир [Мифы, 2001б, с. 215].

Общеизвестны монархистское противопоставление бояр и чиновников, с одной стороны, и царя — с другой, убежденность в искажении ими благих намерений государя. Последнему иногда приписывался замысел казнить своих негодных служителей²³. Наказание и даже истребление «мучителей» в народном сознании не раз облекалось в форму исполнения августейшей воли. Распространившись первоначально среди русских, эта разновидность социального протеста постепенно проникала и в среду «иноверцев».

В конце XVI в. манси напали на владения промышленников Строгановых по наущению некоего Афоньки Шешукова, который «им... грамоту казал». В этой сфабрикованной царской грамоте содержался призыв к разгрому Строгановских вотчин [Бахрушин, 1955б, с. 99]. Подобный подход особенно характерен для памятников пугачевского цикла. Одна из причин тяготения простолюдинов к Пугачеву состояла как раз в жестокости вожака Крестьянской войны по отношению к представителям власти на местах. Вот как передает башкирское сказание речь Салавата Юлаева к соплеменникам о первом появлении Пугачева: «С Дона появился некий Пугачев-богатырь и начал войну против русских чиновников (*турелер*). Среди народа такие слухи, что этот бога-

²² В данном случае наблюдается проявление общей закономерности, присущей межэтническим отношениям в России. По наблюдению Л.С.Гатаговой, «в России всегда бытовало особое отношение к образу Центра на окраинах (посредник, третий судья, носитель высшей справедливости). Девальвация этого образа не раз приводила к сокрушительным результатам» [Кавказский, 2001, с. 18].

²³ В отношении Павла I см. [Устно-поэтическое, 1977, с. 262–305].

тырь является мужем царицы-бабушки — Петром... Очень плохо относится он к русским чиновникам, боярам и сенаторам» [Песни, 1935, с. 212]. Заметим, что, во-первых, «царица-бабушка» Екатерина здесь выведена за пределы круга притеснителей народа; во-вторых, Салават не наделяет Пугачева царским саном. Его политика удовлетворяет запросам социального протеста, а вопрос о конкретном титуле или статусе лидера отходит на второй план. Салават так и говорит дальше: «Является ли Пугач царем или нет, — это нас не интересует. Пугач — против русских чиновников, генералов и бояр — для нас это достаточно» [Песни, 1935, с. 212]²⁴.

Вообще тема протеста («классовой борьбы») долгое время была сведена к примитивному противопоставлению «трудящихся» и «эксплуататоров». Историческая функция абсолютистской монархии — быть арбитром для всех общественных слоев — игнорировалась. Между тем в России она проявлялась наглядно. Монарх выступал в качестве последней инстанции, куда можно было обратиться с законными претензиями к власти. Это было тем более уместно, если обставлялось соображениями государственной пользы. Так, в 1658 г. бурятские ясачные князцы били челом Алексею Михайловичу на братского воеводу И.Похабова, обвиняя его в насилиях и прося «переменить» (заменить) его. Резоны приводились вполне рациональные: «...чтоб нам от твоего государева ясачного платежу не отстать и от Брацково острогу не отбыть, и в ясачном недоборе и в твоей государевой пене и в жестоком наказанье не быть, и до конца не пропасть» (цит. по [Окладников, 1937, с. 117]). Как видим, явные мотивы (забота об исправной выплате ясака и опасение вызвать царский гнев) соседствуют с завуалированной угрозой прекратить платежи и откочевать прочь.

В башкирском фольклоре распространены рассказы о Брагине. Это реальное лицо — начальник горно-изыскательской партии, жестокий и циничный офицер, убитый башкирами в 1775 г. В одном из вариантов сказания по приказу вдовы Брагина арестовывают всех молодых башкир. Аксакалы обращаются к ней: «Не трогай нашу молодежь — ей надо жить, родину беречь, царю ясак платить, табуны пасти». Они взяли вину за убийство на себя и были казнены [Ахметшин, 2001, с. 90]. Здесь царь вовсе не ассоциируется с чиновниками-злодеями, он находится где-то далеко и при этом вправе рассчитывать на лояльность подданных.

²⁴ Примечательно, что в речи, обращенной к русским рабочим Азналинского завода, Салават и его отец Юлай Азналин подчеркивали как раз «царскую» сущность лидера повстанцев: «Нам с вами никак нельзя жить вне согласия и причинять обиды друг другу, ибо все мы подданные его величества императора Петра Федоровича» (цит. по [Усманов, 1982, с. 298]).

Как ни парадоксально, но даже вооруженные выступления порой принимали причудливые монархистские формы. Речь не о самозванстве, а о восстановлении нарушенной связи между царем и народом²⁵. В 1754 г. башкиры объясняли свое очередное выступление следующим образом: «Если они (русские. — В.Т.) оскорбляют нашу веру, насильно обращают нас в свою веру, меняют повинности, которые мы несли по обязательству с прежними падишахами, и разоряют наше достояние и имущество, давайте и мы, оскорбив их веру, призовем их в свою веру и разорим их имущество; тогда и наши вести дойдут до падишаха, и суть наших дел будет разобрана с полнотой и со справедливостью» (цит. по [Чулошников, 1940, с. 51–52]; см. также [Алекторов, 1883, с. 15 — о движении башкир 1707 г.]). Таким образом, восстание оказывалось последним средством «достучаться» до государя, побудить его обратить внимание на бедственное положение подданных.

Меньше всего мне хотелось бы убедить читателей в существовании идеальной картины отношений между царем и «верноподданным народом». В некоторых преданиях об убийстве башкирами Брагина недвусмысленно указывается, что он являлся «царским наместником», «царским офицером», «боярином из царского рода» [Ахметшин, 2001, с. 83; Башкирские, 2001, с. 231]. А поскольку этот Брагин превратился в нарицательный персонаж, олицетворение всех негативных черт чиновников, то в данном случае зло ассоциировалось также и с царем и подавляющие мятежи солдаты воспринимались как «царские наемники» (*батша ялылар*) [Башкирские, 2001, с. 120]. Выше указывалось, что непосредственно царь как бы не замешан в насилиях, чинимых на местах. Но раз он находится на вершине власти, то и ответственность за происходящее на всех ступенях этой пирамиды возлагается на него.

Негативные оценки верховного правителя усиливались, когда мера народного терпения переполнялась и подданные поднимали мятеж. Тогда-то припоминали и коррупцию, и несправедное налогообложение, и земельные захваты. Да и само правление русских выглядело уже как несчастье. В историческом сказании о башкирском восстании под предводительством Карасакала (вторая половина 1730-х годов) главный герой Минлигул после рассказа о правлении древних тиранов из рода Чингис-хана говорит:

²⁵ Открытый мятеж все-таки был довольно редкой и чрезвычайной формой протеста. В основном старались прибегать к мирным средствам изменить отношение властей. Как указывалось в главе 1, у язычников-марийцев на этот случай существовало особое божество Кугужан-юмо, отвечавшее в том числе за связь царя с народом. «Царь нужды моей не знает» — так начиналась адресованная этому богу молитва [Кузнецов, 2003, с. 368].

А теперь хочу сказать я:
Землю, что освободили
От потомков Чингисхана,
Царь московский и бояре,
Их наемники-тарханы
Снова всю заполнили,
Грабят, землю отнимают
И батыров вырезают
[Башкирское, 1999, с. 256].

Ведь исторически сложилось так, что русский царь освободил западных башкир от владычества казанских Чингисидов²⁶. Однако установленный им режим оказался очень жестким, и здесь царь вместе с боярами и тарханами выступают как виновники несчастий и невзгод.

Вообще сочетание, казалось бы, несочетаемых черт в облике монарха отражает его причудливое восприятие в народном сознании. С одной стороны, глава России грозен и жесток, но с другой — милостив и справедлив. В реальности данный противоречивый комплекс признаков проявлялся в чаяниях на облегчение жизни при вступлении на трон нового правителя. Случалось, вызванные правительственной политикой восстания угасали, едва приходила весть о смерти государя и о коронации его преемника — очередного объекта ожиданий (см., например: [История, 1968б, с. 110; Очерки, 1965, с. 108, 109]).

В недрах традиционной политической культуры негативные качества *белого царя* отнюдь не занимали ведущего места, но все же были довольно заметны. Жестокость сквозит и в рассказах об Иване Грозном, приказавшем, например, из подозрения в измене обезглавить предводителя вятских марийцев, который помогал ему при взятии Казани [Марийский, 1991, с. 244]²⁷, и в мордовском цикле, посвященном Павлу I. В ответ на опасения матери, будто ему не удержать «отцовской страны», «огромного народа», император отвечает, что обеспечит покорность подданных казнями:

Я из людской крови реки пушу,
Из людских ребер мост намошу
[Устно-поэтическое, 1977, с. 262–305]

(см. также [Шаронов, 1973, с. 19]).

²⁶ Аналогичная пресметливость отразилась в предании коми об их зауральских соседях: «Раньше ведь, рассказывают, хантов татары ловили, а татар опять русские гоняли» [Коми, 1984, с. 19].

²⁷ Именно в марийском предании о богатыре Акпарсе содержится афористичное высказывание, отражающее настороженное отношение к верховному правителю: «Близ царя — близ смерти» (цит. по [Бахтин, 1998, с. 133]).

Правда, в некоторых песнях эти зверства намечаются Павлом только в отношении бояр — с целью облегчить жизнь крестьянам.

Не чуждо нашему «герою» и коварство, которое проявляется чаще всего в обмане доверчивых простолюдинов. Есть вполне реалистичные воспоминания о высочайших указах как хитроумных улонках, средстве погашения народного возмущения:

Царь указ распространил
И восставших с толку сбил...
Царь, указ свой разославши,
Разобшил ряды восставших
[Башкирское, 1999, с. 261 —
о восстании Карасакала].

Встречаются сказочные сюжеты, где действуют не только цари, но и богатыри. Однако в отличие от древних эпосов витязи обычно оказываются в проигрыше. Вот марийский силач, наделенный магическими чертами, останавливает течение реки Пижмы, чтобы дать возможность переправиться своим соплеменникам, а затем преградить водой путь вражеской армии: «Пусть прорвется Пижма перед русским царем!». Но царь подкупает одного из марийцев, форсирует реку и сжигает богатыря в его жилище, пока тот спит [Акцорин, 2000, с. 36]. Мы видим не только неразборчивость в средствах для достижения победы, но и какую-то трусливую свирепость — сжигание во сне явно обнаруживает опасение злодея встретиться с богатырем в открытом бою.

А хакасский витязь Ханза-пиг, «самый последний из древних богатырей, оставшийся на сей земле», не признает *белого царя* правителем над собой: «Я сам князь, зачем буду другого князя называть царем?». Но русский владыка в письме своим чиновникам повелевает напоить непокорного и связать. Те исполняют приказ, и в плену Ханза-пиг умирает [Мифы, 1995, с. 153, 154]. В другом хакасском предании в наказание за непомерную гордыню богатырь по воле божественных сил оказывается заживо погребенным, а оставшийся без заступника народ переходит под власть Петра I — Поот-хана, который перед тем проиграл витязю в состязании [Бутанаев, Бутанаева, 2001, с. 107].

Обратим внимание на то, что с началом российского господства заканчивается эпоха богатырей в фольклоре сибирских народов. Это уже выход на совсем другую тему — отношение к России и русским, — к которой мы обратимся ниже. Отметим лишь, что насилия, проявленные казаками и служилыми при объясачивании, злоупотребления местных властей не добавляли позитивных нюансов в обобщенный образ русского человека и соответственно царя как квинтэссенции черт всех русских. Дополнительным психологическим и культурным шоком оказывалось соседство с каторгой и поселениями ссыль-

ных, где таежные аборигены могли наблюдать бесчеловечные условия, созданные русской администрацией для своих же соплеменников²⁸. И здесь тоже «всплывала» фигура царя — надзирающего над державой и ответственного за все дела в ней. В долганском предании купец рассказывает шаману: «В эту страну пришел с рваными ноздрями русский поселенец. Вот у этого поселенца царь не мог добиться признания никакой казни». Сам же ссыльный делится с шаманом воспоминаниями: «Раньше у меня нос такой же был, как у тебя. Но вот царь, пытая, на губе сальную свечу зажигая, нос мой насквозь прожег» [Долганский, 1937, с. 52] (автор рассказа явно наблюдал жертв казни, но не представлял себе ее «технологии»).

Рассмотренные выше черты образа русского царя позволяют наметить некоторые особенности восприятия власти и отношения к ней в представлениях неславянских подданных. Итак, *белый царь* представит как:

- во-первых, удачливый воитель, собиратель или завоеватель земель и народов, иногда их защитник от агрессивных соседей;

- во-вторых, устроитель и организатор нового режима, глава огромной пирамиды властей, верховный начальник над чиновниками;

- в-третьих, источник законности и справедливости, препятствие для всевластия и вседозволенности местных правителей, защита от их произвола;

- в-четвертых, гарант спокойствия и благоденствия, жалующий или подтверждающий статус, имущественные и владельческие права подданных своими указами и грамотами.

При этом он изображается отнюдь не только светлыми красками. Царю могут быть присущи жестокость и коварство, а надежды на обуздание бессовестных «бояр» часто оказываются напрасными, поскольку он принимает их сторону. Складывается неоднозначная, противоречивая картина — позитивные характеристики соседствуют с негативными. Здесь проявляется своеобразный реализм традиционной политической культуры. То есть народ, находившийся неизмеримо далеко от своего верховного правителя, представлял его себе в целом адекватно. Типично фольклорные, сказочные черты наслаивались на реальную историческую ситуацию, и в итоге российский самодержец оказывался одновременно могущественным и жестоким, справедливым и коварным, щедрым и любостяжательным. А поскольку этот «большой хозя-

²⁸ Эти впечатления тоже влияли на характер отношений аборигенов с властью. В 1744 г. ссыльный чиновник Г.Фик докладывал Елизавете Петровне: «Если они находят положение русских подданных справедливым, то они добровольно идут в подданство и, напротив, если они находят его невыносимым, то они сопротивляются как, например, чукочи» (цит. по [Башарин, 2003, с. 243]).

ин» (как называли его карелы) олицетворял собой государство, то такая противоречивая трактовка распространялась на всю государственную власть, все государственное устройство как тяжелое, но неизбежное и необходимое условие повседневной жизни.

—

Исторически сложилось так, что Российское государство начало планомерное территориальное расширение в восточном направлении. Здесь сказались как конкретные обстоятельства XV–XVI вв., так и своеобразные геополитические традиции тюрко-монгольской (золотоордынской) государственности. По отношению к своим восточным и впоследствии южным соседям Россия объективно представляла как победоносный участник борьбы за наследство Золотой Орды. Налаживание отношений с бывшими ордынскими подданными — татарами, башкирами и ногаями — происходило по привычным для них идеологическим и административным канонам. Это помогало им менее болезненно адаптироваться к жизни в пределах Московского государства (подробнее см. [Трепавлов, 2004б]). Для присоединяемых народов главным олицетворением Российской державы служил образ русского *белого царя*.

Тезис о преемственности Московской Руси по отношению к Золотой Орде, сформулированный евразийской школой историков, имеет немало приверженцев. Однако при беспристрастном рассмотрении источников оказывается, что данная идея отражает не реальное положение дел, но представляет собой скорее умозрительную интерпретацию результатов российской экспансии в позднем средневековье. Те исследователи, которые изучают прошлое народов России не по историко-софским и публицистическим трактатам, а по адекватным документальным свидетельствам, признают, что если «ордынский след» и заметен в русской государственности, то никак не в качестве субстратного, основополагающего и долговременного начала. В литературе последних лет можно встретить указания на преходящий характер и постепенное угасание татарских политических традиций [Khodarkovsky, 2002, с. 222], на нереальность, невозможность для Московии «собирания ордынских земель», поскольку границы Золотой Орды были неустойчивы и к тому же совсем не совпадали с границами Великого княжества Московского [Гальперин, 2003, с. 69, 70]. Напротив, образование молодой Российской державы имело в идеологическом фундаменте образ и наследие не чуждого татарского «царства»-поработителя, но погибшей единой Византии. Своеобразной компенсацией за падение «Второго Рима» в 1453 г. было одоление Москвой своих соседей — мусульманских ханств, и в этих условиях сознательное подра-

жание ордынской государственности и перенимание ордынских идеологических установок было немислимым [Боханов, 2002, с. 187, 188; Успенский, 1996в, с. 213].

Однако при этом мы не можем не замечать тот очевидный факт, что на практике русские власти пользовались татарскими управленческими приемами в отношениях с присоединенными народами. Очевидно, наиболее емко и адекватно эта коллизия объяснена Н.С.Борисовым: московское правительство брало на вооружение *не идеологию, но технологию власти* [Борисов, 2003, с. 11]. Добавим к этому наблюдение И.В.Ерофеевой: подобные «технологические» заимствования были направлены в первую очередь на нужды восточной политики правительства [Ерофеева, 1993, с. 274]²⁹. В самом деле, ведь русским политикам в эпоху территориального расширения государства пришлось иметь дело не с канувшей в небытие Золотой Ордой, а с ее «осколками». Поэтому более актуальным было определение места России в системе этих наследных ханств. Вот и Ч.Гальперин, категорически высказавшись против идеи преемственности Московского царства от Золотой Орды, тем не менее считает, что в политике по отношению к поволжским народам «Московия осознала себя преемницей власти казанских и астраханских ханов» [Гальперин, 2003, с. 70]. А это уже величины, несопоставимые с громадным Улусом Джучи XIII–XIV вв.

Как заметил австрийский посол А.Майерберг в 1661 г. по поводу присутствия в царском титуле царств Казанского, Астраханского и Сибирского, «эти страны наверное никак уж не заслуживают названия ни империй, ни царств (исключая Сибири), потому что кроме тех городов, от которых получили название, едва несколько маленьких городков считают под своей судебною властью» [Майерберг, 1873, с. 117]. Ему вторил датский посланник к Петру I Ю.Юль: «Само собой разумеется, что эти малые государства не могли быть империями... По завоевании этих незначительных государств русские великие князья получили титул царя, а неразумные льстецы, по незнанию языка и под-

²⁹ Данный тезис И.В.Ерофеева высказывает по поводу использования генеалогических преданий при Иване IV. Типологически это можно было бы отнести как раз к сфере государственной идеологии, но в действительности манипуляции с «татарскими предками» царя служили орудием сиюминутной политики. Ш.Лемерсье-Кельеже видит «чингисидский образец» в российской политике XV–XX вв. по присоединению соседних народов, когда достаточно было склонить к российскому подданству элитный слой, а народ уже следовал за ним автоматически [Lemerrier-Quelquejay, 1992, с. 20]. О.В.Зотов считает, что русские монархи утверждали свою «универсальность», используя своего рода дуализм — наличие у православного царя мусульманско-татарского alter ego, в принципе равноправного с русской православной сущностью высшей власти [Зотов, 1993, с. 120].

даваясь в отношении слова „царь“ самообману, вздумали переделать этот титул в титул „императора“ (Keiser)» [Юль, 1899, с. 157].

Укажем, однако, что когда при контактах с восточными властями речь заходила об обладании бывшими золотоордынскими землями, русские находили доводы для отстаивания своих прав на них. Так, по приказу А. Нагому, отправленному послом в Крым в 1563 г., гласил: «И если вспомнят (татары. — *В.Т.*) при каком-нибудь случае о великом князе Иване Даниловиче Калите и о царе Узбеке (хан Золотой Орды в 1312–1341 гг. — *В.Т.*)... то отвечать, что такие разговоры к доброму делу нейдут... теперь Божиею волею Узбеков юрт у кого в руках, сами знаете; известно, от кого на том юрте посланники и воеводы сидят и по Узбекову юрту кому к кому следует поминки посылать — знаете» (цит. по [Соловьев, 1989, с. 577]).

Пока речь у нас шла об отношении русских к ордынскому наследию. Цель же автора этих строк — попытаться определить взгляд на данную проблему «противоположной» стороны, т.е. восточных и южных соседей России, многие из которых стали впоследствии ее подданными.

Прежде всего отметим, что реальная военно-политическая мощь Московского государства осознавалась в окрестных владениях, и постепенное присоединение территорий, населенных тюрками, воспринималось как следствие этого могущества. Даже сильнейший правитель Востока и в дальнейшем глава мусульманского мира, османский падишах уже в конце XV в. признавал за великим князем право владеть кочевыми степями. В неоднократных обращениях к Ивану III он использовал формулу «всея Руси Восточной и Полской земель князь», «всея Руси Восточной и Полской и Дешской и иных многих земель князь», «Божием велением Русской и Восточной и Дешской стороны колка городов государь» и т.п. [Сборник, 1895, с. 244, 245, 247, 289]. «Полской», «Дешской» означают здесь Дешт-и Кипчак («Кипчакская степь») — область кочевых степей (в первом случае с переводом: «поле» — степь)³⁰.

³⁰ И.В.Зайцев предполагает, что в данном случае здесь могло отразиться признание султаном у Ивана III титула «князь Болгарский», который появился после взятия московским войском Казани в 1487 г. [Зайцев, 2004б, с. 183]. Характерно, что в тот же самый период крымский хан Менгли-Гирей обращался к Ивану Васильевичу без перечисления подвластных тому территорий — просто «брату моему поклон» или «слово наше то». Это можно объяснить притязаниями Крыма на овладение бывшей территорией Золотой Орды. Впоследствии название «Дешт-и Кипчак» вошло в титул крымских ханов, а пышная титулатура московских правителей воспринималась в Бахчисарае с раздражением. В 1658 г. Мухаммед-Гирей IV выговаривал Алексею Михайловичу: «Вы что же, выше предков своих себя ставите? Разве не знаем мы, что отцы наши, до вольствуясь Московским царством, писали послания пребывающим в соседстве пади-

Тем более это было очевидно для непосредственных соседей России. Установление русской гегемонии воспринималось жителями Поволжья и Южного Урала как переход власти от тюркских ханов к московскому правителю. После завоевания Иваном IV Казани «луговая черемиса... приидоша в Казань ко царю самодержцу с великим смирением и покорением, и предашася ему вси, и **назваша себе новым царем**» [ПСРЛ, т. 29, стб. 169]. Память об этих событиях сохранялась на протяжении столетий. Еще в XVIII в. башкиры вспоминали, как «наши отцы, деды и прадеды к великому государю пришли своими волями, **оставя прежних ханов**», «деды де и отцы их от предков масульманских и нагайских ханов владели вотчинными землями и водами и, сыскав великих князей-государей, пришли под протекцию их величества сами собою» (цит. по [История, 1996, с. 146]).

При разборе символических категорий, применявшихся в средневековой Руси, М.Б.Плюханова обратила внимание, что в целом завоеванная Казань интерпретировалась русскими как источник «царения» и в русском народном творчестве порой уравнивалась в этом смысле с Царьградом; оба города оказывались однофункциональны и взаимозаменяемы. Так, в одной из песен, записанных Киршей Даниловым, описывается казнь Иваном Грозным татарского царя Симеона:

Он взял с него царскую корону
И снял царскую перфиду,
И царский костыль в руки принел.
И в то время царь воцарился
И насел на Московское царство,
Что тогда-де Москва основалася,
И с тех пор великая слава.

Здесь наблюдается явная перекличка с другим фольклорным памятником — «Песней о гневѣ Грозного», где функцию источника царства выполняет Царьград:

шахам, сообразуясь с этим? А вы притязаете быть выше их, пишете себя... падишахом Запада и Востока...» (цит. по [Фанзюв, 2003, с. 143]).

По наблюдениям А.Л.Хорошкевич, включение Дешт-и Кипчака в перечень подвластных великому князю территорий соответствовало османской традиции, «усвоившей претензии русского государя на все земли домонгольской Руси и щедро включавшей в пределы его власти заположский Дешт» [Хорошкевич, 2004, с. 107].

Заметим, однако, что в XVI–XVII вв. в переписке Порты с европейскими дворами «Кипчакская стена» (иногда в виде эфемизма «Татария») эпизодически вставлялась в султанский титул [Зайцев, 2004а, с. 112, 113]. Поэтому признание османским правительством прав московских государей на татарские земли выглядит не столь однозначным; здесь нужны дополнительные исследования.

Я повынес-то царенье из Царягорода,
Царскую перфиру на себя надел,
Царский костыль себе в руки взял
[Плюханова, 1995, с. 189–190].

При организации власти над завоеванными Казанским и Сибирским ханствами Иван IV ориентировался в некоторых аспектах на до-русские административные каноны. Местному населению было велено платить подати (ясак) в царскую казну в тех же размерах, «якоже и прежним казанским царем», однажды даже с уточнением конкретного периода в истории ханства — эпохи московского протектората: «как было при Магмедыме царе» (т.е. Мухаммед-Амине, ханствовавшим в 1487–1496 и 1502–1518 гг.) [ПСРЛ, т. 13, ч. 1, с. 221, 222; ПСРЛ, г. 29, с. 205]; см. также [Алишев, 1990, с. 177; Бахтин, 1998, с. 135; Гришкина и др., 1983, с. 38; История, 1996, с. 137]³¹.

Таким образом, сохранение принципа ясачного налогообложения, сложившегося в татарских «юртах», служило не только инструментом осуществления власти русского правительства над новоприсоединенными территориями, но и средством наименее болезненного вовлечения их населения в систему российского подданства. Кроме того, учитывались и изначальная приспособленность ясака к алгоритму именно государственного налогообложения (наиболее целесообразного в завоеванных землях), и уровень социально-экономического развития местных народов (ясачная система соответствовала этому уровню), и психологическая потребность татар, башкир и других сохранить некоторые основные традиционные институты (об этом см. [Димитриев, 1986, с. 57; Скобелев, 1998–1999]).

При обсуждении проблемы восприятия прерогатив русского царя окрестными народами назначение ясачных выплат предстает как один из главных признаков его монархических полномочий. Эти полномочия в новых исторических обстоятельствах перешли теперь к московскому государю. Только он был вправе определять размер податей и требовать их выплаты. В ходе борьбы за гегемонию на развалинах Золотой Орды Москва поневоле включалась в реорганизацию некогда стройной системы выплаты дани. Известна переписка крымских ханов с Иваном III и Василием III относительно того, чтобы «взимки» с тех уделов Великого княжества Литовского, которые были присоединены к Московскому государству в конце XV — начале XVI в., по-преж-

³¹ Правда, Ш.Ф.Мухамедьяров замечает, что, хотя первоначальный размер ясака (полуполтина со двора) действительно не превышал прежний, местные воеводы вскоре ввели целый ряд сборов — в том числе в свою пользу, — которые в сумме оказались в несколько раз больше установленной правительством ясачной нормы [История, 19686, с. 103].

нему собирались в пользу Бахчисарая и доставлялись туда, как и при власти литовцев [Соловьев, 1989, с. 82; Хорошкевич, 2001, с. 236, 237].

После «Казанского взятия» признание подобных прерогатив за Иваном IV стало распространяться еще более интенсивно — даже за пределами покоренного волжского ханства. В 1555 г. сибирские беки Ядгар и Бек-Пулад, предчувствуя приближение жестокой войны с султаном Кучумом, обратились в Москву с просьбой о покровительстве и защите. Точно следуя золотоордынским канонам, привычным для этих новоявленных партнеров, Иван выдал им ярлык на княжение (бекство), обложил их «юрт» данью и назначил туда своего наместника-даругу, в пользу которого взималась «дорожная пошлина» [Миллер, 1999, с. 204, 205; ПСРЛ, т. 13, ч. 1, с. 248, 276, 285]. Когда Кучум одержал победу над беками (1563 г.), он подтвердил вассальные обязательства сибирских татар и готовность платить дань. Царь послал в Сибирь «своего дорогу Добычу Лачинова с своею жалованною грамотою» [РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 8, л. 91]. Впрочем, вскоре хан разорвал отношения с Москвой.

Назначение даруги имело явные аналогии в Золотой Орде; был прецедент и в русско-татарских отношениях. В 1376 г. войска великого князя суздальско-нижегородского Дмитрия Константиновича и московского князя Дмитрия Ивановича выступили в поход «на Болгары, рекше на Казань». Неприятельская рать была ими разбита, русские взяли «окуп... и всю свою волю сътвориша, и дорогу и таможенника посадиша в Казани, и възвратися въ свояси» [ПСРЛ, т. 11, с. 25]. Таможник, надо полагать, предназначался для контроля за сбором тамги — торговых пошлин. То есть опять мы видим ориентацию на ордынские образцы, но ведь и город-то заняли татарский. Так что управление в нем устроили привычное для ордынцев.

Помимо права на сбор податей сюзерен обладал полномочиями производить земельные пожалования. И так же как в случае с ясаком, русским монархам пришлось взять на себя урегулирование владельческих прав на землю, причем во многих случаях они имели дело с архаичным явлением родоплеменной собственности на угоды. Соответственно и пожалования нередко даровались родам и племенам (в лице их предводителей~представителей). Эта ситуация наглядно проявилась в отношениях с башкирами. Западная их часть до середины XVI в. входила в состав Казанского ханства, и некогда именно хан Казани, в ответ на прошение башкирской делегации, дал право своим башкирским подданным пользоваться землями [Лоссиевский, 1881].

В данном случае речь идет вовсе не о наделении новыми владениями. Хан подтверждал право подданных на пользование их исконными, доставшимися от предков землями. Просто законно владеть ими мож-

но было, только обладая разрешением и согласием со стороны высшей власти. Ясно, что население присоединенных территорий в основном продолжало жить на прежних местах, и при смене власти (в данном случае татарской на русскую) потребовалось обновление такого разрешения и согласия. В одном из исторических преданий башкирские посланцы так и говорят царю Ивану: «Закрепите нас на тех землях, что от века принадлежали нашим предкам» [Башкирские, 2001, с. 231]³².

Таким образом, и в этом случае московское правительство объективно наследовало административные полномочия своих предшественников. В литературе описана ситуация, когда при межевании мордовских земель в 1690 г. обитатели двух деревень представили два правоутверждающих документа — жалованную грамоту казанского хана «Сафая» (очевидно, Сафа-Гирея, правившего с перерывами в 1524–1549 гг.) и оброчную грамоту царя Бориса Годунова. Вторая грамота скорее всего была выдана на основании первой, и обе были приняты русскими чиновниками к рассмотрению [Герасимов, 2000, с. 142]³³.

Вмешательство сильной государственной власти требовалось, конечно, и при конфликтах из-за земли. Так, хоринские буряты в середине XVII в. признали себя подданными царя и исправно вносили ясак в Нерчинский острог, но со временем русские стали вытеснять их с хороших угодий. Тогда хоринцы направили депутацию к Петру I, который выдал им жалованную грамоту на право обладания их же кочевьями, «породными землями». После этого отношения с русскими наладились [Тулохонов, 1973, с. 99; Цыдендамбаев, 1972, с. 51, 53, 58].

Еще более актуальным было закрепление вновь занятых территорий. В преданиях они обычно предстают как пустующие или оставленные прежними обитателями. Такие случаи зафиксированы у вятских татар (Иван IV пожаловал их предку «страну Нукрат» — местность в Вятке, вдоль реки Чепцы) [Усманов, 1972, с. 182, 183], горно-окинских бурят (получили от Петра I санкцию на владение Бурангольской долиной [Дугаров, 2002, с. 20, 21]), а также у нескольких башкирских племен, которые заняли обширные степи после откочевки основной массы ногаев — прежних властителей тех мест [Трепавлов, 2003б].

Организация налогообложения в новоприсоединенных регионах имела и, так сказать, обратную сторону: освобождение от ясачных вы-

³² Ответ царя: «Я, белый царь, принимаю вас как свободных подданных своих, прикрепляю вас к землям, которые извечно принадлежали вашим предкам, родам вашим (башкирским)».

³³ Об этом явлении на территории бывшего Казанского ханства см. также [Исхаков, Илмайлов, 2005, с. 22, 23; Худяков М., 2003б, с. 78, 79].

плат в качестве льготы или награды. В тюрко-монгольской государственной традиции лица, получавшие такое освобождение, назывались тарханами. Этот термин вошел и в русскую социальную терминологию позднего средневековья. Если судить по фольклорному отображению принятия российского подданства, то, как правило, царь жаловал тарханство знатым лицам, которые инициировали присоединение к России или имели перед ней особые заслуги (например, участие в подавлении народных движений). Очевидно, случалось и подтверждение старого, дорусского тарханства, дарованного ханами [Димитриев, 1986, с. 345]. Получение тарханских льгот от царя особенно запомнилось башкирам. В их родословных-шеджере неоднократно описывается присвоение данного ранга предводителям родов (см., например: [Башкирские, 2002, с. 151, 156]³⁴.

Тархан — это в общем-то статус, а не титул. Но раздача титулов и званий также являлась исключительным правом сюзерена. Народная память связывала присуждение подобных званий с русским монархом. В шеджере башкир-юрматы описано, как одновременно с установлением нормы ясака и разрешением занимать кочевья ушедших ногаев Иван IV даровал главному юрматынскому предводителю чин мурзы, а трех других сделал «старшинами» (т.е. биями) [История, 1996, с. 141]. По историческому преданию хакасов, в награду за решение перейти в российское подданство *белый хан* вручил главе племени бельтиров знаки княжеской власти: нагайку для наказания непослушных, шашку для расправы над врагами и знамя для демонстрации своей принадлежности к России. Демонстрация знамени предусматривалась в назидание монгольским ясачным сборщикам, которые тоже претендовали на подати с бельтиров [Бутанаев, Бутанаева, 2001, с. 46 (здесь же см. исторические прототипы описанной ситуации)]. Петр I жаловал знамена родам хоринских и селенгинских бурят [Цыдендамбаев, 1972, с. 169].

В последнем примере наблюдается интересное явление: происходит некое подобие инвеституры с соответствующим ритуалом. Такие случаи не единичны в российской административной практике. Еще в первой половине XVI в. посажение в Казани вассальных, зависимых от Руси ханов осуществлялось при посредстве и присмотре специально посланных для этого бояр и воевод (см., например: [Разрядная, 1977, кн. 1, с. 165, 166; кн. 2, с. 321]). Точно так же действовали в старину ордынские ханы, направляя своих послов для введения в должность князей по получении теми ярлыков. В 1606 г. царь Василий

³⁴ Ведущий исследователь и публикатор башкирских шеджере Р.Г.Кузеев полагал, что институт тарханов получил заметное распространение у башкир только после присоединения к России [Башкирские, 1960, с. 201].

Шуйский извещал березовского воеводу, что кодского остяцкого князя Онжу Юрьева он жалует «прежними его волостками, которые были преж сего за ним же за Онжею... со всеми угоды и ясаком, и наша жалованная грамота ему дана». Воеводе было велено вручить грамоту Онже, дабы тот на ее основании мог «владети и ясак сбирати на себя». При этом надлежало передать остяцкому князю и хранившегося у березовских властей палтыша — какого-то идола («по их вере... бол-пан»), который, очевидно, служил неким сакральным родовым символом [Миллер, 1999, с. 407]. В 1784 г. по предписанию правительства кавказский командующий П.Потемкин вручил кумыкскому шамхалу вместе с грамотой о принятии в подданство соболиную шубу и саблю [Гаджиев, 1965, с. 148].

Из известных мне примеров инвеститурных акций наиболее яркими и наглядными кажутся те, что связаны с ногами. В отношениях с Ногайской Ордой московские политики иногда настолько увлекались изобретением способов «привязать» к Москве степняков, что позволяли себе пренебрегать ограничениями и условностями, принятыми в кочевой степи.

С начала XVII в. царь своей грамотой подтверждал избрание нового правителя-бия кочевыми аристократами мирзами, а астраханские воеводы разработали торжественный церемониал введения его в должность. В 1600 г. новоизбранному бию Иштереку вместе со знатнейшими мирзами было предложено приехать в Астрахань для вручения жалованных грамот из столицы. По прибытии кочевники узнали, что им предстоит совершить акт самой настоящей интронизации, «поднятия на ханство». Воеводы задумали, чтобы мирзы подняли Иштерека на белом войлоке, подобно тому как провозглашали ханов-Чингисидов в независимых кочевых государствах — Золотой Орде и татарских ханствах. У ногаев такой обряд никогда не применялся: они не имели на него права, так как возглавлялись биями, а не ханами. Мирзы крепко задумались: «А того де они не ведали, что ево, Иштерек мурзу, на княженье поднять на епанче... И из давних де лет николи того не бывало». Однако, посоветовавшись целый день, все-таки решились, и Иштерек был поднят на войлоке [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1641 г., д. 5, л. 30–34]. Следующий и последний бий, Канай, в 1622 г. воспринял этот акт уже без всяких сомнений.

Торжественный ритуал «коронации» в Астрахани включал не только главную церемонию «поднятия на епанче». Было детально расписано поведение всех участников — вплоть до показательной массовости на улицах: «...стрелецким и посадским и всяким жилецким людям велеть ходить по площади и по улицам, чтоб было людно» [Собрание, 1822, с. 465–471].

Ногаи не оставались в долгу и придумывали собственные варианты обрядов, которые показали бы зависимость их Орды от московского государя: «Турские салтаны на Крымской юрт сажают царей и им... присылают санжаки, а по руски копыя з знаменем»; назначение же ногайского бия предлагалось отметить другим символом — прислать «свое государево жалованье кречеты, и им... те кречеты на княжестве... знамя». Ловчие дрессированные птицы ценились очень высоко и принадлежали к «заповедным» товарам (запрещенным к вывозу в обход казны). Посольский дьяк, с которым ногайские послы в Москве поделились этой затеей, сперва холодно парировал: уже «посланы к мурзам государевы жалованные грамоты с печатью — то им и знамя... А кречетов ныне у государя на кречатне мало». Но когда царь Михаил Федорович узнал о данной инициативе, то счел ее необременительной и распорядился направить высшим ногайским сановникам (будущим бию и нурадину, уже намеченным к избранию) двух кречетов³⁵.

«Ногайские» примеры интересны и тем, что они демонстрируют контакты правительства с народом, который пока не принадлежал к государевым подданным («прямым холопам»). В данном случае сказывалось признание соответствующего ранга царя и его полномочия на инвеституру, вытекавшие из этого ранга. В подобных отношениях с Россией долгое время находилось и население Северного Кавказа.

В 1614 г. царской грамотой была установлена зависимость приграничных кабардинцев и чеченцев («терских окочан») от кабардинского князя Сунчалаея «за его службу» [Блиев, 2004, с. 67, 68]. Мероприятие было чисто формальным, так как на самом деле земли горских народов тогда не входили в состав Московского царства, и Михаил Федорович лишь демонстрировал свои монаршие prerogatives. А Сунчалаея, со своей стороны, признавал иерархическое верховенство *белого царя*, его право на упорядочение отношений господства-подчинения по отношению к правителям, «младшим» по рангу.

Через тридцать два года Михаил Романов после долгих и настойчивых просьб выдал шамхалу Сурхаю грамоту: «И пожаловали есмь по твоему челобитью, учинили тебя в Кумыках к большому чину в шевкальстве...» (цит. по [История, 1988, с. 345] (до того шамхальским титулом наделял персидский шах).

Когда кочевники переходили «под высокую государеву руку», они — ввиду особенностей своей экономики и социальной жизни — были готовы доверить ему главнейшую функцию степного сюзерена — регулирование сезонных передвижений населения и стад. С ногайской стороны иногда выдвигались рискованные инициативы, осуществле-

³⁵ Продолжение и забавный финал этой истории см. [Трепавлов, 2003а, с. 74].

ние которых вело бы к полному подчинению Орды Москве. В 1564 г. посол ногайского бия Дин-Ахмеда сообщил Ивану IV, что недавно скончавшийся бий Исмаил завещал детям передоверить распределение кочевых улусов царю: «кому на котором улусе велишь быти, то положили на тебя». В период разложения и распада Ногайской Орды, в 1620-х годах, мирза Джан-Мухаммед в недатированной грамоте тоже просил царя Михаила Федоровича «указати, где кочевати» Тинмаметевым и Иштерековым мирзам с улусами, т.е. взять на себя главнейшую обязанность кочевого сюзерена.

А в декабре 1628 г. высокородная делегация явилась к астраханским воеводам с небывалым в истории ногайско-русских отношений предложением. Она обратилась с идеей «в своих ссорах, что будет у них и улусных их людей вперед учинятца, по прежним своим бусурманским обычаем самим (ногаям. — *В.Т.*) не управляться ни в чем, а «отят... они, Канаи князь и мурзы, и все их улусные люди, вперед быти оборонены твоим царским праведным судом и обороною — так же, как и русские люди; а не так, как бывало наперед сево: во всяких своих недружбах ведались и управлялись они меж себя сами... И тебе, великому государю, пожаловать их... — розправлять своим царским милостивым указом и виноватым чинити наказание, смотря по винам — так же, как и руским людям». Причиной сенсационной затеи объявлялась неспособность удерживать Орду от распада с помощью кочевых традиций: «А толко... тое твое государевы милости не будет, и ведацца им в своих обидах и управляцца меж себя самим по прежним их обычаем — и им... досталь (т.е. окончательно. — *В.Т.*) меж себя разоритца, и улусные люди от них розбредутца».

Принимать под непосредственное управление многочисленных, растекающихся по степям кочевников правительство не собиралось, не желая, как пишет А.А.Новосельский, вступать на новый, непривычный для него путь [Новосельский, 1948, с. 149] (хотя Астраханское канство и Юго-Западная Сибирь, населенные в значительной мере кочевниками, были беспрепятственно включены в территорию государства!). Большие Ногаи традиционно воспринимались как иноземцы, соседи России, не принадлежащие к ее населению. Поэтому воеводы, ссылаясь на полученные из столицы инструкции, ответили бию и мирзам, что царь «их поволности отнимати у них не велел», но указал, «чтоб им... жити в поволности и в покое по их обычаем, как повелось нестари. А неволити их... государь от их прежних обычаев ничем не велел» (подробнее об этих событиях см. [Трепавлов, 2001, с. 642, 643]).

С похожей ситуацией власти чуть было не столкнулись в 1639 г., когда один из мятежных сибирских царевичей-Кучумовичей, Девлет-Гирей, решил прекратить вооруженную борьбу с русскими и обратил-

ся с просьбой: «Принял бы его государь з детьми ево и со всеми ево улусы под свою царскую высокую руку и велел ему кочевать, где он, государь, пожелает, велит ему кочевать» (цит. по [Устюгов, 1947, с. 47]). Правда, впоследствии царевич передумал и завязал дружбу с калмыками.

Перечисленные земельные и титульные пожалования оформлялись документально. В фольклорных рассказах о них также порой возникают золотоордынские реминисценции. Подобные акты именовались хорошо знакомым для тюрков и для русских словом *ярлык*: *ярлык алдык*, *ярлукашлар алдылар* — «получили ярлык, ярлыки» (после челобитья царю Ивану); в одном предании о событиях второй половины XVIII в. фигурирует «ярлык, написанный на собачьей шкуре» (*эт тиреһенә язылган бер ярлык*), дававший право на дворянство и освобождавший от податей [Башкирские, 1960, с. 33, 111; Башкирские, 2001, с. 231].

Р.Г.Кузеев отметил, что любой письменный документ для башкир являлся «ярлыком» (от *яру* — «писать») [Башкирские, 1960, с. 182]. Однако известно, что термин *ярлык* происходит от тюрко-монгольского *jarlyg* — «повеление, предписание, приказ» [Древнетюркский, 1969, с. 242] (о терминологии см. [Усманов, 1979, с. 7, 8]). Кроме того, в шеджере и преданиях встречаются и другие наименования царских грамот — *хитабнаме* и *иске грамота кагызы* (букв. «старая бумага-грамота») (см., например: [Асфандияров, 1982, с. 20; Башкирские, 1960, с. 212]).

Полновластие московского государя проявлялось в отношениях его со служилыми татарами, прежде всего с правителями Касимовского царства. Об этих отношениях написано много и подробно; зависимость и полная покорность касимовцев Москве не вызывает сомнений. В литературе давно высказаны справедливые суждения о том, что Иван III, к примеру, «считал себя полным господином над касимовскими ханами и султанами», а при Иване IV они «как бы наглядно выражали могущество и полноту царской власти и политические успехи московского государя... являясь его слугами, но в то же время пользуясь известной долей политической самостоятельности» [Лилеев, 1891, с. 9–10; Кобеко, 1893, с. 336]. Само назначение на престол в Касимов, а с 1560-х годов и наделение ханским рангом всецело находилось в руках русского монарха [Вельяминов-Зернов, 1864, с. 25, 26]. Я не стану подробно останавливаться на статусе Касимовского царства по причине его известности. Укажу лишь, что квинтэссенцией этого статуса могут послужить слова татарского хрониста начала XVII в. Кадыр Али-бека о своем патроне, царе Ураз-Мухаммеде: он «правой рукой действовал по шарияту, а левой рукой — согласно высочайше-

му указу (ярлыку) государя Бориса Федоровича-хана, бил кнутом воров, разбойников и неблагочестивых» (цит. по [Усманов, 1972, с. 90]). Следовательно, источником власти вассального хана и здесь выступает (помимо мусульманского права) выданный в Москве ярлык.

В осуществлении контактов со служилыми государи порой не гнушались демонстрировать свою особую милость к ним, особенно по сравнению с прочими иноземцами. Известен случай во времена Ивана III, когда причудливо переплелись упомянутый выше шариат и самовластная воля великого князя московского. В 1483 г. выезджий немецкий искарь Антон взялся лечить и «залечил» до смерти бека Кара-Ходжу, приближенного служилого царевича Даныяра Касимовича. Возникло подозрение в умышленном отравлении. Хотя доказательств не нашлось, великий князь выдал врача на расправу сыну умершего. Антон подвергся истязаниям, но в конце концов потерпевшая сторона потребовала, чтобы немец заплатил за себя выкуп, после чего отпустила его на свободу (так позволяли действовать шариатские каноны). Однако Иван Васильевич приказал все-таки схватить Антона и казнить («зарезаша его ножом как овцу») [Вельяминов-Зернов, 1863, с. 89] (анализ описанной ситуации см. также [Борисов, 2003, с. 594]). В данном случае великий князь выступал как высшая судебная и карающая инстанция по отношению к своим подданным, в том числе иноверным, имеющим собственные законоположения.

В целом подчинение татарских династий русскому самодержцу имело и несомненный идеологический подтекст как верховенство бывших данников над бывшими завоевателями³⁶.

Очевидно, выше приведено уже достаточно фактов, чтобы высказать предположение: русский царь (великий князь) в иерархической структуре организации власти в определенном смысле заменил прежних татарских ханов. Этот тезис кажется парадоксальным, поскольку новым ханом оказывается глава православного Московского государства. Однако парадигма отношений с неславянскими подданными свидетельствует об использовании привычных для них институтов власти как раз для включения их в число подданных этого государства. В частности, формально Казанское ханство ведь не прекратило своего существования, просто ханом теперь считался московский царь. Эта, казалось бы, вполне очевидная, «лежащая на поверхности» мысль, насколько мне известно, впервые была сформулирована лишь совсем недавно

³⁶ По мнению Б.А.Успенского, в качестве последнего этапа трехсотлетнего противостояния можно трактовать посажение Иваном Грозным на московский трон в 1576 г. Симеона Бекбулатовича — как царя самозваного, незаконного, ряженого [Успенский, 1996г, с. 156].

Б.Н.Флорей [Флоря, 2003, с. 42]. Сам Иван IV писал в первом послании Курбскому о Казанском и Астраханском ханствах: «...те царствия нашему государству во всем послушны учинишася» (цит. по [Флоря, 2003, с. 42]), т.е. не уничтожены, но сохранились, превратившись в «послушные» части государства³⁷. В самом деле, оба эти территориальных образования дожили до петровских областных реформ начала XVIII в., когда уступили место губернскому и провинциальному делению.

Во второй половине XVI в. иностранные наблюдатели понимали ситуацию именно таким образом: «Казанцы и астраханцы в районе реки Волги в прежние времена имели своих царей... Потом их покорил под свою власть Иван Васильевич... **Титул их московский царь употребил для себя** и называет себя царем той и другой страны» [Даниил, 1876, с. 59–60]³⁸. То есть царь Казанский и царь Астраханский — это именно татарские титулы, перенятые победителем, и царь здесь — это хан.

Кстати, обладание Казанью учитывалось восточными властителями при определении ранга царя. В 1669 г. хивинский хан Ануш-Мухаммед обращался к Алексею Михайловичу: «Великие Росии великому государю, белому царю и великому князю московскому и **болгарскому...**» [Материалы, 1932, с. 210]. «Болгарский» — явное воспоминание о Волжской Булгарии или скорее об образовавшемся на ее месте в Золотой Орде Булгарском вилайете — исторических предшественниках Казанского ханства.

Кое в чем схожа ситуация и с Сибирью. Правда, Ч.Гальперин утверждает, будто «кровавая история продвижения Московии в Сибирь говорит о том, что местные татары вовсе не приветствовали появления нового „хана“ и не считали его наследником золотоордынской власти» [Гальперин, 2003, с. 70]. Однако уже Ермак после изгнания Кучума расценивал себя как бека стольного города Искера, и в таком качестве его признавали представители ряда тюркских и угорских княжеств

³⁷ Особый статус татарских царств порой проявлялся неожиданным образом. В 1631 г. велось следствие по делу архиепископа Макария, который заявил, будто Астраханское царство древнее Московского и поэтому должно иметь привилегии — вплоть до обретения независимости. Таким образом, Макарий считал русскую Астрахань наследницей ханского юрта. И это притом, что население города в то время было исключительно русским, а татарам из опасения мятежных замыслов запрещалось даже ночевать в нем [Карабушенко, 1995]. В чем-то похожие идеи вызревали в среде воеводской администрации и служилой аристократии «Казанского государства» в период Смуты начала XVII в. Правда, причина крылась в намерении сохранить истинное православие в условиях польской интервенции и всеобщего хаоса [Ермолаев, 1982, с. 85, 91].

³⁸ Ср. цитировавшегося выше Юля: «...по завоевании этих незначительных государств русские великие князья получили титул царя».

Западной Сибири [Нестеров, 2003, с. 120]. Да и согласие бывших Кучумовых подданных выплачивать ясак в государеву казну повторяло ситуацию после завоевания Казани и в целом все-таки демонстрировало признание царской власти на месте ханской³⁹. К тому же, как известно, Сибирское царство также продолжало существовать в административной структуре России до XVIII в.

Соответствующим образом, «по-хански», порой оформлялись и отношения царя с восточными подданными и соседями. Так, с 1620-х годов до начала XVIII в. послания правителям Индии, Ирана, Крыма, Хивы, Бухары, а также немусульманских Монголии, Китая и Калмыцкого ханства украшались тугрой — своеобразным символом власти, каллиграфической фигурой из арабских букв, выполненными в особой манере (см. [Фаизов, 1977; Фаизов, 2002, с. 27–29]). В текстах же грамот к некоронованным Чингисидам во времена Василия III стало фигурировать типично «ханское» выражение «Засильево слово» и «слово мое» [Усманов, 1979, с. 197, 198] — заимствованные из ордынской дипломатики формулы обращений к нижестоящим адресатам.

Другим интересным показателем «восточной» составляющей верховной власти русского государя было использование в обращениях к нему словосочетания *великий улус*. Нскогда оно служило одним из официальных обозначений Золотой Орды. Затем «по инерции» осталось за нижневолжской, домениальной частью Джучиева Улуса — «Большой Ордой» русских источников⁴⁰ (хотя сами татары иногда пользовались выражениями *Тахт эли* и *Тахт мемлекети* — Престольное владение). После окончательного разгрома крымцами Большой Орды в 1502 г. крымский хан Менгли-Гирей включил ее название в свой титул, превратившись в *улус орда(нынз) улус ханы* — «Великой Орды великого хана» (см., например: [Сборник, 1895, с. 41, 314, 397, 646 — грамоты Менгли-Гирея и его преемника Мухаммед-Гирея]⁴¹. Присутствие Орды в крымском титуле понятно и объяснимо. Но практически одновременно сходное выражение, *великий улус*, начинает часто фигурировать и в обращениях татарских аристократов к великим князьям московским.

³⁹ В языке хантов русский царь, *хон* (см. [Мартынова, 2002, с. 89]), — явное заимствование из тюрко-монгольской политической лексики и напоминание о временах Сибирского ханства. Таким же южным заимствованием является хантыйское *матур* (т.е. *батыр*) [Мартынова, 2002, с. 87]. Попутно отметим и обозначение русского царя в некоторых кетских преданиях — *кан* [Мифы, 2001б, с. 215].

⁴⁰ Впервые встречается в летописном повествовании о событиях 1460 г. [Горский, 2004, с. 302].

⁴¹ Подробнее об обстоятельствах появления данной титульной формулы у Гиреев см. [Григорьев, 1987, с. 48, 49].

Как правило, оно встречается в устойчивой фразе «Великого улуса великому князю» и иногда сопровождается незначительными добавлениями («великого почести великого улуса государю великого князя величеству», «великого улуса великому князю Васильеву величеству», «цареву брату великого улуса государю великому князю» и т.п. — см., например: [Сборник, 1895, т. 95, с. 39–41, 166, 172, 174, 240, 308, 309, 312–314]). Несколько позже подобное обращение появляется и в ногайских грамотах.

Можно ли считать его каким-то показателем ордынского наследия, евразийского континуитета, перехвата Москвой эстафеты от Сарая (такая точка зрения иногда встречается в литературе, в том числе в некоторых ранних работах автора этих строк [Трепавлов, 1993б, с. 306; Трепавлов, 1994, с. 56])? Рассмотрение начального протокола некоторых из упомянутых грамот все-таки не позволяет это сделать. Вот послания крымских царевичей Василию III 1517 и 1519 гг.: «**Великие Орды великого царя** от Магмет Гиреева царева сына от Богатырь солтана **великого улуса государю** московскому князю Василью Ивановичу», «**Великие Орды великого царя** Магмед Гирееву цареву брату **великого улуса государю** великому князю Василью Ивановичу» [Сборник, 1895, т. 95, с. 397, 646].

Как видим, *Великая Орда* как несомненно бывшая Золотая Орда в титуле хана присутствует и при этом не совпадает с прилагаемым к московскому князю *великим улусом*. Следовательно, это понятие вовсе не означает каких-то «ханских» полномочий Василия III. Может быть, здесь подразумеваются его владения просто как обширный («великий») улус в ряду прочих улусов (владений)? В пользу такой интерпретации могут служить некоторые обращения. Грамота крымского бека Мухаммед-шаха 1508 г. Василию III: «Великие Орды великого царя Менли Гирееву цареву брату, **многово улуса государю**, великого князя сыну Иванову, великому князю Василью»; грамота ногайского мирзы Айсы 1553 г. Ивану IV: «**Улусной еси государь** князь велики» [РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 4, л. 188; Сборник, 1895, с. 41]. Как видим, московский **государь** предстает здесь как властитель улуса, без обозначения какого-то повышенного статуса последнего (особенно по сравнению с *царем Великой Орды*).

На данные нюансы тюркско-русской переписки обратила внимание А.Л.Хорошкевич, которая справедливо заметила, что, во-первых, *великий улус* встречается только в адресатах грамот татарских вельмож и царевичей, но никогда — самих ханов; во-вторых, *царевым улусом* Русь была и в золотоордынские времена, поэтому какой-то особой чести по отношению к московскому правителю здесь не заметно. Кроме того, как указывалось в предыдущей главе, крымцы неоднократно подчер-

кивали, что истинным монархом является как раз их хан, что отразилось в выражении *вольный человек (вольный царь)*, которое никогда не применялось ими по отношению к московскому партнеру [Хорошкевич, 2001, с. 197, 198].

Лишь в первой половине XVII в. в крымско-русской переписке на месте *великого улуса* появляется уже «Великая Орда». По мнению С.Ф. Фаизова, это могло означать признание сюзеренитета московских самодержцев над большей частью бывшей Золотой Орды [Фаизов, 2003, с. 30].

Итак, *великий улус* в обращениях едва ли можно считать демонстрацией какого-то ордынского наследия у Москвы. Вероятно, то же можно сказать и о другом выражении, скорее всего связанном своим происхождением с Востоком. Речь идет о *счастливом пороге, счастливых дверях, Высокой Порте*. Мусульманские адресанты иногда называли так Московский двор и великокняжескую (царскую) резиденцию. Пример из XVI в.: «А к твоему (Ивана IV. — В.Т.) счастливому порогу посла послали есмь гораздо с тобою наговориться...» [Посольские, 1995, с. 185]; пример из XVIII в.: «К высокой Вашей Порте нижайшего богомольника Вашего Адиль-Гирсы Будаханова сына, бывшего шавкала, прошение... Отцы и прародители наши служили Вам в верности и во всех службах Ваших вседушно радели, будучи в службе при Порте Вашей... Просим всех желания исполнителя от высокой Вашей Порты, дабы нам то кормовое жалованье определено было...» [Русско-дагестанские, 1958, с. 225–226].

Как известно, *Порта* — это европеизированное название османского правительства и двора: *баб-и али, паша капысы* («главные, высочайшие врата»), *баб-и саадат* («врата счастья»), *дергях-и али, дергях-и саадат* («высочайший порог, порог счастья») ⁴². Эти же выражения употреблялись для обозначения двора Гиреев (см., например: [Туранли, 2000, с. 45, 180]) и других восточных владык.

Интересно, что «порог» взял на вооружение и Иван Грозный. Вот его обращение к шведскому королю Юхану III: «Божественного... естества... милостию и властью и хотением скифетродержателя Российскаго царствия великого государя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси... обладателя высочайшаго нашего царьского порога, честные наши степени величества грозное сие повеленье...» [Памятники, 1986, с. 116].

В публикации выделенное выражение переведено на современный русский язык как «обладателя высочайшего царского сана» [Памятники, 1986, с. 117]. Думается, что такая интерпретация вполне адекватна

⁴² О соответствующей терминологии см., например: [Зайцев, 2003, с. 238].

смыслу царской грамоты. Тем более что двенадцатью годами ранее царь завершил свое первое послание А.М.Курбскому так: «Дана во вселенной россиястей царствующаго православнаго града Москвы степени честнаго порога крепкая заповедь и слово то лето от создания миру 7072-го, июля въ 5 день» [Памятники, 1986, с. 72]. Комментаторы оставили без внимания, вообще опустив в переводе, *слово то*. А между тем это типично «ханское» выражение, показывающее высокий монархический ранг адресата — во всяком случае, по отношению к тому, к кому он обращается с посланием (см. выше). Это подтверждает трактовку *порога* как обозначения высшей аристократической степени царя по отношению к Юхану. Фигурально понимаемый порог — это, по справедливому заключению авторов комментария, «то высокое место, откуда царь говорит с менее высокопоставленными лицами», и при этом аналогичное турецкой Порте [Памятники, 1986, с. 590].

Реминисценции ханской власти в прерогативах царя имели и своеобразную идеологическую иллюстрацию в виде различных историко-генеалогических комбинаций. Наиболее наглядно специфический статус русского монарха проявился в отношении к нему ногайской знати. С начала 1550-х годов в общении ее с царем появляется новый оттенок. Военная мощь его державы, распоряжение судьбами еще независимых, но уже пребывающих в страхе перед ним поволжских ханств поневоле принуждали степняков признавать больший политический вес и статус Ивана IV в системе послеордынских «юртов». Поскольку в тюрко-монгольской государственной традиции того времени легитимный правитель мог происходить только из рода Чингис-хана, Иван Васильевич (как и ногайские правители) не имел доступа к ханскому трону. Однако под воздействием новых политических реалий некоторые тюркские аристократы закрыли глаза на династическое несоответствие и льстиво стали называть его Чингисидом (подробно см. [Трепавлов, 2001, с. 630]).

Подобная генеалогическая фальсификация представляла собой вопиющее расхождение с общезвестными сведениями о династических ханских линиях, что даже в среде самих ногаев осознавалось, и иногда проскальзывали оговорки, обнаруживающие это. Скажем, в 1552 г. мирза Юнус писал Ивану: «Около нас четырех цареи дети были, мусульманские государи были. А ты, хотя христианской государь еси, да мы тебя свыше царских детей смотря, о Казани... наше прямое слово было» [РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 4, л. 114]. Таким образом, московский монарх, несмотря на почитание его адресантом, все-таки не принадлежал к «царским детям», т.е. к потомкам ханов, чингисидским династам.

Отсутствие родственной связи Рюриковичей и Романовых с «золотым родом» Чингис-хана, традиционным обладателем монопольного права на ханствование в Центральной Азии, осознавалась и довольно далеко от Европейской России — а именно в тех местах, где когда-то начиналась история Монгольской империи. В 1638 г. советники монгольского алтын-хана заявили русскому послу: «Ваш де царь московский чем больши нашево Алтына-царя? У вашево... государя московского много царей и королей, а нашево Алтына-царя тьмы тьмами мутал (монголов. — *В.Т.*). А наш де Алтын-царь родом Цынгиса-царя» [Русско-монгольские, 1944, с. 109–110]. Следовательно, московский в данном случае родовитостью «не вышел». А в 1761 г. цинский император на аудиенции казахским послам рассуждал о мифическом «гническом» родстве между казахами и китайцами, противопоставляя обоим народам русских: «...они, китайцы, с ними, киргисцами (казахами. — *В.Т.*), единоплеменны от начала в прошедших давних летех бывшего Чингиз-ханова поколения, а не так, как русские от них, киргисцов, племенем или родом совсем отделены» (передано со слов русского переводчика) [Казахско-русские, 1961, с. 621].

Впрочем, порой причудливое переплетение легендарных, вымышленных и реальных событий и персонажей в позднесредневековом восточном летописании давало неожиданные результаты. Так, ученый монгольский лама Лубсан Данзан, автор «Алтан тобчи» (Золотого свода, конец XVII в.) утверждал, будто «Потомок Чагатая был русским белым царем» [Лубсан Данзан, 1973, с. 293]. Здесь явно смешались сведения о втором сыне Чингис-хана, Чагатае (не имевшем никакого отношения к Руси), и русском *чаган-хане* («белом царе»). Никакой связи, кроме созвучия имени и титула, не обнаруживается, отчего ясно, что хронист произвольно этимологизировал титул, возведя его к похожему ханскому имени. К тому времени среди монголов историческая память о старших Чингисовых сыновьях, Джучи и Чагатае, отличалась чрезвычайной отрывочностью и нагромождением несообразностей. Получив уделы на западе империи, эти царевицы отделились от родных монгольских кочевий, их потомки остались в дальних странах, и на бывшей родине о них имели весьма смутные представления⁴³.

То же можно сказать о тюркской историографии того периода. В цитировавшейся выше «Дафтар-и Чингиз-наме» сказано, что млад-

⁴³ Тем не менее возведение российской правящей династии к «золотому роду» встречается в монгольских исторических сочинениях и позже. В 1830-х годах лама Джамбадорджи, описывая окружающие Монголию страны, посвятил России лаконичное упоминание о Москве («Мавшока»): это «столица русского белого царя. Царь этот девушка-царь из рода Чингисова» [Джамбадорджи, 2005, с. 64]. Подразумевалась, конечно, давно покойная к тому времени Екатерина II, а не современник автора Николай I.

ший сын Чингис-хана, Толуй, получил от отца в удел «Московскую орду» [Ivanics, Usmanov, 2002, с. 62]. В данном случае мы сталкиваемся с аналогичной ситуацией, но на западе бывшей Монгольской империи: Толуй управлял Монголией и для западных улусов являлся мало-знакомым историческим персонажем. Впрочем, компилятивный характер источника обнаруживается в другом месте этого текста, где написано, как уже указывалось в предыдущей главе, что «Москва была юртом Чаган-хана». Здесь «Чаган-хан» — это русский царь, а вовсе не Чагатай (Джадай), которому в цитируемом памятнике отведена почему-то роль правителя Индии.

Последние исследования историков позволяют судить, что отношение к чингисидскому имперскому наследию в русской среде было скорее негативным. Ордынские «цари» — от Батые до Ахмата — трактовались церковными идеологами конца XV в. как самозванные и незаконные (правда, широкого развития это идеологическое направление не получило, и престиж «царской»-ханской власти на Руси в первой половине XVI в. по инерции оставался достаточно высоким) [Горский, 2000, с. 172, 173].

Единственным и очень шатким основанием для утверждений о родстве с ордынской династией могло бы стать происхождение матери Ивана IV, Елены Васильевны Глинской. Князя Глинские возводили свое родословие к Мансуру, сыну знаменитого Мамаю из тюркского племени киятов — верховного военачальника Золотой Орды второй половины XIV в. Из арабских хроник известно, что Мамай женился на дочери хана Бердибека [Сборник, 1884, с. 389], отчего мог обзавестись почетным титулом *гургана* — ханского зятя (но обзавелся ли, неизвестно: ни в одном источнике он так не назван). Гурганское достоинство лишь приблизило его к царствующей династии, но не включило в ее состав. Все-таки кровное родство, а вместе с ним и династические права передавались только по мужской линии. Если даже допустить, что потомкам Мамаю удалось убедить современников в своем царском происхождении⁴⁴, то для историков все равно остается неясным, был ли тот самый Мансур рожден именно дочерью Бердибека. Ведь у кочевых вельмож, как правило, имелось по нескольку жен.

⁴⁴ Наиболее подробно о татарских предках Глинских рассказывается в «Подлинном родослове Глинских князей» — памятнике первой трети XVI в. [Бычкова, 1977]. «Родослов» утверждает, будто Мамай принадлежал к царскому роду киятов (мне неизвестному). Однако и в этом памятнике нет привязки Мамаю к Чингисидам; напротив: кияты будто бы владели «на сей стороне Волги» еще «до Чингиза царя» [Временник, 1851, с. 195]. Попытки анализа долитовской истории предков Глинских см. [Шенников, 1981, с. 8–13; Трепавлов, 2006].

Во всяком случае, Иван Грозный никогда не упоминал о своем кровном родстве с Чингисидами — тем более в общении с западными соседями: среди них такое родство воспринималось бы как компрометирующая черта. При контактах с Западом русское правительство разрабатывало совсем другую версию происхождения Рюриковичей — от «Августа кесаря». Впрочем, главный внешнеполитический антагонист Ивана Васильевича в конце его жизни, польский король Стефан Баторий, был не прочь попрекнуть «Московита»: «...ты, который кровью с ними помешал, которого предки... кобылье молоко, что укануло на чревы татарских шкап (кобыл. — *В.Т.*), лизали» (Книга Посольская Великого княжества Литовского — цит. по [Ерофеева, 1993, с. 274])⁴⁵. Глинские выехали в Московское государство в начале XVI в. из пределов Великого княжества Литовского, и Баторий, очевидно, был знаком с генеалогической легендой этого знатного клана.

Выдуманная причастность *белого царя* к Чингисовым потомкам все же не устраняла еще одного препятствия в борьбе за законность владения над бывшими золотоордынскими землями — его христианского вероисповедания. Однако появление на политической арене фигуры могущественного русского властителя требовало от мусульманских интеллектуалов объяснить происхождение московской династии, найти место для нее в традиционной иерархии царственных домов. Раз привязка к исламским персонажам была невозможна, то предков правителей России «обнаружили» среди языческих, домусульманских персонажей.

В традиционных арабских генеалогиях славяне в целом объявлялись потомками Яфета, сына Нуха (Ноя), а у хрониста X в. Масуди их предком назван Матушалах (библейский Мафусаил) [Коновалова, 2003, с. 284–291]. В позднем средневековье возобладала другая книжная традиция. Как и у грузинских христианских царей, происхождение русских монархов возвели к персонажам древнеиранского эпоса, а именно к Пешенгу (Хушенгу), правнуку Феридуна — родоначальника царей Турана (Туран — эпическая страна варваров, антипод Ирана). Пешенг же на средневековой восточной историографической «шкале» считался одним из «предшественников» Чингис-хана (см., например: [Эвлия Челеби, 1979, с. 140, 142, 231, 235 — коммент. А.Д.Желтякова]).

⁴⁵ Баторий упрекает царя в породнении с татарами вообще, а вовсе не с ханским домом Золотой Орды. В последней фразе короля подразумевается широко известная тогда на Западе вопиющая картина раблепия русских данников перед ордынскими татарами. Эта сцена изображена в сочинении польского хрониста XV в. Яна Длугоша: «Князь пеший встречает присягающих в его резиденцию послов татарского хана, даже незнатных, приходящих за данью или по другой надобности; подает им сосуд с кобыльим молоком и капли его, падающие на гриву коня, слизывает губами» (цит. по [Базилевич, 2001, с. 109–110]).

У меня нет сведений о развернутых генеалогических разысканиях на Востоке по этому поводу. Но в XVII–XVIII вв. среднеазиатские и изредка казахские владетели в своих посланиях в Москву и Петербург обращались к августейшим адресатам, уподобляя их персидским царям и воителям древности — как реальным (Дарий, Хосров Ануширван), так и легендарным (Бахрам Гур, Джемшид, Исфендиар, Рустам, Феридун), а также Александру Македонскому, к которому, по преданию, некогда перешла корона Пешенга (см., например: [Материалы, 1932, с. 110, 141, 148, 152, 165, 166, 255, 300; Под стягом, 1992, с. 340, 384]). Причем в письме хивинского хана Ануш-Мухаммеда 1669 г. Алексею Михайловичу в череде пышных титулов значится: «...от благого корени благороденному» [Материалы, 1932, с. 210]. А поскольку в хивинско-русской переписке не просматривается иных оснований для убежденности в благородном происхождении второго Романова, кроме его связи с давнишними владыками Ирана, то очевидно, что именно эта связь и давала основание для подобного утверждения.

Россия в данном случае включалась в одну из старых, укоренившихся восточных концепций государственности. Приверженность древнеиранской династийной традиции имела распространение не только в Центральной Азии, но и в странах Ближнего и Среднего Востока, а также в Византии и Грузии. Некоторые исследователи склонны видеть в ней форму идейного сопротивления монгольской (чингисидской) традиции, а османские султаны, приписывая себе обладание мифической короной Хосрова I (унаследовавшего ее якобы от Александра Македонского), обосновывали этим обстоятельством права на завоевание европейских стран [Бейсембиев, 1991, с. 28; Зайцев, 2004б, с. 134].

Реакция русских правителей на эти реминисценции и сравнение их с героями чужой истории по документам не просматривается. Никаких комментариев на сей счет, исходящих от Посольского приказа, Коллегии иностранных дел или других правительственных ведомств, мне не попадалось. Можно предположить, что, как и в случае с титулом *белого царя*, русские власти не придавали значения этим цветистым сравнениям. На самом деле поставление в один ряд с древними шахами едва ли могло восприниматься как комплимент. Во всяком случае, известно, что один из любимых тюрками и иранцами персонажей подобного рода — Хосров Ануширван — был олицетворением языческого деспота. В письме литовскому гетману Г.Ходкевичу Иван IV упомянул его в следующем контексте: «Вы, последствуя дьяволу, подобно Сенахерибу и Навходоносору и Хоздрою и иным безбожным царем, яко птицу рукою своею хотите похити православие» (цит. по [Флоря, 2003, с. 223]). То есть здесь это один из ветхозаветных тиранов, символ неправой веры.

Что касается буддистов, то они видели в российских царях перерождение женского божества сострадания, Белой Тары, о чем мы рассказывали в главе 1.

Совершенно особый вопрос — насколько сами российские монархи соотносили себя с ханской властью. В литературе встречается мнение, что после освобождения от «ига» царский титул понимался в том числе и как показатель полной независимости, отсутствия даннических обязанностей (см., например: [Лобачева, 1998, с. 26]). Но при этом «татарская» семантика царского титула и статуса соседствовала с византийской и едва ли превалировала над ней [Успенский, 1996г, с. 174; Cherniavsky, 1961, p. 74]. Соотношение этих двух культурно-идеологических составляющих русской концепции верховной власти проанализировано Б.А.Успенским. Он проследил, как после монгольского завоевания царский титул, изначально связывавшийся на Руси с Византией, был перенесен также на ордынского хана, а по мере ослабления господства Золотой Орды все больше возвращал себе греческое «наполнение». Для Москвы как Третьего Рима, Нового Царьграда в XVI–XVII вв. более актуальным было подчеркивание своей преемственности от рухнувшей Византийской империи, чем от завоеванных татарских ханств. После того как Петр I стал императором, ордынское геополитическое наследие угадывалось лишь в титульных формулах «царь Казанский, царь Астраханский, царь Сибирский». То есть «царем» он официально оставался по отношению именно и только к бывшим ханствам.

Дальнейшее развитие государственности демонстрирует угасание подобного подхода. Покоренный Крым присутствовал в большом титуле уже не как «царство Крымское», а как «Херсонис Таврический», и теперь «царь Херсониса Таврического» демонстрировал преемственность от эллинско-византийских предшественников. В середине XIX в. к формулам большого титула добавили «царя Грузинского», и это указывало на еще большее отдаление от понимания царя как хана. При этом «царь Польский» встал перед «царем Сибирским», нарушив двухвековую неразрывность в перечислении триады татарских «царств». В целом же в течение XIX — начале XX в. понимание царской власти в России все более обнаруживало культурную ориентацию на Западную Европу [Успенский, 2000, с. 35, 50–52, 77, 78].

Но эти трактовки, рожденные в умах элитарных идеологов империи, во многом расходились с представлениями о царской власти в народной среде, в том числе в среде неславянского населения государства. Привлеченные нами материалы показывают, что персона и прерогативы российского монарха понимались жителями восточных регионов России в контексте их традиционных представлений о верховной

власти. Как ни старались русские самодержцы утвердиться в сознании своей преемственности от Византии и равноправии с европейскими венценосцами, в глазах огромной массы своих подданных они заняли место прежних правителей. На территориях к востоку от Волги самыми могущественными и запомнившимися из таких правителей были татарские ханы. Именно с ними связывали народы Поволжья, Урала, Сибири и отчасти Кавказа историческую преемственность русских царей и императоров.

Эта преемственность выражалась в представлении о полномочиях российского государя, во-первых, облагать подданных податями и через своих чиновников собирать в свою пользу ясак; во-вторых, наделять землей (это проявлялось как в подтверждении родовых прав на исконные территории, так и в даровании за заслуги новых угодий частным лицам и целым народам); в-третьих, жаловать почетные титулы и владельческие должности⁴⁶. Все это непременно должно было оформляться особыми царскими грамотами — аналогами прежних ордынских ярлыков⁴⁷. Такие документы (а в случае их утраты — воспоминания об их существовании) бережно хранились многими поколениями.

⁴⁶ А.И.Филошкин считает, что титул царя на Руси XV–XVI вв. означал «приравнение русского правителя в европейской иерархии к императору; это проявлялось в том, что русский монарх стал выступать властелином, раздающим князьям и царевичам из соседних держав земли и титулы, как настоящий император». Однако для подтверждения этого тезиса А.И.Филошкин приводит примеры исключительно из практики отношений московских государей с татарскими ханами и царевичами [Филошкин]. Таким образом, все-таки ханская, а не императорская модель правления послужила здесь первоосновой.

⁴⁷ Ж.Б.Кундакбаева справедливо отмечает, что в условиях неграмотности большинства населения особое значение имел внешний вид и церемониал вручения жалованных документов от имени высшей власти [Кундакбаева, 2005, с. 88].

Глава 3

РОССИЯ И РУССКИЕ

Формирование первых представлений о России у ее новопри-
соединенных подданных нередко было связано с начальным
этапом вхождения в состав государства. Появление русских
пришельцев вызвало столь радикальные изменения в жизни народов, что
превратилось в устойчивый хронологический рубеж. История в народ-
ной памяти отныне имела отсчет до и после этого события. Ориентация
по времени «до прихода русских», «до прихода русских казаков», «до
прихода царских казаков», «до тех пор, пока [мы] не стали подданными
белого царя» фиксируется в преданиях башкир, бурят, марийцев, нанайцев
и др. (см., например: [Акцорин, 2000, с. 14, 15; Балдаев, 1970, с. 177, 193,
202, 205; Вершинин, Шашков, 2002, с. 156, 157; Исторический фольк-
лор, 1966, с. 295–298; Кузьминых, 2001; Нанайский, 1996, с. 423; Очерки,
1956, с. 119]. При этом присоединение к России вовсе не превратилось
в «начало времен» и не расценивалось как полный крах или катастрофа
космического уровня (как воспринимали испанскую конкисту народы
Южной Америки — см. [Castro-Klaren, 1993, с. 159])¹. Иногда оно нахо-
дилось в одном ряду с другими заметными вехами (например, «до при-
хода татар» у марийцев [Акцорин, 2000, с. 14]). В ареале расселения
финноугорских народов и на Алтае распространена легенда о древнем
народе чудь, который, *една прослышав о приближении людей русского
белого царя*, спрятался под землей и сгинул там (см., например: [Акцорин,
2000, с. 29; Коми, 1984, с. 22, 25; Миненко, 1986; Рерих, 1994, с. 139])².

¹ Впрочем, под впечатлением правительственной политики в новообретенных вла-
дениях установление российского господства порой расценивалось крайне негативно.
Так, в одном юкагирском предании рассказывается, что гадание на костях умершего
шамана показало: в будущем случится «что-то страшное»; из дальнейшего явствует,
что этим «страшным» оказалась встреча с русскими [Хозяин, 1994, с. 92].

² Страх чуди перед русскими — только один из мотивов, фигурирующих в преда-
ниях. Обзор версий исчезновения чуди в фольклоре разных народов см. [Криничная,
1981, с. 54–61].

Впоследствии рассказы о чуде стали популярны у русских, а трагическая и нелепая судьба этого народа даже вошла в пословицы [Даль, 1957, с. 349, 350; Даль, 1991, с. 612].

В глазах русских собирание под царским скипетром бесчисленных народов представляло в целом как завоевание:

В восточную сторону походом пошли —
Они (русские рати. — *В.Т.*) вырубили чудь белоглазую
И ту сорочину долгополую;
В полуденную сторону походом пошли —
Прекростили черкас пятигорских,
А немного дрались, скоро сами сдались —
Еще ноне тут Малороссия;
А на северну сторону походом пошли —
Прирубили калмык со башкирцами;
А на западну сторону и в ночь пошли —
Прирубили чукши с олюторами (т.е. коряками. — *В.Т.*)
[Исторические песни, 1966, с. 48].

Другая сторона воспринимала эти процессы весьма противоречиво (что бы ни придумывали в XX столетии историки насчет добровольных присоединений, мирных вхождений и т.п.). Несмотря на различные льготы и пожалования, новые подданные были склонны расценивать этот поворот в своей судьбе как подчинение силе и, следовательно, как в целом неблагоприятное стечение исторических обстоятельств. «Прирубленные» башкиры рассказывали в родословных-шеджере о покорении их земли неверными [Аралбаев, 1985, с. 47], «прирубленные» чукчи — о воинственном духе, побуждающем посланцев «Женщины-Властителя» (Екатерины II) воевать с ними [Богораз, 1902, с. 160]. «Прекрощенные» кабардинцы («черкасы пятигорские») рассуждали, что с приходом русских наступят нищета и безземелье (см. [Ципинов, 2000, с. 53]), а коряки недоумевали, зачем чужие незваные люди явились в их страну — не иначе как из-за неудовлетворенности жизнью на родине: «Есть ли бы... жить у вас (русских. — *В.Т.*) было лучше нашего, то бы де вы так далеко к нам не ездили, как нам нет нужды к вам ездить, для того что у нас всего довольно» (цит. по [Зуев, 2002, с. 151 — приводится рассказ исследователя Камчатки XVIII в. С.П.Крашенинникова]).

Вместе с тем в источниках явно присутствует и иная, гораздо более позитивная трактовка присоединения. Те же кабардинцы в исторических песнях восхваляли своего князя Темрюка за то, что он «благо принес кабардинской земле, открыл нам просторы России», а их соседи чеченцы придумали пословицу «Русский сделался отцом страны»³

³ Естественно, когда началась российская экспансия на чеченские земли, отношение изменилось.

[История, 1967, с. 265; Белокуров, 1889, с. XLII]. И это вовсе не следует воспринимать сквозь призму примитивного «классового подхода» — как солидарность феодальной знати, коллаборационизм местной верхушки с «царизмом» и т.п. Для подобного отношения в истории и народной памяти находились веские основания.

Как бы ни относились подданные-«иноверцы» к конкретным политическим акциям либо к действиям отдельных военачальников или чиновников, общее впечатление о России складывалось в целом объективное. А главными объективными признаками его являлись огромные размеры, богатство⁴ и мощь, а также прочная власть, обеспечивавшая стабильность на подвластных царю землях.

Эти и другие характеристики поэтично (и кое в чем фантастично) изложены, в частности, в бурятских преданиях. «История Подгородного рода селенгинских бурят» гласит: «Высокий богатырь — властитель белый хан, милостиво и доброжелательно мыслящий. Законы его спокойны, головы не снимают, поговаривают. Коновязи [там] из белого серебра, собаки из белого золота тарелок едят, говорят. Многосемейным притеснения нет; нищих бедняков нет; той страны жители друг другу милосердие и милость оказывают, говорят. Маслом огонь разжигая живут. Ребята, пасущие скот, играют, бросая друг в друга жир с овечьего курдюка, говорят. Мы [станем] подданными огромной русской страны великого батура — властителя белого хана страны» (цит. по [История, 1951, с. 160]). Впечатления от поездки бурятской делегации ко двору Петра I в 1703 г. изложены в исторической песне гораздо более реалистично, но с тем же восхищением и преклонением:

Он (Петр I. — В.Т.) имеет великую палату — Сенат,
Раздающий мудрые повеления,
Он имеет мудрых чиновников — что крепость.
Он имеет множество адъютантов — солдат,
Он имеет несметное число подданных,
Он имеет несчетную казну...

[Тулохонов, 1973, с. 102].

Православный государь представлялся неким эталоном величия, подобающего истинному монарху. Соседние и вассальные правители сопоставляли с ним собственные возможности и пределы власти

⁴ Богатой была, конечно, государственная казна. Основная масса народа (крестьяне) вовсе не отличалась зажиточностью, о чем было известно повсеместно. В 1654 г. крымский вельможа саркастически писал Б.Хмельницкому по поводу решений Переяславской рады: «Какая тебе от Москвы будет корысть? Они в лаптях ходят» (цит. по [Санин, 1987, с. 88]) — т.е. русские и сами нищие, и для гетмана бесполезны. Несколько странно, что данное утверждение исходило от представителя далеко не самого изобильного и процветающего государства.

[Миллер, 2000, с. 411⁵], отказывались от набегов на российские владения из страха перед возмездием и признанием военного превосходства русских [История, 1967б, с. 396 — ответ Умма-хана Аварского чеченскому шейху Мансуру]. Когда калмыцкие тайши предложили хану казахского Младшего жуза Абу-л-Хайру совершить совместный набег на русские селения, последовал афористичный ответ, в котором концентрировалось признание превосходства России: «Калмыцкая орда — ветер, а Российская империя — непоколебимый столп, и от Российской империи до смерти руки своей не отымать... служить верно будем» (цит. по [История, 1957б, с. 240]).

Обширность и многонаселенность Московского царства и Российской империи особо отмечались современниками. В источниках сквозит не просто удивление, а потрясение этими немислимыми размерами. «У вас, государей, со сто тысяч городов есть», — восхищался кабардинский мурза в письме Михаилу Федоровичу [Кабардино-русские, 1957, с. 181]. «А такое де ему (русскому царю. — В.Т.) Бог подаровал государство великое, моих з 10 есть», — как бы вторил грузинский царь Александр в начале XVII в. (цит. по [Белокуров, 1889, с. 384]). То есть указание на божественное благоволение обнаруживает признание абсолютной легитимности владения этим беспредельным пространством. Как бы забывая о действительных условиях приобретения территорий, собеседники русских послов высказывали убежденность в том, будто земли не просто захвачены царями в войнах или в результате колонизации, но достались благодаря милости небесных сил. Именно так и сформулировал это гетман Богдан Хмельницкий в разговоре с московским послом в 1650 г.: «А великово де государя ево царского величества счастье было приспело, что безо всякого дурна подаровал ему, государю, Бог такое великое государство, множество народу» [Воссоединение, 1953, т. II, с. 429]⁶.

Быстрый территориальный рост и повсеместное признание могущества Российского государства породили в мусульманских странах крамольную, каравшуюся местными властями литературную традицию предсказания грядущего порабощения исламского мира *белым царем*. Эта идея возникла, очевидно, в османской среде в середине XVI в., получила некоторое распространение у татар, а в течение последующих ста лет с удовольствием была подхвачена христианскими публицистами России и Грузии [Белокуров, 1889, с. 43, 44, 206; Вос-

⁵ Правитель маньчжуров, начавших завоевание Китая (со слов хакасского князца, переданных казаками): «Государь царь русской велик и славен, да я де велик под ним, а больше де нас нет».

⁶ Впрочем, похоже, что ссылки на божественное благоволение зачастую являлись повторением аналогичных формулировок с русской стороны.

соединение, 1953, т. II, с. 155; Лилеев, 1891, с. 3, 4; ПСРЛ, т. 19. М., 2000, стб. 85; Яковлев, 2003, с. 412]⁷.

Но сила государства сама по себе может обернуться как на пользу человеку и народу, так и во вред ему, и оценивалась она прагматически. Во-первых, как средство прекращения внутренних междоусобных распрей; народная память связывала с наступлением русского правления пресечение многолетних межплеменных раздоров (см., например: [Исторические предания, 1960, с. 35; Исторический фольклор, 1966, с. 295–298; Степанов, 1973, с. 120–123 — приводятся случаи избрания тунгусами русской власти в качестве посредника в межродовых конфликтах и в распрах с якутами]). Во-вторых, как возможность сытого и безопасного существования, а для элиты — и как шанс удачной карьеры. В-третьих, как гарантия защиты от всякого рода иноземных врагов.

Приход русских людей, оснащенных передовым для того времени вооружением, сулил тому, кто сумеет расположить их к себе, одоление старинных неприятелей. Особенно это заметно на примере сибирских аборигенов: при объяснении тунгусов и якутов русские обретали союзников в лице тех и других, используя их исконную вражду; в свою очередь, тунгусские воины впоследствии помогали русским в приведении к покорности чукчей, распространяя при этом слухи о неодолимом могуществе царских ратников; надеясь на защиту от чукотских набегов, согласились выплачивать ясак анадырские оленные коряки; ительмены, населявшие долину реки Ылювки, узнали, что отныне находятся под защитой какого-то «великого государя», и немедленно решили этим воспользоваться для войны со своими нижнекамчатскими соплеменниками [Зусв, 2002а; Зусв, 2002б, с. 86; Миллер, 2005, с. 64; Окладников, 1937, с. 319; Троцкий, 1936, с. IX]. На другом краю империи адыги вставили в исторические песни о сражении войска бжедугских князей с ополчением шапсугов, абадзехов и натухайцев (Бзюкская битва 1796 г.) образ смелого начальника казаков, которых Екатерина II направила в помощь князьям (см. [Хан-Гирей, 1989, с. 204]).

Еще более актуальной вооруженная помощь российских властей оказывалась для тех, кто страдал от вражеских набегов. Одним из главных побудительных мотивов к принятию подданства царю в кон-

⁷ Отметим также, что после Переяславской рады 1654 г. среди крымских татар распространились слухи о близком конце ханства и мусульманской веры в Крыму: «Сказывали волхвы их, абызы, что-де идет Крымскому юрту кончина, и немного-де быть им на Крымском юрте, и царь-де (т.е. крымский хан. — Г.А.Санин) по три дня плакал и иттить на войну не хотел...»; другие татары утверждали, будто «быть им в своей вере и владеть Крымом немного, лет семь или восемь» (цит. по [Санин, 1994, с. 135, 136]). А в середине XVIII в. среди казанских татар был распространен «прорицательный плач казанския царицы» с предсказанием противоположного свойства — о падении русской власти над Казанью и ее возвращении татарам [Витевский, 1897, т. III, с. 90, 91].

це XVI — первой половине XVII в. для жителей юго-западной Сибири было избавление от вторжений южных кочевников; с установлением русского правления связывалось прекращение нападений татар на хантов, казахов и калмыков, на башкир [Башкирские, 1985, с. 109; История, 1968, с. 36; Коми, 1984, с. 19]. По преданиям нанайцев и эвенков, с приходом русских сгинули зловредные существа *калгамы* и сказочный народ *вокорой*, изводившие набегами мирных жителей тайги [Нанайский, 1996, с. 423; Фольклор, 1967, с. 119, 120]. Можно предположить, что мирное подчинение чувашей в середине XVI в. было вызвано перспективой освобождения от владычества Казанского ханства (см. [Димитриев, 2001, с. 103]), а нарастание пророссийских настроений в Кабарде во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг. — перспективой оказаться под владычеством Гиреев («А народ явно говорит, если Кабарда отдастся под власть Крымскую, они все напротив того передадутся к России» [История, 1967б, с. 170]).

Ярко проявились надежды, связанные с Россией, в событиях Северной войны на территории Карелии. Традиционное сотрудничество русских и карелов контрастировало с неприятием последними шведских поселенцев и солдат, которые стали прибывать в бывший Корельский уезд и западную часть Ижорской земли после Плюсского перемирия 1583 г. Уже тогда оставшиеся там русские, производя партизанские вылазки, находили убежище у аборигенов. А с началом военных действий Петра I поддержка его местным населением стала всеобщей. Оно саботировало работы по строительству шведских укреплений, прекращало платить подати в королевскую казну, изгоняло арендаторов-шведов и встречало российских воинов как освободителей. В 1709–1710 гг. широко распространился отказ от присяги королю — одновременно с пропагандой присяги московскому монарху [Беспярых, Коваленко, 1988, с. 21, 22, 94; Очерки, 1957б, с. 107]. В исторических песнях отразилось завоевание Петром крепостей Выборга и Кексгольма (бывшей Корелы), сопровождаемое сказочными и даже эпическими деталями. В них присутствует исключительно доброжелательная трактовка образа царя, его армии и страны — на фоне уничижительного изображения противника. Итог кампании преподносится так:

Питерское войско снова
В той войне пришло к победе,
Выборгом в ней овладело,
Правда тут торжествовала —
В той войне последней шведской
Угодил в капкан швед хитрый,
Потерпел он поражение
[Карельское, 1982, с. 121].

Случалось, что с Россией связывалась последняя надежда на избавление от иноземного ига. Монгольские и тувинские сказители сообщали слушателям обнадеживающую версию о том, что Амурсана — предводитель джунгарского повстанческого движения, подавленного (инами, — отправился в Россию за помощью и однажды вернется, чтобы положить конец господству чужеземцев [Сказки, 1994, с. 358 (коммент. Э.Таубе)]⁸.

Особую активность в убеждении карелов шертовать царю проявляло местное лютеранское духовенство. Что уж говорить о православной пастве, для которой победы русских воспринимались еще и как горжество истинной веры. Это касалось в первую очередь, конечно, восточнохристианских стран — Украины и Белоруссии. Когда в середине XVII в. встал вопрос о выборе между подчинением Речи Посполитой или Московскому царству, религиозный аспект оказался одним из главных. В 1649 г. царские послы в своем статейном списке (отчете) донесли «общественное мнение», сложившееся в украинских городах: «В Московском государстве великий государь православные христианские веры, а подданные свои все православные ж христиане, и войны в Московском государстве нет и впредь не будет, потому что вера православная христианская одна» [Воссоединение, 1953, г. II, с. 278] (здесь подразумевалось отличие от постоянных стычек украинцев с «ляхами»). А во время русско-польской войны середины XVII в. жители белорусских городов не желали сражаться против полков Алексея Михайловича. Польские шляхтичи свидетельствовали: «Мужики вельми недоброхоты,езде на царское имя здаютца»; «...мужики молят Бога, чтобы пришла Москва»; «...здесьние города угрожают явно возмущением, а другие сдаются на имя царское» (цит. по [Мальцев, 1974, с. 63, 64]).

Армяне Османской империи тоже возлагали надежды на русских единоверцев задолго до приближения границ Российского государства к Кавказу: «А которые люди в тех (турецких закавказских. — В.Т.) городех крестьяне и арменья, те все Бога молят, чтоб великий государь избавил», — говорили грузинские сановники московским дипломатам еще в 1590 г. [Белокуров, 1889, с. 206]. В середине XVIII в. кабардинские князья ссылались на православие своих предков (впоследствии утраченное) как на основание принять российское подданство [Кабардино-русские, 1957, т. 2, с. 147, 148]. Да и гордые, свободолюбивые донские казаки относились к Руси иначе, чем к другим своим соседям — Турции, Крыму или Ногайской Орде. Свои действия по предотвращению татарских набегов на южное российское пограничье они

⁸ Амурсана умер в России от оспы в 1757 г.

расценивали как щит против «нехристей», держание «Божией дороги» [Рыблова, 2002, с. 3, 10].

Россия в глазах ее подданных порой выглядела носителем гораздо более свободного и справедливого правления (режима), чем окрестные владения. Даже башкиры, известные своими многократными антиправительственными выступлениями в течение двух столетий, первоначально расценили монархию Ивана IV как менее жесткую политическую систему по сравнению с прежним ногайским наместничеством на своих землях⁹.

Еще больший контраст являла Россия по сравнению с Цинской империей. Этот контраст отразился в источниках о народах Дальнего Востока и Центральной Азии. Племена Приамурья в XVII в. не желали мириться с порядками, устанавливаемыми маньчжурскими правителями: непосильными поборами и насильственными переселениями. Жители областей, прилегавших к северо-восточным пределам Маньчжурии, спасались бегством в русские владения и, получив там царское подданство, дорожили им, не желая возвращаться на родину [Мелихов, 1974, с. 148, 207]. Столь же негативно относились к власти цинского богдыхана переселенцы из Монголии в русскую Сибирь: «Наш хан провинившись отсекает головы, а русский царь наказывает розгами. Пойдемте отсюда в подданство к русскому белому царю»¹⁰, причем такие переселенцы, соглашаясь на выплату ясака в русскую казну, надеялись, что им суждено «впредь паки быть свободным», уйдя из-под власти прежних властителей [Под стягом, 1992, с. 17].

Но не только «всенародные» миграции отмечены в документах. Элита «иноверцев» стремилась обрести повышенный статус на государственной службе, щедрое пожалование и привилегии (укажем здесь на пример алтайцев-телеутов XVII — первой половины XVIII в. [Уманский, 1980, с. 207, 208]), а простолюдины бежали от собственной знати — от ее налогового гнета и прочих притеснений, а также в поисках более сытой и безопасной жизни. В середине — второй половине XVII в. наблюдалось бегство зависимых калмыков в соседние русские селения и города. Там они оказывались вне досягаемости ханов, нойонов и

⁹ О борьбе башкирских племен против ногайских наместников и переходе их на сторону русских см. [Башкирские, 1960, с. 231; Башкирское, 1987, с. 190; Кузеев, 1957, с. 78; Трепавлов, 2003б].

¹⁰ Бурятское предание, цит. по [Никитин, 1987, с. 148]. Известна более афористичная формулировка: «Белый царь сечет спину, а желтый царь — голову». Эта пословица приведена в выступлении участника под ником Constantinus на интернет-конференции «Вырождение наций», проведенной газетой «Яблоко» [Вырождение]. Впрочем, сравнения иногда бывали и не в пользу России. Известны «непригожие речи» украинских казаков, критически сравнивавших московского самодержца с польским королем во второй половине XVII в. [Лукин, 2000, с. 92, 94].

тайшей, которые начинали забрасывать русские власти требованиями вернуть беглецов. Иногда добиться этого удавалось, но, если переселенцы переходили в православие, следовал категорический отказ [Очерки, 1967а, с. 147, 148]. И потому желание принять крещение охватило такое количество калмыков, что в XVIII в. правительство стало отводить специальные участки для поселения новокрещенцов [Очерки, 1967а, с. 203]. При этом и принимающая, и преследующая сторона понимали, что в перемене религии мировоззренческие мотивы играли второстепенную роль по сравнению с желанием достичь облегчения условий жизни.

Еще более наглядно подобная ситуация проявилась на Северном Кавказе. В XVII в. с постройкой казачьих станиц и Терского городка, а в XVIII в. — с основанием крепостей Кизляр и Моздок в них устремились представители местных народов, которые желали найти укрытие у русских. Резоны были самые разные: кровная месть соплеменников, тяжелые налоги и повинности (особенно во владениях кабардинских князей), разорительные набеги абреков — горских воинов [Блиева, 2003, с. 48, 49; Гаджиев, 1965, с. 95; История, 1959, с. 128; История, 1967б, с. 150, 151; Мальбахов, 2002, с. 292, 295; Очерки, 1967б, с. 69].

Существенное значение имел и религиозный фактор. Во-первых, начало активной и массовой исламизации в Чечне в XVIII в. поначалу вызвало резкое неприятие у местного населения — даже не в силу каких-то богословских возражений, а из-за предстоящего отказа от привычного обычного права в пользу шариата. Чтобы не доводить дело до кровопролитного конфликта с адептами ислама и не платить дань кумыкскому шамхалу как мусульманскому правителю, многие чеченцы перебирались на жительство в казачьи станицы [Блиев, 2004, с. 61, 99; Блиева, 2003, с. 61].

Во-вторых, массовый характер приобрело бегство крестьян от кабардинских князей «в предслы России», где они переходили в православие. Князья, требуя их выдачи, указывали, что принятие христианства крестьянами происходило отнюдь не по причинам религиозного характера, а лишь для избавления от неволи или чтобы избежать наказаний за проступки на родине. Да и русская администрация это понимала [Акты, 1866, с. 85, 90; История, 1967б, с. 150, 151, 157]. Дабы не портить отношения с теми князьями, которые изъявляли желание принять российское подданство, предписывалось запретить давать приют их «холопам» и выдавать их владельцам, но придавать этой акции вид особой милости за преданность империи; к крещению же надлежало допускать лишь с личного разрешения местного командующего [Акты, 1866, с. 83, 85]. Для упрочения покорности кабардинских аристократов астраханский губернатор И.В.Якоби в 1779 г. внес в текст

их присяги пункт, по которому «черный народ» отныне имел право отходить от владельцев и селиться в пограничных районах лишь в том случае, если налоги и повинности вырастут сверх меры [История, 19676, с. 156].

Ясно, что в этих условиях Россия представлялась горцам как государство с более выгодными условиями существования, чем те, что были в кавказских княжествах¹¹. Это проявлялось не только в Кабарде. Объезжая подвластные России территории Кавказа, присоединенные в ходе Персидского похода Петра I, генерал В.В. Долгорукий докладывал Екатерине I (очевидно, приукрашивая действительное положение): «Весь здешний народ желает в.и.в. протекции с великою охотою, видя, какая от нас справедливость, что излишнего мы с них ничего не требуем и смотрим крепко, чтобы отнюдь нимало им обиды не было и крепкими узами во все команды от меня подтверждено под жестоким штрафом» (цит. по [История, 2004, с. 429]).

Религиозный фактор в межэтнических отношениях был очень заметен, и по этой проблеме сложилась обширная историография. Отметим лишь некоторые моменты, касающиеся нашей темы. Принимавшие православие включались в сферу действия русской культуры: вслед за сменой имени часто происходила перемена языка, одежды, поведения. Нередко рвались связи с родичами — особенно если новокрещенный перебирался на жительство в русское селение или город. Естественно, многие соплеменники считали таких людей отщепенцами и во время антирусских мятежей расправлялись с ними с особой яростью (см., например: [Чулошников, 1940, с. 82]).

Случалось, что религия доминирующего народа вместе с тем служила неким интегратором в общении поликонфессиональной, разноразличной массы российских подданных. Пример такой ее функции дает мордовская песня, в которой башкир-мусульманин Алим женится на мордовке-язычнице Анюрке:

...Красавец Алим говорит:
Ох женушка моя Анюрка,
Ты супруга моя Анюрка!
Ты по-нашему говорить не умеешь,
Нашу веру не знаешь, не ведаешь.
Отвечает мужу Анюрка:
Муженск мой Алешенька,
Мы русскую веру примем
(цит. по [Народы, 2000, с. 416]).

¹¹ Впрочем, поддержка российскими властями кабардинских и дагестанских владельцев также служила фактором постепенного нарастания антироссийских настроений среди чеченцев (см. [Закриев, 2005, с. 20]).

Очевидно, переходить в христианство язычникам было проще, чем приверженцам монотеистических религий. Но административный гнет и раздоры с русским населением могли сказываться и на отношении язычников к вере русских. Упомянутая выше легендарная чудь, по версии сказителей коми, зарылась в землю, спасаясь именно от святого Стефана Пермского и его намерений окрестить лесных жителей [Коми, 1984, с. 22, 25]. Церковная утварь и предметы культа воспринимались, с одной стороны, как символы русской власти, а с другой — как русские идолы, к которым и отношение было соответствующее. Когда в 1722 г. ненцы громили русские деревни по реке Ляпин, то они волочили по земле привязанные веревками к нартам иконы, а кресты прицепляли к концам хореев и погоняли ими оленей [Миненко, 1975, с. 293]. Налицо явные ритуальные действия, десакрализация святынь как средство борьбы с духами-заступниками ненавистных пришельцев. С этой же целью восставшие в 1740-х годах башкиры при разорении русских сел не только жгли церкви, но также разрывали на кладбищах могилы и выбрасывали кости [Витевский, 1897, т. I–II, с. 169].

Выше приводились яркие свидетельства позитивного отношения карелов к факту установления российского правления после шведского владычества. Доброжелательное отношение распространялось на царя-воина Петра, его армию, на русский народ в целом, но отнюдь не на церковь и ее политику христианизации новообращенных подданных. В большинстве карельских эпических песен отношение к христианству сугубо негативное. Распространен сюжет, где герои куют цепь и сажают на нее христианского бога (Луё), а в одной песне и вовсе погребают его:

...Тут-то и поймали Луё.
В девяносто сажен
Яму глубоко роют,
Туда зарывают Луё,
Большими камнями заваливают,
Толстыми бревнами сверху
(цит. по [Очерки, 1957б, с. 101]).

Что касается мусульман, то, хотя их число в Российском государстве было немалым (на Востоке считалось, что под властью московского государя их пребывает «двенадцать раз по сто тысяч») [Эвлия Челеби, 1961, с. 193]), в целом их отношение к господствующей конфессии было лояльным. Сказывались объективная необходимость сосуществования в единой державе, осознание факта православного вероисповедания правящей элитой. Хотя в кругах исламского духовенства и наблюдалась отчужденность к «неверным» (см., например:

[Ташкин, 1922, с. 12]), но все-таки межрелигиозные конфликты в чистом виде российской истории неизвестны. Как правило, вопросы веры выступали лишь в качестве идеологического оформления политических и социальных движений. Это наглядно проявлялось с конца XVIII в. на Северном Кавказе, где в условиях исламизации стала распространяться раннемусульманская каноническая идея о разделении мира на «мир ислама» (*дар ал-ислам*) и «мир войны» (*дар ал-харб*). В последней ипостаси для горцев выступала Российская империя.

Мы затронули лишь некоторые аспекты проблемы отношения народов к России. В принципе это одновременно и проблема формирования российской идентичности, т.е. насколько правомерно вести речь об осознании принадлежности не только к своему роду, племени, этносу, но и в целом к Московскому царству или Российской империи. Представляется, что для XV–XVIII вв. ставить такой вопрос преждевременно. Подданные многонациональной России в то время были еще слишком разобщены и отделены друг от друга, обладали слишком малой информацией о внешнем мире (да и о собственном государстве), перенесли не так много общих испытаний, чтобы у них могли вызреть осознание общей исторической судьбы и — как следствие — идея общего для всех них Отечества. Вероятно, действовал и временной фактор: довольно мало времени прошло с момента вхождения в состав державы, чтобы считать ее своей Родиной.

Лишь немусульманское население Поволжья (мордва, чуваш, черемисы) теснее интегрировалось в сферу русской государственности и православной культуры, отчего признаки российской идентичности начинают просматриваться у него довольно рано. Существенным стимулом к этому послужил льготный управленческий и налоговый режим. Дж.Горсей, описывая Смуту начала XVII в., отмечал, что польские интервенты столкнулись с противодействием нерусских народностей: «Эти инородцы долго находились под властью русских царей, которые обходились с ними лучше, нежели со всеми другими нациями; и теперь, лишенные привычного хорошего обращения и притесняемые поляками, они возненавидели их, что и послужило им и русским на пользу. Они поднялись в огромном числе, вооружились, напали на поляков... расхищали их имущество и убивали» [Горсей, 1986, с. 224]. Известно, что во втором ополчении участвовали марийцы, чуваш и татары. А в 1610 г. предводителями тысячного отряда мятежных марийцев в Царевококшайском уезде были русские [Димитриев, 1986, с. 166, 198, 199].

Через несколько десятилетий, во время разинщины, беглая монахиня Алена возглавила крестьянский повстанческий отряд. Она была

известна своими заклинаниями, мистическими обращениями к народу, отложившимися в преданиях. Например: «Встану, благословясь, пойду, перекрестясь, за правое дело, за русскую землю, на извергов, на недругов, кровопийцев, на дворян, на бояр, на всех сатанинских детей!..» [Легенды, 1982, с. 80; Устно-поэтическое, 1983, с. 217]. Замечательно то, что данный текст бытует в *мордовском* фольклоре. Как видим, в середине XVII столетия борьба за освобождение от «сатанинских» сил воспринималась поволжскими «иноверцами» в контексте солидарности с русскими: ведь сражалась-то Алена за Русскую землю!

Собранные данные показывают, что образ России был в общем положительным, но все же при этом неоднозначным. Наблюдалось явное изменение его по мере ужесточения управленческих порядков на местах. Пока связь с правительством и *белым царем* ограничивалась положениями первоначальных соглашений о присоединении, т.е. взаимными необременительными обязательствами (выплата ясака, вольная служба и др.), пребывание в пределах государства рассматривалось как благо, поскольку наибольшую ценность имели гарантии прав на земли и защита от внешних нападений.

А вот когда государство начало осваивать национальные окраины, когда народы стали включаться в общеимперскую административную систему, подвергаться христианизации, оказались охваченными подушной податью и рекрутчиной, когда на их угодьях стали во множестве строиться русские деревни и города, заводы и рудники, отношение стало меняться. Положение ухудшалось из-за частых злоупотреблений местных чиновников. У башкир, например, в первой половине XVIII в. под воздействием новых условий созрело убеждение, будто «на их башкирский народ от России доброго не имеется» (цит. по [Устюгов, 1950, с. 132])¹². Приамурские племена, столкнувшись с жестокостью знаменитого Ерофея Хабарова, были вынуждены искать помощи у своих бывших врагов-маньчжуров [Константинова], от которых первоначально укрывались в русских владениях. Даже в среде такого мирного народа, как чуваша, в начале XVII в. зрело намерение истребить русских дворян (см. [Димитриев, 1993, с. 254]). А для части населения Северного Кавказа (главным образом горного Дагестана, Чечни и Адыгеи) под влиянием исламизации Россия в конце концов превратилась в главную враждебную силу. Правда, в рассматриваемый здесь период формирование там образа врага в лице империи пока только еще зарождалось и окончательно оформилось только в XIX в.,

¹² Эта фраза удивительным образом перекликается со словами коми-зырян конца XIV в., вложенными в их уста анонимным автором «Жития» Стефана Пермского: «От Москвы может ли что добро быти нам? Не оттуду ли нам тяжести быша и дани тяжкыя и насильство?» (цит. по [Очерки, 1955, с. 58]).

в ходе прямого противостояния в Кавказской войне (см., например: [Блиев, 2004, с. 35, 96, 106 и сл.; История, 1957а, с. 106])¹³.

—

В результате расширения Российского государства, особенно со второй половины XVI в., русские вступали в общение с народами присоединенных территорий. Первоначальные «точечные» контакты со временем стали массовыми и повседневными. Характер этих контактов (мирный или враждебный), содержание (хозяйственное или политическое), социальный уровень (элитный или всеобщий) зависели от многих обстоятельств. Здесь сказывались и условия вхождения региона в состав государства, и вид занятий населения, и интенсивность русской миграции, и удаленность от основной этнической территории русских на Восточно-Европейской равнине, и другие факторы. В любом случае обитатели вновь образовавшихся «национальных окраин», столкнувшись с пришельцами — людьми зачастую иной религии, языка, непривычной внешности, вырабатывали свое отношение к ним. Потребовалось найти для русских место в системе привычных представлений, внутри традиционной картины мира.

Мы попытаемся наметить некоторые черты этнического образа русских, т.е. типичного, обобщенного, интегрального представления о русском человеке как носителе иного облика и иной культуры, образа, который складывался в глазах нерусских жителей государства. В ходе межатнического контакта в данном образе происходили постоянные изменения. Он обогащался, обрастал различными стереотипами, позитивными и негативными признаками, приобретал у разных народов своеобразные, исторически и психологически обусловленные черты.

При всех оценочных различиях образ русского оставался в целом образом Чужого — представителя иного культурно-этнического пространства. Особенность формирования его в XVI–XVIII вв. заключалась в ограниченности главным образом рамками традиционной культуры и, следовательно, функционировании в рамках этноцентристской «системы координат». Это зачастую предполагало инстинктивное от-

¹³ Выше указывалось, что первоначально русские воспринимались горцами позитивно. Еще в 1768 г. чеченские представители на сходе в Кизляре заявляли коменданту крепости, будто «все старшины и народ... Россию весьма довольны» [Мальбахов, 2002, с. 126]. Подобная трансформация оценок имела объективные исторические причины и касалась не только «завоевателей». Собственные ханы и беки из эпических богатырей превратились в притеснителей и угнетателей, а их место предводителей и защитников народа в северокавказском фольклоре заняли абреки (которые первоначально изображались как разбойники). Эти перемены в народном творчестве начались в XVIII — первой половине XIX в. и окончательно оформились при российском правлении [Бобровников, 2003, с. 40].

рицание Чужого как непонятного, неприемлемого, иногда опасного и даже потустороннего. Последнее, впрочем, не мешало иногда рассматривать инокультурных пришельцев как носителей некоего сакрального начала [Белова, 1997, с. 25].

Постепенно вырабатывался стереотип восприятия русского человека — устойчивый и противоречивый комплекс истинных и мнимых признаков и качеств, приписываемых ему в обыденном сознании. Структура данного стереотипа включала несколько уровней восприятия и трактовок культурных доминант, присущих русским. Чужому могли приписывать отсутствие души, непривычную («не нашу») внешность, исключенность из привычного, «нашего» жизненного уклада. Вместе с тем происходила определенная мифологизация чуждых пришельцев, обнаружение у них благодатных и иногда даже сверхъестественных свойств [Белова, 2001]. Такая парадоксальная на первый взгляд амбивалентность, которая была выявлена О.В.Беловой на славянском материале, обнаруживалась и в отношении к русским у других народов России (см. ниже).

Общекультурную оппозицию «мы–они» принято считать необходимой для самоидентификации этнической группы. Такая самоидентификация происходила задолго до появления в новоприсоединенных регионах русских, и в этом смысле последние лишь включались в давно запущенный «механизм» сопоставления «нашего» народа (племени, рода) с иными, «чужими». Очевидно, устойчивый образ (обычно называемый этническим стереотипом) представляет собой форму, в которую облекается такое сопоставление. А поскольку для начала его формирования необходим эмпирический контакт, то в фундамент стереотипа ложатся в первую очередь характеристики, порожденные эмоциональным и чувственным восприятием. К таковым относятся внешний вид Чужого, его пищевой рацион, сфера взаимоотношений полов. Как ни странно, но непонятный язык или необычные хозяйственные занятия не привлекают такого внимания, потому что «стереотипы восприятия соседних народов строятся не столько на объективно наблюдаемом, сколько на содержащем сильное эмоциональное наполнение, т.е. имеющем эстетическое и этическое значение» для наблюдателей, наиболее явно расходящееся с привычными для них социальными нормами [Дронова, Истомин, 2003, с. 54]¹⁴.

Проблема отношения к Чужому (или — шире — к Другому), по наблюдениям Цв.Тодорова, имеет как бы три слоя, три ипостаси воплощения: аксиологический план (хорош или плох Чужой, равен он мне или ниже меня), праксиологический план (близок мне Чужой или

¹⁴ О соотношении этнического стереотипа и социальной нормы см. [Байбурин, 1985, с. 9–11].

далек, приемлемы ли для меня его ценности, отождествляю ли я себя с ним или ассимилирую его, накладывая на него свой образ) и, наконец, нейтральное или безразличное отношение [Тодоров, 1992, с. 178]. В качестве объекта изучения и иллюстрации этой триады Цв.Тодоров сравнивал взаимное восприятие испанских конкистадоров и индейцев-ацтеков. Нам предстоит выявить аксиологическое и прагматическое проявления конструирования образа Чужого на евразийских реалиях позднего средневековья, т.е. на совершенно ином историческом материале (хотя кое в чем продвижение русских на восток и юг и напоминало конкисту).

Представления о русском человеке менялись с течением времени и под влиянием исторических обстоятельств. На такие изменения воздействовали различные факторы. Во-первых, частота и интенсивность контактов. Во-вторых, социальный состав русского населения: с крестьянами налаживалось более тесное общение, чем с солдатами или чиновниками. В-третьих, повороты в правительственной политике по отношению к «иноверцам». Враждебность к незванным пришельцам и захватчикам уступала место дружелюбному соседству и сотрудничеству (а затем иногда и ассимиляции), как это имело место в Сибири¹⁵, и наоборот — как на Северном Кавказе¹⁶. Немалое значение имели хозяйственные связи. Впоследствии в качестве сближающих факторов добавились совместное выполнение государственных повинностей и единоверие (по мере распространения православия)¹⁷. Соответственно и отношение к пришельцам смягчалось, их образ обогащался, в стереотип восприятия русских включалось все больше по-

¹⁵ Среди исследователей не сложилось единого мнения относительно развития ассимиляционных процессов к востоку от Урала. Одни авторы считают, что в целом они не были характерны для Сибири [Шелегина, 2001, с. 18], другие, напротив, видят в XVIII в. предпосылки к широкой ассимиляции, когда с почти повсеместным окончанием активных военных действий «русское население выходит из-за стен острогов и широко расселяется рядом с коренными жителями» ([Скобелев, 1998–1999], см. также [Бахрушин, 1955а, с. 270]). В.П.Иванов усматривает там «стремление к мирному сожительству» как ведущую тенденцию уже в XVII столетии [Иванов, 1999, с. 150]. В целом основания для такого подхода имеются. С.П.Крашенинников побывал на Камчатке в 1737–1741 гг., т.е. всего через несколько десятилетий после присоединения полуострова к России, и характеризовал ительменов следующим образом: «...ныне во всем последовала великая перемена. Старые, которые крепко держатся своих обычаев, переводятся, а молодые почти все... стараются во всем российским людям последовать, насмехаясь житию предков своих, обрядам их, грубости и суеверию» (цит. по [История, 1968а, с. 292]).

¹⁶ Об изначально позитивном (до Кавказской войны) образе русского царя, офицера, казака в вайнахском фольклоре см. [Вагапов, 1968, с. 13].

¹⁷ В отношении русско-якутских отношений данные факторы сформулированы Г.П.Башариным [Башарин, 2003, с. 151].

зитивных черт: «добрый народ», «молодцы, и по силе-мощи своей, и по работе, и по приветливому обхождению весьма отменны» [Исторические предания, 1960, с. 12; Мифы, 1996, с. 343], и т.п.

Вообще на сибирских материалах проблема формирования образа русского человека в глазах местных народов может быть исследована наиболее подробно. Исторически сложилось так, что знакомство местных жителей с русскими началось с прихода в край казаков, служилых людей и купцов. Соответственно и первые впечатления складывались от контактов именно с этими людьми и затем переносились на всех русских. Нередко впечатления концентрировались вокруг категорий «жестокость», «огнестрельное оружие», «торговля» [Кузьминых, 2001]. Оружие «огненного боя», парусные корабли и деревянные крепости служили символами российского присутствия и российской колонизации, отчего любой мятеж аборигенов сопровождался намерением уничтожить ближайший русский город [Вершинин, 2003, с. 438]. Впрочем, и русские не оставались в долгу. На Кавказе «нашим людям» предписывалось не останавливаться перед угонем скота у горцев (так называемая баранта) в отместку за такие же действия с их стороны или в целях устрашения [Бутков, 1869, с. 163; Мальбахов, 2002, с. 304]¹⁸.

В целом отношения русских с местными народами на новоприсоединенных землях в XVI–XVIII вв. складывались довольно напряженные. Причины для конфликтов появились сразу и со временем накапливались. Кроме взаимных потерь в период непосредственно присоединения¹⁹ можно назвать ясное налоговое обложение (и связанные с ним злоупотребления), захват земель, соперничество в промыслах, некоторое распространение рабства («похолопление»), умыкание женщин, христианизацию, жестокое обращение русских начальников с «иноверными» подданными²⁰. На таком сложном, конфликтном фоне часто закладывались основы восприятия русских, закладывались первые блоки в фундамент этнических стереотипов.

¹⁸ Впрочем, непереносимым условием было не затрагивать при этом владения крымских и турецких вассалов, «дабы за малое дело между целыми государствами ссоры или и самой войны не учинить».

¹⁹ Очевидно, наибольшие потери среди сибирских народов в конце XVI — начале XVII в. понесли сибирские татары и енисейские кыргызы, воевавшие с русскими до начала XVIII в. [Москаленко, Скобелев, 2001].

²⁰ В 1632 г. томский воевода докладывал, что буряты, раздраженные ясачными сборами, «служилых людей... в юрты к себе зимнюю порою начевать не пускают, а называют... их, служивых людей, худыми людишками» (цит. по [Миллер, 2005, с. 184]). На юге Западной Сибири отрицательных эмоций местным тюркам добавил распространившийся среди русских крестьян промысел «бугрования», когда в поисках драгоценностей раскапывали древние курганы и могилы предков [Романов, 1997, с. 85, 90].

Самое первое, запоминающееся и стойкое впечатление оставляла внешность пришельцев. Их образ начинал формироваться у коренных жителей посредством внешних признаков, представлений о телесном облике человека, прежде всего о его наружности и одежде [Чеснов, 1998, с. 119, 120]. Происходило естественное сопоставление «своего» облика с «чужим», и различия между ними определяли этнокультурное несоответствие их носителей. Как показывают этнологические исследования²¹, особенности внешности человека способны выступать в роли своеобразных сигналов о расовой, национальной, социальной, профессиональной, возрастной и прочей принадлежности. При этом выделяются, как правило, признаки антропологические (физический облик), функциональные (голос, мимика, жестикация), социальные (одежда, украшения и т.д.). Непривычные признаки ясно показывали принадлежность обладателей их к «чужой» общности, в том числе этнической.

В XVI–XVIII вв. облик русских людей из любых социальных слоев существенно отличался от облика коренных народов присоединенных регионов. Внешний вид прибывающих славян вызывал смешанные чувства, самым сильным из которых было удивление. Русский житель Башкирии, передавая рассказ своего прапрадеда, рязанского крепостного, о переселении на Южный Урал для строительства одного из заводов в XVIII в. («еще до Пугачева»), отмечал реакцию местных жителей: «Когда нас сюда гнали, не было здесь ни одного русского человека. Башкиры выбегали из своих юрт и смотрели на нас, как на диво» [Сидоров, 1979, с. 52].

Российская экспансия распространялась на владения в том числе тех народов, в среде которых было не принято отпускать длинные усы и бороды. Поэтому густая, обычно светлая растительность на лицах русских сразу стала одним из самых характерных их отличий. «Когда они пришли, наши люди их очень боялись, потому что у них такой страшный вид. Усы у них торчали, как у моржей», — говорится в чукотских сказаниях [Богораз-Тан, 1934, с. 171]; «...по реке пришли бородатые неизвестные люди», — вторили буряты [Балдаев, 1970, с. 67]; в долганском фольклоре русский предстает как огромный волосатый человек [Фольклор, 2000, с. 341]. Распространенной характеристикой стали выражения «обросший рот», «обросшее лицо», «волосатое лицо», «волосатый рот», «с волосами у рта» и т.п. (см., например: [Долганский, 1937, с. 78, 252; Идегей, 1990, с. 162; Иохельсон, 1900, с. 75; Токарев, 1940, с. 39; Хозяин, 1994, с. 92]).

²¹ См., например: [Кожанов, 1977, с. 14, 15; Тишков, 2003, с. 110, 111]. По мнению В.А.Тишкова, фенотипические, визуальные различия способны сделать межгрупповую дистанцию «более значимой, чем весь остальной набор культурных и политических факторов».

В XVIII в. военные, в отличие от казаков, мещан и крестьян, брили бороды, но оставляли усы. Поэтому те, кто сталкивался с армией, запоминали «усатых драгунов», «красавцев с золотистыми усами» [Фольклор, 1988, с. 52].

«Золотистый» — здесь указание на «масть», которая тоже оказывалась непривычной для темноволосых обитателей Кавказа, Поволжья и Сибири. В воспоминаниях о приходе русских фигурируют белокурые и изредка рыжие пришельцы (см., например: [Идегей, 1990, с. 162 — «князь-урус, рыжий, как лис»; Зайцев, 2004б, с. 196 — «рыжий Иван» — обычное крымско-татарское прозвище русских; Карельское, 1982, с. 119 — «новгородцы белокурые»; Семенов, 1895, с. 351 — «триста белокурых русских»]).

В целом славянские черты лица воспринимались темноглазыми brunетами настороженно, хотя и не всегда враждебно. Якутские исторические предания дают фотографическое отображение двух «странных» слуг знаменитого героя Тыгын-тойона: «Глаза — глубокосидящие, синие, носы — высокие, острые, лица — обросшие волосами, головы острижены...» [Токарев, 1940, с. 39]. Но сам по себе «нездешний» облик не означал неприятия. В другом сказании тот же Тыгын делится впечатлениями от первого знакомства с русскими: «У них нос — сюда, глаза — туда, должно быть, толковые, смышленные люди» [Исторические предания, 1960, с. 12].

При этом заметим, что светлые глаза не запоминались повсеместно и так же прочно, как густая растительность на лице. Разве что примешивались какие-нибудь специфические местные суеверия, и тогда, например у ойратов, возникало негативное отношение по надуманной причине: русским, мол, нельзя доверять, потому что у них глаза голубого цвета и из-за этого они в состоянии обманывать других, не отводя взгляда [Гучинова, 2003, с. 31]²².

С внешностью пришельцев неожиданным образом оказалось связано угасание древнего обычая обитателей тайги татуировать лицо. Дело в том, что Сибирь превратилась в край каторги и ссылки. Столкнувшись с массой клейменных уголовников, аборигены уяснили, что подобное «украшение» в глазах русских считается показателем самого низкого социального статуса. Эвенки рассказывали об этой ситуации так: разные народы «по рисункам (на лице. — В.Т.) узнавали друг друга... Когда царь стал каторжан в Сибирь ссылать, у нас писаных (татуированных) не стало... Увидят в Сибири писаного, сразу скажут: „Каторжник!“ С тех пор все эвенки перестали писать свои лица» [Фольклор, 1967, с. 124].

²² Чукчи рассказывали, будто у первых повстречавшихся им русских глаза оказались почему-то «из железа, круглые и черные» [Богораз-Тан, 1934, с. 171].

Существенным элементом восприятия являлась одежда. Стереотипным ее признаком в фольклоре поначалу служило то, что она была черного цвета и изготовлена из железа (память о доспехах XVI–XVII вв.) (см., например: [Богораз, 1902, с. 155–158; Иохельсон, 1900, с. 75; Хозяин, 1994, с. 92]). В целом одежда являлась показателем и подтверждением несомненно чуждого происхождения, что и проявлялось в ее описаниях и оценках. Она, «тесная, сжимающая, подобно водоросли» [Токарев, 1940, с. 39], пошита из кожи одного тугута (олененка) [Фольклор, 2000, с. 339], т.е. слишком тонкая и гладкая, лишенная меха; русские женщины не носят штанов и, стало быть, бесстыдны... [Гучинова, 2003, с. 31]²³. Вычурной одеждой выделяются «пестрый офицер» (с разноцветным мундиром) и «хвостатый солдат» (со свисающими сзади фалдами) [Дахкильгов, 1978, с. 110].

Как видим, внешний облик русских запоминался в силу своей экзотичности и благодаря тем антропологическим чертам, которые отсутствовали у наблюдателей. Однако невиданные внешность и одеяния были не единственным маркером пришельцев. Сразу были замечены их непривычные занятия и пища и весь образ жизни.

Для обитателей зауральских пространств основным новшеством оказался хлеб. Возделывать его они сперва, конечно, не умели, но вкус оценили быстро. Постепенно было заимствовано и повседневное употребление соли, притом что эвенки первоначально считали, будто соль «у человека чутье отнимает» и тем препятствует охотничьей удаче [Исторический фольклор, 1966, с. 294, 295; Фольклор, 1958, с. 119]. В фольклорных воспоминаниях об эпохе присоединения к России отразилось также знакомство местных народов с водкой и табаком. При этом водка нередко предстает как дипломатическое орудие, подспорье в убеждении аборигенов начать выплату ясака (см., например: [Иохельсон, 1900, с. 91, 93; Хозяин, 1994, с. 94; Яковлев, 1901, с. 99])²⁴.

Впечатления от потребления пищи русскими удивительным образом различались в разных концах государства. Чуваши, к примеру, считали их расточительными в еде («Если подружись с русским, то придется разделить с ним четыре меры пшеницы»), а долганы иронизировали над излишней экономностью («Из задней ноги оленя варят

²³ Оценка русских крестьянок с позиций чувашской традиционной культуры тоже оказалась нелестной. Дело в том, что на чувашек возлагались тяжелые физические работы (в том числе пахота), которые у русских считались уделом мужчин; соответственно чуваше считали русских женщин изнеженными [Николаев, 1999, с. 42].

²⁴ Эта «историческая функция» алкоголя, очевидно, отразилась в хакасской поговорке: «Не переборешь великую пищу» (*улуг астан*, т.е. водку) [Бутанаев, Бутанаева, 2001, с. 104]. В телеутском предании «пришел русский, напоил нашего царя вином и забрал у него все документы на царство» [Телеутский, 2004, с. 58].

два обеда, говорят»; слушатели здесь смеются: «Вот ведь удивительные люди!») [Николаев, 1999, с. 42; Фольклор, 2000, с. 339, 341].

Едва ли не самое большое потрясение вызывала техническая оснащенность русских, и прежде всего вооружение. Пристальное внимание привлекали железные клинки и бердыши, а ножи и топоры сразу были признаны самыми ценными предметами в хозяйстве (юкагиры «свои каменные топоры все бросили») (см., например: [Богораз-Тан, 1934, с. 71; Иохельсон, 1900, с. 93; Хозяин, 1994, с. 96]). Но все-таки настоящий восторг и ужас порождало, конечно, огнестрельное оружие. Очевидно, военные успехи и быстрота расширения российской территории во многом объяснялись его шоковым эффектом. При приближении Ермака к стольному ханскому Искеру впереди казаков неслась новость: «Егда они стреляют из луков своих, ино ис конца дым и огонь исходит и голкнет (гремит. — *В.Т.*) громко, а пробивают наши куяки и бахтерцы (доспехи. — *В.Т.*) навывлет»; «...оружие их не по нашему. Егда ж они стреляют из луков своих... стрел не видеть, а защититися нечем не мочно» [ПСРЛ, т. 36, с. 32, 120]. «Трудно нам воевать с людьми, которые на расстоянии нас убивают, — рассуждал бурятский богатырь. — У них божественное оружие: как будто молния зажигается и прожигает нас!» [Балдаев, 1970, с. 208]. По стойбищам распространялся слух о чудодейственных орудиях убийства — «стреляющих палках», «блестящих шестах», поражающих при посредстве неведомой силы: «раздается оглушительный звук, и воины... умирают на большом расстоянии от стреляющего»; «что такое выходит из их оружия, из этих пустых трубок? отчего мы умираем?» [Балдаев, 1970, с. 67; Казарян, 2002; Лопуленко, Мартынова, 2002, с. 136; Окладников, 1937, с. 75].

Со временем первоначальный страх сменился острым любопытством, а затем и желанием научиться стрелять самим. В боях теперь старались добыть пищали и порох (см., например: [Миллер, 2005, с. 235]), тем более что технологию использования вооружения приходилось наблюдать многократно. По верному замечанию Е.В.Вершинина, трудоемкость и медлительность стрельбы из оружия весьма ярко запечатлелись в преданиях о событиях XVII в. [Вершинин, 2002, с. 109]. В хантыйских описаниях боев с русскими рассказывается, что для стрельбы из пищали требовалось три человека: «один заряжает (в другом варианте: одному на плечо ружье кладут. — *В.Т.*), другой целится, а третий поджигает (вариант: третий держит. — *В.Т.*)» [Мартынова, 2002, с. 88–90; Мифы, 1990, с. 178].

Такая сложная процедура определенно сказывалась на боеспособности противника. В тех же сказаниях ханты одерживают победу в сражениях в немалой степени благодаря скорострельности своих лу-

ков (не обсуждаем здесь вопрос о реальности такого исхода). Постепенно страшное оружие, так сказать, десакрализировалось и уже не казалось всесильным. Когда в предании Ермак хвастливо показывает остяцкому богатырю пушку, тот легко сминает ее между пальцами: «Вот ваше оружие!» [Материалы, 1978, с. 40; Мифы, 1990, с. 179]. В 1630 г. туринские татары ожидали зимнего калмыцкого набега, во время которого «русские люди все пропадут», так как «самопалы замокнут, стрелять не учнут в снежное время» [Миллер, 2000, с. 426].

Но превосходство ружей перед луками и копьями все-таки было столь явным, что обретение нового вооружения представителями коренных народов однозначно расценивалось как благо. Оно помогало и при охоте, и в противостоянии с враждебными племенами (см., например: [Лопуленко, Мартынова, 2002, с. 136; Фольклор, 1967, с. 116])²⁵.

В народной памяти огнестрельное оружие отложилось прежде всего как средство установления русской власти. А эту власть нередко насаждали свирепо и беспощадно, что тоже надолго запомнилось. Наиболее наглядно это проявилось в отношении коренных сибиряков, которым пришлось столкнуться с казаками, проводившими объяснительные «землицы» в XVII–XVIII вв. Фольклор энцев, якутов, чукчей отобразил предельную жестокость пришельцев; причем если в якутских преданиях она имеет хоть какое-то рациональное объяснение и носит вынужденный характер, то в чукотских предстает как самоцель (мести, ясак и т.д. находятся на втором плане) [Кузьминых, 2001]²⁶. В чукотском языке даже появился неологизм *касаумел* (казакоподобный) со значением «скверный, грубый, жестокий» [Богораз-Тан, 1934, с. 171]²⁷.

²⁵ Описанное здесь отношение к «огненному бою» представлено нами на примере аборигенов Сибири как наиболее яркий пример. Однако в Поволжье, Центральной Азии и на Кавказе огнестрельное оружие вовсе не было новинкой. Поэтому описания первых сражений с русскими там не акцентируют внимания на их вооружении, не придают ему сверхъестественных свойств. Так, в марийском предании о князе Полтыше изображен залп русских пушек-единоголов, после которого «застонала черемисская земля»; однако это не смутило обороняющихся в крепости: «приступ был отбит с большим для русских уроном: много их было отбито с валов горячей смолой, убито копьями и камнями; много, много людей потонуло в широком и глубоком рву» [Худяков, 2003б, с. 85].

²⁶ От приамурских племен о нраве русских узнали маньчжуры. В 1689 г. в докладе цинского Государственного совета императору Канси о пограничных делах, в частности, говорилось: «Русские по сносу характеру чрезвычайно свирепы и их трудно подчинить» [Мелихов, 1974, с. 192].

²⁷ Запомнили аборигены и алчность казаков. Якуты сложили поговорку: «Зерна просыплются — мышь прибежит, медные деньги брякнут — казак зашевелится» [Никифоров, 1994, с. 97]. Действительно, казаки, служилые люди и ясачные сборщики, получившие доступ к природным богатствам Сибири — пушнине и моржовой кости, не гнушались обманывать и обсчитывать местных жителей. Известно, например, что дефицитные железные изделия последним навязывались по завышенным ценам [Долгих, 1960, с. 423].

Вообще казаки оставили недобрую память о себе не только во времена экспансии. Распространенным эпитетом для них в татарских исторических хрониках было слово *акк* — «упрямый, строптивый» [Зайцев, 2004б, с. 197]²⁸. Чувашский просветитель И.Я.Яковлев в своих мемуарах начала XX в. привел воспоминания земляков об эпохе пугачевщины, когда нагрянувшие в край казаки принялись бесчинствовать, грабить, мучить и убивать местных жителей; с тех пор чуваша той местности стали неохотно общаться с русскими [Николаев, 2001а, с. 30]²⁹. Такое свидетельство о событиях Крестьянской войны разительно отличается от обычных фольклорных панегириков в адрес Пугачева и его соратников.

Отрицательных эмоций добавляло и беспринципное коварство участников экспансии. Обратившись вновь к якутским преданиям, мы встретим сцены приманивания доверчивых обитателей тайги конфетами и бусами, разбросанными по земле, и внезапное убийство их; или заковывание в цепь якутского предводителя с уверениями, будто цепь — это подарок ему от российского «солнца-царя» [Исторические предания, 1960, с. 9, 10, 13]. Дж.Флетчер писал в конце XVI в., вероятно сгущая краски, будто горные черемисы (марийцы) «ненавидят русских, коих почитают вообще лукавыми и несправедливыми» [Флетчер, 1991, с. 97].

«Эталонной» ситуацией для демонстрации коварства мигрантов стали фольклорные коллизии, отразившие земельные захваты. На окраинах начались активное строительство поселений и заводов, разработка недр. Интересы государства и этих новых переселенцев неизбежно приводили к конфликтам. Угодья, которые русские новоселы расценивали как общую, «мирскую», «божью» землю [Никитин, 1987, с. 137; Шерстова, 2004, с. 66], вовсе не считались таковыми с точки зрения коренных жителей. То там то здесь разгорались споры о праве владения и пользования землей. Иллюстрацией этих коллизий стал сюжет, именуемый в фольклористике «хитростью Дидоны» (по имени персонажа античной мифологии [Дидона, 1987]). Чужеземец просит доверчивых поселян уступить ему землю размером с бычью (или воловью) шкуру, а затем разрезает эту шкуру на тонкие ремешки и выкладывает их по периметру огромного пространства. Заключившие сделку местные жители вынуждены признать эту землю за хитроумным пришель-

²⁸ Русских же людей в целом сопровождал эпитет *менхус* — «приносящий несчастье, гибельный».

²⁹ О традиционной настороженности по отношению к казакам в этом регионе свидетельствуют также документы периода Смуты, когда представители народов Среднего Поволжья (Казанского царства), жившие в Казани, постановили «казаков в город не пущати» [Димитриев, 1986, с. 192].

цем. Хотя сам по себе этот рассказ относится к числу так называемых бродячих сюжетов, показательна его распространенность в ареале русской хозяйственной колонизации. Повествования об этой «хитрости» зафиксированы у башкир, сибирских татар, чувашей, якутов [Ахметшин, 2001, с. 48; Башкирские, 2001, с. 261, 262, 266, 272; Башкирские, 1985, с. 119, 120, 128; Башкирское, 1987, с. 214, 305; Городцов, 1906, с. 109–112; Дмитриев, 1993, с. 268–270; Исторические предания, 1960, с. 15; История, 1957в, с. 118, 199; Катанов, 1895, с. 7, 8, 10; Сидоров, 1979, с. 50]³⁰, и почти всегда она связана с русским пришельцем — купцом, казаком или крестьянином.

В этой ситуации объективно требовался арбитр в лице государственной администрации, чтобы примирить разногласия разноэтничных подданных. Поэтому именно в XVIII в. категория подданства стала обретать зримые черты не только в умах правительственных чиновников, но и в массе рядового населения, вынужденного все чаще прибегать к посредничеству властей, в первую очередь местных чиновников. Но многие из них оставили о себе недобрую память. Вообще образы чиновников в историческом фольклоре — сугубо отрицательные. У башкир олицетворением их негативных черт, нарицательным персонажем стал упоминавшийся выше офицер Брагин [Ахметшин, 2001, с. 83; Башкирские, 1985, с. 14, 125; Башкирское, 1987, с. 227, 228; Сидоров, 1979, с. 57], а в памятниках чукотского народного творчества действует русский не то богатырь, не то начальник, облаченный в железные одежды и зверски истребляющий подвластных [Богораз, 1902, с. 155–158].

Вслед за небольшими отрядами первопроходцев на окраины шли и расселялись служилые и посадские люди, крестьяне и купцы. Если сначала туземному населению количество русских казалось незначительным, то впоследствии оно убедилось в его громадных размерах. Их стали сравнивать с густым лесом, отмечать их бесчисленность, а значит, неистребимость и непобедимость (см., например: [Балдаев, 1970, с. 208; Иохельсон, 1900, с. 75; Окладников, 1937, с. 75; Хозяин, 1994, с. 92]).

Как уже отмечалось, констатация негативных черт Чужого вполне могла сочетаться с сакрализацией этих черт и всего образа. В случае с русскими новоселами мы скорее наблюдаем даже не сакрализацию, а демонизацию их. Конечно, позднее, с развитием и активизацией повседневных контактов, подобное отношение сошло на нет, и поэтому

³⁰ Варианты: русский захватывает столько земли, сколько может охватить взглядом с высокой горы [Сидоров, 1979, с. 51 — предание башкир] или «сколько намотанной веревки сможет удержать на шее человек» — затем с ней поступают так же, как с ремнями из бычьей шкуры [Волга, 1937, с. 27 — предание мордвы-эрзи].

мы не можем утверждать, что «демонические» свойства русских отразились в этническом стереотипе. Однако на ранней стадии межэтнических контактов реальность и вымысел причудливо переплетались.

Русские несомненно воспринимались как носители некоей сверхъестественной неодолимой силы, которая позволяла им одерживать победы. Правда, примеров буквального приписывания им чудодейственных свойств известно мало. Один из них — память коми о вероучителе XIV в. Стефане Пермском. Молва связывала с ним способность останавливать реки, кипятить воду без огня, накладывать заклятья; как уже говорилось, якобы спасаясь именно от святого Стефана с его христианской проповедью, спрятался в подземелье и сгинул там древний народ чудь [Коми, 1984, с. 22, 25, 26, 71]. По другую сторону Уральских гор ханты рассказывали о своем знаменитом колдуне, который «большой ворожей был, только русских боялся. Если русские есть — сила у него пропадает» [Мифы, 1990, с. 181]. У долган русские колдуны считались самыми страшными, превосходящими силой величайших шаманов «окно земли» (тех, кто умел воскрешать мертвых) [Долганский, 1937, с. 246, 251 (комментарий А.А.Попова)]. Суеверное отношение к пришельцам вызывало острое любопытство вплоть до того, что в одном легендарном бою с казаками хантыйский богатырь выстрелил в противника лишь затем, чтобы «посмотреть, как упадет русской женщиной рожденный человек» [Мартынова, 2002, с. 89] (как будто тот мог упасть как-то по-особенному!).

Со сверхъестественной трактовкой пришельцев коренными сибиряками, как отмечено В.И.Кузьминых, может быть связано и прибытие их исключительно по реке³¹. Это отражало не только действительные обстоятельства «освоения Сибири», но и традиционную интерпретацию речного потока как связующего звена между земным миром людей и подземным миром — обиталищем враждебной нечисти [Кузьминых, 2001] (см. также [Топоров, 1988, с. 374, 376]). Таким образом, появление русских первоначально интерпретировалось как приход чуждой, абсолютно «не нашей» силы.

Еще одно роковое обстоятельство укрепляло коренных жителей Сибири в подобной негативной оценке. В тайге и тундре бытовало убеждение, будто страшные, губительные эпидемии (главным образом оспы) появились из-за чародейства русских. Инфекция распространя-

³¹ Редкие же сухопутные передвижения осуществлялись верхом. В стычках аборигены старались поразить прежде всего лошадей. Г.Ф.Миллер объясняет это тем, что местное население поначалу видело в этих неизвестных животных едва ли не большую угрозу, чем во всадниках [Миллер, 2005, с. 84]. Однако вероятен и тактический резон: очутившись в чужом краю без коня, казак зачастую становился беззащитным, обреченным на плен или голод.

лась ими якобы через дым или посредством специально привезенного демона с целью убавить количество аборигенов (см., например: [Иохельсон, 1900, с. 80, 89, 92]). В долганском и якутском языках для индизаторного обозначения духов, насылающих болезни, появилось понятие *маатыска* (от рус. «матушка»). По поверьям этих народов, оспа приходила в образе русской женщины [Фольклор, 2000, с. 331, 422 (комментарий П.Е.Ефремова и Н.А.Алексеева)]³².

Подобные суеверия коренились в первоначально фантастическом восприятии русских и разительно расходились с действительным положением дел.

Во-первых, распространение заразных болезней не следует однозначно связывать с российской экспансией, что аргументированно показано в специальном исследовании С.Г.Скобелева. Они были известны к востоку от Урала еще с раннего средневековья, ведь в Центральной Азии, Южной Сибири и южном Приуралье находились природные очаги инфекций. «Вина» русских заключалась лишь в том, что они чрезвычайно активизировали миграции и человеческие контакты в регионе, отчего перенос заболеваний «вырвался» из прежних локальных рамок и начались эпидемии [Скобелев, 2002]³³.

Во-вторых, российские власти по мере сил пытались спасти подведомственное население от массовых заболеваний, чтобы не допустить уменьшения численности плательщиков ясака. Когда в конце XVII в. в Колымском крае и на Охотском побережье дважды разразились опустошительные эпидемии, приказчик Охотского острога Пущин пытался лечить тунгусов сулемой. Правда, те подумали, что сулема как раз и является средством распространения оспы, и убили Пущина (сами тунгусы «спасались» тем, что развешивали на деревьях лисиц в жертву духам) [Степанов, 1973, с. 115]. Скудный и полуголодный быт аборигенов немало способствовал массовости заболеваний, так как ослабленный голодом организм труднее справлялся с болезнью. Понимая это, местная администрация порой создавала запасы продовольствия, дабы избежать массовых голодовок [Скобелев, 2002]. Впрочем, гра-

³² По якутским поверьям, с приходом русских связано также появление духов кори и демонов-*кэриим*, истязавших душу непогребенного покойника [Кулаковский, 1979а, с. 50]. Самых русских считали не подверженными опасным заболеваниям. В этом энцы уподобляли им своих соседей, многочисленных и воинственных чукчей: «Чукчи болезней не боялись, все равно как русские. Чукчей много было» [Мифологические, 1961, с. 159].

³³ Такой признанный авторитет, как Г.Ф.Миллер, уверенно заявил, что «в отдаленных восточных местностях Сибири оспа является бесспорно новой, привезенной уже в русские времена болезнью». Но ее распространение он тоже приписывал не какому-то злому умыслу, а объективному развитию «сношений с живущими далее на западе» [Миллер, 2000, с. 102].

мотная и целеустремленная политика в этом направлении началась только в XIX в., когда стала оказываться профессиональная медицинская помощь. В упоминавшейся выше летописи Аюши Саагиева среди прочих царских «высочайших благодеяний» названо внедрение оспопрививания при Александре I [Цыдендамбаев, 1972, с. 59].

Формирование новой социокультурной реальности, связанной с подчинением России и установлением контакта с русскими, требовало включения последних в традиционную структуру мироздания присоединенных народов. Требовалось объяснить само появление русских в мире, как и их победоносное могущество. В условиях господства архаичного сознания это достигалось включением пришлого народа в мифы о творении. Так, в северной Якутии бытовала легенда о том, что у божественного праотца было три сына, из которых младший, русский, был им назначен главенствовать над старшими — якутом и эвеном. Здесь, с одной стороны, присутствует идея о божественном происхождении власти русских, но с другой — сквозит мысль о несправедливости такого порядка — в нарушение майората. Сходная кое в чем ситуация описана в чукотском мифе, где бог предназначает в рабство русскому все народы, кроме чукчей [Кузьминых, 2001].

Отголосок мифа о творении с признанием превосходства русских можно, вероятно, усматривать в нганасанских и энецких преданиях о русском мальчике, от которого произошли роды нганасан и энцев [Долгих, 1960, с. 133].

По мере уже отмеченной выше десакрализации трактовка статуса русских становилась не столь пиететной, и их стали по меньшей мере уравнивать с прочими народами. Те же энцы рассказывали о происхождении разных народов от сыновей одного отца, двое из которых стали предками русских, двое — самоедов, двое — долган, двое — ненцев [Мифологические, 1961, с. 235]. Тезис о равенстве прямо сформулирован в чувашской пословице: «Люди все равны: и русский, и татарин, и чуваш, и мордва» [Николаев, 1999, с. 42]³⁴.

В.И.Кузьминых отмечает, что фактическое признание чукчами русских равными себе в мифе означает, что пришельцы оказались достойными противниками; вообще же чукчи относились ко всем своим соседям крайне высокомерно (что отразилось в языке и фольклоре). Однако в ходе сближения и повседневных контактов всюду происходило снижение (если не сказать — развенчание) первоначального мифо-эпического облика пришельцев. А на Чукотке еще и нарастала враждебность. Местные жители долго не желали подчиняться царской власти, и в их среде родилась гораздо более саркастическая версия

³⁴ Впрочем, и в энецком, и в чувашском тексте русские названы на первом месте, раньше остальных народов.

творения. Чукчи поколотили и прогнали прочь собак, надоевших своим воем. Те убежали на запад, и там часть их превратилась в русских, которые начали войну с чукчами, чтобы отомстить за побои. Остальные собаки виновато вернулись домой и стали возить упряжки [Богораз-Тан, 1934, с. 171, 172]. Уподобление русских уже не чукчам как единственному «избранному народу» (см. выше), а собакам ясно демонстрирует ироничное и неприязненное отношение к противнику. О том же свидетельствовало частое уподобление чукчами пения русских собачьему вою [Богораз-Тан, 1934, с. 171].

Распространенное уничижительное обозначение «собака» татары-мусульмане употребляли по отношению к «неверным», в том числе к православным русским. В XVIII в. среди казанцев было записано предание, типологически соответствующее мифу о творении. При основании города Казани в соответствии с каким-то обрядом приближенные хана вместо ханского сына, на которого выпал жребий, зарыли в землю собаку; хан печально объявил, что в будущем город и все государство угодят в руки «врагов нашей мухамметанской веры, которых мы называем собаками» [Зайцев, 2004б, с. 197, 198]³⁵.

Да и у других народов после преодоления шока от успехов огнестрельного оружия русские стали изображаться гораздо более приземленно и нередко сатирически. В фольклорных сражениях они проигрывают местным витязям; при этом с удовлетворением подчеркивается, что разгромленные враги «кто куда разбежались», что герой «русского богатыря победил и людей его прочь прогнал», «разгоняет русское войско, точно стадо баранов», и т.п. (см., например: [Мифы, 1990, с. 385; Фольклор, 1988, с. 38]).

Наблюдение за боями и походами казаков и стрельцов постепенно открывало слабые стороны в их тактике. Замечали нерасторопность и медлительность, незнание местности. «Русское завтра не кончается», — говорили татары в Крыму [Зайцев, 2004б, с. 198]. В 1731 г. калмыцкий аристократ, будущий хан Дондук-Омбо самоуверенно заявлял, будто «ему от россиян опасаться нечего для того, что они собираются по три года, а когда и пойдут (в поход. — В.Т.), то стоят на одном месте по три месяца» [Батмаев, 1993, с. 259]. Якуты и чувашки подтрунивали над боязнью русских удаляться в лесную чащу, чтобы не заблудиться: «Русский по дороге бежит, якут спасается лесом»

³⁵ Ср. легенду кундровских (астраханских) татар: при возведении мечети инициатор ее строительства, фольклорный персонаж Хазрат Хамат повелел плотникам схватить первого встречного мальчика и зарыть его. Первым оказался сын Хазрат Хамата; плотники пожалели его и зарыли вместо него другого мальчика, который был русским [Зайцев, 2004а, с. 188; DeWeese, 1994, с. 270]. Девиз увидел в данном сюжете символическое пророчество будущего одоления русскими ногаев.

(буквальный перевод пословицы: «Если убежит (от преследования) русский, то он держится трактовой дороги; если убежит якут, то он бросается в леса»); «Мы не русские и не татары, чтобы шествовать по большим дорогам» [Кулаковский, 1979б, с. 153; Никифоров, 1994, с. 95; Николаев, 1999, с. 43].

Нельзя допустить, чтобы русские не чувствовали подобных настроений и не задумывались над этой проблемой. В ходе экспансии во владения независимых народов интересы пришельцев и аборигенов объективно вступали в конфликт. Понимая это, уже в конце XVI в., в самом начале продвижения за Урал, с новых подданных пытались брать обещания «на русских людей зла никакого не мыслить» [Сибирские, 1907, с. 282]. Тем не менее недовольство наплывом славянских переселенцев, земельными отводами и захватами угодий, строительством крепостей, деревень и заводов не раз выливалось в намерение поголовно истребить новоявленных соседей, изгнать их из родных краев.

Особой жестокостью отличались в этом отношении башкирские восстания XVIII в.³⁶. Немецкая исследовательница пугачевщины Д.Петерс считает, что даже преданный соратник Е.Пугачева Салават Юлаев испытывал ненависть к русским поселенцам, хотя и шел на сотрудничество с ними для достижения конечной цели — избавления от власти России (см. [Кучумов, 2003, с. 79, 80]). Такая трактовка представляется излишне прямолинейной. Ко времени Крестьянской войны в Башкирии жило уже девятое или десятое поколение людей, находившихся в российском подданстве. В ходе движения фигура «мужицкого царя» служила средством консолидации повстанцев, и среди тюркоязычных документов пугачевской ставки нет ни одного, который свидетельствовал бы о стремлении отделиться от России (см. подробнее [Трепавлов, 2004а]). Но все-таки в песнях, сложенных Салаватом, проступает негативное восприятие иноверных соратников по борьбе:

Пусть каждый батыр, кто любит страну...
Как на равных взирает пусть,
Своими друзьями признает пусть
Русского, что пасет свиней,
Башкира, что пасет лошадей,
Татарина, что коров пасет,
Чувашина, что шерсть прядет
[Башкирское, 1999, с. 315].

³⁶ Оценку этой ситуации см., например: [Акманов, 1993, с. 12; Устюгов, 1950, с. 9; Чулошников, 1940, с. 82]; цитируемые авторы склонны приписывать ожесточение башкир сознательному срабатыванию народов государственной властью.

В этом, на первый взгляд настоящем, манифесте интернационализма русскому персонажу отводится малопочтенная роль свинопаса — занятие, во-первых, не самое распространенное и характерное для русских крестьян, во-вторых, нечистое и потому предосудительное с точки зрения мусульман, каковыми являлись башкиры.

Социальная составляющая таких выступлений оказывалась не единственной и, возможно, не первостепенной. Русских воспринимали (и расправлялись с ними) прежде всего как представителей чуждой этнической общности, народа-захватчика. В этом отношении показателен случай из сибирской истории XVII в., когда во время стычки казачьего отряда с бурятами погибли тунгусские «вожи»-проводники. Рассудив, что казаки не уберегли их, соплеменники «вожей» решили отомстить, напав на другой казачий отряд. А.П.Окладников резонно интерпретировал это в качестве перенесения ответственности на всех русских как на единый «род» [Окладников, 1937, с. 381]³⁷. По преданиям тех же звенков, их предки страдали от набегов враждебного народа вокороев. «Помогли нам русские... Русские победили вокороев, и жить нам стало легче». Но впоследствии русских стало много, они основали селения, обложили народ ясаком, появились разнообразные начальники, которые «все заодно». И в итоге уже этих начальников стали называть вокороями — как старинных врагов [Фольклор, 1958, с. 119, 120; Фольклор, 1967, с. 121, 122].

Вооруженные столкновения являлись, конечно, крайней, экстремальной формой конфликта и с течением времени вспыхивали все реже. Но недоверие и страх по отношению к русским еще долго сказывались в обыденном сознании. Хорошим показателем в этом смысле служат народные изречения (правда, в большинстве своем записанные в конце XIX — XX в.): «Мишарю не показывай избы, русскому не говори своего имени» (чуваши); «Если дружишь с русским, то держи свои мысли при себе, а на боку пусть будет булатный меч» (хакасы); «Если с русским будешь другом, то носи с собою боевую секиру» (тяньшаньские кыргызы); «Дружить с русским — быть на лезвии топора», «Из русского друг — все равно что из свиньи руно» (крымские татары) [Бутанаев, Бутанаева, 2001, с. 104; Зайцев, 2004б, с. 198; Николаев, 2001б, с. 93; Присоединение, 2003, с. 76 (выступление И.В.Зайцева)]³⁸.

³⁷ К сходному выводу пришла Т.Д.Скрынникова на бурятских материалах. По ее наблюдению, первоначально «буряты и русские друг для друга представляли прежде всего партнеров-соперников по этнополитическим отношениям, которые строились на основе этнической консолидированности вокруг своих элит» [Варнавский и др.].

³⁸ Кстати, чувашская пословица свидетельствует, что русские вовсе не обладали «монополией» на недоверие; зачастую они просто встраивались в ряд прочих соседей как один из «чужих» народов. Из материалов, собранных Г.А.Николаевым, явствует,

При этом мы не сможем объективно представить панораму межэтнических отношений без учета различных оценок — не только негативных или уничижительных. Имеются многочисленные примеры искренне теплого отношения к русским. Сведения подобного рода могут быть почерпнуты как из фольклорных сочинений, так и из исторических документов, в которых русские люди изображаются и прямо называются друзьями и братьями для народов Европейского Севера, Восточной и Южной Сибири, Северного Кавказа (см., например: [Гаджиев, 1965, с. 91; Исторический фольклор, 1966, с. 295; История, 1967б, с. 272; Карельское, 1982, с. 118; Кузьминых, 2001; Тулохонов, 1973, с. 195])³⁹.

Вообще в фольклорных произведениях разных жанров обнаруживаются сложная гамма этнических предпочтений, удивительная и порой странная комбинация приоритетов. Марийское предание об основании деревни Лапсолоа содержит следующее утверждение: «Марийцы были умными: они жили только в тех местах, где были реки. А русские заселялись где попало». Это высказывание, явно пренебрежительное по отношению к русским, им же и приписывается сказителем [Марийский, 1991, с. 184]. Излишне говорить, что в действительности основание поселений никогда не отличалось бессистемностью и непрактичностью. Если самые удобные районы были уже заняты марийскими поселками, то мигрантам с запада приходилось обосновываться на незанятых территориях⁴⁰. Но со стороны марийцев это, оказываясь, могло выглядеть как доказательство большей сообразительности собственного народа.

Вместе с тем в том же регионе зафиксированы и высказывания противоположного толка. В отношении чувашей это явление исследуется Г.А.Николаевым, который видит в нем показатель заниженной самооценки, представляющей из популярных пословиц: «Чуваш крепок

что чувашские родители пугали расшалившихся малышей, грозя «отдать» русскому или татарину [Николаев, 2001б, с. 94].

³⁹ Тесное межэтническое взаимодействие русских с народами Поволжья породило и некоторую общность в мировоззрении. В историографии отмечена схожесть оценок исторических событий в мордовском и русском историческом фольклоре начиная с XVIII в. [Шаронов, 1973, с. 19].

⁴⁰ Размещение селений происходило, очевидно, с таким расчетом, чтобы не вызывать претензий со стороны иноэтничных соседей. Путешественник XVIII в. И.П.Фальк, описывая Поволжье и Прикамье, отмечал: «Деревни разных народов стояли рассеянно, вероятно, так, как они мало-помалу появились... Согласие этих различных жителей достойно удивления. Они не ссорятся ни за границы, ни за притеснения, ни за какие-либо дела, и каждый класс (здесь: народ. — В.Т.) имеет чаще вражду между собою, чем с другими» (цит. по [Очерки, 1958, с. 83]). Сходные особенности землеустройства наблюдались в Западной Сибири, в отношениях между русскими и сибирскими татарами (см. [Никитин, 2005, с. 32]).

задним умом»; «На распределение ума чуваш опоздал, обуваясь в лапти, русский, обувшись в сапоги, пришел быстрее» [Николаев, 1999, с. 43; Николаев, 2001a, с. 27–28]⁴¹.

Как можно убедиться, в образе русского человека, складывавшемся у разных народов и в разных регионах, присутствовали самые разные характеристики — светлые и темные, привлекательные и отталкивающие. Обстоятельства первых контактов и присоединения к России часто порождали негативное восприятие русских. В литературе отмечалось, что подобные отрицательные оценки могут преувеличиваться, абсолютизироваться и переноситься с отдельных представителей народа на весь народ [Левкович, 1983, с. 76].

Необходимую коррекцию в «импринтинг», полученный в результате первых контактов, вносила последующая социокультурная история, насыщенная всесторонними взаимоотношениями. Обоюдная притирка, совместное хозяйствование побуждали ко все более тесному общению и, следовательно, к большему узнаванию чуждых первоначально народов и культур. На протяжении XVI–XVIII столетий многократно складывались ситуации, когда необходимость налаживать дружельюбные отношения с русскими диктовалась самим ходом жизни, исторического развития. По истечении жизни нескольких поколений в составе единого государства русский человек для неславянского населения из Чужого постепенно превращался в Другого⁴². То есть он воспринимался со все меньшей оппозиционностью и все большей толерантностью — свойством, вырабатываемым в социуме по мере конструирования и осуществления определенных личностных и общественных ценностей и норм поведения [Тишков, 2003, с. 316]. Здесь следует учитывать, во-первых, факт соседства и — позднее — смешанного проживания разноэтничного населения; во-вторых, политическую целесообразность добровольного принятия российского подданства или переселения в российские владения; в-третьих, социальную солидарность как элитных слоев многонациональной державы, так и просто-народея (последнее явление выражалось в совместных массовых движениях).

При этом Россия не превращалась в «плавильный котел». Хотя культура и образ жизни населяющих ее народов претерпевали порой значительные изменения после вхождения в ее состав, они не утрачивали этнокультурную самобытность. Как гласит чувашская пословица: «У чуваша — чувашские ворота, у русского — русские ворота» [Ни-

⁴¹ Ср. крымско-татарскую пословицу: «Татарский ум поздно приходит (или: в конце)» [Зайцев, 2004б, с. 198].

⁴² Специальное исследование образа Другого (на русском материале) см. [Соколовский, 2001, гл. «Топология российского классификационного мышления»].

колаев, 1999, с. 40], т.е. мир чувашей и мир русских различны и самостоятельны. Однако при сохранении этнокультурной основы народов новая историческая реальность — присоединение к Российскому государству — неизбежно выдвигала проблему оценочного отношения к доминирующему народу государства. Мы видели, что это отношение оказывалось неоднозначным и изменчивым.

Глава 4

ПОДДАНСТВО ПОДЛИННОЕ И МНИМОЕ

В XVI–XVIII вв. одни владения входили в состав Российского государства реально, другие — номинально. Степень реальности/номинальности зачастую понималась по-разному в столичных инстанциях и на «национальных окраинах». Для удобства исследования в историографии предпринимаются попытки определить объективные параметры принадлежности региона государству. Что касается изучаемой эпохи, можно определить следующие признаки: (1) включенность территории (народа) в высшую государственную символику — большой царский титул или большой государственный герб; (2) налогообложение в пользу единого государства; (3) распространение на данный регион действия общероссийского законодательства и подведомственность внутригосударственным инстанциям; (4) принадлежность его (региона) к одному из административных подразделений государства. Такой набор критериев был мною однажды составлен [Трепавлов, 1999, с. 116, 117]; см. также [Кочкаев, 1988, с. 97, 98; Мининков, 1998, с. 279; Уманский, 1980, с. 11–17]¹. Очевидно, вести речь о вхождении территории в состав государства можно лишь с тех пор, как она характеризуется хотя бы тремя из перечисленных четырех критериев².

¹ А.С.Зуев пришел приблизительно к тем же выводам, но предлагает включить в этот перечень также официальное объявление о переходе в российское подданство — «наличие политико-правового акта о приеме в подданство и принятии („государева жалованного слова“ и присяги-„шерти“)» [Зуев, 2005, с. 44]. Однако такого рода присяги принимались и нарушались столь часто (см. ниже в этой главе), что едва ли могут служить надежной точкой отсчета пребывания в подданстве. Здесь наглядно проявлялось противоречие между взглядами на принимаемые обязательства, с одной стороны, русских политиков, с другой — шертующих «иноверцев».

² В настоящей работе мы не ставим вопрос об определении точных сроков установления российского подданства в различных регионах (или, что то же самое, присоединения их к России). Эту проблему необходимо рассматривать особо. Наша задача сводится к изучению трактовок подданства.

С XVIII в. можно также учитывать закрепление территорий за Россией в результате международных договоров.

Для указанного трехвекового периода изучение подданства осложняется размытостью критериев этого института, который в строго юридическом смысле сформировался лишь в Новое время [Брун, 1898, с. 70]. В литературе встречается утверждение, будто слово «подданный» как калька с латинского *subditus* проникло в русский язык через посредство польского. Слово *подданный* приобретает значение подчиненности власти царя в XVII в. и становится все более употребительным в данном значении в следующем столетии [Марасинова, 2005, с. 7; Каштанов, 1997, с. 218; Фасмер, 1987, с. 296]. Однако словарный фонд древнерусского языка тоже содержал сходные и однокоренные понятия и выражения: *поддаватися* (признавать вассальную зависимость), *быти под даню* (быть под властью), *ятися по дань* (отдаться под власть, обязаться платить дань) [Словарь, 1989, с. 427; Словарь, 2000, с. 547]. Семантический источник интересующего нас термина, таким образом, может заключаться или в явлении подчинения, когда некто «поддается» чьей-то власти и становится *подданным*; или же когда некто находится «под данью», отчего получает абсолютно логичное и лексически оправданное обозначение *подданный* — в значении «данник, плательщик податей в пользу того, кому он „ялся по дань“». Не уверен, что с учетом таких сведений можно настаивать на однозначном латинско-польском заимствовании.

Как бы то ни было, но материальным подтверждением и самым наглядным показателем подданства на первый взгляд действительно служит выплата налогов в государственную казну. Народы Поволжья, Сибири и южных степей облагались податью под названием *ясак*. Порой эта подать облакалась в архаичные формы дарообмена [Шерстова, 2004, с. 68, 69; Шерстова, 2005, с. 23–25]. В разных местностях и в разное время ясак видоизменялся, да и понимался неодинаково. Если русские власти однозначно видели в нем обязанность подданных по отношению к государю, то плательщики ясака трактовали его или как способ меновой торговли (особенно в тех местностях, где до прихода русских не существовало налогообложения), или как дань побежденных победителю. Как отмечал еще Г.Ф.Миллер, «могло, конечно, произойти немало недоразумений оттого, что дающий имел иное намерение, чем то, которое предполагал получающий» [Миллер, 2005, с. 48]; см. также [Бахрушин, 1955д, с. 49, 50; Khodarkovsky, 2002, с. 62, 63]³.

³ Д.Я.Резун и М.В.Шиловский считают признание русскими и аборигенами Сибири царя-хана в качестве верховного правителя и необходимости платить ему подать-ясак свидетельством нахождения их на «одном принципиальном уровне» социально-политического развития [Резун, Шиловский, 2004, с. 11].

Ясачное обложение было заимствовано из татарских ханств, как и сам термин, и, очевидно, находилось в общем ряду явлений и институтов, объективно унаследованных Московским государством от его тюрко-монгольских геополитических предшественников. Правда, сами русские монархи, прагматично перенимая технологию властвования, были, вероятно, далеки от представления себя преемниками «бусурманских» царств⁴ (хотя мы видели, что на сей счет в литературе существует и противоположное мнение).

Что касается формальных признаков подданства, то на первом месте, по-видимому, стоит употребление понятий, обозначающих этот статус, и заключение соответствующих соглашений. Оба признака весьма условны и могут быть использованы для определения степени зависимости лишь в сочетании с другими показателями.

Так, русским обозначением подданных в XVII в. было *холопы* (*государевы*). В более узком значении это слово употреблялось служилыми людьми в качестве самоопределения при обращениях на высочайшее имя (челобитных)⁵. Крестьяне, к которым причислялось большинство жителей «национальных окраин», в такой ситуации рекомендовались *сиротами* (*твоими*). Естественно, здесь данные понятия выступали не в своих прямых значениях, а в смысле «безусловно покорные», «верноподданные» [Волков, 1974, с. 44, 45]. При этом *холоп* мог служить и показателем более низкого положения вообще, без акцента на подчинение⁶.

С начала XVIII в. было предписано обращаться с прошениями на высочайшее имя, подписываясь «Вашего Величества нижайший раб». Данная формула также не имела буквального значения и была практически лишена уничижительного смысла [Марасинова, 2005, с. 5, 6].

Со второй половины XV в. в русском политическом лексиконе появляется термин *шертъ*. Он был образован от арабского *шарт* (условие, договор) и обозначал соглашения между московским государем и правителями некоторых владений к востоку и югу от российских рубежей. Соглашения под названием *шарт-наме* («шертная грамота» или «шертная запись») заключались в XV–XVI вв. между тюркскими

⁴ Ср. обвинение Иваном IV Стефана Батория, требовавшего своего рода контрибуцию, в уподоблении татарам, следовании «бесерменскому обычаю» требования выхода [Памятники, 1986, с. 212].

⁵ О формировании этого значения понятия *холоп* см. [Борисов, 2003, с. 571; Горский, 2003, с. 80–83; Флоря, 2003, с. 98, 99, 106].

⁶ См. использование среднеазиатскими дипломатами XVII в. выражения «общий ваш раб» (*ортак кулунгиз*, *муштарақ кулунгиз*), т.е. «раб» собственного хана и московского государя [Кулматов, 1994, с. 102; Материалы, 1932, с. 122, 123]. Тюркское *кул* (букв. «раб») тогда переводили на русский язык как *холоп* — соответственно «вопшей ваш холоп», «опчей ваш холоп».

монархами Восточной Европы, Сибири и Казахстана и определяли их взаимные обязательства. Подобный характер взаимоотношений стал возможен только после распада Золотой Орды, поскольку в период ее могущества связи между различными частями единого государства определялись документами иного ранга — *ярлыками*, выдававшимися сарайским ханом, верховным и общепризнанным сюзереном. В отсутствие такого сюзерена, при необходимости взаимного определения полномочий между правителями наследных ханств возникла форма шертных соглашений. То есть они первоначально заключались между государями, сопоставимыми по статусу.

Великий князь московский, Московская Русь занимали определенное место в послеордынской системе властителей и улусов. Однако постепенное ослабление тюркских государств и одновременное усиление Русского привело к тому, что со временем шерти, как правило, стали заключаться между великим князем (позднее царем) как старшим партнером и соседними правителями как младшими партнерами. Военное и материальное превосходство Руси над восточными соседями было столь явным, что в историографии шерть нередко интерпретируется как присяга. Это иногда верно фактически, но некорректно с формальной точки зрения. Официально шертные соглашения оставались двусторонними договорами, но на самом деле являлись декларацией обязанностей младшего участника договора по отношению к старшему. Обычно в них включались обязательства выплачивать ясак Москве, воевать с противниками русского государя и не вступать в союз с его врагами (подробнее см. [Трепавлов, 1995, с. 28–30]).

Иногда в шерти заявлялось об «учинении в холопстве», что вовсе не означало автоматического вступления в подданство⁷. Под воздействием всевозможных политических обстоятельств действие шерти могло прекратиться. В целом этот вид документов можно рассматривать как форму межгосударственных, а не внутригосударственных отношений. На период действия шерти младший партнер как бы переходил под покровительство российского монарха, но не включался в число его подданных.

⁷ В 1636 г. состоялась примечательная дискуссия между алтан-ханом и русскими послами, предлагавшими монгольскому правителю объявить в шерти о своем холопстве по отношению к московскому царю. Хан заявил: «В холопстве де мне, Алтыну» царю, великому государю шерти дать велеть не уметь, потому что... то бесчестно, и то... слово холопство лъзя ль переменить инак?...» Послы отвечали: «А Алтын бы царь в том не сумневался, что ему то слово видитца бесчестно, что великий государь к нему, Алтыну-царю, пишет холопом. Многие государства учинились под ево государевою царскою высокою рукою, и кого государь, жалуючи, пишет холопом, то ему честь, а не бесчестье» [Русско-монгольские, 1974, с. 39, см. также с. 42].

Представляется, что принцип покровительства России в лице ее государя присутствовал в большинстве шерстных соглашений XV–XVII вв. Следовательно, они представляли собой один из способов привлечения соседних владений в сферу российской гегемонии. В ситуации, когда она могла смениться гегемонией, например крымской или цинской, соглашения оказывались преходящими, разорванными. Но уже начиная со второй половины XVI в. у России в общем-то не осталось равносильных соперников в Северной Евразии, и шерстная грамота фактически стала служить начальной вехой обращения в российское подданство (в форме подданства лично *белому царю*).

На протяжении XV–XVII вв. территория Московского государства расширялась в восточном направлении главным образом за счет шерстных (протекторатных) связей. Они были тем более важны в политическом отношении, что заключались добровольно и, таким образом, придавали легитимность российскому господству на новых территориях.

При этом долго сохранялась одна из традиционных норм русско-татарских отношений. В золотоордынские времена ярлык на княжение требовалось обновлять (подтверждать либо получать заново) в случае смены на престоле хана или князя. Позднее при смене правителей тот же порядок действовал в отношении шертей — в том числе тех, которые обозначали подданство и преданность государю. Так, при воцарении Алексея Михайловича в 1645 г. на места были разосланы стольники и подьячие с приказом привести православных к крестному целованию на верность новому монарху, а «иноверцев» — к шертованию. Процедура растянулась на несколько месяцев [ПСРЛ, т. 36, с. 202].

В XVIII в. практика шертования ушла в прошлое, уступив место вступлению под имперскую «протекцию»; в общем-то этот неологизм отражал тот же принцип покровительства (протектората), что олицетворялся шертью. Но в обоих случаях взгляд на заключаемые соглашения принципиально различался. Если «иноверцы» видели в них прежде всего пакт о военном союзе и ненападении или же мирный договор под привычным патриархальным, мало обязывающим патронатом, то для российской стороны это был знак безусловного подчинения; к тому же император России в XVIII столетии уже не мог представить себя по отношению к «варварским» соседям в каком-то ином качестве, кроме как патрона и защитника⁸.

Неустойчивость и некоторую двусмысленность шертям, да и позднейшим документам сходного плана придавали оттенки отношения к партнерам по переговорам. Дипломатические отношения испытывали влияние этноцентристских и религиозных установок. Например, сред-

⁸ Данный вопрос детально рассмотрен М.Ходарковским [Khodarkovsky, 2002, с. 51–56, 59, 184].

невековые русские, по замечанию Н.С.Борисова, смотрели на «иноверцев» как на существа иного порядка, в отношении которых соблюдение нравственных норм было не обязательно [Борисов, 2003, с. 313]. А в исламском мире не считалось зазорным нарушать обещания (в том числе «присягу»), данные «неверным», и письменные соглашения соблюдались до тех пор, пока они приносили какие-то выгоды (см., например: [Арапов, 2002; Веселовский, 1884, с. 16; Орешкова, 1996, с. 138, 139; Санин, 1987, с. 98; и особенно Дингельштедт, 1896])⁹. В среде русских чиновников на протяжении столетий созревало и укреплялось убеждение, будто клятвенные обещания даются мусульманами «неверным» с заведомой необязательностью их соблюдения. Однако мне не удалось обнаружить упоминаний о какой-то формальной норме, которая оправдывала бы подобное отношение приверженцев ислама к договорам¹⁰.

Впрочем, едва ли стоит тратить усилия на поиск неких формальных установок по этому поводу. Суть дела заключалась не в пренебрежении договоренностями с иноверцами, а в традициях дипломатических отношений, сложившихся на мусульманском Востоке. Со стороны восточных партнеров в шертях фиксировались текущая расстановка политических сил и насущные политические цели. Подобные соглашения никогда не мыслились как долговременные и обязательные, в отличие от европейских межгосударственных договоров [Орешкова, 2005, с. 293–295].

Дополнительной гарантией соблюдения соглашений с народами кочевой степи и сибирской тайги и тундры служили заложники-аманаты, как правило из знатных или просто уважаемых семейств. В отношении аманатов взгляды сторон тоже различались. Если воеводы видели в них знак безусловного и исключительного подчинения Москве,

⁹ См. также ниже, примеч. 22. Православные партнеры по переговорам понимали эти сложности и знали об указанных особенностях принесения клятв. Так, в 1651 г. один подьячий докладывал в московском Посольском приказе о беседе назаретского митрополита Гавриила с гетманом Богданом Хмельницким. В частности, церковный иерарх говорил, что «он, митрополит, в их бусурманских краях живет и их бусурманские все звычаи знает, что они, бусурмане, людем православные христианские веры много присягают и во всем, присягнув, лгут. Да того они себе и в грех не ставят, потому что в законе их написано так: будет которой бусурман, з гауром жив в братстве и в большой любви, умрет, не учиня гауру никоторого зла, и за то тот бусурман будет у Махменя в вечной муке; и им де как закону своего не исполнять?» [Воссоединение, 1953, т. 3, с. 122].

¹⁰ Более того, в практике дипломатических контактов Речи Посполитой с османами наблюдается обратная картина. Польские государственные деятели склонны были расценивать гарантии, даваемые при переговорах турками, как более крепкие и надежные по сравнению с обещаниями собственных шляхтичей (консультация Д.Колодзейчика).

то «иноверцы» — неприятный, но необходимый акт, сопутствующий договору с русскими о военном союзе, взаимном ненападении и покровительстве [Khodarkovsky, 2002, с. 59]. Очевидно, институт заложенничества тоже был заимствован русскими из ордынской политической практики.

Начало неуклонного территориального роста Российского государства традиционно связывается с присоединением Среднего Поволжья в середине XVI в. Россия повела наступление на располагавшееся там Казанское ханство. Сначала развернулась постепенная экспансия против его западных регионов. Волга делила территорию края на Горную и Луговую стороны — соответственно западную (правобережную) и восточную (левобережную). Горную сторону населяли чуваша, черемисы, мордва и татары. Уделами там правили ханские наместники и местная нетатарская знать.

Весной 1551 г. московские войска заняли основные речные переправы в правобережных провинциях ханства. Все передвижения тамошнего населения оказались парализованы. Одновременно 15 русских воевод разослали полки по улусам Горной стороны, чтобы «воевати и пленити», как гласит летопись, тамошних жителей [ПСРЛ, т. 19, с. 62]. Параллельно с этими мероприятиями царские военачальники стали очень быстро возводить крепость Свияжск — опорный пункт для дальнейшего наступления. Уже на третий день после начала строительства к воеводам явились представители элиты местных народов — старейшины и сотники (большинство татарских аристократов бежало в Казань). Они обращались (били челом) к царю с просьбой не воевать с ними и выражали готовность «быти у Свияжского города», т.е. подчиниться русскому наместнику Свияжска. Вскоре прибыла делегация и в Москву. От лица «князей и мурз, и сотных князей, и десятных, и чювашей, и черемиса, и казаков» перед Иваном IV она принесла присягу в том, что им от государя и его будущих преемников «неотступным быти» и под власть Казанского ханства не возвращаться. Иван IV «взял их к своему Свияжскому городу», освободил на три года от податей и запретил своим полководцам воевать против новых подданных. В июне 1551 г. воеводы организовали массовую присягу населения Горной стороны на указанных выше условиях: «горных людей — князей и мурз, и сотных князей, и десятных, и чювашу, и черемису, и мордву, и можаров, и тарханов привели к правде» [ПСРЛ, т. 19, с. 63; т. 13, ч. 1, с. 164, 165; т. 13, ч. 2, с. 466; т. 21, с. 641].

В августе 1552 г. русская армия осадила Казань, и 2 октября город был взят штурмом. Пленного хана Ядгар-Мухаммеда привезли в

Москву и обратили в православие. Таким образом, народы Луговой стороны вошли в состав России в уже совсем других исторических условиях, чем Горная сторона. До конца существования ханства они сохраняли казанское подданство и лояльность к местному правительству, активно участвовали в военных действиях против царской армии. Представители «луговой черемисы» присягнули московскому царю через несколько дней после взятия им Казани. Однако вскоре, в декабре 1552 г., народы разгромленного Казанского государства выступили против новых властей. Это говорит о неприятии местным населением режима, установленного завоевателями. Жители левобережья развернули настоящую партизанскую войну, началось истребление отрядов и гарнизонов «неверных». Но силы были слишком неравными. К 1557 г. очаги вооруженного сопротивления в Среднем Поволжье были временно подавлены.

Изложенные выше события сохранялись в народной памяти, так как в них обоснованно видели начало пребывания в составе России. Но трактовка их отличалась от официальной (летописной). На первый план выдвигалось не вынужденно-добровольное подчинение русским после основания Свияжска, а помощь им в завоевании ханской столицы, за что благодарный царь Иван Васильевич оказал различные милости.

По марийскому сказанию о богатыре Акнаре, царь предлагал в награду за помощь деньги, но Акнаре отказался и вместо этого попросил не притеснять черемис, не отдавать их под гнет помещиков и не облагать большими налогами [Бахтин, 1998, с. 133, 136]. По подсказке одного эрзянина московские воины взорвали татарское войско; «всю эрзя по этому случаю освободили от крепостничества и в солдаты не берут» [Устно-поэтическое, 1983, с. 209]. За участие в войне с Казанью земли и тарханство (освобождение от податей) были пожалованы Иваном IV также чувашам [Димитриев, 1975, с. 122, 123]. В некоторых преданиях запрет на распространение крепостного права связывается с помощью царю мордвы и чувашей в его действиях против бояр-заговорщиков и вопреки желаниям алчных бояр [Димитриев, 1993, с. 122; Устно-поэтическое, 1983, с. 209, 210]. Вообще эпоха борьбы с Казанским ханством под водительством Ивана IV и период его царствования запомнились чувашам как лучшее время в жизни народа, что отразила поговорка: «Что и говорить о жизни при царе Иване!» [Димитриев, 1975, с. 132].

Таким образом, переход в российское подданство для народов Горной стороны трактовался как взаимовыгодное предприятие: одна сторона помогает сокрушить Казань, другая предоставляет за это льготы и привилегии. Необходимым элементом и материальным воплощением

ем царских благодеяний и в реальности, и в народных представлениях служили жалованные грамоты. Чуваши передавали из поколения в поколение рассказ о грамоте с золотой печатью, которую положили в специально изготовленный деревянный футляр в виде палки и для сохранности зарыли в землю [Димитриев, 1975, с. 113]. У марийцев ссылки на подобные документы встречаются при земельных спорах в XVII–XVIII вв.; некоторые из них сохранялись до начала XIX в. [Очерки, 1965, с. 86, 87, 91].

Статус казанских (и позднее также астраханских) татар был обусловлен их прямым завоеванием, отчего никаких жалованных льгот при присоединении к России они не получили. Разве что размер ясака, собираемого при ханах крымской династии (в 1520–1540-х годах), был, как рассказывалось в главе 2, снижен до пределов, установленных ханом Мухаммед-Амином в начале XVI в. При этом именно ясак служил главным показателем подданства [Бахтин, 1998, с. 135].

Однако со временем подати возросли. В начале XVII в. в разоренной Смутой стране шел поиск ресурсов, и поволжские народы были обложены налогом на жалованье ратникам. Некоторые сборы взимала в свою пользу местная администрация [История, 1992, с. 101; История, 1968б, с. 103]. Татары-мусульмане подвергались еще и религиозным притеснениям. В целом объем первоначального необременительного ясака был значительно превышен, что вызывало повсеместное раздражение и недовольство. При Петре I добавились подушная подать и рекрутские наборы.

В середине XVIII в. недовольство вылилось в подметные письма с предсказаниями «погубления русских», избавления татар от насильственного крещения и податных тягот [Гилязов, 2004; Ислаев, 2001, с. 137]. Мятежные намерения неоднократно возникали в среде поволжских народов. Здесь сказывались как названные выше социально-экономические факторы, так и мечты о реванше потомков татарской аристократии, полностью отстраненной от власти. Однако дальше воззваний и планов дело обычно не шло. Широкие, массовые движения в этом крае возникали нечасто¹¹: во второй половине XVI в. — три «черемисские войны», в XVII в. — разинщина, в XVIII в. — пугачевщина. Как правило, повстанцы поднимались не против российской власти, а против ее злоупотреблений. Да и сопротивляться колоссальной мощи государственной машины было бесполезно.

Сепаратистские же планы были ситуативны, единичны, да начиная с XVII столетия уже и неосуществимы (поскольку регион оказался со

¹¹ Различные мнения о причинах этого см., например: [Очерки, 1965, с. 110 (К.Н.Сануков); Перетяткович, 1877, с. 232–234; Фирсов, 1866, с. 119; Чулошников, 1936, с. 28].

всех сторон окружен российскими владениями). На Поволжский край постепенно распространялись нормы общероссийского законодательства, а также социальные отношения, укоренившиеся на Руси (прежде всего это касалось крестьянских общин, посада и т.д.)¹². Неудовлетворенные режимом подданства могли рассчитывать на уход в лесную глушь, недостижимую для властей [История, 1992, с. 101 (чуваши и черемисы, 1615 г.)], или в эмиграцию в Крым (пока там существовало ханство) [Ислаев, 2001, с. 26 (астраханские татары, 1706 г.)]. Изредка возникали проекты перехода татар под власть единоверных падишахов — османского или персидского [Губайдуллин, 1930, с. 40, 41; Ключевский, 1988, с. 116].

Представители местной элиты, прежде всего татарских торговых и религиозных кругов, смогли найти свое место в системе государственности. В годы Смуты они показали себя вполне лояльными к русской монархии¹³. А при продвижении России за Урал они служили умелыми посредниками в общении русских с сибирскими тюрками и, по выражению Н.И.Никитина, «выступали по отношению к ним как своего рода культуртрегеры» [Присоединение, 2003, с. 73]. В целом к XVIII в. мечты о независимости Казанского царства уже остались в прошлом [Алишев, 1977, с. 52, 53; Бикбулатов, 1930, с. 65]. Депутаты, направленные от «иноверцев» Среднего Поволжья в екатерининскую Уложенную комиссию, предъявили указы самого нейтрального и мирного содержания [Ташкин, 1922, с. 133].

В целом очевидно, что нет данных о резком расхождении трактовок подданства официальными властями и представителями народов Поволжья. Отношения между ними (в том числе конфликтные) выстраивались в рамках признаваемой всеми системы управления, и речь могла заходить о ее совершенствовании, но не смене.

Исторически сложилось так, что освободившаяся от ордынского ига Россия вынуждена была выстраивать в числе первых связи со степными соседями на юге и востоке. Данное обстоятельство, а также своего рода преемственность по отношению к Золотой Орде делали актуальным учет норм отношений, принятых в кочевой среде. Речь идет прежде всего об особенностях понимания обязательств, которые подданный нес по отношению к государю. В историографии неоднократно

¹² Относительно Мордовии XVII–XVIII вв. эта ситуация рассмотрена Н.Коллманн [Kollmann, 2001].

¹³ Впрочем, на протяжении XVII в. некоторые татарские проповедники вели анти-российскую пропаганду среди башкир [Бикбулатов, 1930, с. 75; Фирсов, 1866, с. 153, 154; Фирсов, 1869, с. 231].

высказывалось мнение о принципиальных различиях в интерпретации подданства (или — уже — договоров между правителями) у российских властей и у степных правителей. Если первые начиная со второй половины XVI в. видели в договорных соглашениях начало безусловного подчинения и покорности царю со всеми вытекающими из этого обязанностями, то вторые трактовали договоры с русскими как военный союз (пусть и со старшим сюзереном), который вовсе не подразумевал вечного соблюдения, а как раз допускал прекращение, разрыв и поиск нового политического партнера/патрона (см., например: [Каппелер, 2000, с. 24, 36; Сабырханов, 1965, с. 68]).

Среди известных мне авторов наиболее детальный анализ подобного расхождения проделала И.В.Ерофеева, взявшая за основу ситуацию в казахском Младшем жузе первой половины XVIII в. И.В.Ерофеева справедливо видит первопричину в «цивилизационной неоднородности политических систем» Российского государства и кочевой степи. Что касается понимания подданства, эта неоднородность выражалась, во-первых, в несовпадении объектов государственной власти и публичной политики: в России, как и в любом оседлом обществе, это «географическая территория, освоенная этнокультурными сообществами», а у кочевников — сами этносоциальные группы (т.е. роды и племена). Соответственно, в России власть государства пронизывала по вертикали весь социум — от Центра до отдаленных регионов, а в степи власть хана распространялась лишь на те коллективы скотоводов, которые находились в сфере его сезонных передвижений и нуждались в его покровительстве и защите. Во-вторых, в России власть осуществлялась через целую иерархию социальных институтов, которые поддерживали анонимную связь каждого члена общества с монархом. В кочевом мире хан претворял свои властные полномочия посредством «эпизодических, дискретных и персонифицированных контактов... с правящими элитными группировками». Именно в виде таких привычных контактов и представляли кочевники (в частности, казахи) отношения между своими лидерами и российскими царями [Ерофеева, 1999, с. 227–230]; см. также [Кляшторный, Султанов, 2004, с. 298]. Добавим к этому религиозный барьер: признание верховенства «неверного» правителя, к тому же и не принадлежащего к царственному роду Чингис-хана, для патриархально-мусульманских социумов Евразии было достижимо или под впечатлением военных побед, или в силу экстремальных политических обстоятельств.

При таком подходе кочевые правители не оставляли места для вмешательства российских властей в свои внутренние дела. Ясно, что служители московских, петербургских и провинциальных канцелярий смотрели на статус подданных совсем иначе.

—

Ареал расселения башкирских племен в XV — первой половине XVI в. был разделен между тремя «юртами» — Казанским и Сибирским ханствами и Ногайской Ордой, причем большая часть современного Башкортостана находилась в ногайском «секторе влияния». Если гегемония Казани и Искера была сломлена в результате военной победы, то отношения с ногаями выстраивались совсем иначе. Русско-ногайской войны не случилось, и Россия утверждалась в регионе без большого кровопролития, хотя сложностей и конфликтов здесь тоже хватало.

Государственная традиция, которая укоренилась в этой части Евразии, предусматривала легитимность земельного владения только в форме пожалования от монарха. Правителям дорусской эпохи в местном историческом фольклоре приписывается распределение пастбищных, лесных и водных угодий между племенами, установление регулярного налогообложения (ясака), практика мобилизации молодых мужчин в ханское ополчение [Башкирские, 1985, с. 97]¹⁴. Предания связывают первое распределение «земель и вод» между родами и ясачное обложение с золотоордынскими временами, с ханскими указами. Впоследствии в ответ на просьбу башкирской делегации уже казанский хан дал право пользоваться родовыми угодьями и наложил обязанность платить ясак [Лоссиевский, 1981]. Судя по разным текстам, башкиры связывали дорусское административное обустройство своего края не только с казанцами, но и с ногаями, сибирским Кучумом, абстрактными мусульманскими владетелями, а также почему-то с крымскими Гиреями (см., например: [Материалы, 1936, с. 259, 265; Материалы, 1949, с. 556; Усманов, 1960, с. 141; Устюгов, 1947, с. 44]).

В фольклорных памятниках повторное и окончательное пожалование башкирам прав на вотчинное владение землями единодушно приписывается Ивану IV. Так же как и «прежние ханы», московский царь при приеме в подданство жаловал ранги и звания (биев и тарханов), подтверждал право на вотчинные земли, выдавал в подтверждение всего этого ярлыки. Ослабление Ногайской Орды и исход ногаев давали башкирам возможность существенно расширить пределы своего расселения.

¹⁴ Примечательно, что в данном предании рассказывается о Башкирии завоеванной (по контексту — монголами). Как мы увидим в дальнейшем, именно перечисленные здесь признаки подданства Золотой Орде виделись башкирам как оптимальный статус для себя в составе России. Таким образом, как бы ни трактовать конкретный ход присоединения края к Московскому государству, сами башкиры, не вникая в тонкости типологии политических процессов, все-таки, видимо, считали свою страну подчиненной русскому царю точно так же, как в старину — ордынскому хану.

В документальном оформлении нуждалось не только обладание родовыми землями башкирских племен и кланов. Царскими пожалованиями требовалось утвердить также пользование бывшими ногайскими владениями. В августе 1740 г. глава Оренбургской комиссии и предводитель карательной экспедиции, генерал-лейтенант В.А.Урусов в своей речи, обращенной к башкирским «бунтовщикам», заявил, в частности: «Земли вам даны почти все те, где весь нагайский народ жилище свое имел» (цит. по [Витевский, 1895, прил., с. 67]). В оспаривании у ногаев Южного Урала русские власти могли опереться на солидарность и помощь местного населения. Башкиры самостоятельно, не дожидаясь подхода стрелецких отрядов, расправлялись с ногайскими наместниками и их представителями. По одним сказаниям, их хватали и передавали русским, по другим — все оставшиеся здесь ногаи были перебиты башкирами [Башкирские, 1960, с. 78; Башкирское, 1987, с. 190].

Полагаю, что в условиях постоянных притязаний ногаев на южно-уральские территории и эпизодических угроз со стороны калмыков (и позднее казахов) могучий тыл в виде русских воевод и крепостных гарнизонов послужил значительным стимулом для лояльности башкир по отношению к России. Одно из башкирских преданий гласит, что «нашествия казахов и калмыков прекратились лишь после признания (башкирами. — *В.Т.*) власти белого царя» [Башкирские, 1985, с. 109]; см. также [Устюгов, 1947, с. 44]. Еще одним положительным последствием этого акта сказителям виделось уменьшение межплеменных распрей [Очерки, 1956, с. 75].

Как говорилось в главе 2, по отношению к поволжским и завожским народам в середине — второй половине XVI в. правитель Московского государства в определенном смысле принял на себя функции верховного сюзерена, традиционно связывавшиеся до того с правителями Золотой Орды, Казани и Сибири.

Социальный статус башкирской элиты поначалу оставался в неприкосновенности и демонстрировал ее значительную самостоятельность. От прежних времен сохранялось деление региона на пять провинций-дорог, а они, в свою очередь, состояли из волостей. Через волостных *биев* (старшин) в крае осуществлялась вся правительственная политика. Например, для решения важных вопросов уфимского воеводу привлекали не всегда, а собирали волостной *сход-йыйын*; известны и общешкирские *йыйыны*.

В целом обе стороны — российская (правительственная) и башкирская — признавали законность статуса народа как добровольно присоединившегося к Российскому государству и потому получившему от Ивана IV право жить в самом льготном административном режиме. Этот статус имел даже некую дипломатическую иллюстрацию: вплоть

до начала XVIII в. для решения главным образом конфликтных земельных проблем коренные жители Южного Урала направляли посольства ко двору [Демидова, 2003] (подобно иностранному государству!)¹⁵. Осмысливая этот своеобразный статус, российские интеллектуалы XVIII в. в лице П.И.Рыкова пытались объяснить его слабостью и невоинственностью местного населения: «Понеже при вступлении их (башкир. — *В.Т.*) в подданство как от бессильного и весьма изнуренного народа никаких противностей не надеялись, то и к содержанию их (административных. — *В.Т.*) учреждений было не сделано» [Рыков, 1896, с. 4]. Такое мнение о башкирах как об общности раздробленной и дезорганизованной встречается и в официальных документах: «Народ их... многочисленной и военной, да безглавной, никаких над собою начал...» [Материалы, 1936, с. 257]. При этом давнее монаршее согласие на принятие под свою руку якобы должно было наполнять их благодарностью и удерживать от мятежей [Материалы, 1936, с. 350].

Двойственность статуса выражена в решении собрания биев Ногайской и Сибирской дорог в октябре 1737 г.: «Они, башкирцы, у е. и. в-ва люди вольные: хотят-де служат, а хотят-де не служат, куды-де они, башкирцы, служить захотят, туды-де они и пойдут» (цит. по [Устюгов, 1950, с. 55])¹⁶. Следовательно, с одной стороны, они вольны выбирать место службы, но с другой — это служба царю, и «вольными людьми» они являются все-таки под властью царя.

Итак, подданство царю башкиры рассматривали как свой свободный выбор, как результат взаимного согласия с Москвой. Неслучайно в челобитных XVIII в., вспоминая события середины XVI в., они употребляли выражение «пришли под протекцию Российскую» (т.е. покровительство) (см., например: [Материалы, 1936, с. 130, 131]), а не «в подданство» и тем более не «совершили добровольное присоединение». Поэтому они считали себя вправе вооруженным путем отстаивать права, полученные некогда от правительства [Доннелли, 1995, с. 56], а также расторгать прежние договоренности и в конце концов сменять сюзерена. Некоторые исследователи склонны видеть в этом «вольную службу» или признаки феодального вассалитета (см., например:

¹⁵ Превосходный знаток источников и изучаемой эпохи, Н.Ф.Демидова в названии своей статьи, посвященной этому явлению, обоснованно заключила слово «посольства» в кавычки. Конечно, статус их был несопоставим с иноземными миссиями. Однако в них все же можно видеть показатель особого положения башкир в государстве.

¹⁶ «Люди вольные» здесь не литературный эпитет, а обозначение статуса. Башкиры помнили и сохранили в преданиях, что Иван IV им обещал именно положение «вольных людей». Он якобы сказал посланцам от родов: «Я... принимаю вас как свободных подданных своих (*ирекле колдарым итеп кабул итам*), прикрепляю вас к землям, которые извечно принадлежали вашим предкам...» [Башкирские, 2001, с. 84, 231].

[Кульшарипов, 2004, с. 41, 42; Мининков, 1998, с. 279–282; Устюгов, 1950, с. 5–7, 53)]¹⁷.

Однако южноуральские тюрки не пользовались разветвленной социально-политической терминологией. Свое положение под царской властью терминологически они оформляли, как правило, старинным понятием *кул* (букв. «раб») (см., например: [Башкирские, 2001, с. 231; Башкирские, 1960, с. 33; Материалы, 1936, с. 166; Устюгов, 1947, с. 85]), которое в русских документах XVII в. переводилось как «холоп», а в XVIII в. — как «раб» (см., например: [Очерки, 1956, с. 248]). Лишь один раз мне встретилась относительно точная передача значения этого понятия — «подданный». В шеджере четырех юго-восточных племен рассказывается, что их предки «стали подданными великого князя Ивана Васильевича» (*олуг кенәз Иван Василчкә рәғиәт булдык*) [Башкирские, 1960, с. 75, 78], где *рәғиәт* (араб. *ра'иййат*) явно обладает указанным значением и, возможно, было заимствовано из османского политического лексикона.

Во второй половине XVII в. прежний режим «вольной службы» стал меняться. На башкирских пастбищах и охотничьих угодьях появились русские деревни, власти увеличивали нормы налогообложения. Наиболее значительные перемены заметны в XVIII в.: при Петре I на башкир была распространена обязанность по отбыванию казенных повинностей и наложены 72 новые подати (подушная не вводилась); в 1754 г. были отменены традиционные ясачные выплаты, замененные соляной монополией¹⁸ [Демидова, 1961, с. 215, 216; Материалы, 1936, с. 216, 217, 228, 261; Очерки, 1956, с. 216; Ташкин, 1922, с. 23]. Участникам неоднократных восстаний назначалось своеобразное наказание в виде «штрафных лошадей», что вызывало особое возмущение: каждый «злодей» должен был сдать в казну одного коня [Материалы, 1936, с. 309, 325, 482; Устюгов, 1950, с. 51]. Данные нововведения не подрывали хозяйственных устоев местного населения и сами по себе были не очень тяжелыми, особенно по сравнению с положением русского крепостного крестьянства. В 1745 г. оренбургский губернатор И.И.Неплюев говорил биям по поводу податной задолженности: «То стыдно башкирцам, яко им так легко, что и чювственно быть не может» (цит. по [Демидова, 1961, с. 218]). Однако нарушение привычных норм болезненно воспринималось в массовом сознании.

¹⁷ Соглашаясь в принципе с правомерностью такой трактовки, все же укажем, что «смена сюзерена» башкирами в середине XVI в. была вызвана не столько поиском более привлекательного патрона, сколько исчезновением прежних патронов и появлением на их месте, в сущности, единственного — царя московского.

¹⁸ Ясак в глазах башкир имел символическое значение в качестве обозначения подданства и маркировки вотчинного права на землю [Башкирские, 1960, с. 209 — примеч. Р.Г.Кузеева; Очерки, 1956, с. 178, 216].

Еще большее возмущение вызывали участвовавшие в XVIII в. отводы (фактически — захваты) больших участков под крепости и заводы. Предания гласят, что Иван Грозный даровал башкирам право на вечное пользование их землями, а «потом русские богатеи хитростью и обманом завладели теми землями», что сопровождалось запретом пользоваться изъятыми угодьями [Башкирские, 2001, с. 231]; см. также [Башкирские, 1985, с. 68; Башкирские, 2001, с. 271; Башкирское, 1987, с. 245; Материалы, 1936, с. 301]¹⁹. И это при том, что именно земля считалась в народном сознании высшей ценностью, а обладание ею — символом зажиточности и свободы (см., например: [Аралбаев, 1985, с. 51; Башкирские, 1985, с. 66]). Стойкая память о добровольном присоединении и царских пожалованиях приводила башкир к убеждению в одностороннем нарушении правительством своих давних обязательств. Положение осложнялось тем, что народная память, зафиксированная в шеджере, не могла служить доводом в земельных спорах с властями. Царские же грамоты уже к середине XVIII в. в большинстве своем были утрачены, а их копии, хранившиеся в Уфимской канцелярии, сгорели при пожаре в 1759 г.²⁰

Между тем сам принцип взаимности обязательств государства и народа следует учитывать при исследовании этого периода истории Башкирии. Полулегендарные жалованные грамоты Ивана Грозного не только содержали собственно перечень жалований и льгот, но и подразумевали неизбежность их в будущем. А раз эти документы давались царем (или от его имени), то сам царь и выступал гарантом их соблюдения государственными властями. В частности, в одном шеджере Иван Васильевич прямо берет на себя обязательства впредь «защитить вас от ваших врагов», а в другом вводит порядок выплаты ясака: «Подтверждая это, великий царь вместе со знатными приближенными руки приложили» [Асфандияров, 1982, с. 20; Башкирские, 2002, с. 74]. Однако на практике наглядное подтверждение такой взаимности наблюдалось один-единственный раз, когда зимой 1662/63 г., после угасшего восстания, гонцы астраханского воеводы — служилые татары-мусульмане в ответ на башкирскую шерть «по своей мусульманской вере в правде душу дали, что им, башкирцом, oprичь великого государя милости, дурна никакова отнюдь ни от кого не будет» (цит. по [Устюгов, 1947, с. 85]). И ранг гонцов, и сама уникальность ситуации приводят к заключению, что практика обоюдных гарантий

¹⁹ В одном фольклорном повествовании говорится, будто сам «царь задумал вырвать эти места из рук башкир» [Башкирское, 1987, с. 215].

²⁰ В случае отсутствия грамоты башкиры ссылались на факт платежа ясака на определенный земельный участок [Усманов, 1960, с. 143, 144; Усманов, 1982, с. 190–192].

не получила распространения, да и была неприемлема для самодержавного государства.

В последние годы повысилось внимание исследователей к истории распространения христианства среди присоединенных народов. В Башкирии эта проблема обернулась другой стороной. Протест вызывали даже не столько православие или активность проповедников христианства, сколько репрессивные меры против ислама. В шеджере и преданиях сохранились воспоминания о запретительных мерах в отношении мусульманства — в том числе как об одной из главных причин восстания под предводительством Батырши в 1755 г. (см., например: [Башкирские, 1985, с. 127; Башкирские, 2002, с. 99; Башкирское, 1987, с. 234])²¹. В памятниках, созданных мусульманскими авторами, российское подданство и поражения в восстаниях расцениваются как попадание «в руки иноверцев», «плен», лишение «истинной веры» [Катапов, Покровский, 1905, с. 322, 324; Материалы, 1936, с. 265; Усманов, 1972, с. 122; Ivanics, Usmanov, 2002, с. 93, 252]²². Немалую роль в придании религиозного облика протесту сыграло татарское исламское духовенство.

Собственно квинтэссенция претензий башкир к властям, перечисление нарушений традиционных устоев русско-башкирских отношений и содержатся в знаменитых воззваниях Батырши: «Неверным россиянам головами вашими в лопатничьей работе не быть и им, неверным, городов не строить... и их от жила до жила и от города до города на подводах ваших не возить, ясака и фуражу не давать, и на землях и водах, искони дедами и отцами вашими владеющих, им, неверным, города, крепости и заводы строить воли не давать» (далее следует выпад против соляной монополии) (цит. по [Очерки, 1956, с. 186]) .

Все эти нарушения вместе со злоупотреблениями чиновников вызвали массовое возмущение башкир и череду их восстаний в 1660-х годах. Народные движения были подавлены, но недовольство тлело и в следующем столетии вылилось в новые восстания. Тогдашнее общее отношение коренных жителей Южного Урала к государству выражено в высказывании одного из биев в 1739 г.: «...на их башкирской народ от России доброго не имется» (цит. по [Устюгов, 1950, с. 132]).

²¹ О внимании Батырши к вопросам ислама см. [Витевский, 1897, т. III, с. 92–100; Ислаев, 2001, с. 154; Чулошников, 1940, с. 67].

²² На отношении башкирских повстанцев к обязательствам перед властью сказывалось присущее мусульманам сознание условности клятв и обещаний, данных людям иной веры. Так, один из вождей движения второй половины 1730-х годов, мулла Елдаш, заявил, что даже если его соплеменники и покорятся силе, но «хотя 9 куранов примут (т.е. девятикратно поклонятся на Коране. — В.Т.), а в верности быть не хотят» (цит. по [Устюгов, 1950, с. 51]).

К числу средств, направленных на усмирение мятежей, относилось взятие в Уфу или Казань (а иногда также в Мензелинск, Тобольск и пр.) аманатов из родовитых семейств. Это всегда было временной и вынужденной мерой, в целом нехарактерной для отношений власти с башкирами. Заложников брали, как правило, во время и после каждого очередного массового выступления, они считались необходимым, хотя и малодейственным условием принесения «бунтовщиками» повинной [Демидова, 1961, с. 232; Устюгов, 1950, с. 23]. В 1736 г. начальник горных заводов В.Н.Татищев убедился, что «сей способ столько зла, сколько доброго в себе заключает»: если забирают в аманаты «лучших людей», то некому становится унимать «своевольных» соплеменников; если же забирают «посредственных» (неродовитых), то их башкиры «ни во что не ставят», и получается один убыток казне из-за содержания таких неавторитетных заложников. «Ныне построенные между ими крепости и учрежденный суд (т.е. ответственность старшин за порядок в волостях. — *Примеч. Н.В.Устюгова*) почитаю за лучших аманатов», — заключал Татищев (цит. по [Устюгов, 1950, с. 23, 24]).

Одним из наиболее массовых лозунгов во время восстаний было прекращение подданства царю. Выше указывалось, что из канонов кочевого общества вытекало условие: если правитель не обеспечивает своим подданным условий, гарантированных им самим или его предками, то они вправе сменить сюзерена. В XVIII в. эта идея была подкреплена исламской фразеологией²³, а в предыдущем столетии — эпизодической солидарностью с турками и крымцами, воевавшими с Россией [Очерки, 1956, с. 119]. Смена правителя в традиционном кочевом обществе предполагала прежде всего откочевку на новые земли. Так иногда и происходило в истории Южного Урала, когда и знатные, и рядовые жители края переселялись к калмыкам, казахам или под власть Кучумовичей (были даже планы ухода в Крым и Джунгарию), хотя чаще дело не шло дальше намерений [Акманов, 1993, с. 117; Материалы, 1936, с. 203, 239, 261, 325; Чулошников, 1940, с. 56]²⁴. Однако после распространения власти России на Казахстан,

²³ Воззвание Батырши: «Если мы находимся под клятвенным обетом одного падишаха и если этот падишах тверд и постоянен в своем обете, то мы, по предписанию нашего шариата и нашей священной книги, обязаны жертвовать своими головами и жизнью. Если падишах не обеспечивает в настоящее время взятые на себя обязательства по защите своих подданных от притеснений, если повинности постоянно меняются и налагаются новые, то мусульмане обязаны примкнуть и помочь своим единоверцам постараться о возвышении веры по способу, предписанному шариатом» (цит. по [Ислаев, 2001, с. 155]).

²⁴ Р.Г.Кузеев указывал, что целью таких откочевок, кстати нечастых, эпизодических, был, в частности, поиск номинального сюзерена, который не вмешивался бы во внутрибашкирские дела [Кузеев, Юлдашбаев, 1957, с. 90]; А.Н.Усманов считал, будто указанная практика была заимствована башкирами у ногаев [Усманов, 1982, с. 199].

как справедливо отметил Н.В.Устюгов, башкиры оказались внутри империи; возможность откочевки для них исчезла, и в поисках справедливости они были вынуждены апеллировать к российской администрации [Устюгов, 1947, с. 36, 44; Устюгов, 1950, с. 26, 27] или добиваться справедливости вооруженным путем. Такие инициативы всегда кончались неудачей, но они показывают, что шел поиск альтернативы российскому подданству.

В принципе оставалась теоретическая возможность отказаться от него и перейти под сюзеренитет какого-нибудь другого монарха, не снимаясь с места. Эта установка особенно ярко проявилась во время восстаний второй половины XVII — первой половины XVIII в. Предложения принять башкир под свою власть получали тогда османские султаны и калмыцкие тайши, крымские и казахские ханы, «казачествующие» царевичи-Кучумовичи [Акманов, 1993, с. 4, 109; Аралбаев, 1985, с. 29, 30; Ключевский, 1988, с. 116; Материалы, 1936, с. 344, 368; Устюгов, 1947, с. 90, 91; Устюгов, 1950, с. 8, 9, 135; Чулошников, 1940, с. 56].

Иногда бии пытались организовать воцарение приглашенных ханов; были единичные случаи отыскать хана и в своей среде. Порой в историографии встречается утверждение, будто здесь имел место заговор наиболее реакционной верхушки башкирского общества, а народная масса не поддерживала идею приглашенных монархов [Усманов, 1982, с. 200, 201]. Но очевидно, что недовольство российским правлением охватывало все башкирское общество. А то, что поиск государя на стороне брала на себя элита, так в этом, собственно, и состояла ее социальная функция: выражать и воплощать общественные потребности.

Известны попытки зазвать в Башкирию представителей сибирско-татарской, крымско-татарской, казахской, каракалпакской и джунгарской аристократии. В подобных ситуациях действовал целый комплекс факторов: и намерение сплотить народ вокруг внеклановой фигуры нового монарха (тем более если он окажется Чингисидом, т.е. обладателем древних и общепризнанных прав на царствование), и средство поддержки массового движения (восстания), и надежда получить помощь извне (от крымцев и османов), и желание повиноваться государю-единоверцу [Акманов, 1991, с. 136; Акманов, 1993, с. 114–146, 196, 197, 217; Игнатьев, 1922, с. 66; Материалы, 1936, с. 225, 236, 309, 317; Очерки, 1956, с. 168; Устюгов, 1947, с. 65, 66; Устюгов, 1950, с. 58, 134].

Некоторые авторы видят в интронизации всебашкирского хана не только формальный разрыв с Россией, но и планы по образованию собственного государства (см., например: [Усманов, 1982, с. 201; Устю-

гов, 1950, с. 8, 9²⁵; Чулошников, 1936, с. 29]). Однако это представляется слишком простым объяснением. По мнению же И.Г.Акманова, во-первых, в источниках о восстаниях XVII — начала XVIII в. нет никаких намеков насчет планов создания отдельного башкирского государства, а некоторый материал для размышлений появляется лишь относительно середины XVIII столетия. Во-вторых, даже если такая затея и витала в головах некоторых биев, то не находила сколь-нибудь массовой и единодушной поддержки. В-третьих, стремление к формированию собственной государственности в то время было не осознанной программой, а реакцией на притеснения со стороны российской администрации [Акманов, 1993, с. 13, 217; История, 1996, с. 244].

Полностью разделяя такой подход, добавлю, что сам факт переговоров с чужеземными правителями о возможности перехода в подданство к ним (даже без откочевки в их владения) свидетельствовал об отсутствии в XVII–XVIII вв. реальных «просектов» по созданию независимого башкирского государства.

В начале XVII в. возле границ Московского государства появляются калмыки. Предки калмыков отделились от западных монголов-ойратов, и еще долго общеойратское единство осознавалось ими²⁶. Могушественное Джунгарское ханство воспринималось калмыками как надежный тыл и далекая родина. Калмыцкие высшие тайши принимали участие в съездах ойратской знати и иногда действовали в военных кампаниях сообща с джунгарами. Однако чаще джунгарские правители были заняты собственными проблемами, и калмыкам приходилось осваивать новые пространства самостоятельно.

²⁵ Н.В.Устюгов считал, что стремление создать собственное государство просматривается у башкир только в движении Батырши.

²⁶ После окончательного крушения Монгольской империи в конце XIV в. ойраты кочевали на западе современной Монголии. В первой половине XV в. им удалось создать сильное ханство под предводительством Эсена, но после его гибели в 1455 г. наступила полоса неудач. Теснимые восточными монголами и китайцами, ойраты отступили на запад, утратили обширные пастбища, их знать вступила в междоусобную борьбу. В то время они делились на пять племенных объединений: чоросы (джунгары), хошуты, торгоуты, дербеты и хойты. Возглавляли их князья-тайши. Вытеснив и частично подчинив тюркоязычных моголов, чоросы образовали на территории Северо-Западного Китая ханство, которое принято называть Джунгарским. Его история была очень бурной, протекала в постоянных войнах с китайцами, казаками и узбеками. Аристократия прочих ойратских племен, не получив власти в Джунгарии, во второй половине XVI в. решила откочевать за ее пределы. Дербеты, торгоуты и хошуты снялись с места и начали медленно продвигаться к северу и к западу. Эта отколовшаяся часть ойратов получила наименование калмыков.

На северной окраине Степного пояса калмыки подошли к русским владениям в Сибири. Иногда они решались на набеги, но чаще старались уживаться с воеводами мирно. Те тоже были заинтересованы в дружественных отношениях с новыми соседями, так как хозяйство в только что основанных русских поселениях было еще неразвито, и власти стремились наращивать торговлю с кочевниками, налаживать поставку из степи шерсти, войлока и продовольствия. Большую проблему представляли калмыцкие нападения на башкир и сибирских татар, которые, переходя в подданство к царю, надеялись в том числе и на защиту от набегов. Из Москвы шли наказы наместникам всемерно оборонять подвластные народы от калмыков, но самим не вторгаться во владения тайшей, стараясь склонять их к мирному сотрудничеству.

Прикочевав к сибирским пределам, калмыки увидели, что земли с лучшими, самыми плодородными пастбищами уже заняты: на них распространилась власть России. Воевать с ней решимости и сил у тайшей не хватало. Выход они увидели в установлении договорных отношений. Сначала шли долгие переговоры с воеводами сибирской крепости Тара, а в феврале 1608 г. послы нескольких тайшей представили перед царем Василием Шуйским. Тот принял их благосклонно и на аудиенции оказал всевозможные знаки расположения. Послам было объявлено, что государь дозволяет калмыкам кочевать в пределах его державы, по рекам Иртышу, Оми и прочим, «где похотят», и что отныне они обязаны находиться под его властью «навечно неотступны»; за это ближние русские гарнизоны будут оборонять их кочевья от ногаев, казахов и восточных монголов («Алтын-царя») [Русско-монгольские, 1959, с. 74, 75].

В 1610–1620-х годах от общей массы ойратов отделились еще несколько родовых объединений и двинулись к Волге. Эта часть калмыков вытеснила ногаев и заняла территорию Большой Ногайской Орды. Предводителям их — тайшам Дайчину, Лоузану, Хо-Урлюку — пришлось иметь дело с русской администрацией Астрахани. Они были весьма воинственными, возглавляли многочисленную конницу, и воеводы прилагали немало усилий, чтобы обезопасить подведомственный край от пришельцев. Да и правительство пыталось убедить волжских тайшей перекочевать к Иртышу, где по договору должны были кочевать калмыки. Но со временем отношение к ним в Москве изменилось. В условиях тяжелой войны с Польшей, когда требовались дополнительные войска, калмыцкая кавалерия привлекла внимание московских стратегов. Оказалось, что этих кочевников можно использовать как для защиты южных рубежей государства, так и на европейском театре военных действий.

Начался длительный обмен послами и грамотами, в которых обе стороны выдвигали свои условия. Калмыки просили закрепить за ними уже фактически занятые земли в Нижнем Поволжье, а царь требовал от них давать в Астрахань заложников-аманатов, с чем тайши категорически не соглашались: «Как-де свет стал, и калмыки-де никому аманатов не даывали, да и впредь того не будет, о том-де говорить полно!» (цит. по [Батмаев, 1993, с. 98]).

В историографии российское подданство калмыков долгое время отсчитывалось с визита в Москву посольства 1608 г. Учитывая условность сюзеренитета-вассалитета в кочевом мире, о чем неоднократно говорилось выше, мы не можем присоединиться к этой трактовке. Калмыцкие предводители готовы были признавать царя старшим над собой в иерархии правителей, который имел бы полномочия жаловать право на кочевание по определенной территории. Но они вовсе не видели себя жителями Московского государства и подданными русского *белого хана*. Шертные соглашения понимались ими в контексте сиюминутной ситуации и насущной выгоды; при изменении ситуации они вполне были способны отказаться как от признания царского верховенства, так и от обязательств, данных в шертях [Батмаев, 1993, с. 29, 30]. Столкнувшись с подобным отношением к договорам, дьяк Посольского приказа в 1645 г. заявил калмыцким послам в столице, что «впредь их шерти верить немочно, что они шертуют, а на правде не стоят» (цит. по [Устюгов, 1947, с. 50]).

Вскоре два подхода вступили в противоречие. В ноябре 1649 г. посланник И.Онучин заявил тайши Дайчину, будто отец последнего, Хо-Урлюк, пребывал под государевой рукою «в повеленье и в послушанье» как подданный-«холоп». Последовало возражение: «...и вы... то солгали: отцы... наши и деды и прадеды от веку в холопстве ни у кого не бывали. Да и в книгах... у нас того не написано, чтоб мы у ково были в холопстве, а живем... мы о себе, владеем сами собою и улусными своими людьми. Да и ныне... мы кроме бога никого не боимся...» [Русско-монгольские, 1974, с. 355].

Наконец, ценой взаимных уступок двумя шертными договорами — 1654 и 1657 гг. — было оформлено, как обычно сейчас считается, вхождение калмыцкого народа в состав России. Его представители сразу направились на военную службу — сражаться под началом царских воевод. С тех пор участие в войнах надолго стало одной из основных государственных обязанностей калмыков. Из казны тайшам шло за это жалованье. После долгих переговоров главные предводители калмыков Дайчин и Мончак согласились дать в Астрахань заложников (тайшей убедили, что с аманатами «мир постоятелен и крепок будет навеки» (цит. по [Очерки, 1967, с. 115]), хотя эта мера демонстрировала явное неравноправие сторон шертного соглашения.

В течение XVII в. основная масса калмыков собралась на нижней Волге и образовала там новое владение во главе с ханом, вассальное по отношению к царю и фактически в пределах Российского государства. В 1664 г. правительство официально признало существование Калмыцкого ханства.

Как следует расценивать государственный статус земель Заволжья, когда там появились калмыки? Если трактовать их как завоеванные русскими и вошедшие в состав Московского государства, то логично предположить, что они должны были считаться с тех пор «государевыми». Так и рассуждал в конце XVI — начале XVII в. английский дипломат Дж. Горсей, указывая, будто «царь Иван Васильевич... завоевал... земли многочисленных ногаев, черкесских татар и множество других народов, обитавших на расстоянии двух тысяч верст по берегам... реки Волги, на юг до самого Каспийского моря» [Горсей, 1986, с. 190]. Подобная точка зрения встречается и в современной историографии²⁷.

Такой подход, однако, не соотнобразуется с реальностью XVI–XVII столетий. Ногайская столица Сарайчик на Яике стояла до 1581 г., когда она была разрушена казаками. Правда, анонимная «История калмыцких ханов», написанная не ранее начала XVIII в., представляет ногайские яйцкие кочевья как царское достояние. В 1630 г., по сообщению этой «Истории», торгоутский тайши Хо-Урлюк подчинил ногаев в междуречье Волги и Яика. «Хотя эта страна и принадлежала Цаган Хану (т.е. Белому царю). — *В.Т.*), но Хо-Орлек, несмотря на дружественные сношения, овладел этой страной» [Калмыцкие, 1969, с. 52, 53]. Однако ко времени составления хроники указанной территорией давно владела Россия, и калмыки свыклись с этим. Предки же их в предыдущем столетии смотрели на проблему иначе. В 1649 г. сын Хо-Урлюка, Дайчин-тайши, говорил И. Онучину в ответ на упрек, что нынешние пастбища калмыков никогда им не принадлежали: «Земля... и воды — Божьи, а преж... сево та земля, на которых (так в тексте. — *В.Т.*) мы и ногаицы ныне кочуем, была нагайская, а не государева... И мы... на те места пришед, и нагайцов с того места збили... А на той... земле и по тем рекам государевых городов нет» [РГАДА, ф. 119, оп. 1, 1649 г., д. 5, л. 23].

Следовательно, в первой половине XVII в. и тем более в XVI в. заволжские степи не воспринимались местными народами как российская территория. Даже если и усматривать какие-то притязания прави-

²⁷ См., например: [Овчинников, 1970, с. 188]: после присоединения Казани, Астрахани и Башкирии «царское правительство стало рассматривать земли по Яику как неотъемлемую часть страны», а яйцкие казаки уже в то время (1550-е годы! — *В.Т.*) защищали Русь от кочевников, «от попыток отторгнуть Яик от России».

гельства на обладание ими, то все равно настоящего административного «освоения» региона не происходило.

Калмыцкое ханство располагалось по обеим сторонам Волги от Астрахани до Самары и Царицына, охватывая донские и уральские степи. Оно состояло из улусов трех главных племен: Торогоутовского, Дербетовского и Хошоутовского; улусы, возглавлявшиеся князьями-*нойонами*, делились на округа-*аймаки* под руководством *зайсангов*. В конце XVII — первой четверти XVIII в., при хане Аюке, оно усилилось и стало заметным участником политической жизни Юго-Восточной Европы.

Положение калмыков по отношению к российскому правительству в то время было сходно со статусом башкир. Они платили небольшой ясак и отправлялись на войну по приказу из столицы. Калмыкия находилась далеко от Центральной России, в засушливых степях, поэтому русского населения там почти не было. Воеводы ближайших городов практически не вмешивались в дела ханства, и антироссийских выступлений в отличие от башкир его жители не предпринимали.

Калмыки имели тесные связи с Тибетом, откуда к ним пришел буддизм²⁸. Некоторые знатные кочевники воспитывались в тибетских монастырях. Буддийский первосвященник *далай-лама* считался высшим иерархом в глазах единоверцев, и именно он был вправе даровать инвеституру. Калмыцкая правящая элита оказалась в своеобразном положении, когда легитимность правления хана должна была подпираться из двух источников — тибетского и московского. Известно, что далай-лама пожаловал Дайчину ханские титул и *тамгу* (семейный знак, своего рода герб). Тот отказался, сославшись на наличие других достойных кандидатур²⁹. А вот внук Дайчина, Аюка, принял тибетскую

²⁸ Северная ветвь буддизма, которая распространилась в Тибете, Монголии, Бурятии, Калмыкии и Туве, в сирийской и российской науке долгое время носила название «ламаизм». Однако в начале 1960-х годов в силу политических причин далай-лама предложил отказаться от данного термина и применять понятие «буддизм». Постепенно этот призыв возымел действие, и в настоящее время термин «ламаизм» и производные от него почти исчезли из употребления (см. подробнее [Монгуш, 2001, с. 7, 8]).

²⁹ Церемонный отказ претендента в пользу других лиц, в частности старших родственников, был составной частью традиционного монгольского обряда коронации [Трепавлов, 1993а, с. 103–106]. В данном случае могли повлиять и отношения с Москвой. Когда в начале 1650-х годов Дайчин в грамотах титуловал себя «царем», «калмыцким, татарским самодержцем и многих людей государем и обладателем», то в Посольском приказе такие документы воспринимали как «не по приговору написанные». Чтобы не раздражать Москву, Дайчин перестал упоминать в посланиях свой ханский («царский») ранг. Лишь через десять лет, когда были заключены основополагающие шерстные договоры и урегулированы территориальные вопросы, Дайчин снова стал рекомендоваться ханом [Очерки, 1967а, с. 129, 130].

инвеституру. В «Истории калмыцких ханов» об этом сказано так: «Хотя Аюка и был данником (*албату*) русского царя, но, не извещая его, принял своею властью это высшее ханское титуло» [Калмыцкие, 1969, с. 70]³⁰.

С этого времени среди калмыцкой знати утвердилось мнение, будто настоящим ханом является лишь тот, кого благословляет на этот пост далай-лама; назначение же от московского правительства, по мнению М.М.Батмаева, «считалось как бы временным» [Батмаев, 1993, с. 104]. Как писал хан Дондук-Омбо (тоже получивший титул от первосвященника), «по нашему ж закону ханами бывают по указу вышнего и обо всем сведущего далай-ламы, а по светскому обычаю бывают те, которые могут дела исправлять с благополучием народа» (цит. по [Батмаев, 2002, с. 249]). В 1724 г. астраханский губернатор А.П.Волынский написал Петру I, что преемнику умершего Аюки, Церен-Дондуку, желательно прислать символы власти — саблю, панцирь и щит, «дабы сие калмыки почитали во знак ханства, и, может быть, у них в обычей сие со временем бы вошло, что кому того не будет дано, тот за прямова хана принят не будет» (цит. по [Батмаев, 2002, с. 240]). Видимо, данная инициатива чиновника диктовалась намерением противопоставить российскую инвеституру тибетской, и русские власти, таким образом, тоже озаботились вопросом зримого, ритуального наделения властью правителя во владении, которое они считали частью Российской империи. Впоследствии, при принесении Церен-Дондуком присяги на верность вручаемыми знаками ханской власти служили дарованные ему собольи шуба и шапка. Следующий хан, Дондук-Даши, при церемонии воцарения в 1758 г. удостоился от русских властей «жалованных знаков отличия» — сабли с поясом и шапки [Кундакбаева, 2005, с. 72, 84].

В дальнейшем далай-лама неоднократно высказывал пожелание, чтобы калмыки откочевали из Поволжья в Джунгарию — «к своему однозаконному (т.е. единоверному. — В.Т.) хану» [Златкин, 1983, с. 221, 222; Очерки, 1967а, с. 215].

После шертей 1655 и 1657 гг. началась постепенная интеграция калмыков в структуру Российского государства, отчего данные соглашения считаются юридическим оформлением подданства. Как справедливо замечает М.М.Батмаев, такая интерпретация возможна лишь при взгляде на события «с высоты прошедших веков» [Батмаев, 2002, с. 80]. Современники же смотрели на происходящее несколько иначе. Позиция правительства оставалась незыблемой; она нам известна: шертующий превращается в подданного, а нарушивший шерть — в

³⁰ При этом есть основания полагать, что инвеститура произошла по инициативе самого Аюки, а не главного ламы [Батмаев, 2002, с. 93].

изменника и отступника, «государева непослушника»³¹. Тайши же со своей стороны вовсе не собирались менять вольную степную жизнь на «холопство». Они рассматривали соглашения 1650-х годов прежде всего как мирный договор с военно-политическим партнером и союзником, пусть и «старшим» по иерархическому рангу. В «Истории калмыцких ханов» повествование о договоре 1655 г. выделяет именно пункт о ненападении: «Дайчин, желая помириться с русскими, в году модон-хорин (1655) отправил к русскому царю в Москву послов... Эти послы, прибыв в Москву, дали обет и клятву, что „калмыцкие тайши Шукур-Дайчин, все нойоны и весь калмыцкий улус будут верными подвластными (*итегельту албату*) русского царя Алексея Михайловича, что они не будут нападать на Астрахань, ни грабить, ни разорять“» [Калмыцкие, 1969, с. 58].

На фоне предыдущих шертей никакой принципиальной новизны эти два новых «пакта» не содержали³², и в литературе уже неоднократно отмечалась условность, ситуативность подчинения нижеволжских кочевников Москве (см., например: [Батмаев, 1985, с. 38; Батмаев, 2002, с. 80; Перетяткович, 1882, с. 131; Khodarkovsky, 2002, с. 92]). В подтверждение этого А.Каппелер привел факт последующих шертований, что, по его мнению, иллюстрировало фактическую независимость калмыков в то время [Каппелер, 2000, с. 39].

Австрийский исследователь имеет в виду шерти, заключенные при хане Аюке в 1673, 1677 и 1684 гг.³³. После этого подобная форма отношений уже не практиковалась. Торжественная дипломатическая процедура в виде клятвенного объявления взаимных обязательств уступила место переговорам и рутинным соглашениям калмыцкой элиты с царем или провинциальными чиновниками (которые действовали от имени царя) [Батмаев, 1993, с. 144, 191; Максимов, 2002, с. 109]. В 1664 г. тайше Мончаку как новопровозглашенному хану были присланы из Москвы инсигнии — знамя и булава, украшенная позолотой и яшмой [Максимов, 2000, с. 24]³⁴. Данные явления обнаруживают упомянутую

³¹ Сходного взгляда придерживались иностранные наблюдатели. См., например, у Я.Стрейса о ногайцах и калмыках: «...те и другие... подчинены царю московскому» (1669 г.) [Стрейс, 1935, с. 191], хотя на самом деле статус «и тех и других» был далек от буквального подчинения.

³² Разве что по соглашению 1657 г. тайшам было обещано регулярное жалованье.

³³ Содержание этих соглашений сводилось к военной службе степных всадников, ограничениям во внешних связях, гарантиям неприкосновенности соседнего русского населения. Заметим, что последняя шерть содержала формулу перехода в «вечное и верное подданство... на договорных статьях» (цит. по [Батмаев, 1993, с. 141]), т.е. вовсе не предполагалась безусловная покорность русским властям.

³⁴ Возможно, здесь действовала аналогия с царской инвеститурой гетмана Украины, недавно присоединенной к Московскому государству.

выше тенденцию к постепенному вовлечению калмыков в общероссийскую государственную структуру. Но пока это была лишь именно тенденция, так как впереди у Калмыцкого ханства был период его апогея при Аюке.

Этот правитель получил ханское звание от далай-ламы в 1690 г., а через семь лет признал его таковым и Петр I (хотя до 1720 г. обращался к нему как к тайше [Максимов, 2002, с. 105]). Использование сложной политической обстановки на юге Восточной Европы, сильная конница, многочисленные и преданные соплеменники, талант дипломата, администратора и полководца — все это позволило калмыцкому лидеру представить себя в глазах царя как политического партнера, с которым необходимо считаться³⁵. Фактическая независимость Аюки проявлялась в таких знаковых явлениях, как личные встречи с могущественным *белым царем*, самостоятельная внешняя политика и международный авторитет. Он направлял свои отряды против казахских и среднеазиатских владетелей, свободно сносился с Крымом и Турцией, Цинами и джунгарами, Ираном и Кабардой, породнился с Гиреями и северокавказскими князьями [Батмаев, 1993, с. 137, 189, 190; Калмыцкие, 1969, с. 70; Khodarkovsky, 1992, с. 123–127, 153–156]³⁶.

Условность подданства в глазах хана наглядно проявилась в его отношениях с башкирами — более давними «подданными» России, но

³⁵ С.В.Бахрушин считал, что Аюка «занимал положение среднее между положением союзника и вассала». В.А.Коренько, напротив, полагает, будто характер отношений, смысл и содержание шертей Аюки «однозначно говорят об обязательствах подданства, а не союза» [Миллер, 2000, с. 707, 708 — примеч. С.В.Бахрушина и В.А.Коренько]. Мы, однако, неоднократно убеждались, что шертные обещания и заверения требуют проверки реальным статусом и анализом отношений; с помощью формального подхода нельзя определить действительную степень зависимости калмыков от России. Да и российские власти не расценивали соплеменников Аюки как обычных царских подданных. В 1714 г. гонец сибирского губернатора говорил джунгарскому хунтайджи: «Многие иноземцы кочуют и не подданные на землях царского величества под городами Астраханью и Самарою и Царицыным... а своею землею николи не называют...» [Памятники, 1882, с. 523]. Здесь очерчен ареал кочевания именно калмыков, которые, таким образом, предстают как «иноземцы» в буквальном смысле. Сам Петр I все-таки видел в Аюке своего подданного, но обладающего особыми привилегиями. Такой взгляд сформулирован в царской грамоте кабардинским князьям 1711 г.: «...и ежели вы будете у нас в подданстве, то не токмо с вас никаких податей требовать не будем, но и погодно вам жалованье давать определим, как то получает от нас подданной наш Аюка-хан...» (цит. по [Мальбахов, 2002, с. 198]).

³⁶ В начале 1720-х годов наследник Аюки Дондук-Омбо пребывал при бахчисарайском дворе в качестве вассала хана Саадет-Гирея IV и вместе со своими улусниками участвовал во многих его походах [История, 1988, с. 429]. Турецкий великий везир в 1716 г. в письме Петру I указывал, что Аюка не является подданным какого-либо государства, поскольку полномочен отправлять и принимать у себя послов [Khodarkovsky, 1992, с. 160].

тоже наделенными всякого рода привилегиями и юридическими особенностями (см. выше). Он то совершал грабительские набеги на Южный Урал (башкиры отвечали тем же), то склонял тамошних биев к совместным набегам на русские города, то требовал от них подчинения ему, Аюке. Царским властям удалось убедить его оставить агрессивные поползновения в отношении русского населения, а в начале XVIII в. они сочли полезным использовать калмыцкую конницу для подавления очередного башкирского движения [Калмыцкие, 1969, с. 67–70; Материалы, 1936, с. 276; Очерки, 1956, с. 120–122].

Как сам Аюка соотносил себя с царем? По этому поводу сохранилось несколько его высказываний конца XVII в. В 1683 г. его посланец заявил астраханскому воеводе, что тот напрасно считает, будто хан «великому государю бил челом в подданство»; на самом деле он об этом и не помышлял, а лишь предлагал жить в мире и совете [Батмаев, 1993, с. 140]. Через восемь лет Аюка, раздраженный столкновениями с казаками и башкирами, потребовал от правительства смирить буйных соседей, «а буде уйму им не будет, он... пойдет и сыщет себе иную землю...» (цит. по [Цюрюмов, 2002, с. 66]). Следовательно, хан не чувствовал себя связанным какими-то жесткими обязательствами перед Москвой. При этом по-прежнему сохранялось традиционное кочевническое убеждение в праве отъезда от сюзерена, не способного защитить тех, кто пользуется его покровительством. В целом его полунезависимый статус (в сочетании с самостоятельным фактическим положением³⁷) наиболее адекватно определяется, вероятно, понятием протектората.

Впрочем, в 1710 г. произошло событие, которое позволяет предположить, что хан не возражал против своего номинального статуса подданного. 5 сентября в ходе его встречи с казанским губернатором П.М.Апраксиным на реке Даниловка были подписаны договорные статьи «О подданстве хана Аюки со своими тайшами и людьми его Российскому государству». Главе калмыков назначалось 1000-рублевое жалованье, увеличивались поставки пороха и свинца и формулировалось обязательство участвовать в военных предприятиях России [Тепкеев, 2005, с. 34]. Как видим, заметных изменений в фактическом положении все-таки не предусматривалось.

³⁷ Обстоятельства политической деятельности Аюки и его отношений с царем оказали влияние на дальнейшие судьбы народов Евразии. Пример сильного калмыцкого хана показал, что можно, оказываясь, быть номинальным государевым «вассалом» и одновременно пребывать на вершине мощи и славы, не портя отношений с Москвой. И.Е.Ерофеева полагает, что именно калмыцко-русские отношения при Аюке и Петре I послужили образцом для хана казахского Младшего жуза Абу-л-Хайра, когда он в 1730-х годах решил просить Анну Иоанновну о покровительстве и защите [Ерофеева, 1999, с. 162, 163].

После смерти Аюки в 1724 г. Калмыцкое ханство начало быстро утрачивать достигнутые при нем автономию и международный авторитет. Российские власти все более заметно включались в разрешение внутренних вопросов ханства. Если поначалу их влияние ограничивалось урегулированием междоусобиц и назначением верховного правителя, то на протяжении 1730–1760-х годов разные стороны жизни калмыцких улусов подпали под контроль правительства и астраханской администрации. Внешние контакты сузились до редких посольств в Лхасу. Наместник Дондук-Омбо откровенно заявил астраханскому чиновнику в начале 1740-х годов: «Хотя я над своими и командир, однако ж без вашего позволения собою ничего сделать не могу» (цит. по [Батмаев, 1993, с. 297]).

При этом оставался неопределенным административный и политический статус кочевой элиты. Ее не включали в состав дворянства, но и не приравнивали к простолюдию. В сословном обществе Российской империи трудно было пребывать, не имея четкого места в социальной иерархии. Через десять лет другой наместник, Дондук-Даши, в послании к Елизавете Петровне недоумевал: «Понеже противу подданных вашего величества российских военных статских великих и малых чинов людей, подданные ж вашего величества наши калмыцкие начальные люди в каком достоинстве почтены быть могут, также и я в каком класе нахожусь, о том я донныне будучи неизвестен, вашему величеству и доношу» (цит. по [Батмаев, 2002, с. 82]).

Всеохватный надзор российской бюрократии над еще недавно свободным народом порождал в его среде резкое недовольство и ностальгию по утраченной самостоятельности. Политика правительства не оставляла иллюзий относительно уничтожения всех следов прежних вольностей. В 1731 г. Сенат постановил: «Калмыцкий народ, состоя в подданстве Российской державы, без воли российского правительства ничего сам собою делать не может» (цит. по [Максимов, 2000, с. 43–44]). Раздражающими факторами служили также наплыв в нижне-волжские степи русских переселенцев и немецких колонистов, христианизация, начавшаяся эрозия традиционного образа жизни (все больше калмыков уходило на заработки в города и на промыслы).

У калмыков оставалось испытанное столетиями кочевой истории средство изменить ситуацию — откочевать «из здешней протекции» (по выражению Убаши-хана). Хотя были эпизодические намерения уйти в Персию [Батмаев, 1993, с. 297], возобладали настроения переселиться на прародину, в Джунгарию (к тому же на этом настаивал далай-лама³⁸).

³⁸ В интерпретации монгольских духовных писателей на первом месте среди причин откочевки стояли религиозные доводы. По словам одного из таких авторов — цитировавшегося выше Джамбадорджи, калмыки «немного служили Российскому госу-

В начале 1771 г. основная масса народа ушла с Волги на восток. Перед исходом калмыцкие аристократы в последний раз высказали свои претензии: «Они (калмыки. — *В.Т.*) во всем их поведении прежних своих прав и законов лишились, а принуждены были исполнять одни российские повеления, и без российского пристава во обществе своем по внутренним делам ничего делать власти не имели» (цит. по [Батмаев, 1993, с. 350]).

Значительная часть участников «торгоутского побега» погибла в пути от болезней и стычек с казаками. Остальные были расселены китайской (цинской) администрацией в провинции Синьцзян, на территории бывшего Джунгарского ханства³⁹.

Остатки населения Калмыцкого ханства занимали теперь, естественно, гораздо меньшую территорию на волжском правобережье. Само ханство было ликвидировано, а его земли влились в Астраханскую губернию. Калмыки перешли под управление русских чиновников, хотя на низшем уровне сохранили самоуправление и традиционное деление на улусы, аймаки и хотоны. В течение XIX в. и эти рудименты самостоятельной жизни сошли на нет.

Ближайшими степными соседями башкир и калмыков были казахи. Вероятно, в XVI в. (при хане Хакк-Назаре) зародилось деление казахского народа на три жуза — территориальные объединения племен и родов. Старший (или Большой) жуз располагался на юго-востоке современного Казахстана, от южного Прибалхашья (так называемого Семиречья) до Сырдарьи; Средний жуз занимал пространство Центрального Казахстана; Младший (или Малый), очевидно, сформировался позднее других — на землях распавшейся к середине XVII в. Ногайской Орды. В 1718 г. умер последний общеказахский хан — Тауке. После него в каждом жузе правили собственные ханы.

Период конца XVII и начала XVIII в. в казахской истории отмечен драматическими обстоятельствами. Джунгары развернули агрессию против Казахстана. Множество народа погибло в сражениях, были утрачены богатые торговые города на Сырдарье. Массы кочевников отхлынули прочь, подальше от врагов — на запад, к реке Яик (Урал). Немноголюдные до того степи Младшего жуза наполнились народом,

дарству, но так как у русских нет священного учения, то все чувствовали к ним отвращение и в один голос говорили: „Чем нам жить на свете вот этак под неправовым ханом, так лучше хоть помереть в стране правового хана“» [Джамбадорджи, 2005, с. 146].

³⁹ Одно из последних исследований о причинах и обстоятельствах исхода калмыков (см. [Колесник, 2003, гл. 5, 6]).

а хан жуза Абу-л-Хайр обрел новых подданных. Они осваивали приуральские кочевья, иногда вступая в жестокие столкновения с новыми соседями — яицкими казаками, башкирами, калмыками (которых казахи считали подвластными царю), а также с русскими властями. Перед казахскими правителями стояла задача срочно наладить отношения с Российской империей, чтобы, во-первых, погасить эти конфликты; во-вторых, обеспечить тыл (а может быть, и получить помощь) в войнах против джунгар; в-третьих, обрести возможность легального проникновения на колоссальный российский внутренний рынок, чтобы поставлять туда продукцию скотоводческого хозяйства. Кроме того, Абу-л-Хайру была нужна дополнительная поддержка в междоусобной борьбе с казахской аристократией. Так сами обстоятельства, логика исторической ситуации⁴⁰ заставили Абу-л-Хайра завязать активные политические контакты с Россией.

В феврале 1731 г. императрица Анна Иоанновна подписала жалованную грамоту о принятии Младшего жуза в подданство; в октябре знатный жуз высказалась в поддержку инициативы своего предводителя. К 1740 г. завершился официальный переход в российское подданство части Среднего жуза⁴¹.

Как сами казахи представляли себе свое пребывание под «протекцией ее императорского величества»? В октябре 1731 г. послы Абу-л-Хайра изложили точку зрения на этот счет: хан желает перейти в российское подданство на тех же условиях, что и башкиры, т.е. служить государыне и платить ей ясак; он обещал вернуть всех полоненных российских подданных, находящихся в его владениях; царица же должна оберегать казахов от обид и разорения со стороны подвластных ей народов, а со своей стороны содействовать освобождению казахского полона из пограничных русских городов и башкирских волостей [Ерофеева, 1999, с. 191, 330, 331]. Как видим, условия были вполне традиционными для отношений правительства со степными народами и в общем соответствовали пунктам шертей XVII в., т.е. соглашениям о протекторате с объявлением взаимных обязательств.

Казахи действительно воспринимали начавшиеся отношения с империей более всего как военный и политический союз — взаимовыгодный и потому добровольный [Абуев, 2002, с. 42; Быков, 2003, с. 68]. Подобно башкирам, казахи подчеркивали и ценили эту добровольность, тем более что первоначально, при жизни Абу-л-Хайра, правительство

⁴⁰ Подробный анализ этой ситуации см. [Ерофеева, 1999, гл. III].

⁴¹ В течение следующих ста лет в российское подданство постепенно перешли оставшаяся часть Среднего жуза и Старший жуз. Самая южная часть Казахстана находилась в сфере влияния Кокандского ханства, и российские войска присоединили ее к империи лишь в середине XIX в.

даже не требовало с Младшего жуза ясака и абсолютно не вмешивалось в дела внутреннего управления⁴². Абу-л-Хайр однажды заявил, что если откочится в дальние степи, к городу Туркестану, то русские власти не смогут заставить его вернуться, ведь он «пошел в подданство не из-под сабли»; а его сын и преемник Нурали-хан не пускал в Оренбург среднеазиатских купцов, дабы заставить правительство выполнить его просьбы, так как Младший жуз, по его словам, принял подданство «не из принуждения, но по добровольному своему желанию» [Сабырханов, 1965, с. 67]. Примечательно, что в обращении Абу-л-Хайра к Анне Иоанновне формулировка русского перевода «будем вашими подданными» соответствует тюркской фразе *сизининг йарлигиниз бирле ил булгаймиз*; как подметил Т.И. Султанов, смысл передан адекватно, однако буквальное значение — «будем пребывать под вашим повелением» [Кляшторный, Султанов, 2004, с. 300], что вовсе не подразумевает стремления перейти под полную и безраздельную власть царицы⁴³.

Взгляды казахской элиты на подданство во многом были сходны с изложенными нами выше трактовками башкир и калмыков, что объяснялось похожими условиями экономического и политического бытия. В преданиях о событиях XVIII в. отразилось стремление к тесному союзу с Россией — но скорее как с могучим и равноправным соседом, а не с метрополией, посягающей на исконные кочевья [Кляшторный, Султанов, 2004, с. 300; Смирнова, 1951, с. 31]⁴⁴. Однако к тому времени башкиры уже довольно долго находились в составе России и на некоторые статусные моменты смотрели не как подобало независимымномадам. Башкирская легенда рассказывает о начальнике (*турэ*) Исянгуле, который стал убеждать казахов предоставлять солдат для воинской службы царю. При этом он ссылался на пример своего народа: «Мы служим в солдатах у белого царя, и вы тоже держите под своей властью реку Яик, будьте на ней хозяевами, отдавайте своих джигитов в солдаты». Казахские бии отвергли затею напрочь: «Ой-бой, гоните этого иштыка (т.е. башкира. — В.Т.), он хочет наших сыновей превратить в русских!» Уходя, Исянгул пригрозил: «Если не будете поставлять солдат, вас выгонят с Урала (Яика. — В.Т.)» [Башкирские,

⁴² Полную автономию новых российских подданных иллюстрирует случай, происшедший в 1747 г., когда 25 семей кундровских (астраханских) татар бежали к «киргизкайсакам», чтобы избавиться от принудительного переселения в Среднее Поволжье [Ислаев, 2001, с. 123]. Казахи, как видим, воспринимались как довольно условные подданные, среди которых можно было укрыться от властей.

⁴³ Ж.Б. Кундакбаева весьма удачно, на мой взгляд, обозначила данную ситуацию как «подданныческая ориентация» [Кундакбаева, 2005, с. 279].

⁴⁴ В такой же ипостаси расценивается в фольклоре и Китай.

1985, с. 68]. Здесь в устах башкирского турэ поставка солдат царю есть благо, служба означает признание права быть хозяевами на своей земле, а отказ от службы влечет изгнание из родных мест; казахи же, еще не адаптировавшиеся к внутриимперским порядкам, рассуждают, что служба в русском войске означает утрату изначальных этнокультурных признаков, русификацию⁴⁵.

Своеобразная интерпретация подданства кочевниками сказывалась на военном напряжении в приграничных местностях. При этом набеги, угон скота и пленных вовсе не обязательно проистекали из недовольства верховной властью, которая якобы не обеспечивала защиту покровительствуемым [Сабырханов, 1965, с. 68] (хотя при отказе от подданства враждебность к прежнему сюзерену выглядела оправданной и не осуждалась). Гораздо более существенной причиной была относительная слабость институтов традиционной власти у казахов. Их предводители зачастую не имели средств, чтобы воспрепятствовать соплеменникам нападать на поселения русских и башкир (см., например: [Лебедев, 1936, с. 212; Радлов, 1989, с. 248 — ссылка на А.И.Левшина]). Казахи же пока не видели в последних соотечественников, с которыми непременно следовало жить в добрососедстве.

Еще одним проявлением кочевнического понимания своего положения относительно старшего государя служило наведение связей с другими монархами. Здесь сказывались как экономические интересы (возможность торговли, расположение пастбищных угодий), так и убежденность в праве поддерживать союзнические альянсы сразу с несколькими правителями — иногда враждебными друг другу. Следует учитывать и значительную удаленность от России, и несовершенство коммуникаций, отчего Средний жуз в этом отношении был более активен, чем Младший.

Ханы Среднего жуза Абу-л-Мухаммед (Абулмамбет), затем Аблай на протяжении почти всего своего правления лавировали между тремя ведущими политическими силами тогдашней Восточной Евразии — Россией, Джунгарией и Цинской империей. *Tenuous equilibrium* — назвала эту политику М.Олкотт [Olcott, 1987, с. 41]. В Петербург направлялись заверения в верности, которую обязывались «во всю жизнь... непоколебимо хранить и повелеваемые... службы вашего императорского величества со всяким тщанием отправлять» (цит. по [Под стягом, 1992,

⁴⁵ Следует учесть, что в середине XVIII в. правительство находило достаточным для своих военных целей привлекать калмыцкую и башкирскую конницу, обходясь без участия казахов. Когда ряд старшин Младшего жуза в 1742 г. изъявили желание участвовать в военной службе, от Коллегии иностранных дел последовал отказ: «...киргиз-кайсацких ханов в службу Е.И.В. требовать за благо не рассуждается» [Кундакбаева, 2005, с. 49, 50].

с. 385 — письмо Аблая Екатерине II от 1762 г. по случаю ее поцарения)); оттуда шло ежегодное жалованье, в Оренбурге содержались заложники-аманаты. Со ставкой-ургой джунгарского хана-хунтайджи шел обмен посольствами, велись переговоры о выплате налогов (*алмана*) и выдаче аманатов. Позднее начались контакты с Пекином.

Джунгарские нашествия глубоко потрясли Казахстан. Очередную военную кампанию джунгары провели в 1741–1742 гг. [История, 1957б, с. 241]. Опустошительные войны и поражения вынуждали казахов искать мирного сотрудничества с грозным восточным соседом. Хунтайджи Галдан-Церен потребовал признать зависимость от него, т.е. прислать знатных заложников и выплатить символическую дань — 1 корсака со 100 дворов. Весной 1742 г. большинство участников съезда султанов и старшин Младшего и Среднего жузов приговорило принять эти условия: «Мы... с калмыки (здесь — джунгары. — В.Т.) довольно привыкли, и что... калмыки просят, то надобно отдать». Присутствовавший на съезде Абу-л-Хайр, взбешенный, обозвал чрезмерно покладистых соотечественников дураками и заявил, что будет советовать с оренбургским наместником И.И.Неплюевым.

В августе тот же вопрос обсуждался на переговорах в шатре Абу-л-Хайра между местными аристократами и джунгарскими послами, но уже в присутствии Неплюева. Последний объяснил ойратскому эмиссару, что не может быть и речи о самостоятельных договорах двух жузов с третьими странами (и тем более об аманатах), поскольку они состоят в «подданстве ее императорского величества». Джунгары отреагировали на этот отпор спокойно и в общем согласились с доводами русского чиновника. Они лишь предупредили его, что «киргис-кайсацкой народ непостоянной, и на обнадеживаниях их утвердиться весьма невозможно; они де подобны шелудивому волку, которой, бегая по степи, ищет таких мест, где огни раскладываны, чтоб шелуду свои очесать; тако де и киргисцы на обе стороны, то есть России и зюнгорскому владельцу льстят, а в самом деле ничего от них, кроме воровства, ожидать не должно» [Ерофеева, 1999, с. 248; Рычков, 1896, с. 63, 64].

Что же касается Среднего жуза, то Абу-л-Мухаммед и Аблай все-таки направили своих родственников в ургу; несколько раз был собран алман (от чего Абу-л-Хайр неизменно отказывался).

Некоторые историки, видя здесь только тактические уловки, не признают эти акты «юридическими», т.е. официальными признаками подчиненности жуза Джунгарии: реальная власть хунтайджи на казахских кочевьях не распространялась, в заложниках сидели всего два человека, мизерный алман представлял собой, по существу, подарки джунгарскому правителю [Ерофеева, 1999, с. 248; Рычков, 1896, с. 63, 64]. Однако сопоставив эти «неюридические» параметры с нормами тогдашних

казахско-российских отношений, мы увидим, что разница здесь очень небольшая. Единственная существенная отличительная деталь: не заключалось никакого письменного договора о подданстве или покровительстве между Аблаем и Галдан-Цереном. Но ведь это было и не обязательно! Алман и аманаты вполне демонстрировали *формальное* подчинение ханов Среднего жуза хунтайджи, а это, как мы уже неоднократно убеждались, вовсе не предполагало распространения реальной власти джунгар на казахские кочевья⁴⁶. В конце концов при Елизавете Абу-л-Хайр даже ясак не платил, но при этом русские считали его несомненным подданным царицы. Таким образом, по крайней мере для второй четверти XVIII в. можно говорить о двойном, джунгаро-российском подданстве Среднего жуза.

Маньчжуро-китайские войска, в 1750-х годах разгромившие и уничтожившие Джунгарское ханство, вышли к границам Казахстана. Казахи столкнулись с необходимостью налаживать контакты с Цинами. Те выстраивали свою политику в соответствии с традиционными приемами китайской дипломатии по отношению к «варварам». Среди прочего эти приемы включали «устрашение военной мощью» (*шэ и бин вэй*) и «мягкое отношение к дальним» (*жюу юань*), т.е. оделение богатыми дарами и пышными титулами [Хафизова, 1975, с. 181, 182]. Оба метода пекинский двор пытался применять в Среднем и Младшем жузах, причем давались не только китайские аристократические звания, но и полноценная инвеститура (в 1771 г. император Цяньлун провозгласил ханом Аблая, а через десять лет Хан-ходжу [История, 1957б, с. 265]⁴⁷). Велась также психологическая обработка населения путем пропаганды этнического родства китайцев и казахов [Хафизова, 1974, с. 194–197].

В соответствии с синоцентристской картиной мира и внешней политикой цинский двор автоматически зачислял в сонм своих вассалов любых правителей, чьи послы являлись в Пекин и вручали богдыхану обязательные по протоколу дары (это понималось как выплата дани «варварами»). Неоднократно посещавшие цинскую столицу посольства от казахских ханов⁴⁸ тоже вписывались в эту своеобразную геополитическую схему как представители «данников» Китая. Однако ни-

⁴⁶ В 1742 г. в ургу Галдан-Церена приехал в качестве аманата сын хана Абу-л-Мухаммеда. На гневный вопрос хунтайджи, почему не присланы заложники от всех родов, казахский батыр Малай-Сары отвечал: «У нас и в Россию со всех родов аманаты не требуют, а ты... хочешь быть выше Российского государства». Галдан-Церен внял этому доводу и снял свои требования [Моисеев, 1991, с. 126].

⁴⁷ Хан-ходжу Петербург не признал, и преемником Аблая там был объявлен султан Вали.

⁴⁸ Об этих посольствах см., например: [Андреев, 1998, с. 43–45; Прошлое, 1935, с. 245–249].

какой реальной власти на территории жузов Цины не имели, да, похоже, и не хотели. Отношения с бывшими противниками джунгар для маньчжуро-китайской дипломатии стояли на одном уровне с формальным вассалитетом царств Таиланда, Вьетнама и др. [Гуревич, 1979, с. 176]. Соответственно и никаких конкретных обязанностей перед Пекином казахи не несли (и тоже не хотели). Как объяснял посланец Аблая в Оренбурге в 1759 г., его патрон ссылается с богдыханом единственно с целью «быть с ним в миру», а «чтоб в подданстве у него быть, о том де не токмо делом, но и в помышлении того не имел и иметь не будет» (цит. по [Гуревич, 1979, с. 177]).

Как видим, и здесь категория подданства достаточно легко применяется казахским представителем без акцента на реальное содержание такого рода отношений. Условное признание приоритета джунгарских, затем китайских монархов сочеталось с точно таким же признанием в адрес *белого царя*⁴⁹. Действительно ощутимое подданство могло наступить лишь после того, как одна из этих сил распространит власть своей администрации на территорию жузов. Как известно, эта роль выпала Российской империи.

Административное «освоение» Казахстана происходило медленно и постепенно и в целом выходит за хронологические рамки нашей книги. Укажем лишь, что реакция на все более заметное присутствие здесь империи оказалась ожидаемой и уже знакомой нам на примере башкир и калмыков — таких же, как и казахи, кочевников с присущими им свободными взглядами на статус и обязанности подданных. Мы видели, что в среде этих народов нарастало возмущение, которое выливалось в многократные восстания на Южном Урале и «торгоутский побег» 1771 г. Особое беспокойство властей вызывал призрак исламской солидарности, пропагандируемой османской агентурой среди мусульман — подданных Российской империи в период екатерининских войн с Турцией. В 1790 г. новоназначенный оренбургский муфтий Мухамеджан Хусайнов объехал казахские степи с целью убедить местных «старшин» в том, что «пребывать в подданстве всероссийском», даже если ныне Россия воюет с магометанской державой, «магометанскому закону не противно». В отчетах он уверял, будто его со-

⁴⁹ Абу-л-Хайр просил Елизавету Петровну отпустить своего сына Ходжа-Ахмеда из оренбургского аманатства, ссылаясь на обращение к нему казахских аристократов, которое он передавал так: «Эй, хан, журты (т.е. юрты; здесь — государства. — В.Т.), равные нам, как то: верхние калмыки — Галдан-Чирин (т.е. джунгары. — В.Т.), шуршуты-китайцы, персияне стали народами [равноправными] не тем, что отдали сына своего хана; мы же были благожелательнее их всех, и мы были искренним народом в государстве милостивой государыни» (цит. по [Ерофеева, 1999, с. 274]). Следовательно, при признании своего пребывания в елизаветинской империи элита Младшего жуза считала его положение одинаковым со статусом несомненно независимых государств.

беседники вняли внушению, «что сим бытием в верноподданстве выполняется, а не нарушается закон» веры [Ряжев, 2004, с. 53].

В Казахстане заметное выступление произошло только в конце XVIII в., когда поднялись жители Младшего жуза. Их предводитель Срым Дат-улы выдвинул обвинения оренбургскому генерал-губернатору: «Обманом желаете управлять народом... точный ваш обман и ухищрения видны, что вы нас оными хотите довести так же, как ногайцев и башкирцев: поспешить обуздать и наложить службу... и разные тягости хотите на нас возложить. Каковы все ваши намерения, мы поняли!» (цит. по [История, 1979, с. 124])⁵⁰. Эти «намерения» осуществлялись в общегосударственной политике по установлению единых норм подданства, и массовое выступление казахов смогло немного задержать, но не остановить этот процесс.

—

К концу XVI в. на огромном пространстве между Уральскими горами и Тихим океаном проживало множество разноразличных племен и народов⁵¹. В основном это были малочисленные этносы, к тому же селившиеся очень рассеянно. На площади 110 млн. кв. км насчитывалось приблизительно 200–220 тыс. человек. Относительно плотным население было на юге, в зоне кочевых степей, более редким — севернее, в тайге, и совсем малолюдной была тундра на побережье Ледовитого океана. Сибирские аборигены различались не только языками и культурой, но и уровнем экономического и социального развития.

Знакомство русских с жителями зауральских просторов началось с XI–XII вв., когда новгородцы искали места, богатые пушниной. В составе Новгородской земли появилась Югорская волость, а через Уральский хребет («Камень») пролег Печерский путь, по которому дружинники ходили собирать ясак с самоедов. В течение XV в. к Уралу все ближе придвигались границы Московского государства. Постепенно в Приуралье появлялись русские городки, селились крестьяне. Изобиловавшая пушниной Сибирь привлекала внимание политиков в Москве. Между вогульской знатью и московским правительством начались переговоры о налаживании взаимоотношений. Русские воеводы совершили несколько походов в Северо-Западную Сибирь. Проник-

⁵⁰ Впрочем, еще в 1755 г. русскому толмачу, представлявшему оренбургские власти, было сказано на аудиенции у Аблая: «Пора... вас за Волгу прогнать по-прежнему» (цит. по [Чулошников, 1940, с. 77]).

⁵¹ Эта часть главы (с. 170–174) основана на материалах написанного мной раздела «Сибирь» в коллективной монографии [Национальные, 1998, с. 58–117]. Там же приведены ссылки на источники и литературу.

повение туда России сопровождалось политическими комбинациями ее в отношении Сибирского ханства. В 1582 г. оно было разгромлено и завоевано казачьим отрядом Ермака и присоединено к Московскому государству. Вслед за казаками за Урал пришли царские воеводы с военными отрядами, и началась великая эпопея «освоения» Сибири.

В Сибирь стали переселяться русские люди. Они обосновывались в новых городах и острогах — небольших деревянных крепостях. Как правило, их ставили на высоких обрывистых, удобных для обороны местах, в гуще ясачного аборигенного населения. До конца XVII в. в Сибири возникло полторы сотни таких населенных пунктов. Двадцать наиболее крупных из них стали местными административными центрами: Тюмень, Тобольск, Пелым, Березов, Сургут, Тара, Надым, Верхотурье, Туринск, Мангазея, Томск, Кетск, Кузнецк, Енисейск, Красноярск, Илимск, Якутск, Нерчинск, Иркутск, Албазин. В городах сосредоточивались все важнейшие государственные функции — военные, административные, фискальные, транспортные, торговые, церковные.

Главным богатством Сибири в те времена оставалась «мягкая рухлядь» — пушнина. Кроме охоты на пушного зверя русские сибиряки занялись промыслом и другой дичи, а также ловлей рыбы, которой кишели здешние реки. Добыча рыбы была тем более важна при постоянном «бесхлебье», ведь сельскохозяйственные угодья расширялись очень медленно и тяжело, хлеба было мало (он завозился «из Руси»), и рыба во многом его заменяла, становилась основной пищей. Несмотря на обилие дичи и рыбы, документы о жизни первых переселенцев часто рассказывают о голоде в городках и острогах: ведь требовалось время, чтобы приобрести навыки в охоте и рыболовстве на новых землях. Без помощи коренных жителей пришельцы не смогли бы справиться с этими трудностями.

Контакты русского населения с местным в целом проходили довольно мирно, исключая разве что самый начальный период объясачивания и редкие выступления против засилья уездного мздоимствующего чиновничества. Совместную жизнь русских и аборигенов облегчали гибкость и многоукладность российской экономики, крестьянский характер колонизации, охранительная политика правительства по отношению к плательщикам ясака. Однако не следует представлять отношения пришельцев с аборигенами как постоянное дружелюбное сотрудничество. Если обратиться не к официальным русским документам XVII в. (донесениям воевод и казацких начальников), а к исторической памяти сибирских народов, отраженной в фольклоре, то картина получится менее благостной.

В самом начале проникновения в Сибирь государственная администрация игнорировала традиционное деление местных народов, за исключением нескольких княжеств бассейна Оби. Когда вновь построенные города, остроги и зимовья становились центрами уездов, то в одном уезде могло оказаться несколько родов, а какой-нибудь род мог быть расчленен между несколькими уездами. Но, столкнувшись с проблемой рациональной организации ясачных выплат, правительство решило оставлять в неприкосновенности старые родоплеменные единицы. Они стали теперь ясачными волостями, т.е. чисто административными округами; их границы совпадали с расселением родов и племен. По мере приведения к шерти все новых народов Сибирь покрывалась сетью таких волостей. Там, где население оказывалось слишком редким и не имело более или менее постоянной оседлости, его не объединяли в волости, а приписывали к ближайшему русскому населенному пункту.

Достаточно прочные и лояльные к правительству группы коренного населения считали за лучшее сохранить в неизменном виде. В Западной Сибири хантыйские владения и княжеские династии долгое время существовали после вхождения в состав России: у кодских хантов — до 1640-х годов, у обдорских — до второй половины XIX в. Приалтайские тюрки-кочевники Томского и Кузнецкого уездов по-прежнему делились на улусы, а туринские манси — на традиционные сотни во главе с наследственными сотниками.

После присяги сибирских аборигенов на подданство России и их согласия на выплату ясака правительство крайне неохотно допускало какие-либо насильственные меры. Царскими указами создавался определенный правовой режим для таежного охотника — поставщика драгоценных мехов в государственную казну. пытки, а тем более смертную казнь по отношению к ясачному населению дозволялось применять только по специальному высочайшему разрешению. Безусловно запрещался *правеж* (битье палками) недоимщиков — в отличие от русских подданных. Озабоченное сохранением количества налогоплательщиков, правительство наложило запрет и на вывоз ясачных невольников из Сибири даже в том случае, если туземец из-за разорения и безысходности сам шел в кабалу (тогда наказанию подвергались как добровольный невольник, так и его хозяин). Во избежание разорения ясачных в местах их проживания не должны были распространяться азартные игры, вино, табак; до выплаты пушной подати запрещалась частная торговля. Русский суд строго оберегал «вотчинные» угодья охотничьих племен, которыми те пользовались еще до прихода Ермака. В некоторые районы Сибири доступ русским промышленникам вообще был закрыт. Ясачные освобождались от наиболее обремени-

сельных торговых пошлин. Там, где они могли подвергаться набегам враждебных народов (казахов, калмыков), воеводам вменялось в обязанность защищать их всеми силами.

Территория обитания коренных народов признавалась государственной (или царской) собственностью. Все мероприятия российской государственной власти по отношению к народам Сибири сводились к обеспечению бесперебойного и максимального поступления ясака. Это было основной обязанностью как для воевод, так и для служилых людей, которые регулярно собирали меха по «землицам», волостям, улусам и юртам. Поездки зачастую бывали долгими и дальними. Не имея над собой полноценного государственного контроля, местные власти нередко нарушали законы против дискриминации ясачных. Массовый характер приобрела практика «второго ясака» — сбора шкурок в пользу сибирской администрации и, разумеется, самих сборщиков. Случалось обращение ясачного населения в холопы. Росту злоупотреблений способствовало и то обстоятельство, что аборигены часто привлекали приказчиков, а иногда и восвод к разрешению конфликтов в своей среде, не довольствуясь нормами обычаев.

В отношениях с «ясачными» центральные и местные власти стремились опираться на местную патриархальную знать. Она не только сохраняла административные права по отношению к сородичам, но и отвечала за сбор и доставку пушнины. Родовые и племенные предводители были объявлены «князцами», «лучшими людьми» и наделены различными привилегиями как в качестве приманки, так и для демонстрации своего высокого ранга. Для упрощения ясачных расчетов воеводы и приказчики предпочитали иметь дело только с верхушкой аборигенов. Она была освобождена от ясака, а участие в его сборе резко усилило экономическую мощь и общественную роль родовых старейшин. Судебные прерогативы (решение споров с исками до двух рублей), формальное невмешательство государственных органов во внутреннюю жизнь волостей и опора воеводской администрации на местную знать позволили превратить ее в прочное звено управления народами Сибири.

В XVIII в. от политики невмешательства во внутреннюю жизнь сибирских аборигенов правительство начало переходить к юридическому определению их правового положения, к дальнейшей разработке их прав и обязанностей, к узакониванию власти и должностей местной элиты. Первым заметным государственным актом, касающимся народов Сибири, была «Инструкция», направленная в 1728 г. российским посланником в Пекине С.Владиславичем-Рагузинским «пограничным дозорщикам» Фирсову и Михалеву. Этот документ создавался для урегулирования отношений лишь с погра-

ническими племенами, но на него долгое время опиралась государственная администрация всей Сибири как на законное основание для решения проблем управления. «Инструкция» вменяла местным родоначальникам и племенной знати обязанность сбора ясака и право управления своими сородичами, суда над ними по маловажным делам (драки, кражи и т.п.); уголовные дела передавались в ведение уездных земских комиссаров. Ясачные плательщики теперь «прикреплялись» к определенным родам, и переходы из одного рода в другой запрещались. Относительно классического родового строя данная норма представляется в общем-то бессмысленной, ведь человек обычно был связан со своим родом всем образом жизни и уход в другой род мог быть следствием только каких-то исключительных обстоятельств. Но администрация не особенно вникала в структуру родового деления туземцев. При этом родами нередко объявлялись не реальные кровнородственные кланы, а группы расположенных по соседству стойбищ и кочевий. Вот эти-то так называемые административные роды и получили законодательное закрепление в «Инструкции» Владиславича-Рагузинского.

В отдаленных сибирских степях, тайге, тундре проявлялись отзвуки политики «просвещенного абсолютизма». Воспринимая Сибирь как колонию, «русскую Индию», Екатерина II стремилась цивилизовать ее по своему разумению. Манифестом 1763 г. ясачные народы объявлялись находящимися под монаршим покровительством, за оседлыми аборигенами закреплялись их земельные владения, снижалась норма ясака. Некоторым татарским и остяцким предводителям вручались патенты на дворянство, и представители их привлекались к работе в Уложенной комиссии. К разработке нового Уложения (кодекса законов империи) привлекались также бурятские князья-*нойоны* и якутские *тойоны*. Особую активность проявляла якутская знать. Тойоны с прошениями добивались до царского двора еще при Алексее Михайловиче. При Екатерине же они просили для себя пожалования в дворянство и позволения организовать подобие дворянского самоуправления под началом «областного головы».

Российский нобилитет воздержался от допуска в свои ряды «иноверческих» предводителей, но некоторое повышение статуса они все же получили. Южносибирские предводители-*зайсаны* были приравнены к майорскому чину и освобождены от податей и телесных наказаний. Некоторые западносибирские «князцы» получали императорские грамоты с подтверждением их прерогатив и становились «жалованными». Выборы «князцов» проводились на сходах (*сугланах*) во время привоза ясака при формальном невмешательстве местной русской администрации.

Продолжая исследовать, как народы смотрели на свое российское подданство, обратимся к населению степной и лесостепной зоны Южной Сибири. Как и башкиры, калмыки и казахи, жители этого региона являлись в основном кочевыми скотоводами. Речь идет о сибирских татарах, тюркских народах бассейна верхней Оби и верхнего Енисея (некоторых из них тоже обычно называли татарами), Алтая, а также о бурятах. Соответственно и воззрения на свои права и обязанности по отношению к вышестоящим властям у них были во многом сходные. Но имелось и заметное своеобразие, продиктованное политической ситуацией XVI–XVIII вв., а именно соседством и соперничеством нескольких государств: России, Джунгарии, ханства алтан-ханов в Монголии, Цинской империи. Нечто похожее мы наблюдали в Казахстане, но там казахская элита предпочитала лавировать между гегемонами региона. В Южной Сибири же распространилось так называемое *двоеданство* — выплата податей одновременно нескольким сюзеренам. В тех условиях это резонно трактовалось как двойное подданство — статус явно непостоянный, и окрестные монархи то и дело вступали в переговоры и конфликты по поводу своих исключительных прав на управление тем или иным родом, племенем, улусом⁵².

Сам факт налогообложения (иногда с выдачей аманатов) и постоянные контакты с представителями местной вышестоящей администрации еще до прихода русских означали, что население Южной Сибири было в общем знакомо с принципом государственного управления, было «встроено» в это управление. Кроме того, у некоторых народов имелись традиции собственной государственности. Поэтому политика русских воевод по распространению власти *белого царя* означала просто смену одного монарха-повелителя другим⁵³ — первоначально без ломки традиционных социальных и политических устоев. Анонимный автор бурятского сочинения «Краткое повествование о старинной истории Баргузина» (приблизительно начало XIX в.) констатирует, что, «учредив воеводскую канцелярию, русская администрация хотя и захватила бурят и эвенков, однако не превратила их в холопов, целиком подчиненных ее власти» [Румянцев, 1956, с. 38]. По объяснению Г.Н.Румянцева, здесь речь идет о невмешательстве во внутренние дела бурят и эвенков, за исключением ясака, наделения родов землей и раз-

⁵² Подобное двойное подданство было характерно также для феодального сюзеренитета на Руси XIV–XV вв. Как объясняет С.М.Каштанов, «по службе отъехавший становился вассалом нового сюзерена, в то время как по земле, оставшейся в пределах княжества, откуда он уехал, у него сохранялись связи с прежним сюзереном» [Каштанов, 1997, с. 226].

⁵³ В отношении бурят этот вывод сформулирован Е.М.Залкиндом [Залкинд, 1958, с. 19].

бора уголовных преступлений [Румянцев, 1956, с. 14, 67]. Статус подданных (*албата*) понимался бурятами лишь как нахождение в ведении (*мэдэлдэ*) царя [Варнавский и др.].

Кроме того, администрация учитывала реальный статус кочующих общин: основание города или острога еще не означало автоматического включения окрестной территории в состав Московского государства. Требовалось привести к шерти и объяснить окрестных жителей. Пока этого не происходило, те признавались независимыми. Как писал сибирский губернатор джунгарскому хунтайджи в 1714 г., «кочуют на тех землях и посторонние люди, но обиды его царское величество таким чинить не велит, для того что в тех местах пустота и поселения не было» [Памятники, 1885, с. 67].

Переход «под высокую руку» оформлялся шертными соглашениями, т.е. способом, уже апробированным русскими в отношениях с западными кочевниками. И здесь опять же следует различать формальное содержание договоров (из которого следует полное подчинение царю) и вполне самостоятельный статус присоединенных тюркских и бурятских объединений⁵⁴. Полагаю, что более всего положение южно-сибирских «князцов» XVII в. напоминало статус калмыцких тайшей второй половины того же столетия.

Как и повсюду, решение о покровительстве России принимались элитным слоем общества. «Князцы» и нойоны предпринимали этот шаг, только будучи уверенными в его выгоды, полезности для себя. В частности, их привлекала перспектива находиться под защитой воеводских гарнизонов и при этом сохранять свое верховенство над соплеменниками, а также зависимыми родами (*кыштымами*) [Бутанаев, Бутанаева, 2001, с. 220; Костров, 1884, с. 206; Окладников, 1937, с. 340, 341]. В самом деле, на первых порах русские не вмешивались во внутренние дела этих владений, оставляя в неприкосновенности

⁵⁴ В историографии делается акцент как на первом, так и на втором аспекте проблемы (см. [Уманский, 1980, с. 11]). А.П.Уманский убежден в условности подданства в XVII в., в союзническом, военно-политическом альянсе русских и исследованных им телеутов [Уманский, 1980, с. 17, 23]. Вместе с тем скрепленные договором условия могли восприниматься как гарантия их незыблемости. В хакасском историческом предании жена спрашивает Оджен-бега:

«Мой народ с глазами черемухи
Зачем ты передал казакам?
Если ты нас передал казакам, то
Закрепил ли наши права на бумаге...
Если ты нас передал урусам,
Закрепил ли ты наше положение в книге?
Если закрепил наши законы в книге, то
Пусть она никогда не истлеет»
[Бутанаев, Бутанаева, 2001, с. 89].

нормы управления. Более того, в награду за «добровольное присоединение» местным аристократам жаловались награды и иногда освобождение от ясачных выплат на несколько лет (см., например: [Костров, 1884, с. 206; Уманский, 1980, с. 66; Фольклор, 1938, с. 66]). Да и сама по себе обязанность платить ясак одному правителю, а не несколькими оказывалась, конечно, привлекательной не только для знати, но и для простонародья (см., например: [История, 1993, с. 173; Худяков Ю., 2003, с. 174]). Кроме того, учитывалась и возможность участвовать вместе с казаками и служилыми в походах на «немирных иноземцев» и обогащаться в них, или же, наоборот, заключение шерти предотвращало такие походы [Зуев, 2000а, с. 61]. Однако уже знакомая нам условность шертей сказывалась и в Южной Сибири. На ненадежность шертных обязательств влиял также укоренившийся институт двоеданства.

Очевидно, впервые с фактом и необходимостью делить свой сюзеренитет над коренными сибиряками еще с кем-то русские столкнулись в конце XVI в. после выхода в Барабинскую степь, к «тарским татарам». Их земли служили прибежищем свергнутому хану Кучуму, и некоторое время (до постройки Тары в 1594 г.) местное население платило одновременно пушной ясак в Тобольск и дань Кучуму [История, 1968а, с. 35; Миллер, 1999, с. 352]. Такой порядок сложился стихийно и действовал до окончательного разгрома хана в 1598 г.

Целенаправленное регулирование отношений с двоеданцами пришлось продумывать и налаживать, когда границы России приблизились к сфере влияния Джунгарии. И.Я.Златкин обнаружил, что инициатива и формулировка принципа двоеданства принадлежали джунгарскому правителю Батур-хунтайджи на переговорах с тобольским сыном боярским М.Ремезовым. 1 сентября 1640 г. хунтайджи предложил: «Будет... государь поволит с киргиз (енисейских. — В.Т.) и ныне имать ясак, и государь б с них ясак имать велел, а он... контайша, емлет с них свой ясак» [Златкин, 1983, с. 122, 123; Русско-монгольские, 1974, с. 208]. Данный принцип был распространен не только на кыргызов, но практически и на все население российско-джунгарского пограничья: шорцев, кумандинцев, тубаларов, телеутов, бельтиров и др. «Технология» двойного налогообложения заключалась в регулярных наездах сборщиков ясака (от русских) и алмана (от джунгар). Судя по алтайским материалам, как алман, так и ясак были фиксированными и не очень обременительными (чтобы не вызвать откочевку плательщиков)⁵⁵. Обе подати собирались пушшиной, а алман еще и ре-

⁵⁵ Впрочем, по поводу тяжести алмана есть разные мнения. Н.С.Модоров считает, что приезжавшие с юга сборщики «отнимали у алтайца почти все, что можно было отнять» [Модоров, 1996, с. 117]. Очевидно, следует различать установленную норму налогообложения и произвол алманных сборщиков. Похожая коллизия повсеместно наблюдалась и в действиях русских сборщиков ясака.

месленными железными изделиями [Потапов, 1972, с. 55; Самаев, 1991, с. 86]. С.В.Бахрушин назвал такой порядок «своеобразным синойкизмом» [Бахрушин, 1955д, с. 50].

Русская сторона согласилась с самим алгоритмом двойного сбора дани, но практически оказалось очень непросто определить, какие роды и общины считать бесспорно подданными царя или хунтайджи, а какие — в совместном данничестве. Сразу начались интриги, переманивание «князцов», взаимные обвинения в нарушении договоренностей. К тому же русские и джунгары ревниво следили за военными успехами и неудачами друг друга. Обстоятельства сложились так, что Джунгарское ханство тратило много сил и ресурсов на противостояние с цинским Китаем. Пользуясь отвлечением ойратских войск на жестокую борьбу с Цинами, русские иногда препятствовали сбору алмана [Самаев, 1991, с. 76–78]. Но чаще отношения складывались в целом мирные из-за обоюдного нежелания доводить дело до крупного военного конфликта, а также малочисленности русских гарнизонов. Притязания джунгарских правителей на сбор алмана признавались Россией в тех местностях, о которых было известно, что эта практика ведется ойратами «с давних пор» [Миллер, 2000, с. 112; Модоров, 1996, с. 128]⁵⁶. Радикальных попыток изменить ситуацию известно не много. Самой заметной из них, видимо, было насильственное переселение (угон) в Джунгарию в 1703 г. улусов с верхнего Енисея (см., например: [История, 1993, с. 194]).

Выплата податей сразу нескольким правителям, конечно, не позволяла считать двоedanцев чьими-то подданными безраздельно. Джунгарский алман долго не давал провинциальной администрации Московского государства и Российской империи чувствовать себя полновластными хозяевами в Южной Сибири. Ведь телеутские «князцы», например, в конце XVII в. отказывались шертовать царю без дозволения хунтайджи (отчего в их шертях не содержалось требование обязательного «холопства»), а торжественно объявившие о своем переходе «под высокую руку» *белого царя* иногда продолжали выплачивать алман [Самаев, 1991, с. 58, 59; Уманский, 1980, гл. IV]. Лишь с падением Джунгарского ханства в середине XVIII в. «ясачно-алманная» эпопея и сотрудничество/соперничество двух государств завершились.

В Красноярском уезде русские оказались вынужденными делить право на сбор податей с монголами алтан-хана. «Киргизы двоedanцы в Россию и в Мугалы» обладали теми же особенностями статуса, что и описанные выше русско-джунгарские данники. Попытки красноярских управленцев запретить платить подати монголам и воспрепятствовать наездам сборщиков из-за Саян чаще бывали успешными, но

⁵⁶ В конце XVII в. Джунгарское ханство усилило свое присутствие в Хакасско-Минусинской котловине, образовав там особое наместничество [История, 1993, с. 157, 193, 194].

иногда все же наталкивались на возражения монгольских властителей, козырявших исконной зависимостью от них местных тюрков. Как заявил казачьему пятидесятнику Р.Кольцову монгольский сановник в 1657 г., «какая де земля вашего государя, земля... извеку наша. А кыргызы... и тубинцы, и алатырцы, и керетцы, и с кыштымами — вечные наши кыштымы, а не вашего государя». А в ответ на приказ Кольцова убираться из Хакасии взорвался: «Так... из избы выживают собаку: вон де вон, а я... пришел собою на свою землю и сойду собою». Но при этом, как ни странно, не возражал против ясака русским: «А которые... кыштымы государю дают ясак, и мы... их, тех кыштымов, не унимаем государю вашему ясак давать» [Русско-монгольские, 1996, с. 27].

Здесь наглядно проявилось различие в подходах русской и монгольской сторон к трактовке подданства. Если первая смотрела на ясак как на неперемный атрибут монопольного управления данной группой населения, то вторая вовсе не считала определяющим признаком подданства право взимать подати и готова была разделить доходы с пришлыми воеводами (но, может быть, до тех пор, пока это не наносило ущерба алтын-ханской казне).

Сложный клубок социальных и политических противоречий в Южной Сибири породил не только двосданство, но и трое- и даже многосданство. Так, енисейские кыргызы на протяжении XVII в. были обложены налогами со стороны русских, джунгар и монголов (джунгарам еще и отправляли аманатов); в первой половине XVII в. северные алтайцы выплачивали дань России, Джунгарии, алтан-ханам и енисейским кыргызам, да к тому же являлись кыштымами теленгитских «князцов», которым тоже приходилось отправлять алман [Бахрушин, 1955а, с. 192; История, 1993, с. 156, 157; Миллер, 2000, с. 427, 428; Самаев, 1991, с. 58, 59]. Ясно, что в этих условиях местные народы приветствовали появление мощной централизованной силы, которая была способна защитить их от алчных претендентов на доходы — пусть даже ценой установления в перспективе жесткого подданства.

В результате маньчжуро-китайской экспансии в Джунгарии и Монголии была установлена власть династии Цин. К новым правителям частично перешли и даннические прерогативы в Южной Сибири. Это касалось главным образом некоторых теленгитских отоков, которые одновременно являлись ясачными плательщиками и номинально были приписаны к провинции Кобдо-Улясутай в Цинской империи. Последнее проявлялось в символическом пожаловании маньчжурских и монгольских титулов с соответствующими регалиями и в алмане пуш-ниной; на военную службу теленгиты Цинами не призывались. Такое положение сохранялось до середины XIX в., когда Китай отступился от этого региона и алтайцы стали только российскими налогопла-

тельщиками и подданными [Гуревич, 1979, с. 130; Потапов, 1953, с. 182; Радлов, 1989, с. 127; Самаев, 1991, с. 162, 163].

В XVII–XVIII вв. нередко случалось, что «присягнувшие» роды откочевывали прочь от русских крепостей, отказывались от выплат или прятались от ясачных сборщиков; порой платежи прекращались на десятилетия (см., например: [Долгих, 1960, с. 106, 107; История, 1968а, с. 38; Самаев, 1991, с. 64; Фольклор, 1938, с. 66]). Соседство Джунгарии, государства алтан-ханов и Цинской империи объективно ограничивало свободу переселения кочевников, недовольных своей жизнью в России, за ее пределы. Оказывалось, что в других местах положение могло сложиться еще хуже. Поэтому теоретически право откочевки сохранялось в обычном праве и обыденном сознании, но реализовывалось только в самых крайних случаях — при злоупотреблениях и подчеркнуто пренебрежительном отношении. А после заключения между Россией и Китаем договоров о пограничном разграничении это стало еще более затруднительным.

Населяя родовые земли в тайге и тундре, занимаясь охотой и разведением оленей, ведя полностью независимое существование, народы более северных районов Сибири долго и тяжело встраивались в систему российской государственности. Сама организация их социальной жизни не предусматривала какого-либо подчинения верховному правителю. Невозможно было понять, почему род должен платить ясак далекому и неведомому *белому царю*, посылать русским начальникам заложников. Здесь мы видим радикальное отличие от всех рассмотренных выше регионов. Народы Поволжья, Южной Сибири и Центральной Азии ко времени вхождения в состав России уже имели исторический опыт государственности — своей или чужой. Следовательно, для них принцип подчинения вышестоящей вне- и надродовой административной структуре был не нов⁵⁷. Такого опыта не имела значительная часть населения Северо-Западной Сибири и все население Восточной (вплоть до Тихого океана), которое в XVI–XVII вв. находилось на догосударственной стадии социального развития.

⁵⁷ С.В.Бахрушин отметил, что в тех землях, что некогда подвергались монголо-тюркским завоеваниям, русская власть использовала местные традиции ясачного обложения; в той части Сибири, которая не состояла некогда в Монгольской империи и татарских ханствах, обясачивание проходило с большими трудностями [Бахрушин, 1955д, с. 52, 62]. Л.И.Шерстова распространяет идею подобного ордынского заимствования русскими властями также на практику шертования и аманатства [Шерстова, 2005, с. 23]. Соглашаясь в принципе с этим тезисом, все же уточним, что речь следует вести скорее всего о поздней («послетохтамышевской») Золотой Орде, а также, как и у С.В.Бахрушина, о наследных татарских ханствах.

В историографии уже неоднократно высказывалась эта важнейшая, по моему мнению, мысль о непонимании (или, выразимся осторожнее, абсолютно различном понимании) местными жителями самого явления государственной власти⁵⁸. Наиболее развернутые и обоснованные формулировки на этот счет мне встретились в работах Е.В.Вершинина [Вершинин, 1998, с. 68] и А.С.Зуева [Зуев, 2000а, с. 61, 62; Зуев, 2002б, с. 150–152, 158]. Последний обратил внимание на любопытный документ, уникальный тем, что в нем излагается взгляд аборигенов на русское «освоение Сибири» (как правило, землепроходцы не считали нужным записывать речи аборигенов). Это челобитная М.Стадухина с изложением аргументов, которые привели «иноземцы» (в данном случае — юкагиры), отказываясь платить ясак: «Как де вы с нас ясаку прошаете, а земля та наша, а владеем де мы, а вас де мы и на берег не выпустим... Пошто де вы в нашу землю пришли, а у нас де вы, не спрашивая, острог ставите... Какой де вам с нас ясақ, мы де землицею владеем издеса, а мы де вам издеса... не дадим ясақ...» Здесь же цитируются слова юкагирского предводителя: «И ясаку вам государева не дам, потому что де то земля наша и люди те мои» (цит. по [Зуев, 2002б, с. 151])⁵⁹. А.С.Зуев высказал предположение (к которому я целиком присоединяюсь), будто аборигены первоначально воспринимали казаков и служилых как случайно забредших представителей какого-то неведомого племени.

Таким образом, представители *белого царя* были вынуждены не только налаживать отношения с независимыми племенами, но и склонять их к выполнению функций российских подданных-налогоплательщиков. Удавалось это, разумеется, не везде и не сразу. Лучшим выходом было убедить в пользе или выгоде сотрудничества с русскими, когда за ясак аборигены получали защиту и помощь против враждебных соседей. При этом партнеры русских по переговорам в любой момент могли передумать, насторожиться, озлобиться из-за чрезмерных запросов ясачных сборщиков и т.п. Тогда все договоренности рушились и все приходилось начинать сначала. Чиновники склонны были объяснять столь необязательное отношение к соглашениям «азиатским непостоянством», «лукавством», «древней легкомысленностью» (см., например: [Колониальная, 1935, с. 95, 183]). В действительности

⁵⁸ Наглядная иллюстрация из 1641 г.: якутский воевода П.П.Головин решил провести перепись ясачных плательщиков. Тойоны предупредили его, что возможно сопротивление, так как якуты не понимают «русского обычая» [Иванов, 1994, с. 92]. В данном случае под «обычаем» следует подразумевать нормы управления и в целом государственной жизни.

⁵⁹ С.В.Бахрушин привел похожую реакцию «курильских мужиков-езовитян» на требование ясака служилыми в 1711 г.: «...что де мы здесь живучи, ясаку платить никому не знаем, и преж де сего с нас ясаку никто не бирывал» [Бахрушин, 1955д, с. 62].

же дело заключалось в разных, порой противоположных взглядах на предмет и смысл договоров.

Например, институт шерти, столь активно применявшийся и успешно зарекомендовавший себя в южных степях, давал сбой в северной тайге и тундре. Не помогали ни придуманные русскими функционерами вычурные обряды принесения присяги с использованием языческой символики, ни попытки опираться на авторитет обычаев и традиционной знати. Изучив межэтнические отношения в Северо-Западной Сибири того периода, Н.А.Миненко пришла к важному заключению касательно самоедов (ненцев), но ее вывод можно распространить и на многих других коренных сибиряков. По нормам тамошнего обычного права присяга расценивалась как унижающий человеческое достоинство поступок и применялась в качестве наказания преступников. Столь же обычными были нарушения клятв, а наказания за это обычаями не предусматривалось: считалось, что сам факт приведения к присяге (неважно, искренней или ложной) служит своего рода публичной казнью. «Русские власти, — пишет Н.А.Миненко, — исходя из иных представлений о сущности присяги, заставляли „шертовать“ (давать присягу) сибирские народы, не зная, что тем самым подвергают их беспричинному наказанию» [Миненко, 1975, с. 214, 215].

То же и с ясаком. Как правило, сначала удавалось убедить туземцев сдавать пушнину в обмен на подарки (обычно ремесленные изделия), причем не оговаривая числа и качества шкурок. Это был так называемый *вольный*, или *неокладной*, *ясак*, который, в сущности, сводился к меновой торговле — добровольной и посильной со стороны аборигенов. Если же воеводы и прочие начальники пытались установить норму (оклад) платежа, то это грозило возмущением и угрозой для жизни сборщиков *окладного ясака*. Данные коллизии хорошо известны и многократно описаны в литературе (см., например: [Бахрушин, 1955д, с. 62, 84 и сл.; Зуев, 2000а, с. 63; История, 1968а, с. 129; Никитин, 1998, с. 33, 34; Степанов, 1973, с. 108]).

Заложничество также не оправдывало своей задуманной функции гарантировать лояльность к властям и аккуратность ясачных выплат («те земли новые и дикие, без аманатов их топерво взять негде» — грамота 1635 г. (цит. по [Миллер, 2005, с. 227])). Особенности социального развития многих восточносибирских народов не позволяли рассчитывать на преданность соплеменников своим аманатам, заинтересованность в сохранении их жизней. Представители одной мелкой родовой общины, взятые воеводой «в заклад», не имели никакой ценности в глазах других общин. Ясачные сборщики докладывали о тунгусах (эвенках), что платежи исправно поступают лишь в том случае, если «аманат добр», т.е. имеет высокий статус в общине; «а если ама-

нат худ, и за того аманата и его не вся родня платит» (цит. по [История, 1957в, с. 100])⁶⁰. Якуты, чукчи и коряки, случалось, бросали своих заложников на произвол судьбы [Башарин, 2003, с. 224; Зуев, 2002б, с. 63, 73; История, 1957в, с. 64; Троцкий, 1936, с. XIII]. Кроме того, постоянно возникали сложности с содержанием аманатов, которых нужно было кормить (а те могли и взбунтоваться из-за голода).

Драматические стороны сибирского аманатства ярко проявились в событиях 1731 г., когда чукотские предводители Чимкаиган и Копенкин, явившись к капитану Д.Палуцкому, предложили себя в аманаты. Оба клялись, что после этого их родичи начнут платить ясак. Офицер согласился. Однако вскоре выяснилось, что плательщики «по камням и сопкам разбежались» и ничего платить не собираются. Не вынеся унижения, Копенкин покончил с собой, а Чимкаиган упрямился Палуцкого резать его, «потому что как дети, так и родники его за ним не пошли» [Зуев, 2001].

Традиционная элита якутов (тойоны) довольно рано смогла установить взаимовыгодные отношения с русской администрацией и взять на себя контроль за своевременным и полным сбором ясака. Поэтому к 1660-м годам аманатов от якутов брать перестали (хотя в воеводские наказы до 1697 г. продолжало включаться соответствующее требование), а в 1769 г. эту практику отменили официально [История, 1957в, с. 64; Токарев, 1945, с. 282].

Стоит ли доказывать, что и категория подданства являлась настолько абстрактной, что не воспринималась адекватно коренными сибиряками? Юкагирское предание о приходе русских описывает «вхождение в состав России» следующим образом. Русский начальник спросил старейшину: «В мои люди пойдешь?» Тот отвечает: «Пойду — ты меня не обижай». — «Не обижу». — «Если обижать не будешь, пойду» [Иохельсон, 1900, с. 82]. Начальник наверняка доложил «наверх» о принятии в подданство очередных «немирных иноземцев», хотя те и не подозревали, частью какой колоссальной державы стали, поскольку согласились всего лишь быть «людьми» одного русского пришельца.

При подобном понимании подданства едва ли могла заходить речь о его прекращении. Злоупотребления при ясачном сборе, притеснения со стороны властей, захваты угодий вызывали протест среди народов Восточной Сибири не против государства в целом, а против несовершенных порядков в нем и против начальства, олицетворявшего эти порядки. Французский посол Л.Сегюр, рассказывая об Уложенной комиссии Екатерины II, привел выступление «выборных от самоедов»: «Мы люди простые, — сказали они, — мы проводим жизнь, пася оле-

⁶⁰ То же было присуще юкагирам [История, 1957в, с. 107].

ней; мы не нуждаемся в Уложении. Установите только законы для наших русских соседей и наших начальников, чтобы они не могли нас притеснять; тогда мы будем довольны и больше нам ничего не нужно» (цит. по [Акишин, 1994, с. 123]).

Что касается коренного населения Западной Сибири, то здесь картина сложнее. Опыт собственной государственности позволял татарам и уграм более адекватно воспринимать свой статус подданных. Зачисление многих представителей этих народов в сословие служилых еще более политизировало их сознание. Судя по отрывочным сведениям, у них складывалось довольно неоднозначное представление о своем положении в составе царства/империи. С одной стороны, они уже идентифицировали себя как россиян, как обязанных подчиняться царю. И в 1600 г. в ответ на обвинения в грабежах башкир тюменские служилые татары отвечали так, как и надлежало, чтобы отвести подозрения: «А нам... как сделать, что башкирцов воевать: все... мы люди государевы» [Миллер, 2000, с. 187]. С другой стороны, в этих местах пристально следили за политическим состоянием державы и оценивали свои перспективы в соответствии с изменениями в этом состоянии. Мятёжные антироссийские настроения проявились в Зауралье во время Смуты начала XVII в. [Миллер, 2000, с. 246, 261]. И именно здесь, на территории бывшего Сибирского юрта, на протяжении десятилетий тлела идея альтернативного подданства Кучумовичам, возрождения самостоятельного государства, «как было при царе Кучуме, пока в России нет царя» (см., например: [Бахрушин, 1955б, с. 136, 137; Бахрушин, 1955г, с. 174; Дополнения, 1848, с. 302; Устюгов, 1947, с. 64; Файзрахманов, 2002, с. 258, 259]).

Относительно жителей более восточных регионов (не учитываем здесь южносибирских тюрков и бурят, о которых говорилось выше) мне известен единственный случай поиска альтернативы, когда в 1666 г. охотские звенки планировали истребить русских поселенцев и, призвав к себе «богдойских людей» (т.е. представителей богдыхана), выплачивать ясак Цинам [Дополнения, 1855, с. 69]. Обитавшие в отдалении от всех границ могли лишь удалиться в недоступную глушь и тем избежать контакта с властями. В 1889 г. у одного из притоков Колымы член Географического общества В.Карзин обнаружил неизвестные роды якутов, «уклонявшиеся от благ подданства Российского государства» [Никифоров, 1994, с. 97].

—

Северный Кавказ, строго говоря, не должен присутствовать в этой книге, так как в рассматриваемый период XVI–XVIII вв. большая его часть не входила в состав Российского государства. Официальные ос-

нования для распространения юрисдикции России на этот регион появляются, очевидно, лишь в конце XVIII в., после Кючук-Кайнарджийского и Ясского русско-турецких договоров, а реальная власть империи устанавливается здесь только в следующем столетии. Более ранние даты, в том числе служившие и продолжающие служить поводом для торжественных юбилеев «добровольного присоединения», представляются мне неосновательными. Соответственно и ведущая роль России в исторических судьбах местных народов становится ощутимой не ранее этого периода. Иллюстрацией такого утверждения может послужить фольклор горцев. В исторических песнях, сложенных здесь, Россия и русские фигурируют в основном в связи с событиями XIX в., самым заметным из которых была Кавказская война (см., например: [Ахлаков, 1981, с. 144–151; Халидова, 1992, с. 193–243]).

Вместе с тем активные политические связи между кавказскими правителями и российским правительством начались с середины XVI столетия, нередко оформлялись шертями и сопровождалась заверениями в «холопстве». Поэтому мы кратко остановимся на ситуации в крае — но лишь затем, чтобы показать, насколько условными и зыбкими оказывались в те времена представления о подданстве, покровительстве, сюзеренитете и т.п. Собственно, выше мы уже неоднократно убеждались, какими серьезными оговорками следует сопровождать «подданство», декларируемое на основании шертных договоров. Двухсотлетняя эпопея многократного шертования кабардинских, дагестанских и прочих владетелей русским царям подтверждает эту особенность международных отношений позднего Средневековья.

Кавказоведы, разумеется, давно определили ее, и большинство авторов отнюдь не склонны буквально воспринимать заключавшиеся тогда соглашения как обращение в подданство «белому царю». Их резонно интерпретируют как результат временного совпадения интересов местной правящей элиты и российских властей, как свидетельство политического союза, направленного против третьих сил — соседних держав, боровшихся за Кавказ (см., например: [Магомедов, Магомедов, 1994, с. 174; Сотавов, 1991, с. 179]). Лавирование между Сефевидами, Османами, Гиреями и Рюриковичами (затем Романовыми) часто составляло основу внешнеполитической деятельности местных правителей. Итогом такого лавирования являлось периодически возникавшее «общее холопство» — признание подчиненности одновременно русскому царю и персидскому шаху [История, 1988, с. 343; Кушева, 1963, с. 326; Очерки, 1957а, с. 135, 136], что имеет некоторую аналогию с двоедандством в Южной Сибири⁶¹.

⁶¹ См. также выше, примеч. 6.

В середине XVI в., одновременно с завоеванием Иваном IV Казанского и Астраханского ханств и выходом Московского государства к Каспию, устанавливаются дружественные связи Москвы с некоторыми адыгскими правителями. В 1552, 1555, 1557 гг. к Ивану Грозному приезжали посольства из Кабарды и от западных (закубанских) адыгов с просьбой о принятии их в подданство, о помощи против экспансии крымских ханов и в борьбе против казикумухского шамхала. Посольства были встречены благосклонно, кабардинцы — «учинены в холопстве», царь даже женился на кабардинской княжне. Но о присоединении северокавказских территорий к России в середине XVI в. говорить не приходится: слишком отдалены были пока русские рубежи. Это оказалось лишь началом сближения. Причем если Кабарда с тех пор находилась в целом под российским влиянием, то закубанские адыги через несколько лет (в 1562 г.) признали сюзеренитет крымского хана и османского султана [Дзамихов, 2001, с. 86–89], что надолго прервало их связи с Россией. Показательно, что в Москве расценили неоднократно переговоры с горцами как основание для причисления их к подвластным царю народам, и в большой царский титул была добавлена формула «Кабардинские земли, черкасских и горских князей» (государь). Однако тогда же черкесы стали фигурировать и в крымском титуле: «Великой Орды, Кипчакской степи и Крымского юрта хан, множества татар и бесчисленных ногаев и черкесов повелитель» (см., например: [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 14, л. 16; Лашков, 1891, с. 35])⁶².

«Учинение в холопстве» при Иване IV означало внешнеполитическую ориентацию на Московское государство, и не более. И историков не должны обманывать уверения кабардинских князей в XVIII в., будто «отцы и деды наши из древних лет состояли в подданстве е. и. в. и служили во всех случаях верно, за что и получали денежное жалованье» [Под стягом, 1992, с. 170]. Заметно, что «подданство» трактовалось как личные обязательства князей перед царем, персональная служба ему, за что и шло персональное же жалованье. Действительно, князья Черкасские, как осевшие в России, так и вернувшиеся на родину, в Кабарду, были верной опорой трона и причислялись русскими к высокородной аристократии. Но никакого реального воздействия на внутрикабардинские дела российское правительство на протяжении двух столетий не имело. Здесь можно вести речь даже не об автономии, а скорее лишь о номинальном признании иерархического старшинства *белого царя* над местными князьями. О «холопстве» вспоминали только в тех случаях, когда требовалась помощь государя или

⁶² Позднее выражения могли варьировать, например: «...кабардинских и горских черкесов правой и левой стороны» [Мальбахов, 2002, с. 227].

воевод во внутренних междоусобных распрях или против ближних и дальних противников⁶³.

Призрачность такого «подданства» проявлялась в провале попыток московского двора поставить в первой половине XVII в. общекабардинского старшего князя, а также в периодически обновляемых шертях (этого не требовалось бы от подлинных «холопов»).

Право смены сюзерена действовало среди «черкасских» князей в форме возможности выбора (впрочем, редко реализуемого) между Москвой и Бахчисараем. Жалование оказывалось здесь существенным стимулом. Как писал Михаилу Федоровичу князь Алегуко Шегануков, сравнивая свои доходы с поступлениями из Москвы в адрес политических оппонентов — князей из враждебной группировки, «только вы, государь, учнете их жаловать лутче нас, и мы будем в холопстве мусульманскому государю» [Кабардино-русские, 1957, т. 1, с. 181].

В XVIII в. развернулось открытое военное противостояние России и Турции (вместе с Крымом), и кабардинцам довелось неоднократно выбирать между двумя гегемонами региона. Приходилось объявлять о верности то одной, то другой стороне, иногда ссылаясь на непреодолимые обстоятельства: «Ныне русские сильны калмыками, для того мы к ним и перешли... А ежели вы (турки и крымцы. — *В.Т.*) будете сильны против них, то и мы будем ваши» (цит. по [История, 1988, с. 429]). Впрочем, явно нарастающая военная мощь Российской империи все более побуждала адыгских властителей ориентироваться на Север. Чувствуя благожелательное отношение России, решались и на дерзкие ответы падишахам, и на отказ им в военной помощи и солидарности. Некоторые призывали русских чиновников для арбитража в запутанных межкняжеских раздорах и соглашались давать аманатов (см., например: [Бронеvский, 1996, с. 48; Кабардино-русские, 1957, т. 2, с. 27, 127; Мальбахов, 2002, с. 236, 279]).

Надо сказать, что и в Петербурге не преувеличивали степень покорности Кабарды, вовсе не считая ее частью империи. Учитывая ее авторитет и силу, на эту страну смотрели прежде всего как на орудие геополитического действия, т.е. как на традиционно лояльную, но внешнюю силу: «Как безызвестно, что под защищением России, да и в зависимости живущие горские народы во всем следуют Великой Кабарде, то нужно, кажется, привести ныне Кабарду в такое состояние, чтоб впредь, а особливо в продолжение нынешней войны (русско-турецкой, 1768–1774 гг. — *В.Т.*), можно было некоторым образом ее принудить ко всему, что нам угодно и потребно, и чтоб для переду не надобно было опасаться каких-либо с ее стороны хлопот и беспо-

⁶³ Подтверждающие этот тезис источники см. [Кабардино-русские, 1957, т. 1, с. 254, 255; Русско-чеченские, 1997, с. 116].

койств на границах» (цит. по [Мальбахов, 2002, с. 310]). Ясно, что относительно собственных губерний правительство таких дипломатических комбинаций не строило. До истинного российского подданства кабардинцев было еще далеко.

Среди владений на территории Дагестана наиболее могущественным и влиятельным в позднем Средневековье являлось шамхальство. Казикумухские шамхалы, столкнувшись с соседством сильных русских воевод (в Астрахани и Терском городке), стремились определить свою линию поведения по отношению к новому северному соседу. Как и в других регионах, начался обмен посольствами, зазвучали заверения в миролюбии, стали заключаться шерти. И так же, как везде, в конце XVI — первой половине XVII в. шертные договоры лишь обозначали иерархическое соотношение царя и шамхала, но вовсе не подданство Москве. Особенностью геополитического положения Дагестана и шамхальства были постоянные притязания со стороны Турции и Персии. Отсюда знакомая нам политика лавирования. Хотя шамхал и объявил воеводе А.Хворостинину в 1589 г., будто «хочет он быть под государевой рукою», на самом деле было известно, что он «не хочет служить ни турецкому, ни московскому, а хочет жити о себе» (цит. по [История, 1988, с. 341]). В окрестных государствах давно поняли эти устремления казикумухского правителя и не особенно полагались на его обещания союзнической верности. В то же самое время в русской столице принимали шахского гонца, который констатировал на переговорах: «...шевкалской князь манит на все стороны: шаху манит, чтоб за него стоял, а с турским ссылаецца ж, а государю также манит; а верить ему ни в чом не мочно» [Белокуров, 1889, с. 563].

К выстраиванию дипломатических комбинаций с Московским государством шамхалов побуждало и то обстоятельство, что попытки русских утвердиться в северо-западном Прикаспии военным путем не увенчались успехом (после похода на Тарки 1604–1605 гг. вооруженные силы не использовались здесь Россией в течение 118 лет). В отношениях между Россией и шамхальством воцарился мир, но вероятность новых вторжений сохранялась. И постоянные дружелюбные декларации в адрес царя служили средством предотвратить такое развитие событий [Умаханов, 1973, с. 136, 137; История, 2004, с. 405, 406] наряду со стремлением получить и сохранить привилегии при торговле с Россией. Подобная дипломатия была присуща и другим дагестанским владельцам — аварским нуцалам и кайтагским уцмиям.

Порой приходилось проявлять чудеса изворотливости, чтобы доказывать свою лояльность одновременно и Москве, и Исфахану. На протяжении первой половины XVII в. неоднократно складывалась ситуация, когда в борьбе за главенство дагестанские князья обращались за

помощью то к одной, то к другой стороне, а во время военных походов умудрялись выступать на стороне персидских войск, но при этом наносить минимальный ущерб российским владениям и союзникам (см., например: [Умаханов, 1973, с. 186, 187])⁶⁴. Известно, что на одной стороне шамхаловой печати имелась надпись, обозначающая персидское «подданство», а на другой — российское [Гаджиев, 1965, с. 85]⁶⁵.

Несколько более отстраненно держались предводители Кайтага. В слишком тесные отношения с великими державами они не вступали, более всего цenia свою независимость. Если шамхалы в целом держались пророссийской ориентации и иногда даже получали формальную инвестиру из Москвы [История, 1988, с. 345], то уцмий через несколько лет после объявления о намерении быть «под... царскою высокою рукою в вековом холопстве» могли заявить о принципиальной невозможности этого: «А мусульманом у хрестьянского государя как в холопех быть, они холопи... шаховы» [Русско-дагестанские, 1958, с. 95, 174].

Как справедливо замечает М.-С.К.Умаханов, ни вхождения Дагестана в состав России, ни присоединения к ней в XVII в. не произошло, как не было и официальных решений на этот счет со стороны московского правительства [История, 2004, с. 407]. В целом периодическое обновление шертей и русско-иранское «общее холопство» показывают, что договоры носили конъюнктурный и преходящий характер, а население северокавказских владений не состояло тогда в российском подданстве.

В XVIII в. действия держав в крае активизировались, но местная элита не изменила проверенной тактике лавирования — разве что пришлось больше учитывать еще и османский фактор. Наряду с традиционным иранским присутствием становятся заметными притязания Стамбула, и получалось так, что горский правитель мог одновременно получить титулы от султана и шаха, жалованье — от шаха и императора (см., например: [Махмуд, 1997, с. 78]). До Персидского похода Петра I 1722 г. российское правительство рассматривало Дагестан как сферу интересов Ирана. Это подтверждалось постоянным и щедрым шахским жалованьем шамхалам и уцмьям [История, 1967а, с. 341]. Поскольку нас интересует проблема подданства, то можно с уверенностью утверждать, что Дагестан не считали тогда частью Российского государства. Астраханский губернатор А.П.Волынский писал царю

⁶⁴ Шамхал Сурхай в обращении к Алексею Михайловичу подчеркивает, что во время похода шаха Аббаса II на русский Сунженский городок в 1652 г. ни одному русскому пленному «и носа не окровили и... здорово выпустили», хотя весь полон «мочно было побить».

⁶⁵ Терские воеводы однажды получили грамоту с уверениями в преданности царю, но скрепленную печатью с текстом: «Шаха Аббаса холоп Сурхай шевкал» (в тогдашнем русском переводе) [Магомедов, Магомедов, 1994, с. 174], — то ли умышленно демонстративно, то ли по недосмотру.

в 1719 г.: «Кумыцкой народ, хотя и под персидскою протекциею, однако ж... ежели приложить труд, то будет доброжелательнее к стороне е. ц. в. ...» [Русско-дагестанские, 1988, с. 28]. Переговоры, заверения в верности, просьбы о покровительстве продолжались, как и в предыдущем столетии, но Петербург постоянно отказывался от установления своей власти над этой частью Кавказа из опасения ухудшить отношения с Ираном [Мамаев, 2001, с. 21, 24]. Только в начале XIX в., после блестящих военных побед, империя официально присоединила Дагестан.

Отношения народов Центрального Кавказа (вайнахов и осетин) с Россией вплоть до второй половины XVIII в. были эпизодическими и касались в основном торговли, экономических связей. В XVI–XVII вв. по наработанному шаблону заключались шерстные договоры с русскими воеводами и иногда с правительством, но, как и везде, они носили временный и необязательный характер, да и понимались сторонами по-разному⁶⁶. М.М.Блиев заметил, что чеченцы во избежание неукоснительного следования соглашениям не клялись именами своих языческих божеств, а использовали формулы христианских и мусульманских присяг. Это не означало, что чеченские делегации вступали в переговоры с намерением дать заведомо ложную «присягу»; просто вайнахские общинники находили для себя одинаково выгодными как договоры с русскими, так и набеги на них же [Блиев, 2004, с. 73, 81]. Конечно, ни о каком реальном подданстве Чечни и Ингушетии до окончания Кавказской войны говорить не приходится. Как передавал один иностранный наблюдатель, горцы, находящиеся «под властью русских», «лишь настолько являются их подданными, насколько клянутся подчиняться общим законам, не противоречащим как русской, так и собственной пользе» [Адыги, 1974, с. 177].

Столь же мало обязывающими оказывались неоднократные решения о принятии в «холопство» и шертования грузинских монархов, которым требовалась помощь в борьбе с вражескими нашествиями. Пребывание Грузии в составе Российской империи давно и правомерно отсчитывается с 1801 г.

Несмотря на относительный характер зависимости северокавказских владений от России в XVII и большей части XVIII в., русская администрация пыталась применять в крае приемы, отработанные во время присоединения восточных территорий. В частности, многократ-

⁶⁶ «Горцы рассматривали присягу России скорее как заключение союзного договора, позволявшего торговать в близлежащих русских поселениях, рассчитывать на защиту со стороны русских войск от внешних захватчиков, противостоять росту феодальной эксплуатации, но при сохранении полного внутреннего самоуправления. Российские власти воспринимали подданство как готовность горцев жить по законам империи, подчиняться распоряжениям администрации, отказываясь при этом от многих традиционных ценностей и норм» [Бегаулов, 2005, с. 28]; (см. о том же [Закриев, 2005, с. 21]).

но делались попытки насадить здесь аманатство. В Кизляре для заложников был выстроен специальный «двор» (где они порой содержались «не лутче невольников, без выпуску из крепости») [Бутков, 1869, с. 157, 268; Материалы, 1942, с. 68]. Предназначение содержавшихся под стражей заключалось в гарантиях лояльности и ненападения пришедших их правителей. Никаких ясных выплат в отличие от Сибири кавказские аманаты не обеспечивали. Местные владельцы быстро научились обходить обязательства, связанные с заложничеством. Достаточно распространенным явлением была присылка «в заклад» незнатных людей, одетых для отвода глаз в богатую одежду. Могли направить и побочных сыновей или братьев (как говорили грузинские послы про шамхала, «хотя он и сына даст в заклад или брата своего — и то ни во что: сынов у него много, что собак») [Акты, 1842, с. 160; Белокуров, 1889, с. 58; Бутков, 1869, с. 163]. Ясно, что судьба таких заложников князей не волновала и в действиях не стесняла.

Вместе с тем на здешних аманатов возлагалась другая функция, которая не была присуща их «коллегам» в Сибири. Они были призваны служить средством распространения российского влияния на родине. С этой целью императорскими указами предписывалось обучать заложников грамоте, «стараться искусным образом отвадить от варварских нравов, вселять людность и лучшее обхождение, и для того доводить их к частому обращению с русскими» [Бутков, 1869, с. 157, 268; История, 1959, с. 138]⁶⁷. Впрочем, понятно, что решающим фактором установления имперской власти на Кавказе стали не эти воспитательные мероприятия, а военные победы России.

Степная зона от нижней Волги до Дуная вплоть до победоносных войн России с османами в XVIII в. служила обиталищем казаков и кочевников (калмыков и ногаев). Утратив в первой трети XVII в. собственную государственность, ногаи рассеялись по южным степям, номинально превратившись по большей части в крымских подданных. Подвижный образ жизни, постоянные распри между родами, стремление к более комфортной и свободной жизни превращали их подданство в довольно условную категорию. Как писал в 1756 г. Екатерине II граф П.А.Румянцев о степняках, «народ привыкшей бродить и беспеч-

⁶⁷ Влияние просвещенного абсолютизма и века Просвещения сказалось на институте аманатства не только на Кавказе. Казахские заложники в XVIII в. также приобщались к российской культуре и впоследствии служили ее проводниками на родине [Кундакбаева, 2005, с. 59, 279]. В связи с долгими вооруженными конфликтами требование российскими властями аманатов как средства предотвращения мятежей сохранялось на Северном Кавказе еще в середине XIX в. [Скитский, 1999, с. 163].

но жить, идет туда, где он службы не служит и дани не дает... При первом наложении платежа или малейшей тягости открыты ему ворота и двери в Польшу или Турцию» (цит. по [Rustemeyer, 2002, с. 157])⁶⁸. Только после завоевания Крыма ногаи, уцелевшие в войнах и истребительных армейских операциях, вынуждены были признать свою принадлежность к империи.

Довольно своеобразные отношения установились в XVII в. между Москвой и донскими казаками. Они детально проанализированы Н.А.Мининковым. Казачество считало себя вправе занимать донские степи в силу «вольной заимки» — стихийного заселения в XVI в. В то же время оно признавало за московским царем прерогативы верховного собственника всех русских земель, в том числе и Подонья. Однако до подавления разинщины практически никакого вмешательства во внутренние дела Донского войска правительство не предпринимало. Формально право донцов жить в своих станицах и хуторах, пользоваться речными путями выглядело как государево земельное пожалование за военную службу по охране российского пограничья от турок и татар [Мининков, 1998, с. 292, 293, 321].

Н.А.Мининков видит здесь действие феодальной сюзеренно-вассальной системы отношений, хотя и не оформленных надлежащими присягами и инвеститурами [Мининков, 1998, с. 293, 320]⁶⁹. Такое объяснение возможно, хотя буквального пожалования земельных угодий Донскому войску все-таки не происходило. Скорее, по мере распространения власти и суверенитета Москвы на юг Дон постепенно менял свой статус по отношению к царю, превращаясь из собственника земли по праву «вольной заимки» в пользователя по праву пожалования. Приблизительно такую же трансформацию мы наблюдали в случае с башкирами в середине — второй половине XVI в.

Служба монарху рассматривалась как взаимный обмен услугами: казаки Москве — защиту, Москва им — пожалования. При такой трактовке связей с верховными русскими властями подданство выглядело очень абстрактно и нечетко, а патриотизм концентрировался в пределах родной станицы [Усенко, 1995, с. 52]⁷⁰. Недаром в этих краях сложились

⁶⁸ Цитируется по распечатке русского перевода доклада на конференции «История России XVI и XVII веков в перспективе ее регионов» (Институт восточноевропейской истории, Вена, 2003 г.).

⁶⁹ Кабарду и Башкирию XVI–XVII вв. Н.А.Мининков также считает не составными частями, а вассальными владениями Московского государства (на основании отсутствия воеводского управления, налогообложения, признания местной элитой себя не подданными, а вольными слугами царя).

⁷⁰ Б.Боук обосновал мнение, что государственная власть в XVII в. была не в состоянии навязывать свою волю казакам Дона. Их автономный статус проявлялся, в частности, в подведомственности отношений с Доном Посольскому приказу, и Донское войско

пословицу: «На Дону нет царя» [Усенко, 1995, с. 56]⁷¹. В целом казаки соблюдали политическую лояльность к правительству, что, впрочем, сочеталось с сильными антиниконианскими настроениями в пору церковного раскола и эпизодическими сравнениями крымского хана с московским царем (не в пользу последнего) [Мининков, 2004, с. 378, 379].

Когда казачество вошло в сословную структуру государства (донцы после поражения Булавина, уральцы — после поражения Пугачева), признание верховенства царя и подданства ему превратилось в органичную часть менталитета жителей донских берегов. Тем более что власть, как известно, начала формировать из казаков свою военно-служилую социальную опору.

Воссоединение с Украиной в 1654 г. детально проанализировано в историографии. Если отвлечься от политизированных оценок, сопровождавших это событие в советский период, то в целом мы увидим ту же картину, что и в других регионах: разное понимание подданства двумя сторонами. Москва видела в решениях Переяславской рады первый шаг к интеграции Украины в лоно Российского царства; она была объявлена государевой вотчиной, что продемонстрировало включение «Малые Руси» в царский титул. В соответствии же с украинской концепцией, порожденной долгим пребыванием страны в рамках польско-литовской государственности и общением со Степью, переяславские договоренности являли собой вид военного соглашения, которое возможно было расторгнуть и при сохранении самостоятельности гетманства [Каппелер, 2000, с. 52]; см. также [Plokhi, 2002, с. 425]. Данное соглашение отнюдь не означало беспрекословного повиновения и тем более полного подданства-«холопства». Украинские хронисты XVII–XVIII вв. ясно пишут о предполагавшемся первоначально союзно-протекторатном характере отношений с главной целью обрести могущественного покровителя в борьбе с поляками: «...Государу Царю и Великому Князю Алексею Михайловичу Московскому... благородный Зиновий Богдан Хмельницкий, гетман войск Запорозских, добровольно поддался под защиту и опеку, со всем малороссийским панством: Севером и Украиною, и целым Запорожем, со всеми козаками...» [Летопись, 1854, с. 319].

свободно сношались с соседними правителями, без посредничества русских властей. «Несмотря на тот факт, что казаки давали клятвы и называли себя подданными и даже холопами царя, обе стороны были автономны в своих действиях», — пишет американский исследователь (Восек, 2004, с. 393).

⁷¹ Ср. с цитировавшимся выше народным изречением, приведенным в «Тихом Доне» М.А.Шолохова: «Здравствуй, белый царь, в кременной Москве, а мы, казаки, — на Тихом Дону».

Б.Хмельницкий послал к царю «бежаючи разом з усією Україною, изо лежить обіруч Дніпра, з усім Запорозьким війском піти під його сильну протекцію при своїх давніх правах та вольностях» [Величко, 1991, т. 1, с. 136]; своим же соратникам он объявил после Переяславской рады: «...Мы прийшли з усім війском запорозьким і народом малоросійським у союз та під протекцію великого московського монарха...» [Величко, 1991, т. 1, с. 144].

В целом гетман представлял себе характер отношений с царем как вассалитет, подобный статусу Венгрии, Молдавии и Валахии в Османской империи (выплата дани и предоставление войск при полной свободе во внутренних делах): «...а будет де государь изволить, и гетман де и войско запорожское учнуть государю доход давать с войска запорожского против того же, как собирает турской салтан с Венгерской и с Мутьянской и с Волоской земли...» (цит. по [Кертес-Варга, 2001, с. 249])⁷². В известной степени аргументом в пользу такой трактовки может служить и намерение Хмельницкого перейти в подданство к султану, объявленное им через год после Переяславской рады, правда намерение чисто декларативное и продиктованное особенностями османской внешней политики (см. [Санин, 1987, с. 104, 255]).

Восточнославянское население Речи Посполитой, имевшее многовековой опыт государственной жизни, воспринимало присоединение к России лишь как смену верховного правителя без изменения прежнего социального и политического порядка. К тому же на смягчение противоречий и недовольства очень влияло единоверие с русскими [Каппелер, 2000, с. 8, 117]. Власти по большей части не разочаровывали социальную верхушку новых подданных, предоставляя им возможность влиться в ряды дворянства, гарантируя самоуправление, сохранение земельных владений и привилегий. Правда, уравнивание в статусе с русскими дворянами в XVII в. означало обязательное несение службы с *маетностей* (поместий), что никак не устраивало шляхту, привыкшую к безграничным правам и почти полному отсутствию обязанностей перед государством. Требование поместной службы заставляло шляхтичей ностальгировать по прежней королевской власти [Мальцев, 1974, с. 152 — описывается ситуация в Белоруссии]⁷³.

Украинские политики довольно скоро осознали, что пребывание в ранге российских подданных грозит в перспективе уменьшением «прав и вольностей». Московское правительство вовсе не рассматривало Украину как суверенного союзника и постепенно распространяло свои

⁷² По мнению Б.Н.Флори, здесь возможна и другая аналогия — вассальные Бранденбург и Литва в составе Речи Посполитой (см. [Санин, 1999, с. 133]).

⁷³ О противоречивом отношении к Московскому государству в Великом княжестве Литовском см. [Саганович, 2004].

прерогативы на новоприсоединенные земли. Это поняли и оценили в Варшаве сразу. В течение первых месяцев после воссоединения король Ян-Казимир разразился несколькими универсалами в весьма злобном тоне, в которых расценивал январские события в Переяславе как поражение Украины царем: «...Хмельницкий... в вечное мучительство к царю московскому под нестерпимое вольностям вашим запродав владение и тому же мучителю... присягати вас понужает...»; «...Хмельницкий... на остаток верные ваши через зраду в вечное тиранство Царю Московскому под нестерпимое вольностям вашим запродав панование, и тому же тирану над умысл и волю вашу присягать вас примушал...», и т.п. [Бантыш-Каменский, 1858, с. 50, 82–83]. В условиях, когда постоянно существовала ситуация выбора между Московским царством и Речью Посполитой, эти обстоятельства осложняли привыкание украинцев, и прежде всего их элиты, как к порядкам, установившимся в России, так и к своего рода внешнеполитическому эгоизму Москвы, все менее учитывавшей интересы своих новых подданных в отношениях с Речью Посполитой.

Ссылки на родство народов, единоверие и православную солидарность против «ляхов», столь популярные до Переяславской рады, продолжали звучать и теперь, но уже оказывались малодейственными в условиях разгоравшейся смуты и политических метаний шляхты и выглядели все более ритуальными, риторическими. Показательно в этом отношении изменение взглядов гетмана И.Брюховецкого. В своем манифесте к жителям Заднепровья 1663 г. он писал, убеждая их отказаться от сотрудничества с поляками и крымскими татарами: «В явной слепоте и обмане видимом пребываете... отступив от единого православного монарха дедичного российского, Русью будучи, уклоняетесь до иноверного, именем и верою не соглашающиеся обороны лятцкия» [Бантыш-Каменский, 1858, с. 126]. Но уже через пять лет в послании к Донскому войску он, возмущенный замирением русских с Яном-Казимиром, не жалел сарказма и обличительного пафоса против московской власти: «...сего времени те московские царики на нас, бедных, невинных, которые ему (царю. — *В.Т.*) были добровольно, без всякого насилия, поддалися, не для чего иного, токмо ведаючи его, православного царя, но бояр безбожная лукавая мучительская злоба усоветовала присвоить себе (нас. — *В.Т.*) в вечную кабалу и неволю» [Бантыш-Каменский, 1858, с. 185].

Как известно, аналогичная эволюция произошла во взглядах и политике другого, гораздо более известного гетмана — И.Мазепы. В 1708 г. в одном из писем он объяснял причины своего перехода на сторону шведов тем, что московские правители «нас, гетмана, егеря, старшину, полковников и увесь войска Запорожского начал враждовать».

ми своими прелестми хотят к рукам прибрати и в тиранскую свою неволю запроводитьи, имя войска Запорожского згладити, а козаков в драгонию и солдаты (в регулярную армию — драгуны и солдаты. — *В.Т.*) перевернути, народ... малороссийский вечно себе поработати» [Бантыш-Каменский, 1859, с. 174].

При всех этих сложностях адаптация жителей западных территорий к российскому подданству происходила гораздо легче, чем на востоке и юге. Однако та же Украина, например, на протяжении второй половины XVII — XVIII в. осознавалась местными жителями как особая страна, отличная от собственно России⁷⁴. Западным регионам предстоял еще долгий путь к выработке сначала полной лояльности, а затем и общеимперской идентичности. Екатерина II в инструкции генерал-прокурору А.А.Вяземскому делилась соображениями на этот счет. В частности, по ее мнению, Малороссию, Лифляндию, Финляндию и Смоленскую губернию (с многочисленным белорусским и еврейским населением) надлежало «легчайшими способами привести к тому, чтоб оне обрусели и перестали бы глядеть, как волки в лесу» (цит. по [Брикнер, 1991, с. 625]).

В позднем Средневековье по периметру границ России существовали политические образования, которые находились в разной степени зависимости от правительства. Панорама этих образований представлена в русской исторической песне XVII в. «Скопин-Шуйский»:

Кругом сильна царства Московского
Литва отлегла со все четыре стороны,
А с нею и сила — сорочина долгополая,
И те черкасы пятигорские,
Еще ли калмыки с татарами, со башкирцами,
Еще чукши с олукторами

[Исторические песни, 1966, с. 48].

Здесь последовательно перечислены Украина и Белоруссия (Великое княжество Литовское), Северный Кавказ, Поволжье, Южный Урал, Сибирь. Этот стихотворный перечень отразил ситуацию первой половины XVII в. В нем названы народы, которые можно считать реально входившими в то время в состав России (татары, башкиры); явно не

⁷⁴ В анонимном «Кратком описании Малороссии» XVIII в. рассказывается о событиях 1675 г., когда князь Г.Г.Ромодановский и гетман И.Самойлович «перегнали в Россию» население Корсуни [Летопись, 1878, с. 280]. Столь же долго сохранялись в Сибири обозначения для Европейской России: «на Русь», «из Руси» и т.п.

входившие (украинцы); находившиеся с Москвой в разного рода договорных и вассальных отношениях (калмыки, «черкасы» — горцы Северного Кавказа, формально «объясаченные» племена Северо-Восточной Сибири); не упомянуты жители севера Восточной Европы — коми, карелы, саамы. В целом перед нами скорее не этническая карта государства, а панорама геополитических притязаний правительства первых Романовых.

Столь же условно-претенциозная картина предстает в речи переводчика и дипломата А.И.Тевкелева к знати казахского Младшего жуза в 1731 г.: «В подданстве России находятся... самовластные цари и ханы, и князья: перво — царь грузинский, второй — хан калмыцкий, третий — Аликулк-хан мунгальский, четвертый — Усмей-хан калпацкой, самовластные же князья кабардинские, кумыцкие, терские, баргунские, аксайские» (цит. по [Кундакбаева, 2005, с. 61]).

Население названных местностей имело совершенно разные государственно-политические традиции, исходя из которых и воспринимало свое подчинение России и подданство ее правителю. Сходным и повсеместным было противоречие между правительственной и «аборигенной» трактовками зависимости от Центра, в чем мы могли убедиться при рассмотрении каждого региона.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Материалы, привлеченные для анализа понятия *белый царь*, позволяют сделать вывод о его общекультурном распространении. Связано это, скорее всего, с сакрализацией белого цвета, который уже в архаичных культурах стал соотноситься с верховной властью и ее носителями. Мы убедились, что белизна одинаково почиталась у народов, принадлежащих к самым разным культурно-историческим традициям. Те из них, что жили на территории России, восприняли интерпретацию монархического правления как белого от двух евразийских империй — Монгольской и Российской — и, скорее всего, от доминировавших в этих империях народов — монголов и русских. Рудименты монгольского «следа» оказались со временем почти полностью вытеснены из народной памяти в результате российской экспансии в Евразии.

Среди жителей Российского государства получил распространение образ *белого царя*, который зародился в восточнославянской языческой среде и сохранился в русской традиционной политической культуре после принятия христианства. По мере расширения влияния и границ России своеобразный культ «великого государя», распространенный у русских, накладывался на местные традиционно-политические установки. Точкой соприкосновения для них объективно служил священный белый цвет как маркер верховной власти — символ, привычный и знакомый как для русских, так и для их партнеров по строительству полиэтнической державы¹.

Образ царя в восприятии народов России XV–XVIII вв. являлся умоглядной конструкцией, мифологемой, в которой соединялись действительные исторические обстоятельства, традиционные представле-

¹ И.Л.Алексеев и А.В.Коротаев относят образ *белого царя* к сфере «неисламской этнической мифологии» и видят в нем средство эффективного управления мусульманским населением в России [Алексеев, Коротаев]. На основании известных мне источников не могу ограничить область функционирования этого образа только дихотомией «исламский/неисламский» (равно как и «христианский/нехристианский»). Представляется, что диапазон его бытования все-таки был шире религиозных границ.

ния о верховной власти и связанные с ней надежды и опасения. Место царя в мире нередко воспринималось в тех же понятийных категориях, что и образы древних и современных правителей, которые (образы) выполняли роль архетипов в системе традиционных представлений о монархии у многих народов Евразии XV–XVIII вв. В рамках изменения культурно-исторической традиции, которое совершалось под давлением исторических обстоятельств [Куббель, 1985, с. 25], происходило перенесение представлений о прежних правителях на *белого царя*. Выпавшая участь существовать под эгидой российской монархии диктовала встраивание системы новой власти в привычную систему представлений о верховном правлении и государственности.

Среди огромного конгломерата народов, каковым являлась империя к концу XVIII в., не было и не могло быть единства в понимании и восприятии символов и установок государственности. В различных регионах царили разные представления о подданстве и роли верховной власти. Очевидно, можно предположить здесь стадийные закономерности. Ю.И.Семенов предложил любопытную градацию языков, используя критерий ментальности: существуют языки археоментальные (присущие первобытности), палеоментальные (в доиндустриальных цивилизациях) и неоментальные; понятия, связанные с цивилизацией, модернизированным обществом невыразимы на археоментальных языках и нуждаются в адаптации для палеоментальных [Семенов, 1998, с. 29, 30]. Думаю, этой схемой можно проиллюстрировать и расхождения в трактовках подданства у жителей Российского государства изучаемого периода. Категории, разработанные столичными политиками, безболезненно усваивались на западе государства (Польша, Украина, Прибалтика) — здесь видится аналогия с неоментальной языковой средой, хотя сама Россия до петровских реформ находилась, пожалуй, на палеоментальной стадии; адаптировались к местным традициям и ментальности, принимая причудливо-архаичные формы, на востоке (Поволжье, Урал, Западная и Южная Сибирь, Казахстан, Крым) — аналогия взаимодействия неоментальности с археоментальностью; внедрялись силой как абсолютное новшество в зонах отсутствия традиций государственности (Восточная Сибирь и отчасти Дальний Восток) — аналогия взаимодействия неоментальности с палеоментальностью.

В истории России на протяжении нескольких столетий заметны некоторые характерные особенности в сочетании, с одной стороны, правительственной административной практики и, с другой — политики в отношении нерусских народов («национальной политики»). Эти особенности были порождены рядом факторов, главнейшим из которых, очевидно, является этатизм. То есть «национальная политика» была

полностью подчинена интересам государства, осуществлялась в целях обеспечения государственной безопасности, как внутренней (сохранение стабильности и порядка), так и внешней. Кроме того, сказывалось и такое объективное обстоятельство, как чрезвычайно быстрый по историческим меркам территориальный рост Российской державы. Довольно скоро стало очевидным, что для полноценного управления колоссальным евразийским пространством по какому-то одному общепринятому алгоритму у правительства не хватает ни опыта, ни средств, ни кадров. Правящей бюрократии приходилось приспосабливаться к разнообразным местным условиям, чтобы удерживать под своей властью присоединенные народы и территории.

При слабости коммуникативных средств, удаленности от столицы, огромных расстояниях, слабой заселенности обширных пространств (особенно на востоке) адаптация присоединенных территорий к общегосударственным стандартам подданства и управления происходила медленно, постепенно и растянулась на полтора-два столетия.

Правительство первоначально не форсировало этот процесс, довольствуясь формальными признаками подчинения и лояльности. Политика по отношению к народам на окраинах диктовалась почти исключительно необходимостью обеспечить исправные налоговые платежи и внешнее послушание властям. Начало радикальных перемен историки справедливо связывают с петровскими реформами, когда необходимость в мобилизации ресурсов для победы в Северной войне, административное и экономическое освоение окраин начало обретать более интенсивный характер. Империя в ходе модернизации стала утрачивать средневековые, патриархальные нормы отношений между царем и «иноверными» подданными. Происходило это не только в результате целенаправленной политики, но и объективно, в ходе совершенствования административного механизма, расселения русских по окраинам, социального и культурного межэтнического взаимодействия, постепенного формирования новой идентичности у присоединенных народов. Проявившись в XVIII в. на уровне тенденции, эти процессы становились все более заметными в следующем столетии.

Необходимость не только пользоваться правами и льготами, но и исполнять обязанности в качестве подданных, существовать в условиях действия жесткого управленческого механизма самодержавного государства оказалась непривычным, тяжким и труднопереносимым бременем для многих «иноверцев»². Тем не менее в России XV–XVIII вв. известны лишь единичные случаи сепаратистских выступлений, если

² Как выразился Г.И.Перетяткович, «они должны были приспособляться к московским порядкам, к которым в то время и своему было трудно привыкнуть, а не то что чужому» [Перетяткович, 1877, с. 268–269].

не учитывать периоды революционных кризисов. Все-таки в России сложилась особая цивилизационная структура (локальная цивилизация), которой присущи определенные алгоритмы взаимной адаптации множества народов и друг к другу, и к государству в целом (подробно см. [Российская, 2003]). Здесь сказались и огромные расстояния, и открытая, демократичная русская культура, и возможность обходить суровые законы, и традиционная установка правящих кругов на сотрудничество с этническими элитами, и многое другое. Все это сплачивало полиэтническую систему, придавало ей прочность, превращало в «непоколебимый столп» (как выразился казахский хан Абу-л-Хайр). Противоречивый образ России в представлениях ее народов отразил противоречия, присущие российской цивилизации.

Соприкосновение с Россией как с военно-политической силой и иным культурным пространством неизбежно порождало многоуровневый конфликт. Его проявления определены А.С.Зуевым на материалах Северо-Восточной Сибири и сводились к «конфликту культурно-психологических стереотипов»; «конфликту встречных действий» (т.е. взаимному насилию); «конфликту социально-политических институтов» (т.е. несоответствию административных систем); «этнополитическому конфликту» (вызванному включением русских в сложные межплеменные отношения); «конфликту материальных интересов» [Зуев, 2002б, с. 179–183; Зуев, 2005, с. 37–40]. С некоторыми оговорками эту градацию можно распространить на все остальные зоны межэтнического взаимодействия на территории России.

Полагаю, что названные разновидности конфликта должны восприниматься не как враждебный антагонизм, а как проявление объективного несовпадения этнокультурных парадигм. Суть этой ситуации хорошо сформулировал академик В.Н.Топоров: «Каждый народ — осознанно, полусознанно или неосознанно — несет свою идею, свой мир представлений о себе и о другом. И поэтому эти естественные и даже необходимые различия своего и чужого на фоне общих задач жизнеобеспечения становятся прологом, почвой, местом, где начинаются разногласия, различия, споры и ссоры» [Топоров, 1990, с. 5]. Эти «споры и ссоры» всегда находят продолжение во взаимодействии. Собственно, вся человеческая история и состоит из столкновений между различными институтами и интересами и последующей адаптации к различиям.

Каждый регион при своем пребывании в составе России проходил через несколько этапов: собственно *присоединение* (иногда в виде завоевания), т.е. установление российского подданства; постепенная *инкорпорация* в структуру государства; наконец, *ассимиляция*, которая со временем все более активизировалась и порой трактовалась как ко-

нечная цель и результат инкорпорации³. Этим процессам соответствовали некоторые объективные тенденции. Во-первых, медленная, но неуклонная *унификация* юридического статуса территорий, установление единого стандарта подданства и управления; во-вторых, *русификация*, которая отнюдь не должна трактоваться как проявление зловещего умысла удушить этническую самобытность народов. Этот процесс вызывался прежде всего объективным обстоятельством — численным и культурным (господствующая религия, язык общения) доминированием русских в России. Обе тенденции то ослабевали, то усиливались, но в разных формах постоянно присутствовали в российской истории XVI–XIX вв. Сознательно же они были возведены в ранг государственной политики только в конце XIX столетия.

Инкорпорация народов и регионов могла растянуться на длительный срок. В составе Российской державы на протяжении четырех столетий существовали территориальные подразделения с неодинаковым юридическим статусом. Например, в XIX — начале XX в. наряду с губернско-уездным делением имелись казачьи войска, горные и пограничные округа, протектораты. Ранее существовали еще и «царства» на месте завоеванных татарских ханств, а также различные вассальные владения. Подобная «многослойность», очевидно, характерна вообще для имперской государственности. Причем не следует, конечно, приписывать ее гибкости и мудрости правительства — просто такая структура была порождением исторического развития, складывалась по мере пространственного разрастания России. Именно в отношении к «неканоническим» подразделениям осуществлялось движение к стиранию административно-юридических различий, а при Николае II была сформулирована задача добиться «слияния окраин с основной территорией».

До образования СССР в Российском государстве «национальный вопрос» не имел территориально-административного воплощения за единственным, пожалуй, исключением — черты еврейской оседлости (да и она функционировала в рамках губернско-уездной структуры). Не было и никакого федерализма, тем более по этническому признаку. Однако неверно было бы полностью отрицать учет национального состава населения при организации управления. В XVII–XIX вв. в Восточной Сибири сохранялись волости, соответствовавшие расселению местных родоплеменных объединений; в начале XX в. на Северном Кавказе предпринимались попытки организовать округа по такому же критерию. Эти меры преследовали, как всегда, этатистскую цель —

³ В основных чертах данная трехступенчатая схема уже давно бытует в историографии (труды А.Каспэ, М.Раева, А.В.Ремнева); подробнее см. [Большакова, 2003, с. 28, 29; Кундакбаева, 2005, с. 22–24, 100].

обеспечить наибольшую мобильность управления, надежность контроля, исправность сбора податей. Характерно, что такое соответствие внутренних территориальных границ этническим ареалам (впрочем, уже тогда во многом условное) практиковалось лишь на самом нижнем уровне, в масштабах нескольких сельских общин.

На протяжении рассматриваемого периода народы (этноты) однозначно выступали в качестве не субъектов, а объектов государственной политики. И здесь опять же не следует видеть проявление какого-то подчеркнутого пренебрежения властей к нерусскому населению. Во-первых, абсолютное большинство существующих сегодня стабильных этнических общностей в те времена еще только формировались. Во-вторых, одним из главных принципов имперской государственности была надэтничность, предполагавшая верность престолу вне зависимости от языка и вероисповедания. Все это, однако, не означало игнорирования полиэтничности населения. Этнокультурное и этнополитическое разнообразие невозможно было не учитывать в силу исторических условий складывания многонационального государства.

Учет этот заключался во включении локальных юридических норм в общий корпус государственного законодательства, как правило, в масштабе отдельных регионов (установления обычного права, шариата и др.). В этом же ряду находилось и районирование по этническому принципу, о котором только что упоминалось. Кроме того, власть при организации управления опиралась и полагалась не на абстрактные «народы», а на местные элиты, традиционные привилегированные слои — аристократию, родоплеменную верхушку, иногда духовенство. В отношении данной категории подданных со времен Средневековья действовала практика сохранения некоторых старых социальных привилегий и предоставления новых льгот.

Вопрос о сотрудничестве с этническими элитами был одним из краеугольных камней не просто «национальной политики», но вообще государственного управления России. Можно по-разному оценивать и определять эту практику — как социальную комплиментарность, классовую солидарность. Но мы сталкиваемся с неоспоримым фактом: русские элитные страты традиционно сотрудничали со своими иноэтничными «коллегами». Собственно, сам процесс формирования российского дворянства представлял собой постепенное интегрирование различных по происхождению людей и семей в единую аристократическую корпорацию. Алгоритм интегрирования предполагал относительную открытость, возможность для вступления в ряды дворянского сословия. Таким образом, российское дворянство оказывалось этнически открытым сословием, и на место в его рядах мог в принципе рассчитывать любой представитель нерусской элиты. Разумеется, суще-

ствовали определенные критерии и ограничения, но в целом социальная и культурная русификация (прежде всего переход в православие) облегчали выходцу из местной знати рекрутирование в дворянский корпус, а следовательно, и успешную карьеру.

Представляется бесспорным тезис о том, что люди (подданные) должны доверять власти. Часто надежда на верховных правителей оказывается последним прибежищем в разнообразных невзгодах. Это хорошо понимали правящие круги России еще в XVI в., когда была введена практика прямого челобитья — обращения к государю с прошениями и жалобами напрямую, минуя все промежуточные инстанции (впоследствии было отменено Петром I). Кроме непосредственной связи с народом (во многом, конечно, условной и иллюзорной) это был один из способов контроля Москвы над местной администрацией. Даже столь подробно и «любовно» описанные советскими историками социальные конфликты при учете фактора преклонения перед верховной властью обретают несколько неожиданный вид. Выше было показано, что вооруженные выступления порой принимали монархистские формы.

На протяжении примерно полутора столетий в наказах воеводам и прочим местным управленцам содержались рекомендации действовать по отношению к подвластным «иноверцам» «ласкою и приветом», «ласкою, а не жесточью» и т.п. Полагаю, не следует идеализировать по этому поводу «национальную политику» первых Романовых и не приписывать им образцовую толерантность, уважение к этническим особенностям присоединенных народов. Во-первых, не мог по-иному выражаться православный царь — воплощение милосердия и благолепия (подобная самооценка была особенно характерна для Алексея Михайловича). И это служило одним из средств насаждения его своеобразного культа, преклонения перед ним. Во-вторых, обе стороны — власть и подданные — довольно быстро уяснили условность подобных миролюбивых формул. На окраинах процветал воеводский произвол, и нередко «лаской и приветом» служилые люди требовали смириться с несправедливыми поборами и всевозможными насилиями. Однако вскоре поняли и другое: невозможно превышать административный и налоговый пресс, так как население может или перебраться в недоступную глухомань, или сменить подданство (если дело происходило на границе), или поднять вооруженный мятеж. Отсюда формула «лаской, а не жесточью» исполнялась местными управленцами не из-за терпимости и корректности, а в силу вынужденной необходимости — заботы об интересах казны⁴.

⁴ И.А.Гилязов дает сходную оценку политики правительства по отношению к мусульманской конфессии в XVII в. как *относительно и вынужденно* толерантной [Гилязов, 2004, с. 316].

Кроме формирования положительного образа верховного правителя России, в XVI–XIX вв. наблюдается также такое интересное явление, как создание (тоже во многом стихийное) позитивного имиджа Российского государства в целом. В советской идеологии и соответственно в исторической науке целенаправленно культивировалось представление о Российской империи как поистине «проклятом прошлом» — самодержавно-крепостнической деспотии, мрачной обители тирании и реакции, тюрьме народов и т.п. Более взвешенный взгляд на историю нашей страны, утвердившийся в последние полтора десятилетия, позволяет избегать столь однозначных характеристик. Выясняется, что царская Россия представляла собой (и представлялась многим современникам) отнюдь не «темным царством», заслуженно обреченным на уничтожение. В частности, отношение к ней подданных-«иноверцев» разительно отличалось от придуманных позднее советских схем. Как ни странно, Россия в глазах ее подданных порой выглядела носителем гораздо более свободного и справедливого правления (режима), чем окрестные владения. Подобное отношение можно проследить почти по всему периметру ее границ XVII–XVIII вв. (см. гл. 3).

Удивительным для человека, воспитанного на вышеупомянутых идеологических конструкциях, является переселение «иноверцев» в Россию по социальным мотивам. Их элита стремилась обрести повышенный статус на государственной службе, щедрые пожалования и привилегии, а простонародье бежало от собственной знати — от ее налогового гнета и прочих притеснений, а также в поисках более сытой и безопасной жизни.

Конструирование благожелательного отношения к Российскому государству имело и геополитический аспект. Пока территория страны расширялась, поглощая малонаселенные леса и степи, это не имело насущного значения. Но настало время, когда российские границы, с одной стороны, уперлись в океаны, а с другой — сомкнулись с рубежами других империй. В XVII–XVIII вв. начался, а в XIX в. развернулся раздел мира между европейскими державами, в частности раздел Азии между Россией и Великобританией. В этой ситуации привлечение потенциальных новых подданных в состав России было возможно не столько за счет военных побед (русские и англичане любыми средствами старались избегать открытых конфликтов друг с другом), сколько пропагандируя положительный образ империи Романовых.

Таким образом, в истории взаимоотношений власти и нерусского населения в период XVI–XIX вв. просматривается несколько закономерностей:

1) максимально допустимое сохранение местных особенностей и жизненных устоев во имя стабильности и безопасности в государстве;

2) невмешательство чиновников в сферы, регулируемые обычаями и традиционными установками (в первую очередь в сферы религии, культуры, семьи, быта);

3) игнорирование этнических ареалов при формировании административных образований высшего и среднего звена (аналогичных современным краям и областям).

В целом в царской России не велось целенаправленной «национальной политики» (и тем более не возникало вопроса об учреждении особого центрального бюрократического ведомства для ее проведения). Общие установки, о которых было сказано выше, складывались по большей части исторически, стихийно, в ходе развития российской государственности.

—

Может показаться, что в этой книге вопросов поставлено больше, чем дано ответов. В самом деле, феномен верховной власти и процесс формирования имперского государства неисчерпаемы для исследования. Я попытался наметить пути решения лишь некоторых аспектов этой огромной проблемы. Не все из них освещены с надлежащей полнотой — прежде всего потому, что многое остается пока неясным для самого автора.

В 1763 г. П.И.Рычков, как уже говорилось в начале книги, попробовал ответить на вопрос редакции «Ежемесячных известий о ученых делах», почему в Хивинском ханстве русского царя называют *белым*. Удовлетворили его объяснения редакцию или нет, неизвестно, но сочинение Рычкова она сопровождала следующим комментарием: «А хотя в оном совершенного помянутыя задачи решения не находится, чего, по-видимому, надеяться и не можно, однако всякой признавать должен, что исторические и географические разыскания, здесь сообщенные, вяцшей похвалы достойны». Через два с половиной столетия то же самое могу сказать и я о результатах собственных попыток разобратся в «помянутой задаче». А успешность моих разысканий и достойны ли они похвалы, пусть оценивает читатель.

ПРИЛОЖЕНИЕ

П.И.Рычков

Письмо к издателю «Ежемесячных сочинений»
на вопрос о титуле Белого царя,
прилагаемого от азиатских народов
российским монархам^{*1}

Государь мой!

Полезное намерение, с которым вы в Ежемесячных ваших сочинениях нынешнего 1763 года начали издавать разные задачи, и почтение, которое я, издавая, уже имею к вам, одолжает меня по возможности моей исполнять всегда ваши желания; почему хотя я и со многими из магометан, называемыми у них учеными, говорил, желая узнать от них о вышеозначенной задаче, когда и отчего название российским государям Ак падыша, то есть Белый царь, у них произошло, но по сие время ни одного еще не нашел, который мог учинить мне на то достаточное изъяснение. Они все отзывались больше незнанием, сказывая при том то, что у них как белый цвет есть почтеннейший, так и именование Белого царя паче всех других честнейшим признавается, да едва ль и можно от здешних татар что-либо подлинное и достоверное вывести; однако при всяком способном случае и разговоре не премину я о том знатных и уче-

^{*}Примечания Рыčkова и редакции «Ежемесячных сочинений» нумеруются арабскими цифрами, примечания публикатора — буквами.

¹ Сие письмо получено нами от живущего в Оренбургской губернии на отпуске коллежского советника и Императорской Академии Наук корреспондента, господина Рыčkова, мужа искусного и трудолюбивого, которому публика одолжена уже разными другими в сих «Сочинениях» напечатанными сочинениями. А хотя в оном совершенно помянутая задача решения не находится, чего, по-видимому, надеяться и не можно, однако всякой признавать должен, что исторические и географические разыскания, здесь сообщенные, вящей похвалы достойны. Мы не сумнѣваемся именем всех любителей истории благодарить господина Рыčkова за принятый им сей труд, чтоб чрез то и другие, о российской истории довольное знание имеющие, побуждены были к равномерным трудам и к сообщению нам о сей и о прочих задачах наших своих мнений.

ных магометан еще спрашивать, и ежели что узнаю от них достойное вероятия, о том сообщить вам не оставляю².

Между тем рассудилось мне сообщить вам на опыт мое о том мнение, что титул Белого царя азиатские народы не от себя вымыслили, но перешел оный к ним из России по разным обстоятельствам, может быть, еще в самые древние времена, но от бывших долговременных смятений между российских князей, наипаче ж тогда, как татары Россию завладели, угас, и по том паки обновлен и введен во употребление, с того самого времени, как великие российские государи ордынскую, то есть татарскую, власть истребив, самодержавие и верховность свою над татарами утвердили, чему отныне лет триста или немного меньше.

В древних татарских деяниях, которые Ургеницкой Абулгази Баадур Хан⁴ довольно порядочно описал, означивая войны, бывшие у них с болгарями, с русскими и с другими к славянам принадлежавшим народами, о их государях ничего не говорит и никакого им титула не приписывает, упоминает только народы, яко то урусов, то есть русских, болгар, черкесов и пр., а в осьмой части первой главы и взятие города Москвы точно у него означено, может быть, для сего, что он, как то довольно в нем примечено, всегда и везде тщился татарский свой род выше всех других превознести. Да и католические путешественники, Карпеин и Асцелин, и Рюбрюкис⁶, бывшие в татарских областях, и при самых сильнейших их ханах, около половины третьего надесяти столетия, чему поныне 500 лет, во описаниях своих о титуле Белого царя ничего не означивают, хотя на многих местах русский и другие принадлежавшие к ним народы, да и русских князей точными их именами упоминают; могло быть, что в тогдешнее время татарские сильные владетели, яко то Чингиз Хан и его последователи, тем титулом российских великих князей, имея над ними сильное превозношение, и удостаивать не хотели.

В том нет ни малого сомнения, что сей титул Ак падыша, Белый царь российским монархам и ныне от многих азиатских народов, когда они с достодолжным почтением об них говорят или пишут, придается. О чем я не только из разговоров с разными магометанскими

² В письме, полученном после того июня от 21 дня, приобщил господин Рычков еще следующее: «О титуле Белого царя писал я и в Оренбурге к знающим татарские диалекты. Тамошний секретарь заграничных дел Петр Чугалов, который прежде был переводчиком и послан был нарочно ехать, дабы в твердость научился все оные диалекты, и жил в Хиве с год, отвечивал, что тамошние народы сказывали ему, яко бы тот титул у них от русских людей издавна введен в употребление, а по каким обстоятельствам, того они не знают. Сим вероятием моего мнения подтверждается. Оному секретарю как человеку прилежному и любопытному можно в том и поверить. Прочие же все отзывались мне незнанием».

народами, но и по разным делам довольно известен³. Но старее сего никакая татарская книга мне не известна, в которой бы титул Белого царя был упомянут, кроме одной, о Чингиз Хане и его потомках, сочиненной некоторым азиатским послом, коего имя в той книге не означено, бывшим в Москве во время государственования царя Бориса Годунова, который в похвале своей, наполненной по азиатскому обыкновению многими уподоблениями и ласкательствами, приписывает ему великие преимущества, называет его Белым царем и двор его великолюдный и великолепно между прочего именует Белою Ордою⁴.

Между тем и сие неоспоримо есть, что цвет белый в России издревле был почтеннейший, а напротив того черный значил всегда подлость и уничтожение. От того, может быть, и Белой России, в которую и великое княжение Московское включалось, звание для преимуществ ее пред другими местами произошло. Беломесцами назывались царедворцы, духовные, служилые и никаких податей с земель своих не платившие, а простолюдины и подлость называлась всегда чернь, от чего чаятельно и имя черносошных крестьян, еще поныне употребляемое, начало свое имеет.

В сочинениях покойного тайного советника Василия Никитича Татищева между прочего означивается мнение польских, а некоторых и наших писателей, якобы и звание Белой России от белого платья, в России в великом употреблении бывшего, произошло, да и сам сей достойно почитаемый сыскатель древностей наших уверяет, что при дворе царском белое платье от времени Иоанна I до кончины Иоанна III в таком великом было почтении, что никто без позволения употреблять оного не мог⁵, а поспе же во время сих государствований самые большие дела с татарскими ордами происходили, и власть татарская совершенно истреблена, а самодержавие российских государей утвердилось, и царства Казанское и Астраханское Российской державе покорены, из которых, тако ж и из других орд, в Москву к великим государям ханские и другие знатные приезды имелись, да и в следующие по них правления продолжались, то бывшие при дворе царском по вышеописанным обстоятельствам, а паче видев сами славу и великолепность царских дворов и белый цвет в отменном тут почтении, в войске белые знамена и в самой Москве городские каменные огромные и тогда еще белые стены, называемые поныне Белым городом⁶, а при том всем и по-

³ От персидского и турецкого дворов в письмах употреблялся ли сей титул, о том я не сведом.

⁴ Сему согласует назначенное в «Ежемесячных сочинениях» 1761 году в январе месяце на стран. 29 о рынках, или избранных юношах, царя Ивана Васильевича, что они пред царями ходили всегда в белом платье.

⁵ В летописях объявляется, что в Москве Кремль каменный зделан при великом князе Дмитрии Ивановиче Донском 6875 году, Китай при царе Иване Васильевиче 7044, а Белый город при сыне его Федоре Ивановиче 7093 году.

сыланные к татарским ханам и народам царские грамоты за белой печатью, как то и ныне еще оные из государственной коллегии иностранных дел в азиатские народы отправляются (кои у башкирцов и у всех киргисцов в великом почтении, и признаются всегда за точные именные высочайшие повеления), к названию Ак падыша больше поводу не имели, а чрез то сей титул, от времени до времени в азиатские народы далее распространяясь, приходил и прошел так в употребление.

Что до звания Белой России принадлежит, то хотя в задаче вышепомянутого вопроса и значится, что сие именование в титул царский внесено не прежде, как в 1653 году, по взятии Смоленска и по завоевании большей части Литвы, и после подданства гетмана Хмельницкого с козаками, учинившегося при царе Алексее Михайловиче 1654 году; но на сие позвольте мне донести, что вышепереченный господин тайный советник в разных своих сочинениях, с которых я у себя имею списки (от него самого мне данные), довольно уверяет, всецелая Белая Русь в древние времена весьма обширные имела пределы, в которых и Москва включалась⁶, и общий великих князей герб был, еще прежде построения Москвы, всадник белый в красном поле, имеющий пред собою саблю; Димитрий ж Иванович Донской по победе татар учинил копием колющего главу, а Иоанн I и Великий⁷ вместо главы внес змию под ноги коня, назнаменуя тем одоление татар, как то на их деньгах изображалось. Народы ж сей части, по показанию древних писателей и по мнению его, были: кимбры или киммеры, базолеи, кривичи, меря, мордва, мурома, печенеги и половцы⁷.

Здесь приходит мне на память оная древняя Азиатская Албания, то есть Белая земля, да и народ, именовавшийся от нее албанцами,

⁶ По его описаниям, Белая Русь по разделении детей Владимировых наказана, к ней выделена середина между Великою и малою Русью, где престол сперва был в Ростове, потом в Суздале, в Володимере, в Смоленске, в напоследок уже перенесен в Москву; границы были с севера до Вышнего Волочка и до Вологды, с востока по реку Унжу и по реку Суру, к полудни по временам переменяли, но более было до вершины Оки и впадающих в нее рек, а по Днепру до устья реки Дручи, к западу Борисов построен на границе при реке Березе.

⁷ Господин Рычков да позволит нам при сем примечать, что свидетельства новейших сочинителей о древних происшествиях доказательством историческим служить не могут, есть ли на свидетельствах древних не основаны. Нам не безызвестно было, что покойный господин Татищев во оном мнении находился, хотя мы о том именной не объявили. Почтение наше к похвальным заслугам сего искусного мужа поистине превелико, и не можем мы не сожалеть о том, что изрядные его сочинения, тридцатилетних трудов плоды, в печать не производятся; но сего, по нашему мнению, не довольно, чтоб с ним в сем деле согласиться. Мы ссылаемся на все российские летописцы, на Нестора преподобного с его продолжателями. Из них бы было доказать, что Белая Русь до Москвы и далее простиралась, что мы в них не нашли. И того ради остаемся мы при прежнем мнении, которое в задаче на месяц май пространно изъяснено.

разные жители на западной стороне Каспийского моря полагают⁸. Сему согласно и вышепомянутый Гиллиом Рюбрукис в главе 27, о дворе Батыевом, говорит: вся сия страна от берегов западных (то есть Каспийского) моря, где есть врата железные Александровы и горы Аланские, даже до Океана полунощного и Палюса Меотисского, где втекает Танаис (Дон), называлась Албания (то есть Белая земля). От сего покойный Василей Никитич Татищев мнит, что сие самое татарам подало причину к названию Каспийского моря Ак Дынгыс, или Белое море (а потому может, что и жившие тут народы и их владетели назывались белыми).

Покойный профессор Байэр⁹, в древностях довольно сведомый и искусный, в сочинении своем с Константина Порфирогенета, напечатанном в «Комментариях академических» 1744 года, объявляет, что козары на Дону владели весьма крепким замком Саркелом (что значит белый дом), прибавляя к тому по объявлению Абулфеды^ж, что понеже к строению замка сего в близости каменных гор не было, то они печи поделали и, обжегши кирпич с известью и весьма мелким песком из реки, припасы приготовили, который замок на турецком языке именовался Ак Шер, то есть Бел град. Сие место покойный Василей Никитич изъясняет следующим образом: он мнил бы, что Саркел есть точный перевод русского слова Белая Вежа, ибо де вежа в славенском языке значит стрельницу, а у сармат дом или жилище, как то Нестор преподобный часто дома или жилища половцев, вежи именовал; но Белая Вежа козарская была на Днепру, которую греки Албиа именовали, или де подлинно то место, где в прешедшем веке Бел град построен на меловой горе, от чего он и имя белого получил, хотя ныне несколько ниже перенесен. Сему ж (Sammlung Russischer Geschichte³) в первой части на странице 76 озвучивается, что святая Ольга, мстя смерть супруга своего Светослава, козарскою крепостью Саркелом, то есть Бел градом, овладела^н, с прибавлением сего, что нынешний Бел град (следственно и вся Белгородская губерния) соблюдают еще оное толь древнее именование.

По сказаниям преподобного Нестора, козары праотцы славян, отродие скифское, кои после прозваны болгарами, пришед от Каспийского моря и поселясь по Днепру и по Днестру, жившие около Киева народы, кои назывались полянами, овладели и на усть Днеп-

⁸ Ролер в «Древней истории», по российскому переводу⁴, том X, стр. 148, пишет, что Помпей, ищучи Митридата, нашел на берегах реки Куры албанян и иберян, два сильные народа, живущие между Каспийским морем и Эксинским понтом, предпринявшие остановить его; но он их победил и принудил албанян просить мира, пожаловав их тем, и сам в оной земле препроводил зиму. Тут же показано, что царь у них был Ород, а войском их командовал Косис. Оба оные имена с славянским и с нашим языком показывают некоторое сходство.

ра главный свой город построили, который, по его ж сказыванию, именовался у них Белая Вежа; а Плиний и Птолемей, по обыкновению греческих писателей, переведши сие имя на латинский язык, Албиополь, то есть Белый град, называют, с тою токмо разностию, что положен он расстоянием от моря на 15 000 шагов, или аршин, что около десяти верст сочиняет, и в карте Птолемеевой между прочих по Днепру имевшихся городов Албиомитрополис, или престольный Белый град, упоминается ж, где по объявлению Василия Никитича Татищева и доднесь еще признак немалого города виден.

И когда в древние времена Великороссийские пределы в полуденную Азию и на запад толь далеко простирались, и славенские народы под разными именами (о чем в «Топографии Оренбургской»⁵ на разных местах изъясняется) к самым персидским и скифским пределам подходили или не весьма далеко от них находились, а притом под именем белого цвета разные места и города у них имелись, то кажется мне, и на то несколько правдоподобия и вероятности исторической не противно, что оное название Белый царь, а по татарскому наречию Ак падыша, далее вышеозначенного проиизвесть, которое звание с падением Болгарского царства и от междоусобных браней между славенскими князьями и народами, а потом уже от нашествия и усильства татарского, на долгое время угаснуть и в молчании оставаться могло; по истреблении ж татарской власти, как то я выше упомянул, паки возобновилось и далеко в Азию снова распространилось.

Пускай сие будет ныне одною моею догадкою; но она кажется мне исторической вероятности нимало не противна. Охотники до древностей самым опровержением сего, может быть, дойдут иногда до какого-нибудь другого лучшего и достовернейшего изъяснения, или послужит оно впредь к другим рассуждениям, касающимся до древнейшей истории и географии. Желать должно, чтоб сие полезное дело от способных и искусных в том людей было исполнено, да и нет в том невозможности, когда им подадутся к тому потребные способы и поощрения. Я же есмь и пр.

Июня 7 дня 1763.

Примечания

⁵ Абу-л-Гази Бахадур — хивинский хан (1645–1664) и историк. Рычков ведет речь о его сочинении «Шаджара-йи тюрк» («Родословная тюрков»).

⁶ Джовани Плато дель Карпини и Асцелин — послы римского папы; Гильом Рубрук — посол французского короля; были направлены с дипломатическими миссиями к правителям Монгольской империи в середине XIII в.

² Имеется в виду сочинение Кадыр Али-бека Джалаира под условным названием «Джами ат-таварих» («Сборник летописей»), написанное в 1602 г. в Касимове и начинающееся с пространного панегирика Б.Ф.Юдунову. О *белой орде* в этом тексте см. гл. 1 настоящей книги.

³ Очевидно, у Рычкова описка, должно быть: Иоанн III.

⁴ Ролер — правильное: Роллен (см. [Роллен, 1749]). Рычков приводит эпизод из войн понтийского царя Митридата VI с Римом в I в. до н.э.

⁵ Байер, Готлиб (Теодор) Зигфрид — историк и филолог, в 1725–1738 гг. работал в Петербургской Академии наук.

⁶ Исмаил ибн Али Абу-л-Фида — арабский историк и географ XIII–XIV вв., автор нескольких сочинений, главное из которых — «Мухтасар фи тарих ал-башар» («Краткая история рода человеческого»).

⁷ «Собрание российских историй» — многотомное издание материалов по русской истории, начатое в 1732 г. Г.Ф.Миллером, продолженное Г.З.Байером и позднее вновь возобновленное Миллером (до 1764 г.).

⁸ Рычков смешивает два события: сожжение Ольгой древлянского города Искоростеня в наказание за убийство древлянами ее мужа Игоря (945 г.) и поход Святослава Игоревича на Хазарию, в ходе которого был разрушен Саркел (965 г.).

⁹ «Топография Оренбургской губернии» — один из главных трудов П.И.Рычкова, опубликован в 1762 г.

Сокращения

ВИ	—	Вопросы истории. М.
ПСРЛ	—	Полное собрание русских летописей
РГАДА	—	Российский государственный архив древних актов
РФ	—	Русский фольклор. Т. XX: Фольклор и историческая действительность. Отв. ред. А.А.Горелов. Л., 1981
СЗ	—	Сибирская заимка (интернет-журнал)
СЭ	—	Советская этнография. М.
ТС	—	Тюркологический сборник. М.
ЧОИДР	—	Чтения в Обществе истории и древностей российских. М.
ЭО	—	Этнографическое обозрение. М.
GRJPSR	—	Die Geschichte Russlands im 16. und 17. Jahrhundert aus der Perspektive seiner Regionen. Herausgegeben von A.Kappeler. Wiesbaden, 2004 (Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. B. 63)

Источники и литература

- Абуев, 2002 — *Абуев К.К.* Деятельность хана Абылая по объединению казахских земель и развитию казахско-российских отношений. Автореф. докт. дис. Омск, 2002.
- Адыги, 1974 — Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XVIII вв. Сост. В.К.Гарданов. Нальчик, 1974.
- Акишин, 1994 — *Акишин М.О.* Новые документы об отношении аборигенов Севера Зауралья к русским властям. XVII–XVIII вв. // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 1994. № 1. С. 121–132.
- Акманов, 1991 — *Акманов И.Г.* Башкирия в составе Российского государства в XVII — первой половине XVIII века. Свердловск, 1991.
- Акманов, 1993 — *Акманов И.Г.* Башкирские восстания XVII — начала XVIII в. Уфа, 1993.
- Акты, 1841 — Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 1: 1334–1598. Гл. ред. И.Григорович. СПб., 1841.
- Акты, 1866 — Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. I. Ред. А.Берже. Тифлис, 1866.
- Акцорин, 2000 — *Акцорин В.А.* Прошлое марийского народа в его эпосе. Саров, 2000.
- Александров и др., 1995 — *Александров Д.Н., Мельников С.А., Алексеев С.В.* Очерки по истории княжеской власти и соправительства на Руси в IX–XV вв. М., 1995.
- Алексеев, Коротаев — *Алексеев И.Л., Коротаев А.В.* Ислам в России: диалог цивилизаций в эпоху глобализации. <http://liber.rsuh.ru/Conf/Global/alekseev.htm>
- Алекторов, 1983 — *Алекторов А.Е.* История Оренбургская. Оренбург, 1883.
- Алишев, 1973 — *Алишев С.Х.* Документы повстанцев Крестьянской войны 1773–1775 годов на татарском языке // Советские архивы. М., 1973. № 5. С. 62–67.
- Алишев, 1977 — *Алишев С.Х.* Татары Среднего Поволжья в Пугачевском восстании. Казань, 1977.
- Алишев, 1990 — *Алишев С.Х.* Исторические судьбы народов Среднего Поволжья. XVI — начало XIX в. М., 1990.
- Андерсон, 2001 — *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001.
- Андреев, 1998 — *Андреев Н.Г.* Описание Средней орды киргиз-кайсаков. Алматы, 1998.
- Аникин, 1960 — *Аникин В.П.* Об историческом приурочении пословиц, поговорок и загадок // СЭ. 1960. № 4. С. 44–52.
- Аралбаев, 1985 — *Аралбаев К.А.* Фольклорные мотивы в шежере Мамбетова рода // Башкирские шежере (филологические исследования и публикации). Отв. ред. Г.Б.Хусаинов. Уфа, 1985. С. 44–53.
- Арапов, 2002 — *Арапов Д.Ю.* Присяга мусульман в российских законодательных актах и юридической литературе XIX в. // *Ius antiquum.* Древнее право. М., 2002. № 2 (10). С. 252–262.
- Асфандияров, 1982 — *Асфандияров А.З.* Башкирские источники XVI–XIX вв. о добровольном присоединении края к Русскому государству // Историческое значение добровольного присоединения Башкирии к Русскому государству. Редкол.: Р.Г.Кузеев и др. Уфа, 1982. С. 19–25.
- Аутлева, 1973 — *Аутлева С.Ш.* Адыгские историко-героические песни XVI–XIX вв. Нальчик, 1973.

- Афанасьев, 1971 — *Афанасьев Н.* Церковь Духа Святого. Paris, 1971.
- Ахлаков, 1981 — *Ахлаков А.А.* Исторические песни народов Северного Кавказа и Дагестана. М., 1981.
- Ахметшин, 1995 — *Ахметшин Б.Г.* Русские и башкирские горняцкие легенды Южного Урала // Фольклор народов России. Русский фольклор Башкортостана в его межэтнических отношениях. Отв. ред. Л.Г.Бараг. Уфа, 1995. С. 5–30.
- Ахметшин, 2001 — *Ахметшин Б.Г.* Горнозаводской фольклор Башкортостана и Урала. Уфа, 2001.
- Бадмаев, 2001 — *Бадмаев П.А.* За кулисами царизма: Воспоминания. Мемуары. Минск; Москва, 2001.
- Базаров, Ням-Осор, 2004 — *Базаров Б.В., Ням-Осор Н.* К истории государственной символики и церемониала монголов // Восток. М., 2004. № 1. С. 28–36.
- Базилевич, 2001 — *Базилевич К.В.* Внешняя политика Русского государства. Вторая половина XV века. М., 2001.
- Байбурин, 1985 — *Байбурин А.К.* Некоторые вопросы этнографического изучения поведения // Этнические стереотипы поведения. Ред. А.К.Байбурин. Л., 1985. С. 7–21.
- Бакулин, 1970 — *Бакулин В.С.* Белые земли // Большая советская энциклопедия. 3-е изд. Т. 3. М., 1970. С. 163.
- Балдаев, 1970 — *Балдаев С.П.* Родословные предания и легенды бурят. Ч. 1. Улан-Удэ, 1970.
- Бантыш-Каменский, 1858 — *Бантыш-Каменский Д.Н.* Источники малороссийской истории. Ч. I: 1649–1687. М., 1858.
- Бантыш-Каменский, 1859 — *Бантыш-Каменский Д.Н.* Источники малороссийской истории. Ч. II: 1691–1722. М., 1859.
- Бартольд, 1966 — *Бартольд В.В.* Турция, ислам и христианство // Соч. Т. VI. М., 1966. С. 413–431.
- Бартольд, 1977а — *Бартольд В.В.* Восток и русская наука // Соч. Т. IX. М., 1977. С. 534–545.
- Бартольд, 1977б — *Бартольд В.В.* История изучения Востока в Европе и России // Соч. Т. IX. М., 1977. С. 197–482.
- Батмаев, 1985 — *Батмаев М.М.* Отражение русско-калмыцких отношений в процессе шертования // Добровольное вхождение калмыцкого народа в состав России: исторические корни и значение. Отв. ред. У.Э.Эрджинева. Элиста, 1985. С. 32–39.
- Батмаев, 1993 — *Батмаев М.М.* Калмыки в XVII–XVIII веках. События, люди, быт. Элиста, 1993.
- Батмаев, 2002 — *Батмаев М.М.* Социально-политический строй и хозяйство калмыков в XVII–XVIII вв. Элиста, 2002.
- Батырева, 2002 — *Батырева С.Г.* К вопросу региональной специфики иконографии Белого старца (монголо-ойратские и бурятские параллели в живописи буддизма) // VIII Международный конгресс монголоведов. Доклады российской делегации. Отв. ред. Р.Б.Рыбаков. М., 2002. С. 171–177.
- Бахилина, 1975 — *Бахилина Н.Б.* История цветообозначений в русском языке. М., 1975.
- Бахрушин, 1955а — *Бахрушин С.В.* Енисейские киргизы в XVII в. // Науч. тр. Т. III. Ч. 2. М., 1955. С. 176–224.
- Бахрушин, 1955б — *Бахрушин С.В.* Остяцкие и вогульские княжества в XVI и XVII вв. // Науч. тр. Т. III. Ч. 2. М., 1955. С. 86–152.
- Бахрушин, 1955в — *Бахрушин С.В.* Очередные задачи исторического изучения Якутии // Науч. тр. Т. III. Ч. 2. М., 1955. С. 263–272.
- Бахрушин, 1955г — *Бахрушин С.В.* Сибирские служилые татары в XVII в. // Науч. тр. Т. III. Ч. 2. М., 1955. С. 153–175.
- Бахрушин, 1955д — *Бахрушин С.В.* Ясак в Сибири в XVII в. // Науч. тр. Т. III. Ч. 2. М., 1955. С. 49–85.
- Бахтигалиева, 2000 — *Бахтигалиева Д.* Семантика обозначения жанра традиционной инструментальной музыки «ак-желен» // Алматы АТ. Сетевое издание по ис-

- кусству и культуре Казахстана. 2000. Май. № 10.

- Большакова, 2003 — *Большакова О.В.* Российская империя: система управления (Современная зарубежная историография). Аналитический обзор. М., 2003.
- Борисов, 1999 — *Борисов Н.С.* Политика московских князей (конец XIII — первая половина XIV века). М., 1999.
- Борисов, 2003 — *Борисов Н.С.* Иван III. М., 2003.
- Боханов, 2002 — *Боханов А.Н.* Самодержавие. Идея царской власти. М., 2002.
- Боханов, 2005 — *Боханов А.Н.* Русская идея от Владимира Святого до наших дней. М., 2005.
- Бочаров, 1992 — *Бочаров В.В.* К вопросу о культурно-психологических истоках русского тоталитаризма // Национальная правая прежде и теперь. Историко-социологические очерки. Отв. ред. Р.Ш.Ганелин. Ч. 2. Вып. 1. СПб., 1992. С. 41–68.
- Брикнер, 1991 — *Брикнер А.Г.* История Екатерины Второй. Т. 2. М., 1991.
- Броневский, 1996 — *Броневский С.М.* Исторические выписки о сношениях России с Персией, Грузией и вообще с горскими народами в Кавказе обитающими, со времен царя Иоанна Васильевича донныне. СПб., 1996.
- Брун, 1898 — *Брун М.* Подданство // Энциклопедический словарь. Изд. Ф.А.Брокгауз, И.А.Ефрон. Т. XXIV. СПб., 1898. С. 70–73.
- Булгаков, 1991 — *Булгаков С.Н.* Православие. Очерки учения православной церкви. М., 1991.
- Буссов, 1989 — *Буссов К.* Московская хроника // Смута в Московском государстве. Россия начала XVII столетия в записках современников. Сост. А.И.Плигузов, А.И.Тихонюк. М., 1989. С. 238–403.
- Бутанаев, Бутанаева, 2001 — *Бутанаев В.Я., Бутанаева И.И.* Хакасский исторический фольклор. Абакан, 2001.
- Бутков, 1869 — *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. Ч. 1. СПб., 1869.
- Быков, 2003 — *Быков А.Ю.* Россия и Казахстан (XVII–XIX вв.) // ТС. 2002: Россия и тюркский мир. М., 2003. С. 51–117.
- Бычков, 1975 — *Бычков В.В.* Эстетическое значение цвета в восточнохристианском искусстве // Вопросы истории и теории эстетики. Ред. М.Н.Афасижев. М., 1975. С. 129–145.
- Бычкова, 1977 — *Бычкова М.Е.* Родословие Глинских из Румянцевского собрания // Зап. Отдела рукописей [Гос. библиотеки СССР им. В.И.Ленина]. Вып. 38. М., 1977. С. 104–125.
- Вагапов, 1968 — *Вагапов Я.С.* Чечено-ингушские эпические песни XVI–XVIII вв. Автореф. канд. дис. Махачкала, 1968.
- Валиханов, 1986 — *Валиханов Ч.* Избранные произведения. М., 1986.
- Варнаровский и др. — *Варнаровский П.К., Дырхеева Г.А., Скрынникова Т.Д.* Бурятская идентичность в контексте социокультурной модернизации (конец XIX — первая треть XX века). <http://mion.isu.ru/pub/buryat/index.html>
- Васильев, 2000 — *Васильев В.* Благословенный Александр // Царскосельская газета. 2000. 7 декабря. № 141 (9166).
- Величко, 1991 — *Величко С.В.* Літопис. Т. 1–2. Київ, 1991.
- Вельяминов-Зернов, 1863 — *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. Т. I. СПб., 1863.
- Вельяминов-Зернов, 1864 — *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. Т. II. СПб., 1864.
- Вернадский, 1997 — *Вернадский Г.В.* Монголы и Русь. Тверь; Москва, 1997.
- Вершинин, 1998 — *Вершинин Е.В.* Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург, 1998.
- Вершинин, 2002 — *Вершинин Е.В.* Восстание Тонья-Кинемы в письменных и фольклорных источниках // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. Отв. ред. Г.П.Визгалов. Екатеринбург, 2002. С. 98–110.
- Вершинин, 2003 — *Вершинин Е.В.* О постройке оборонительных укреплений Пелыма в 1623 г. // Проблемы истории России. Вып. 5. Отв. ред. А.Т.Шашков. Екатеринбург, 2003. С. 438–444.

- Вершинин, Шашков, 2002 — *Вершинин Е.В., Шашков А.Т.* Документы XVII века по истории Сургутского уезда // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. Отв. ред. Г.П.Визгалов. Екатеринбург, 2002. С. 114–243.
- Веселовский, 1884 — *Веселовский Н.И.* Прием в России и отпуск среднеазиатских послов в XVII и XVIII столетиях. СПб., 1884.
- Веселовский, 1911 — *Веселовский Н.И.* Татарское влияние на русский посольский церемониал в московский период русской истории. СПб., 1911.
- Витевский, 1895 — *Витевский В.Н.* И.И.Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Вып. 4. Казань, 1895.
- Витевский, 1897 — *Витевский В.Н.* И.И.Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Т. I–III. Казань, 1897.
- Власов, 1999 — *Власов А.В.* Илья Муромец // Энциклопедия уральских мифологий. Т. I: Мифология коми. Науч. ред. В.В.Напольских. Москва; Сыктывкар, 1999. С. 165–166.
- Власова, 1981 — *Власова З.И.* Фольклор о Грозном у П.И.Мельникова и Н.К.Миролюбова // РФ. С. 107–157.
- Власова, 2001 — *Власова М.Н.* Русские суеверия. СПб., 2001.
- Волга, 1937 — Волга в песнях и сказаниях. Сост. К.И.Дворецкова. Саратов, 1937.
- Волков, 1974 — *Волков С.С.* Лексика русских челобитных XVII века. Формуляр, традиционные этикетные и стилиевые средства. Л., 1974.
- Воссоединение, 1953 — Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы. Редкол.: П.П.Гудзенко и др. Т. I–III. М., 1953.
- Временник, 1851 — Временник Московского общества истории и древностей российских. Кн. 10. М., 1851.
- Вырождение — Вырождение наций. Интернет-конференция газеты «Яблоко». <http://www.sofe.ru/appleubb/poncgi/Forum13/HTML/000147-3.html/>
- Гаджиев, 1965 — *Гаджиев В.Г.* Роль России в истории Дагестана. М., 1965.
- Гальперин, 2003 — *Гальперин Ч.* Вымышленное родство. Московия не была наследницей Золотой Орды // Родина. М., 2003. № 12. С. 68–71.
- Гафуров, 1987 — *Гафуров А.* Имя и история. Об именах арабов, персов, таджиков и тюрков. М., 1987.
- Герасимов, 2000 — *Герасимов А.А.* Роль Саратова и Самары XVII в. в жизни мордвы // Самарское Поволжье с древности до конца XIX в. Сб. материалов и документов. Гл. ред. П.С.Кабытов. Самара, 2000. С. 140–145.
- Герберштейн, 1988 — *Герберштейн С.* Записки о Московии. Пер. с нем. А.И.Малеина и А.В.Назаренко. Вступит. ст. А.Л.Хорошкевич. М., 1988.
- Гильденштедт, 2002 — *Гильденштедт И.А.* Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг. СПб., 2002.
- Гилязов, 2004 — *Гилязов И.* Ислам и православие в Среднем Поволжье после 1552 г. // GRJPSR. S. 310–321.
- Головнев, 2004 — *Головнев А.В.* Кочевники тундры: ненцы и их фольклор. Екатеринбург, 2004.
- Городцов, 1906 — *Городцов П.А.* Азан-юрты (западно-сибирская легенда) // ЭО. 1906. № 1–2. С. 108–112.
- Горсей, 1986 — *Горсей Дж.* Сокращенный рассказ, или Мемориал путешествий // Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев. Подгот. текстов, вступит. ст. и коммент. Ю.А.Лимонова. Л., 1986. С. 151–224.
- Горский, 2000 — *Горский А.А.* Москва и Орда. М., 2000.
- Горский, 2001 — *Горский А.А.* «Всего еси исполнена земля Русская...». Личности и ментальность русского средневековья. Очерки. М., 2001.
- Горский, 2003 — *Горский А.А.* О происхождении «холопства» московской знати // Отечественная история. М., 2003. № 3. С. 80–83.
- Горский, 2004 — *Горский А.А.* Русь: от славянского Расселения до Московского царства. М., 2004.

- Гражданская, 1983 — *Гражданская война и военная интервенция в СССР*. Энциклопедия. Гл. ред. С.С.Хромов. М., 1983.
- Григорьев, 1987 — *Григорьев А.П.* Время написания «Ярлыка» Ахмата // *Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки*. Вып. 10. Л., 1987. С. 28–89.
- Гришин, 1995 — *Гришин Я.Я.* Польско-литовские татары (Наследники Золотой Орды). Казань, 1995.
- Гришкина и др., 1983 — *Гришкина М.В., Иванова М.Г., Павлов Н.П., Трефилов Г.Н.* 425 лет добровольного присоединения Удмуртии к России. Ижевск, 1983.
- Губайдуллин, 1930 — *Губайдуллин Г.С.* Несколько слов об участии татар в народных движениях XVII в. // *Вестник Научного общества татароведения*. Казань, 1930. № 9–10. С. 32–44.
- Гуревич, 1979 — *Гуревич Б.П.* Международные отношения в Центральной Азии в XVII — первой половине XIX в. М., 1979.
- Гучинова, 2003 — *Гучинова Э.-Б.* Постсоветская Элиста: власть, бизнес и красота. Очерки социально-культурной антропологии калмыков. СПб., 2003.
- Даль, 1957 — *Даль В.И.* Пословицы русского народа. М., 1957.
- Даль, 1989 — *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М., 1989.
- Даль, 1991 — *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. М., 1991.
- Даниил, 1876 — *Даниил из Бухова*. Начало и возвышение Московии // *ЧОИДР*. 1876. Кн. 3. С. 47–73.
- Дахкильгов, 1978 — *Дахкильгов И.А.* Исторический фольклор чеченцев и ингушей. Грозный, 1978.
- Демидова, 1961 — *Демидова Н.Ф.* Управление Башкирией и повинности населения Уфимской провинции в первой трети XVIII в. // *Исторические записки*. Т. 68. М., 1961. С. 211–237.
- Демидова, 2003 — *Демидова Н.Ф.* Башкирские «посольства» в Москву в XVII веке // *От Древней Руси к России нового времени*. Сб. статей к 70-летию А.Л.Хорошкевич. Отв. ред. В.Л.Янин. М., 2003. С. 179–187.
- Державин, 1944 — *Державин Н.С.* Происхождение русского народа. М., 1944.
- Джамбадорджи, 2005 — *Джамбадорджи*. Хрустальное зеркало. Пер. Б.И.Короля, А.Д.Цендиной // *История в трудах ученых лам*. Сост. А.С.Железняков, А.Д.Цендина. М., 2005. С. 62–154.
- Дзамихов, 1994 — *Дзамихов К.Ф.* Адыги: вехи истории. Нальчик, 1994.
- Дзамихов, 2001 — *Дзамихов К.Ф.* Адыги в политике России на Кавказе (1550-е — начало 1770-х гг.). Нальчик, 2001.
- Дидона, 1987 — *Дидона* // *Мифы народов мира*. Энциклопедия. Гл. ред. С.А.Токарев. Т. 1. М., 1987. С. 377–378.
- Димитриев, 1975 — *Димитриев В.Д.* Чувашские предания о Казанском ханстве и присоединении Чувашии к России // *Тр. НИИ при Совете Министров Чувашской АССР*. Вып. 60. Чебоксары, 1975. С. 88–136.
- Димитриев, 1986 — *Димитриев В.Д.* Чувашия в эпоху феодализма (XVI — начало XIX в.). Чебоксары, 1986.
- Димитриев, 1993 — *Димитриев В.Д.* Чувашские исторические предания. Очерки истории чувашского народа с древних времен до середины XIX в. Чебоксары, 1993.
- Димитриев, 2001 — *Димитриев В.Д.* Мирное присоединение Чувашии к Российскому государству. Чебоксары, 2001.
- Дингельштедт, 1896 — *Дингельштедт Н.А.* Мусульманская присяга и клятва // *Журнал Министерства юстиции*. СПб., 1896. Апрель. С. 112–156.
- Дмитриева, 1955 — *Дмитриева Р.П.* Сказание о князьях владимирских. М.; Л., 1955.
- Дмитриева, 2004 — *Дмитриева Е.Н.* Языческие мотивы в системе русской народной культуры XIX века (на примере заговоров). Автореф. канд. дис. М., 2004.
- Дневник — *Дневник Рерихов*. <http://hrst-commun.narod.ru/tain-ros8.htm>

- Документы, 1940 — Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Т. I. Отв. ред. Б.Д.Греков, В.И.Лебедев. Саранск, 1940.
- Документы, 1975 — Документы ставки Е.И.Пугачева, повстанческих властей и учреждений. 1773–1775 гг. Отв. ред. Р.В.Овчинников. М., 1975.
- Долганский, 1937 — Долганский фольклор. Вступит. ст., тексты и пер. А.А.Попова. Лит. обработка Е.М.Тагер. Л., 1937.
- Долгих, 1960 — *Долгих Б.О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М., 1960.
- Домников, 2002 — *Домников С.Д.* Мать-земля и Царь-город. Россия как традиционное общество. М., 2002.
- Доннелли, 1995 — *Доннелли А.С.* Завоевание Башкирии Россией. 1552–1740. Страницы истории империализма. Уфа, 1995.
- Дополнения, 1848 — Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археологической комиссией. Т. 3. Подгот. к изд. М.Коркунов. СПб., 1848.
- Дополнения, 1855 — Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археологической комиссией. Т. 5. Подгот. к изд. Я.Бердников, М.Коркунов. СПб., 1855.
- Древнетюркский, 1969 — Древнетюркский словарь. Ред. В.М.Наделяев и др. Л., 1969.
- Древние, 1977 — Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М., 1977.
- Дронова, Истомин, 2003 — *Дронова Т.И., Истомин К.В.* Межэтническое взаимодействие в Печорском крае: ненцы, русские (усть-цилемы) и коми-ижемцы // ЭО. 2003. № 5. С. 54–67.
- Дугаров, 2002 — *Дугаров Б.С.* Легенда о первопоселенцах Оки и их поездке к Петру I // Народы Бурятии в составе России: от противостояния к согласию (300 лет указу Петра I). Ч. III. Отв. ред. Е.М.Егоров. Улан-Удэ, 2002. С. 20–24.
- Дугин, 1996 — *Дугин А.Г.* Мистерии Евразии. М., 1996.
- Ермолаев, 1982 — *Ермолаев И.П.* Среднее Поволжье во второй половине XVI–XVII вв. (Управление Казанским краем). Казань, 1982.
- Ерофеева, 1993 — *Ерофеева И.В.* Русская имперская идея в истории (к проблеме западно-восточного культурно-идеологического синтеза) // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Ч. 2. Ред. С.А.Панарин. М., 1993. С. 265–278.
- Ерофеева, 1999 — *Ерофеева И.В.* Хан Абулхайр: полководец, правитель и политик. Алматы, 1999.
- Ерохина — *Ерохина Е.А.* Народы Сибири: к вопросу о специфике межэтнических взаимодействий // СЗ. 2001. № 1. http://www.zaimga.ru/to_sun/erohina1.shtml
- Ерусалимский, 2005 — *Ерусалимский К.Ю.* Курбский как ренессансный историк // Восточная Европа в древности и средневековье. Проблемы источниковедения. XVII Чтения памяти В.Т.Папую. IV Чтения памяти А.А.Зиминой. Тез. докл. Ч. II. М., 2005. С. 194–198.
- Етимологічний, 1985 — Етимологічний словник літописних географічних назв Південної Русі. Сост. И.М.Железняк и др. Київ, 1985.
- Ефимова, 1991 — *Ефимова М.Ф.* История в песнях. Саранск, 1991.
- Жуковская, 1988 — *Жуковская И.Л.* Категории и символика традиционной культуры монголов. М., 1988.
- Зайцев, 2003 — *Зайцев И.В.* «Вольная грамота турецкого султана» «некому русину» // ТС. 2002: Россия и тюркский мир. Редкол.: С.Г.Кляшторный и др. М., 2003. С. 229–244.
- Зайцев, 2004а — *Зайцев И.В.* Астраханское ханство. М., 2004.
- Зайцев, 2004б — *Зайцев И.В.* Между Москвой и Стамбулом. Джучидские государства, Москва и Османская империя (начало XV — первая половина XVI в.). Очерки. М., 2004.
- Зайцев, 2005 — *Зайцев И.В.* Без гнева и пристрастия. Татары и русские в зеркале взаимного восприятия // Родина. М., 2005. № 8. С. 100–107.
- Закриев, 2005 — *Закриев Б.Б.* Чечня в политике России в последней трети XVIII — начале XIX в. Автореф. канд. дис. Грозный, 2005.

- Залкинд, 1958 — Залкинд Е.М. Присоединение Бурятии к России. Улан-Удэ, 1958.
- Златкин, 1983 — Златкин И.Я. История Джунгарского ханства. 1635–1758. М., 1983.
- Зотов, 1993 — Зотов О.В. Московская Русь: геополитика в «сердце земли» (о ранней микромодели империи) // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Ч. 1. Ред. С.А.Панарин. М., 1993. С. 106–123.
- Зуев, 2000а — Зуев А.С. От завоевания к вхождению, или Как присоединяли Сибирь к России советские историки // Родина. М., 2000. № 5. С. 56–63.
- Зуев, 2000б — Зуев А.С. Характер присоединения Сибири в новейшей отечественной историографии // СЗ. 2000. № 1. http://www.zaimka.ru/to_sun/zuev1.shtml
- Зуев, 2001 — Зуев А.С. Поход Д.И.Павлуцкого на Чукотку в 1731 г. // СЗ. 2001. № 7. http://www.zaimka.ru/to_sun/zuev2.shtml
- Зуев, 2002а — Зуев А.С. Начало деятельности Анадырской партии и русско-корякские отношения в 1730-х годах // СЗ. 2002. № 5. <http://www.zaimka.ru/kazaki/kuzminykh1.shtml>
- Зуев, 2002б — Зуев А.С. Русские и аборигены на крайнем Северо-Востоке Сибири во второй половине XVII — первой четверти XVIII в. Новосибирск, 2002.
- Зуев, 2005 — Зуев А.С. Присоединение крайнего Северо-Востока Сибири к России: военно-политический аспект. Вторая половина XVII — XVIII век. Автореф. докт. дис. Томск, 2005.
- Иванов, 1999 — Иванов В.Н. Вхождение Северо-Востока Азии в состав Русского государства. Новосибирск, 1999.
- Игнатьев, 1922 — Игнатьев Р.Г. Карасакал, лже-хан Башкирии // Тр. Научного общества по изучению быта, истории и культуры башкир при Наркомпросе. Вып. 2. Стерлитамак, 1922. С. 38–66.
- Идегей, 1990 — Идегей. Татарский народный эпос. Пер. С.Липкина. Казань, 1990.
- Измайлов, 2005 — Измайлов И.Л. «...Казань-город на костях стоит». Исторические песни русских и татар о взятии Казани // Родина. М., 2005. № 8. С. 110–114.
- Иохельсон, 1900 — Иохельсон В.И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. Ч. I. СПб., 1900.
- Ислаев, 2001 — Ислаев Ф.Г. Ислам и православие в Поволжье XVIII столетия: от конфронтации к терпимости. Казань, 2001.
- Исторические песни, 1960 — Исторические песни XIII–XVI веков. Отв. ред. Б.Н.Путилов. М.; Л., 1960.
- Исторические песни, 1966 — Исторические песни XVII века. Отв. ред. Б.Н.Путилов. М.; Л., 1966.
- Исторические песни, 1971 — Исторические песни XVIII века. Отв. ред. А.Д.Соймонов. Л., 1971.
- Исторические песни, 1973 — Исторические песни XIX века. Отв. ред. В.Г.Базанов. Л., 1973.
- Исторические предания, 1960 — Исторические предания и рассказы якутов. Ч. 2. Изд. подгот. Г.У.Эргис. Ред. А.А.Попов. М.; Л., 1960.
- Исторический фольклор, 1966 — Исторический фольклор эвенков. Сказания и предания. Запись текстов, пер., коммент. Г.М.Василевич. М.; Л., 1966.
- История, 1873 — История монголов по армянским источникам. Пер. и объяснения К.П.Патканова. Вып. 1. СПб., 1873.
- История, 1951 — История Бурят-Монгольской АССР. Т. I. Ред. А.П.Окладников. Улан-Удэ, 1951.
- История, 1957а — История Кабарды с древнейших времен до наших дней. Отв. ред. Н.А.Смирнов. М., 1957.
- История, 1957б — История Казахской ССР. Т. I. Редкол.: М.О.Ауэзов и др. А.-А., 1957.
- История, 1957в — История Якутской АССР. Т. II: Якутия от 1630-х годов до 1917 г. Редкол.: С.А.Токарев и др. М., 1957.
- История, 1959 — История Северо-Осетинской АССР. Отв. ред. С.К.Бушуев. М., 1959.
- История, 1967а — История Дагестана. Т. I. Отв. ред. В.Г.Гаджиев. М., 1967.
- История, 1967б — История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Т. I. Отв. ред. Т.Х.Кумыков. М., 1967.

- История, 1968а — История Сибири с древнейших времен до наших дней. Т. 2: Сибирь в составе феодальной России. Ред. В.И.Шунков. Л., 1968.
- История, 1968б — История Татарской АССР (с древнейших времен до наших дней). Редкол.: З.И.Гильманов и др. Казань, 1968.
- История, 1979 — История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. Т. III. Редкол.: А.Нусупбеков и др. А.-А., 1979.
- История, 1984 — История Киргизской ССР с древнейших времен до наших дней. Т. I. Гл. ред. В.М.Плоских. Фрунзе, 1984.
- История, 1988 — История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. Отв. ред. Б.Б.Пиотровский. М., 1988.
- История, 1992 — История Марийского края в документах и материалах. Вып. I: Эпоха феодализма. Сост. Г.Н.Айплатов, А.Г.Иванов. Йошкар-Ола, 1992.
- История, 1993 — История Хакасии с древнейших времен до 1917 года. Отв. ред. Л.Р.Кызласов. М., 1993.
- История, 1996 — История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX века. Отв. ред. Х.Ф.Усманов. Уфа, 1996.
- История, 2004 — История Дагестана с древнейших времен до наших дней. Т. I: История Дагестана с древнейших времен до XX века. Отв. ред. А.И.Османов. М., 2004.
- Исхаков, 2004 — Исхаков Д.М. Тюрко-татарские государства XV–XVI вв. Казань, 2004.
- Исхаков, Измайлов, 2005 — Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Введение в историю Казанского ханства. Очерки. Казань, 2005.
- Кабардинско-русские, 1957 — Кабардинско-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы в двух томах. Ред. Т.Х.Калмыков, Е.Н.Кушева. Т. I: XVI–XVII вв. Т. II: XVIII в. М., 1957.
- Кавказский, 2001 — «Кавказский перс», или Пожелаем им добра. Круглый стол // Родина. М., 2001. № 1–2. С. 12–19.
- Казарян, 2002 — Казарян П.Л. Присоединение бассейнов рек Яны и Индигирки к Русскому государству // СЗ. 2002. № 4. http://www.zaimka.ru/04_2002/kazarjan_yaku/
- Казахи, 2004 — Казахи в Крестьянской войне 1773–1775 гг. под предводительством Е.И.Пугачева. Публ. Н.Е.Бекмахановой // История народов России в исследованиях и документах. Отв. ред. В.В.Треняков. М., 2004. С. 186–219.
- Казахско-русские, 1961 — Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках (сборник документов и материалов). Сост. Ф.Н.Киреев и др. Ред. В.Ф.Шахматов и др. А.-А., 1961.
- Калецкий, 1958 — Калецкий П.И. К вопросу о проблематике и основных образах исторических песен XVI–XVIII веков // Русский фольклор. Материалы и исследования. Вып. III. М.; Л., 1958. С. 26–45.
- Калмыцкие, 1969 — Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе. Сост. А.В.Бадмас. Олуста, 1969.
- Каппелер, 2000 — Каппелер А. Россия — многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М., 2000.
- Карабушенко, 1995 — Карабушенко П.Л. Политическое самосознание русской элиты Новой Астрахани 2-й половины XVI — 1-й трети XVII века // Проблемы взаимодействия национальных культур (Межэтнические общения в полиэтническом регионе). Сб. тез. регион. науч. конф. Ч. 2. Ред. Е.М.Пигарев. Астрахань, 1995. С. 98.
- Карельское, 1982 — Карельское народно-поэтическое творчество. Подгот. и пер. текстов В.Я.Евсеева. Л., 1982.
- Карташев, 1928 — Карташев А.В. Судьбы «Святой Руси» // Православная мысль. Тр. Православного Богословского института. Вып. I. Париж, 1928. С. 134–156.
- Катанов, 1887 — Катанов И.Ф. Родословие сеидов // Сибирский сборник. СПб., 1887. С. 234–238 (прил. к «Восточному обозрению»).
- Катанов, 1895 — Катанов И.Ф. Предания тобольских татар о Кучуме и Ермаке // Ежегодник Тобольского губ. музея. Вып. V. Тобольск, 1895–1896. С. 1–12 (отд. лит.).

- Катанов, 1897 — Катанов Н.Ф. Предания тобольских татар о прибытии в 1572 г. мухаммеданских проповедников в г. Искер // Ежегодник Тобольского губ. музея. Вып. VII. Тобольск, 1897. С. 51–61.
- Катанов, 1907 — Катанов Н.Ф. Наречие урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов // Образцы народной литературы тюркских племен, изд. В.В.Радловым. Ч. 9. СПб., 1907.
- Катанов, Покровский, 1905 — Катанов Н.Ф., Покровский И.М. Отрывок из одной татарской летописи // Изв. Общества археологии, истории и этнографии при имп. Казанском университете. Т. XXI. Вып. 4. 1905. С. 303–348.
- Каштанов, 1997 — Каштанов С.М. Государь и подданные на Руси в XIV–XVI вв. // In memoriam: Сб. памяти Я.С.Лурье. СПб., 1997. С. 217–229.
- Кертес-Варга, 2001 — Кертес-Варга Б. Русский централизм и украинская автономия // Место России в Евразии. The Place of Russia in Eurasia. Ред. Д.Свак. Будапешт, 2001. С. 249–258.
- Киселева — Киселева Л.А. Мифология и «реалии» старообрядчества в «Песни о Великой Матери» Николая Клюева. http://kluev.org.ua/academia/starover_st_1.htm
- Классен, 1999 — Классен Е. Новые материалы для древнейшей истории славян вообще и славяно-русов до рюриковского времени в особенности с легким очерком истории руссов до Рождества Христова. М., 1999.
- Ключевский, 1988 — Ключевский В.О. Сочинения. Т. III. М., 1988.
- Кляшторный, Султанов, 2004 — Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье. СПб., 2004.
- Кобеко, 1893 — Кобеко Д.Ф. [Рец. на:] Лилеев Н.В. Симеон Бекбулатович, хан касимовский. Тверь, 1891 // Зап. Восточного отделения Рус. археол. общества. Т. VII. Вып. I–IV. СПб., 1893. С. 335–338.
- Коваленко, 1990 — Коваленко Г.М. Русские глазами шведов. Этнопсихологический стереотип // Славяне и их соседи. Этнопсихологические стереотипы в средние века. Отв. ред. Б.Н.Флоря. М., 1990. С. 65–73.
- Кожанов, 1977 — Кожанов А.А. Внешность как фактор этнического сопоставления (к вопросу о методике изучения) // СЭ. 1977. № 3. С. 14–21.
- Кожин, 1997 — Кожин П.М. Традиции в системе этноса // ЭО. 1997. № 6. С. 3–13.
- Козлов — Козлов Н. Белый царь. http://to-be-czar.narod.ru/czar/files/about/b_czar.htm-16K
- Колесник, 2003 — Колесник В.И. Последнее великое кочевье. Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII веках. М., 2003.
- Колониальная, 1935 — Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII веке. Сб. архивных документов. Ред. Я.П.Алькор, А.К.Дрезен. Л., 1935.
- Колониальная, 1936 — Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в. Сб. документов. Ред. Я.П.Алькор, Б.Д.Греков. Л., 1936.
- Коми, 1984 — Коми легенды и предания. Сост. Ю.Г.Рочев. Сыктывкар, 1984.
- Коновалова, 2003 — Коновалова И.Г. Тюрки и славяне в этногенеалогиях средневековых арабо-персидских авторов // ТС. 2002: Россия и тюркский мир. Редкол.: С.Г.Кляшторный и др. М., 2003. С. 281–291.
- Кононов, 1978 — Кононов А.Н. Семантика цветообозначений в тюркских языках // ТС. 1975. Ред. А.Н.Кононов. М., 1978. С. 159–179.
- Константинова — Константинова Н. Ярофей Хабаров // Забайкалье: Наука. Культура. Жизнь (интернет-журнал). <http://zab.chita.ru/archiv.php?gurnal=9&article=152>
- Коровина, 2004 — Коровина Н.С. Коми сказки о богатырях русского эпоса и книжная традиция. Сыктывкар, 2004.
- Костров, 1884 — Костров Н.А. Предания томских инородцев о подданстве их России // Тр. IV Археологического съезда. Т. I. Казань, 1884. С. 202–207.
- Кочкаев, 1988 — Кочкаев Б.-А.Б. Ногайско-русские отношения в XV–XVIII вв. А.-А., 1988.
- Кралюк, 2003 — Кралюк П. С надеждой на «белого царя» // День. М., 01.06.2003.
- Крестьянские, 1994 — Крестьянские челобитные XVII в. Из собраний Государственного Исторического музея. Отв. ред. Е.И.Индова. М., 1994.

- Криничная, 1981 — *Криничная Н.А.* Предания об аборигенах края (к вопросу о мифологизме ранненсторических представлений) // РФ. С. 45–61.
- Крылов, 2001 — *Крылов К.А.* «Государственная религия» будущего // Отечественные записки. М., 2001. № 1. С. 66–77.
- Ксенофонтов, 1992 — *Ксенофонтов Г.В.* Ураангхай-сахалар. Очерки по древней истории якутов. Т. I. Кн. 1. Якутск, 1992.
- Куббель, 1985 — *Куббель Л.Е.* Культурная традиция в информационной сети культуры: функционирование и трансформация // СЭ. 1985. № 6. С. 17–28.
- Кузеев, 1957 — *Кузеев Р.Г.* Башкирские шежере о присоединении Башкирии к Русскому государству // СЭ. 1957. № 4. С. 3–12.
- Кузеев, Юлдашбаев, 1957 — *Кузеев Р.Г., Юлдашбаев Б.Х.* 400 лет вместе с русским народом. Присоединение Башкирии к Русскому государству и его историческое значение. Уфа, 1957.
- Кузьминых, 2001 — *Кузьминых В.И.* Образ русского казака в фольклоре народов Северо-Восточной Сибири // СЭ. 2001. № 5. <http://www.zaimka.ru/kazaki/kuzminykh1.shtml>
- Кузнецов, 2003 — *Кузнецов С.К.* Четыре дня у черемис во время Сюрема // Полтыш — князь черемисский. Малмыжский край. Ред.-сост. Лайд Шейер (В.Н.Козлов). Йошкар-Ола, 2003. С. 305–372.
- Кулаковский, 1979а — *Кулаковский А.Е.* Материалы для изучения верований якутов // Науч. тр. Якутск, 1979. С. 7–101.
- Кулаковский, 1979б — *Кулаковский А.Е.* Якутские пословицы и поговорки // Науч. тр. Якутск, 1979. С. 102–214.
- Кулмаматов, 1994 — *Кулмаматов Д.С.* Среднеазиатские дипломатические документы и их русские переводы XVII в. (Грамоты. Челобитные). М., 1994.
- Кульшарипов, 2004 — *Кульшарипов М.М.* Руководители башкирских движений в борьбе за свободу народа // Идея свободы в жизни и творчестве Салавата Юлаева. Отв. ред. И.Г.Илишев. Уфа, 2004. С. 39–42.
- Кундакбаева, 2005 — *Кундакбаева Ж.Б.* «Знаком милости Е.И.В.». Россия и народы Северного Прикаспия в XVIII веке. М., 2005.
- Кучумов, 2003 — *Кучумов И.* Крючья под ребро истории: этнилизм в постсоветской историографии Башкортостана // Новая волна в изучении этнополитической истории Волго-Уральского региона. Ред. К.Мацузато. Сарго, 2003. С. 52–104.
- Кушева, 1963 — *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI — 30-е годы XVII века). М., 1963.
- Лаврентьев, 2001 — *Лаврентьев А.В.* Царевич — царь — цесарь. Лжедмитрий I, его государственные печати, наградные знаки и медали. 1604–1606 гг. СПб., 2001.
- Лашков, 1891 — *Лашков Ф.Ф.* Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI и XVII вв. Симферополь, 1891.
- Лебедев, 1936 — *Лебедев В.* Из истории сношений казахов с царской Россией в XVIII в. // Красный архив. М., 1936. № 5 (78). С. 187–225.
- Левкович, 1983 — *Левкович В.П.* Социально-психологические аспекты этнического сознания // СЭ. 1983. № 4. С. 75–78.
- Легенды, 1982 — *Легенды и предания мордвы.* Сост. Л.В.Седова. Саранск, 1982.
- Летопись, 1854 — *Летопись Григория Гряблянки.* Киев, 1854.
- Летопись, 1878 — *Летопись Самовидца с приложениями.* Киев, 1878.
- Лилеев, 1891 — *Лилеев Н.В.* Симеон Бекбулатович, хан касимовский, великий князь всея Руси, впоследствии великий князь Тверской. 1567–1616 гг. (Исторический очерк). Тверь, 1891.
- Лобачева, 1998 — *Лобачева Г.В.* Представления россиян о монархии: лексико-семантический аспект. Саратов, 1998.
- Лобачева, 1999 — *Лобачева Г.В.* Самодержавие и Россия: образ царя в массовом сознании россиян (конец XIX — начало XX века). Саратов, 1999.
- Лопуленко, Мартынова, 2002 — *Лопуленко Н.А., Мартынова М.Ю.* В мире жить с миром жить. Дружба и взаимопонимание в фольклоре народов России. М., 2002.

- Лоссиевский, 1881 — *Лоссиевский М.В.* Из неизданных арабских и татарских хроник Оренбургского края // Оренбургский листок. 22.02.1881 (№ 8).
- Лубсан Данзан, 1973 — *Лубсан Данзан.* Алтан тобчи («Золотое сказание»). Пер. с монг., введ., коммент. и примеч. Н.П.Шастиной. М., 1973.
- Лукин, 2000 — *Лукин П.В.* Народные представления о государственной власти в России XVII века. М., 2000.
- Люцидарская, 1998 — *Люцидарская А.А.* Русско-мансийские отношения в конце XVI–XVII вв. // ЭО. 1998. № 3. С. 98–107.
- Магомедов, Магомедов, 1994 — *Магомедов Р.М., Магомедов А.Р.* История Дагестана. Махачкала, 1994.
- Майерберг, 1873 — *Майерберг А.* Путешествие в Московию барона Августина Майерберга и Горация Вильгельма Кальвуччи, послов императора Леопольда, к царю и великому князю Алексею Михайловичу в 1661 году // ЧОИДР. 1873. Кн. 4. С. 105–168.
- Максимов, 2000 — *Максимов К.Н.* История национальной государственности Калмыкии (начало XVII — XX в.). М., 2000.
- Максимов, 2002 — *Максимов К.Н.* Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России (XVII–XX вв.). М., 2002.
- Мальбахов, 2002 — *Мальбахов Б.К.* Кабарда на этапах политической истории (середина XVI — первая четверть XIX века). Москва; Нальчик, 2002.
- Мальцев, 1974 — *Мальцев А.Н.* Россия и Белоруссия в середине XVII века. М., 1974.
- Мамаев, 2001 — *Мамаев М.И.* Отношения политических образований Нагорного Дагестана с Россией в XVIII — начале XX в. Автореф. канд. дис. Махачкала, 2001.
- Марасинова, 1999 — *Марасинова Е.Н.* Образ императора в сознании элиты российского дворянства последней трети XVIII века (по материалам эпистолярных источников) // Царь и царство в русском общественном сознании. Отв. ред. А.А.Горский. М., 1999. С. 141–178.
- Марасинова, 2005 — *Марасинова Е.Н.* К истории политического языка в России XVIII века // Отечественная история. М., 2005. № 5. С. 3–16.
- Марийский, 1991 — *Марийский фольклор.* Мифы, легенды, предания. Сост. В.А.Аксонин. Йошкар-Ола, 1991.
- Мартынова, 2002 — *Мартынова Е.П.* Религиозные представления юганско-балыкских хантов // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. Отв. ред. Г.П.Визгалов. Екатеринбург, 2002. С. 82–91.
- Маслов, 1906 — *Маслов А.Л.* Песни Поволжья (Саратовской, Симбирской и Самарской губ.) // Изв. Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. 113. М., 1906. С. 453–474.
- Материалы, 1932 — *Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Ч. I: Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI–XVII в.* Ред. А.Н.Самойлович. Л., 1932.
- Материалы, 1936 — *Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I: Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII в.* Ред. Н.В.Устюгов. М.; Л., 1936.
- Материалы, 1942 — *Материалы по истории осетинского народа. Сборник документов по истории завоевания Осетии русским царизмом. Т. II.* Подгот. В.С.Гальцевым. Орджоникидзе, 1942.
- Материалы, 1949 — *Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. III: Экономические и социальные отношения в Башкирии в первой половине XVIII в.* Ред. Н.В.Устюгов. М.; Л., 1949.
- Материалы, 1978 — *Материалы по фольклору хантов. Записи, введ., коммент. В.М.Кулемзина, Н.В.Лукиной.* Томск, 1978.
- Махмуд, 1997 — *Махмуд из Хиналуга.* События в Дагестане и Ширване XIV–XV вв. Пер. с араб., сост., предисл., коммент, прил. А.Р.Шихсаидова. Махачкала, 1997.
- Мелихов, 1974 — *Мелихов Г.В.* Маньчжуры на Северо-Востоке (XVII в.). М., 1974.
- Миллер, 1999 — *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. I. М., 1999.
- Миллер, 2000 — *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. II. М., 2000.

- Миллер, 2005 — Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. III. М., 2005.
- Миненко, 1975 — Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в. Историко-этнографический очерк. Новосибирск, 1975.
- Миненко, 1986 — Миненко Н.А. Предания о чуди и народная концепция присоединения Сибири (К изучению этнокультурных контактов русских с сибирскими татарами) // Этнические культуры Сибири. Проблемы эволюции и контактов. Отв. ред. И.Н.Гемуев, А.М.Сагалаев. Новосибирск, 1986. С. 46–59.
- Мининков, 1998 — Мининков Н.А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). Ростов-на-Дону, 1998.
- Мининков, 2004 — Мининков Н.А. Донские атаманы второй половины XVII в.: смена поколений и политических ориентиров // GRJPSR. С. 375–381.
- Мирасов, 1927 — Мирасов С. Башкурт шежере // Башкурт аймагы. Өфө, 1927. № 4. С. 1–6.
- Мифологические, 1961 — Мифологические сказки и исторические предания энцев. Записи, введ., коммент. Б.О.Долгих. М., 1961.
- Мифы, 1990 — Мифы, предания, сказки хантов и манси. Сост., предисл., примеч. Н.В.Лукиной. М., 1990.
- Мифы, 1995 — Мифы и легенды хакасов. Сост. и пер. П.А.Троякова. Абакан, 1995.
- Мифы, 1996 — Мифы древней Волги. Мифы, легенды, сказания, быт и обычаи народов, обитавших берега великой реки с древнейших времен до наших дней. Сост. В.И.Вардугин. Саратов, 1996.
- Мифы, 2001а — Мифы и предания ненцев Ямала. Автор-сост. Л.А.Лар. Отв. ред. Е.Т.Пушкарёва. Тюмень, 2001.
- Мифы, 2001б — Мифы, предания, сказки кетов. Сост., предисл., примеч. Н.В.Лукиной. М., 2001.
- Модоров, 1996 — Модоров Н.С. Россия и Горный Алтай. Политические, социально-экономические и культурные отношения (XVII–XVIII вв.). Горно-Алтайск, 1996.
- Моисеев, 1991 — Моисеев В.А. Джунгарское ханство и казахи (XVII–XVIII вв.). А.-А., 1991.
- Монгуш, 2001 — Монгуш М.В. История буддизма в Туве (вторая половина VI — конец XX в.). Новосибирск, 2001.
- Москаленко, Скобелев, 2001 — Москаленко С.В., Скобелев С.Г. Потери коренного населения Сибири в ходе боевых действий в конце XVI — XX в. // СЗ. 2001. № 2. http://www.zaimka.ru/to_sun/moskalenko1.shtml
- Мыльников — Мыльников А.С. Белорусы: этнос и этноним в польской, немецкой и шведской исторической мысли XVI–XVII вв. // Камунікат. Беларуская інтэрнэтная бібліятэка. http://kamunikat.net.iig.pl/www.czasopisy/sbornik/01/02_mylnikov.htm
- Мялль, 1988 — Мялль Л.Э. Тара // Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 2. Гл. ред. С.А.Токарев. М., 1988.
- Наджип, 1979 — Наджип Э.Н. Историко-сравнительный словарь тюркских языков XIV века. На материале «Хосрау и Ширин» Кутба. Кн. I. М., 1979.
- Нанайский фольклор, 1996 — Нанайский фольклор. Нани фольклорни: Нингман, сиохор, тэлунгу. Подгот. текстов, пер., коммент. Н.Б.Киле. Отв. ред. Е.П.Лебедева, Л.Е.Фетисова. Новосибирск, 1996.
- Народы, 2000 — Народы Поволжья и Приуралья: Коми-зыряне. Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты. Отв. ред. Н.Ф.Мокшин и др. М., 2000.
- Национальные, 1998 — Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления. Отв. ред. С.Г.Агаджанов, В.В.Трепавлов. М., 1998.
- Небольсин, 1852 — Небольсин П.И. Очерки Волжского низовья. СПб., 1852.
- Нестеров, 2003 — Нестеров А.Г. Формирование государственности у тюркских народов Урала и Западной Сибири в XIV–XVI вв. // Дешт-и Кипчак и Золотая Орда в становлении культуры евразийских народов. Ред. Д.М.Насилов. М., 2003. С. 109–121.
- Нижегородские, 2000 — Нижегородские исторические песни. Отв. ред. Н.В.Морохин. Нижний Новгород, 2000.

- Никитин, 1987 — *Никитин Н.И.* Сибирская эпопея XVII века. Начало освоения Сибири русскими людьми. М., 1987.
- Никитин, 1998 — *Никитин Н.И.* Землепроходец Семен Дежнев и его время. М., 1998.
- Никитин, 1999 — *Никитин В.П.* Табуированный пантеон чувашской религии // Проблемы национального в развитии чувашского народа. Чебоксары, 1999. С. 248–259.
- Никитин, 2005 — *Никитин Н.И.* О взаимоотношениях русских и татар в Сибири XVII–XX веков // Проблемы социально-экономического и культурного развития Сибири XVII–XX вв. Отв. ред. М.В.Шиловский. Новосибирск, 2005. С. 29–36.
- Никифоров, 1994 — *Никифоров В.М.* Историческая основа пословиц и поговорок народа саха // Якутия и Россия: 360 лет совместной жизни. Отв. ред. В.Н.Иванов. Якутск, 1994. С. 94–101.
- Николаев, 1999 — *Николаев Г.А.* Заметки о чувашско-русских взаимоотношениях в средневожской деревне на рубеже XIX–XX вв. // Проблемы национального в развитии чувашского народа. Чебоксары, 1999. С. 38–52.
- Николаев, 2001а — *Николаев Г.А.* «Чувашская натура» в воспоминаниях И.Я.Яковлева: некоторые размышления и источниковедческие заметки // И.Я.Яковлев и проблемы яковлевоведения. Ред.-сост. М.Г.Кондратьев. Чебоксары, 2001. С. 19–41.
- Николаев, 2001б — *Николаев Г.А.* Этнический и конфессиональный компоненты в повседневной жизни поволжской деревни второй половины XIX — начала XX столетий: к постановке проблемы // Христианизация народов Среднего Поволжья и ее историческое значение. Отв. ред. А.Г.Иванов. Йошкар-Ола, 2001. С. 90–105.
- Никольский, 1919 — *Никольский Н.В.* Сборник исторических материалов о народностях Поволжья. Казань, 1919.
- Новосельский, 1948 — *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л., 1948.
- Новосельцев, 1990 — *Новосельцев А.Н.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.
- Новосельцев, 2000 — *Новосельцев А.П.* Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г. Отв. ред. Т.М.Калинина. М., 2000. С. 264–323.
- Ногмов, 1994 — *Ногмов Ш.Б.* История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев. Нальчик, 1994.
- Носенко — *Носенко Е.Э.* Введение в этнологию еврейского народа. <http://jewish-euhnograph.msaab.ru/Magics.htm>
- Носенко, 2001 — *Носенко Е.Э.* «...Вот праздники Бога». Историко-генетическое исследование еврейских праздников. М., 2001.
- О преемственности — О преемственности царской власти между Византией и Русью. <http://byzantion.narod.ru/st1.htm>
- Овчинников, 1970 — *Овчинников Р.В.* Гурьевская крепость // История СССР. М., 1970. № 1. С. 188–193.
- Окладников, 1937 — *Окладников А.П.* Очерки из истории западных бурят-монголов. Л., 1937.
- Оксенов, 1894 — *Оксенов А.В.* Народная поэзия. Былины, песни, духовные стихи. М., 1894.
- Орешкова, 1996 — *Орешкова С.Ф.* Неизвестное турецкое сочинение середины XVIII века об отношениях с Россией и османском понимании европейских международных отношений того времени // Османская империя: проблемы внешней политики и отношений с Россией. Отв. ред. С.Ф.Орешкова. М., 1996. С. 129–212.
- Орешкова, 2005 — *Орешкова С.Ф.* Некоторые проблемы крымско-татарской государственности // *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Османской Порты. В двух томах. Т. 2. М., 2005. С. 283–310.
- Охотничьи — Охотничьи заговоры и обереги. <http://decenon.hut.ru/zagoxot3.html>
- Очерки, 1955 — Очерки по истории Коми АССР. Ред. К.В.Сивков и др. Т. I. Сыктывкар, 1955.

- Очерки, 1956 — Очерки по истории Башкирской АССР. Т. I. Ч. I. Ред. А.И.Смирнов и др. Уфа, 1956.
- Очерки, 1957а — Очерки истории Дагестана. Т. I. Отв. ред. М.О.Косеиш. Махачкала, 1957.
- Очерки, 1957б — Очерки истории Карелии. Т. I. Ред. В.Н.Бернадский и др. Петрозаводск, 1957.
- Очерки, 1958 — Очерки истории Удмуртской АССР. Т. I. Гл. ред. И.И.Вельяминов. Ижевск, 1958.
- Очерки, 1965 — Очерки истории Марийской АССР (с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции). Отв. ред. А.В.Хлебников. Йошкар-Ола, 1965.
- Очерки, 1967а — Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. Гл. ред. Н.В.Устюгов и др. М., 1967.
- Очерки, 1967б — Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Гл. ред. Н.А.Смирнов. Т. I. Грозный, 1967.
- Павлов, 1878 — *Павлов А.С.* Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. СПб., 1878.
- Пайпс, 1993 — *Пайпс Р.* Россия при старом режиме. М., 1993.
- Памятники, 1882 — Памятники сибирской истории XVIII века. Ред. А.И.Тимофеев. Кн. 1: 1700–1713. СПб., 1882.
- Памятники, 1885 — Памятники сибирской истории XVIII века. Ред. А.И.Тимофеев. Кн. 2: 1713–1724. СПб., 1885.
- Памятники, 1981 — Памятники литературы Древней Руси. XIII век. Сост. и общ. ред. Л.А.Дмитриева, Д.С.Лихачева. М., 1981.
- Памятники, 1985 — Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI века. Сост. и общ. ред. Л.А.Дмитриева, Д.С.Лихачева. М., 1985.
- Памятники, 1986 — Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. Сост. и общ. ред. Л.А.Дмитриева, Д.С.Лихачева. М., 1986.
- Памятники, 1989 — Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Кн. 2. Сост. и общ. ред. Л.А.Дмитриева, Д.С.Лихачева. М., 1989.
- Перетяткович, 1877 — *Перетяткович Г.И.* Поволжье в XV и XVI веках (Очерки из истории края и его колонизации). М., 1877.
- Перетяткович, 1882 — *Перетяткович Г.И.* Поволжье в XVII и начале XVIII века (Очерк из истории колонизации края). Одесса, 1882.
- Песни — Песни Ставрополя. <http://nivjzha.narod.ru/Stavropol.htm>
- Песни, 1935 — Песни и сказания о Разине и Пугачеве. Вступит. ст., ред., примеч. А.Н.Лозановой. М.; Л., 1935.
- Платонов, 2003 — *Платонов О.А.* Царь // Святая Русь. Большая энциклопедия русского народа. Русское мировоззрение. Гл. ред., сост. О.А.Платонов. М., 2003.
- Плетнева, 1967 — *Плетнева С.А.* От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М., 1967.
- Плюханова, 1995 — *Плюханова М.Б.* Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995.
- Побережников, 1994 — *Побережников И.В.* Народная монархическая концепция на Урале (XVIII — первая половина XIX в.) // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 1994. № 1. С. 21–43.
- Поволяева — *Поволяева А.Н.* Язык — составная часть культуры (Языковая картина мира, стереотип, гештальт, этническая и национальная культура) // Философская газета: Традиция. Религия. Культура (интернет-издание). <http://www.phg.ru/issue16/fg-6.html>
- Под стягом, 1992 — Под стягом России. Сб. архивных документов. Сост., примеч. А.А.Сазонова и др. М., 1992.
- Поповић — *Поповић Л.* О семантике назива за боје у руском, украјинском и српском фолклору. http://www.rastko.org.yu/rastko-ukr/au/popovic_semantika.html
- Посольская, 2003 — Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой (1576 г.). Подгот. к печ., введ., коммент. В.В.Трепавлова. М., 2003.

- Посольские, 1995 — Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1549 гг. Ред. В.И.Буганов и др. Махачкала, 1995.
- Посольство, 1887 — Посольство к эюнгорскому хун-тайчжи Цэван-Рабтану капитана от артиллерии Ивана Унковского. СПб., 1887.
- Потапов, 1953 — *Потапов Л.П.* Очерки по истории алтайцев. М.; Л., 1953.
- Потапов, 1969 — *Потапов Л.П.* Этнический состав и происхождение алтайцев. Л., 1969.
- Потапов, 1972 — *Потапов Л.П.* Тубалары // Этническая история народов Азии. Отв. ред. С.М.Абрамзон, Р.Ф.Итс. М., 1972. С. 52–66.
- Православие — Православие. Исторический очерк. http://dao.crosna.net/osnovi_bitiya/OSN_RELIGII/hristianstvo/pravos/stati/st1_2.htm
- Присоединение, 2003 — Присоединение Среднего Поволжья к Российскому государству. Взгляд из XXI века. «Круглый стол» в Институте российской истории РАН. Отв. ред. А.Н.Сахаров, В.В.Трепавлов. М., 2003.
- Присоединение, 2005 — Присоединение Марийского края к Российскому государству. Взгляд из XXI века. Материалы VI Тарасовских чтений. Науч. ред. А.Г.Бахтин. Йошкар-Ола, 2005.
- Пропи, 1976 — *Пропи В.Я.* Фольклор и действительность. Избранные статьи. М., 1976.
- Прошлое, 1935 — Прошлое Казахстана в источниках и материалах. Сб. I. Ред. С.Д.Асфендияров, П.А.Кунте. А.-А.; М., 1935.
- ПСРЛ, т. 6. Вып. 2: Софийская вторая летопись. Подгот. текста С.Кистерев, Л.А.Тимошина. М., 2001.
- ПСРЛ, т. 11: Патриаршая или Никоновская летопись. Ред. С.Ф.Платонов. М., 1897.
- ПСРЛ, т. 13. Ч. I: Патриаршая или Никоновская летопись. Ред. С.Ф.Платонов. СПб., 1904.
- ПСРЛ, т. 13. Ч. 2: Патриаршая или Никоновская летопись. Ред. С.Ф.Платонов. СПб., 1906.
- ПСРЛ, т. 19: История о Казанском царстве (Казанский летописец). Подгот. к изд. Г.З.Кунцевич. М., 2000.
- ПСРЛ, т. 20. 1-я половина: Львовская летопись. Ред. С.А.Адрианов. СПб., 1910.
- ПСРЛ, т. 21. 2-я половина: Книга степенная царского родословия. Ред. С.П.Розанов. СПб., 1913. С. 343–708.
- ПСРЛ, т. 25: Московский летописный свод конца XV века. Ред. М.Н.Тихомиров. М.; Л., 1949.
- ПСРЛ, т. 29: Александро-Невская летопись. Ред. М.Н.Тихомиров. М., 1965. С. 117–223.
- ПСРЛ, т. 36: Сибирские летописи. Ч. 1: Группа Есиповской летописи. Отв. ред. А.П.Окладников, Б.А.Рыбаков. М., 1987.
- Путешествия, 1957 — Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. Ред., вступит. ст. и примеч. Н.П.Шастиной. М., 1957.
- Путилов, 1948 — *Путилов Б.Н.* Исторические песни на Тереке. Грозный, 1948.
- Путилов, 1997 — *Путилов Б.Н.* Эпическое сказительство. М., 1997.
- Пушкарев, 1994 — *Пушкарев Л.Н.* Духовный мир русского крестьянина по пословицам XVII–XVIII веков. М., 1994.
- Радлов, 1872 — *Радлов В.В.* Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. Ч. IV: Наречия барабинских, тарских, тобольских и тюменских татар. СПб., 1872.
- Радлов, 1989 — *Радлов В.В.* Из Сибири. Страницы дневника. М., 1989.
- Ражев, 1999 — *Ражев Ю.* Глазами первопроходцев // Дао. Путь бессмертия. 1999. № 6. http://www.mtu.net.ru/dao/n6/Glazami_pervoprohodcev.htm
- Разрядная, 1977 — Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Кн. 1–2. Сост. Н.Г.Савич. М., 1977.
- Рафаил — *Рафаил, архим.* О языке православной иконы. <http://pokrov.gatchina.ru/public/ikonopis.htm>
- Резун, Шиловский, 2004 — *Резун Д.Я., Шиловский М.В.* Предисловие // Сибирский правильный котел: социально-демографические процессы в Северной Азии XVI — начала XX века. Отв. ред. Д.Я.Резун. Новосибирск, 2004. С. 4–13.

- Рерих, 1994 — *Рерих Н.К.* Шамбала. М., 1994.
- Реформатская — Реформатская пресвитерианская церковь. <http://www.reformed.ru/liturgy/calendar-2003.html>
- Рифтин, 1988 — *Рифтин Б.Л.* У ди // Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 2. Гл. ред. С.А.Токарев. М., 1988. С. 544–545.
- Робинсон, 1978 — *Робинсон А.И.* Солнечная символика в «Слове о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве». Памятники литературы и искусства XI–XVII вв. Отв. ред. О.А.Державина. М., 1978. С. 7–58.
- Родионов, 1998 — *Родионов М.* Представление о стране как итог международного сотрудничества: Россия для стран южной части Аравийского полуострова // Понимание (интернет-журнал). № 2. 1 августа 1998 г. <http://www.irex.ru/publications/polemika/2/art4.htm>
- Роллен, 1749 — *Роллен Ш.* Древняя история об египтянах, о карфагенянах, об ассирианах, о вавилонянах, о мидянах, персах, о макидонянах и о греках... перепечатанная чрез Василия Тредиаковского. Т. 1–10. СПб., 1749–1762.
- Романов, 1997 — *Романов С.В.* К вопросу о характере взаимоотношений русского и аборигенного населения в XVII — I половине XVIII в. // Из истории освоения юга Западной Сибири русским населением в XVII — начале XX в. Отв. ред. В.А.Волчек. Кемерово, 1997. С. 84–91.
- Росовецкий, 1981 — *Росовецкий С.К.* Устная проза XVI–XVII вв. об Иване Грозном — правителе // РФ. С. 71–95.
- Российская, 2003 — Российская многонациональная цивилизация. Единство и противоречия. Отв. ред. В.В.Трепавлов. М., 2003.
- Россия, 1993 — Россия перед Вторым пришествием. Материалы к очерку русской эсхатологии. Сост. С.В.Фомин. [Б. м.], 1993.
- Румянцев, 1956 — *Румянцев Г.Н.* Баргузинские летописи. Улан-Удэ, 1956.
- Русские, 1969 — Русские народные сказки. Сост. и отв. ред. Э.В.Померанцева. М., 1969.
- Русско-дегестанские, 1958 — Русско-дагестанские отношения XVII — первой четверти XVIII вв. Документы и материалы. Отв. ред. М.М.Ихтилов. Махачкала, 1958.
- Русско-дагестанские, 1988 — Русско-дагестанские отношения в XVIII — начале XIX в. Сборник документов. Отв. ред. В.Г.Гаджиев. Махачкала, 1988.
- Русско-монгольские, 1959 — Русско-монгольские отношения. 1607–1636 гг. Сборник документов. Отв. ред. И.Я.Златкин, Н.В.Устюгов. М., 1959.
- Русско-монгольские, 1974 — Русско-монгольские отношения. 1636–1654. Сборник документов. Сост. М.И.Гольман, Г.И.Слесарчук. Отв. ред. И.Я.Златкин, Н.В.Устюгов. М., 1974.
- Русско-монгольские, 1996 — Русско-монгольские отношения. 1654–1685. Сборник документов. Сост. Г.И.Слесарчук. М., 1996.
- Русско-монгольские, 2000 — Русско-монгольские отношения. 1685–1691. Сборник документов. Сост. Г.И.Слесарчук. М., 2000.
- Русско-чеченские, 1997 — Русско-чеченские отношения. Вторая половина XVI — XVII в. Сборник документов. Сост., введ., коммент. Е.Н.Кушевой. М., 1997.
- Рыбаков, 1982 — *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982.
- Рыблова, 2002 — *Рыблова М.А.* Понятие «граница» в представлениях донских казаков // ЭО. 2002. № 4. С. 3–13.
- Рычков, 1763 — *Рычков П.И.* Письмо к издателю «Ежемесячных сочинений» на вопрос о титуле Белого царя, прилагасемого от азиатских народов российским монархам // Ежемесячные известия о ученых делах. СПб., 1763. Август. С. 120–133.
- Рычков, 1896 — *Рычков П.И.* История Оренбургская. Оренбург, 1896.
- Ряжев, 2004 — *Ряжев А.С.* Просвещенное духовенство при Екатерине II // ВИ. М., 2004. № 9. С. 43–57.
- Сабырханов, 1965 — *Сабырханов А.С.* Российское подданство казахов в представлении казахской феодальной знати и царского правительства // Изв. АН Казахской ССР. Сер. обществ. наук. Вып. 6. А.-А., 1965. С. 65–70.

- Савва, 1901 — *Савва В.И.* Московские цари и византийские василевсы. К вопросу о влиянии Византии на образование идеи царской власти московских государей. Харьков, 1901.
- Саганович, 2004 — *Саганович Г.* Нестыковка // Родина. М., 2004. № 12. С. 57–59.
- Самаев, 1991 — *Самаев Г.П.* Горный Алтай в XVII — середине XIX в.: проблемы политической истории и присоединения к России. Горно-Алтайск, 1991.
- Самарское, 2000 — Самарское Поволжье с древности до конца XIX в. Сборник материалов и документов. Гл. ред. П.С.Кабытов. Самара, 2000.
- Самойлова, 1999 — *Самойлова Т.Е.* Княжеские портреты и роспись Архангельского собора Московского Кремля XVI в. // Исторический вестник. М., 1999. № 3–4. С. 153–219.
- Санин, 1987 — *Санин Г.А.* Отношения России и Украины с Крымским ханством в середине XVII века. М., 1987.
- Санин, 1999 — *Санин Г.А.* Россия, Украина и Крым XVII–XIX веков: исторические традиции отношений // Россия в XX веке. Проблемы национальных отношений. Отв. ред. А.Н.Сахаров, В.А.Михайлов. М., 1999. С. 130–144.
- Сафаргалиев, 1996 — *Сафаргалиев М.Г.* Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций (из опыта образования и распада империй X–XVI вв.). Сост. И.Б.Муслимов. М., 1996. С. 278–526.
- Сахаров, 2002 — *Сахаров А.Н.* О новых подходах к истории России // ВИ. 2002. № 1. С. 3–20.
- Сборник, 1854 — Сборник летописей. Казань, 1854 (Библиотека восточных историков, изд. И.Березиным. Т. II. Ч. I).
- Сборник, 1879 — Сборник князя Хилкова. СПб., 1879.
- Сборник, 1884 — Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Пер. В.Г.Тизенгаузена. Т. I: Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884.
- Сборник, 1895 — Сборник Русского исторического общества. Т. 95: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, нагаями и Турцией. Т. II. Ред. Г.Ф.Карпов, Г.Ф.Штендман. СПб., 1895.
- Сборник, 2000 — Сборник чувашского фольклора. Т. I: Памятники старой чувашской веры. Собр., обраб. Д.Месарош. Чебоксары, 2000.
- Семенов, 1895 — *Семенов Н.* Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб., 1895.
- Семенов, 1998 — *Семенов Ю.И.* Поздние первобытные и раннеклассовые общества Севера Европейской России, Сибири и Русской Америки в составе Российской империи // Национальная политика в императорской России. Поздние первобытные и раннеклассовые общества Севера Европейской России, Сибири и Русской Америки в составе Российской империи. Сост., ред., автор вступит. ст. Ю.И.Семенов. М., 1998. С. 7–59.
- Серафим (Соболев), 1992 — *Серафим (Соболев).* Русская идеология. СПб., 1992.
- Сибирские, 1907 — Сибирские летописи. Подгот. к изд. П.В.Павловым, Л.Н.Майковым. СПб., 1907.
- Сидоров, 1979 — *Сидоров В.В.* Исторические предания Южного Урала, предшествующие Крестьянской войне 1773–1775 гг. // Археография и источниковедение истории литературы на Южном Урале. Отв. ред. Р.Г.Кузеев. Уфа, 1979. С. 49–60.
- Синицына, 2003 — *Синицына Н.В.* «Новый царь Константин новому граду Константинову». Становление идеологии Русского государства в XV веке // Родина. М., 2003. № 12. С. 62–66.
- Сказки, 1994 — Сказки и предания алтайских тувинцев. Собр. Э.Таубе. М., 1994.
- Скитский, 1999 — *Скитский Б.В.* Назрановское возмущение 1858 г. // Многоликая Ингушетия. Сост. М.С.-Г.Албогачиева. СПб., 1999. С. 154–166.
- Скобелев, 1998–1999 — *Скобелев С.Г.* Демография коренных народов Сибири в XVII–XX вв. // СЗ. Архив 1998–1999. http://www.zaimka.ru/to_sun/skobelev_4.shtml
- Скобелев, 2002 — *Скобелев С.Г.* Влияние заболеваемости на динамику численности коренного населения Сибири в XVII–XX вв. // СЗ. 2002. № 3. http://www.zaimka.ru/03_2002/skobelev_epidemic/

- Скрынникова, 1997 — *Скрынникова Т.Д.* Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. М., 1997.
- Словарь — Словарь литургических терминов. <http://adoramus.luther.ru/liturg.htm>
- Словарь, 1989 — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. II. Гл. ред. Р.И.Афанесов. М., 1989.
- Словарь, 2000 — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. IV. Гл. ред. И.С.Улукханов. М., 2000.
- Смирнова, 1951 — *Смирнова Н.С.* Очерки казахской литературы XVIII века (устное народное творчество казахов Среднего и Старшего жузов). Авторсф. канд. дисс. А.-А., 1951.
- Слово, 2002 — Слово о полку Игореве, Игоря, сына Святослава, внука Олега. Вступит. ст., подгот. текста, пер. с древнерус., коммент. и прил. А.А.Горского. М., 2002.
- Соболева, 2002 — *Соболева Н.А.* Российская государственная символика: история и современность. М., 2002.
- Собрание, 1819 — Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч. 2. Сост. А.Ф.Малиновский. М., 1819.
- Собрание, 1822 — Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч. 3. Сост. А.Ф.Малиновский. М., 1822.
- Соколов, 1898 — *Соколов Д.Н.* Опыт разбора одной башкирской летописи // Тр. Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. IV. Оренбург, 1898. С. 45–65.
- Соколова, 1960 — *Соколова В.К.* Фольклор как историко-этнографический источник // СЭ. 1960. № 4. С. 11–16.
- Соколова, 1981 — *Соколова В.К.* Изображение действительности в разных фольклорных жанрах (на примере соотношения преданий с историческими песнями и быличками) // РФ. С. 35–44.
- Соколовский, 2001 — *Соколовский С.В.* Образы других в российской науке, политике и праве. М., 2001.
- Соловьев, 1927 — *Соловьев А.В.* Святая Русь (Очерк развития религиозно-общественной идеи) // Сб. Рус. археол. общества в Королевстве сербов, хорватов и словенцев. Т. I. Белград, 1927. С. 77–112.
- Соловьев, 1947 — *Соловьев А.В.* Великая, Малая и Белая Русь // ВИ. 1947. № 7. С. 24–38.
- Соловьев, 1988 — *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. II. М., 1988.
- Соловьев, 1989 — *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. III. М., 1989.
- Солоневич, 1997 — *Солоневич И.Л.* Белая империя. Статьи 1936–1940 гг. М., 1997.
- Солопова — *Солопова О.* Война и этнические стереотипы в России XVIII–XIX веков. liber.ru/Conf/Etnos/solopova.htm
- Сорокин, 1998 — *Сорокин Ю.А.* Православные традиции в русском самодержавии XVI–XVII вв. // Исторический ежегодник. 1997. Отв. ред. А.В.Якуб. Омск, 1998.
- Соснин — *Соснин В.А.* Социально-психологическая динамика межэтнических конфликтов. <http://www.mos.ru/~boris/pppp.htm>
- Сотавов, 1991 — *Сотавов Н.А.* Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. М., 1991.
- Срезневский, 1903 — *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 3. СПб., 1903.
- Стеллер, 1999 — *Стеллер Г.В.* Описание земли Камчатки. Петропавловск-Камчатский, 1999.
- Степанов, 1973 — *Степанов И.И.* Присоединение Восточной Сибири в XVII в. и тунгусские племена // Русское население Поморья и Сибири (Период феодализма). Редкол.: А.П.Окладников и др. М., 1973. С. 106–124.
- Стрейс, 1935 — *Стрейс Я.Я.* Три путешествия. Пер. Э.Бородиной. М., 1935.
- Стрижев, 1998 — *Стрижев А.И.* «Остатки рая на земле». Растения в русском церковном обиходе // Журнал Московской патриархии. М., 1998. № 3. С. 68–75.
- Таймасов, 2001 — *Таймасов Л.А.* Деформация образа верховного бога в религии народов Среднего Поволжья // Христианизация народов Среднего Поволжья и ее историческое значение. Отв. ред. А.Г.Иванов. Йошкар-Ола, 2001. С. 36–56.

- Таймырские, 1982 — Таймырские сказы. Пер. с долган. В.И.Ермаков. Красноярск, 1982.
- Ташкин, 1922 — *Ташкин С.Ф.* Инородцы Приволжско-Приуральского края и Сибири по материалам Екатерининской законодательной комиссии. Казань, 1922.
- Телеутский, 2004 — Телеутский фольклор. Сост., вступит. ст., запись, коммент. Д.А.Функа. М., 2004.
- Тепкеев, 2005 — *Тепкеев В.Т.* Калмыцко-крымские отношения в XVIII веке (1700–1771 гг.). Канд. дис. М., 2005.
- Титов, 1856 — *Титов В.* Богатырские поэмы минусинских татар // Вестник Рус. геогр. об-ва. Т. 15. Кн. 5. СПб., 1856. Отд. 2. С. 115–148, 187–226.
- Тишков, 2003 — *Тишков В.А.* Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003.
- Ткачев, 1984 — *Ткачев В.Н.* Цвет и пространство в монгольской архитектуре // Народы Азии и Африки. М., 1984. № 3. С. 108–113.
- Тодоров, 1992 — Тодоров Ц. Завладяването на Америка. Въпрос за другия. София, 1992.
- Токарев, 1940 — *Токарев С.А.* Очерк истории якутского народа. М., 1940.
- Токарев, 1945 — *Токарев С.А.* Общественный строй якутов XVII–XVIII в. Якутск, 1945.
- Топоров, 1988 — *Топоров В.Н.* Река // Мифы народов мира. Энциклопедия. Гл. ред. С.А.Токарев. Т. 2. М., 1988. С. 374–376.
- Топоров, 1990 — *Топоров В.Н.* Образ «чужого» в становлении этнического самосознания (руско-литовская перспектива) // Славяне и их соседи. Этно-психологический стереотип в средние века. Отв. ред. Б.Н.Флоря. М., 1990. С. 5–6.
- Трепавлов, 1993а — *Трепавлов В.В.* Государственный строй Монгольской империи XIII в. Проблема исторической преемственности. М., 1993.
- Трепавлов, 1993б — *Трепавлов В.В.* Статус великого князя: от ордынского «улусника» к «Белому царю» // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Отв. ред. С.А.Панарин. М., 1993. С. 302–311.
- Трепавлов, 1994 — *Трепавлов В.В.* Россия и кочевые степи: проблема восточных заимствований в российской государственности // Восток. М., 1994. № 2. С. 49–62.
- Трепавлов, 1995 — *Трепавлов В.В.* «Шертные» договоры: российский прообраз протектората // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Отв. ред. С.А.Панарин. Ч. 1. Челябинск, 1995. С. 28–30.
- Трепавлов, 1999 — *Трепавлов В.В.* Формирование системы отношений между Центром и национальными окраинами в России (XVI–XX века) // Россия в XX веке. Проблемы национальных отношений. Отв. ред. А.Н.Сахаров, В.А.Михайлов. М., 1999. С. 115–120.
- Трепавлов, 2001 — *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. М., 2001.
- Трепавлов, 2003а — *Трепавлов В.В.* Белый падишах // Родина. М., 2003. № 12. С. 72–75.
- Трепавлов, 2003б — *Трепавлов В.В.* Установление российской гегемонии на Южном Урале (вторая половина XVI — начало XVII в.) // Русские в Башкортостане. История и культура. Отв. ред. В.Н.Самородов. Уфа, 2003. С. 39–48.
- Трепавлов, 2004а — *Трепавлов В.В.* Башкортостан в эпоху Салавата: два столетия российского подданства // Идея свободы в жизни и творчестве Салавата Юлаева. Отв. ред. В.Г.Илишев. Уфа, 2004. С. 24–36.
- Трепавлов, 2004б — *Трепавлов В.В.* Тюркские народы Поволжья и Приуралья: от Золотой Орды к Московскому царству (проблемы адаптации) // GRJPSR. С. 279–292.
- Трепавлов, 2006 — *Трепавлов В.В.* Предки «Мамая-царя». Князские беки в «Подлинном родословии Глинских князей» // ТС. 2006. Редкол.: С.Г.Кляшторный и др. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН. 2006 (в печати).
- Троцкий, 1936 — *Троцкий И.М.* Некоторые проблемы истории Якутии XVII века // Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в. Сборник документов. Ред. Я.П.Алькор, Б.Д.Греков. Л., 1936. С. III–XXX.
- Трубачев, 1997 — *Трубачев О.Н.* В поисках единства. Взгляд филолога на проблему истоков Руси. М., 1997.

- Тулохонов, 1973 — *Тулохонов М.И.* Бурятские исторические песни. Улан-Удэ, 1973.
- Туранли, 2000 — *Туранли Ф.Г.* Літописні твори М.Сенаї та Г.Султана як історичні джерела. Київ, 2000.
- Туяа, 1986 — *Туяа М.* Цвет в древней архитектуре Монголии // Олон улеми мандал эрдэмтний IV их хурал. 3 боть. Улаанбаатар, 1986. С. 202–205.
- Уманский, 1980 — *Уманский А.П.* Телеуты и русские в XVII–XVIII ввках. Новоенбирск, 1980.
- Усенко, 1995 — *Усенко О.Г.* Психология социального протеста в России XVII–XVIII веков. Тверь, 1995.
- Усманов, 1960 — *Усманов А.Н.* Присоединение Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1960.
- Усманов, 1972 — *Усманов М.А.* Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. Казань, 1972.
- Усманов, 1979 — *Усманов М.А.* Жалованные акты Джучиева улуса XIV–XVI вв. Казань, 1979.
- Усманов, 1982 — *Усманов А.Н.* Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1982.
- Успенский, 1904 — *Успенский А.И.* Писание о зачинании знак и знамен, или прапоров (по рукописи XVII века). М., 1904.
- Успенский, 1996а — *Успенский Б.А.* Восприятие истории в Древней Руси и доктрина «Москва — Третий Рим» // Избр. соч. Т. I. М., 1996. С. 83–123.
- Успенский, 1996б — *Успенский Б.А.* Дуалистический характер русской средневековой культуры // Избр. соч. Т. I. М., 1996. С. 381–432.
- Успенский, 1996в — *Успенский Б.А.* Царь и Бог (Семиотические аспекты сакрализации монарха в России) // Избр. соч. Т. I. М., 1996. С. 205–337.
- Успенский, 1996г — *Успенский Б.А.* Царь и самозванец: самозванчество в России как культурно-исторический феномен // Избр. соч. Т. I. М., 1996. С. 142–183.
- Успенский, 1998 — *Успенский Б.А.* Царь и патриарх: харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление). М., 1998.
- Успенский, 2000 — *Успенский Б.А.* Царь и император. Помазание на царство и семантика монарших титулов. М., 2000.
- Устно-поэтическое, 1977 — Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. I. Кн. 2: Исторические песни XVI–XVIII веков. Сост., подгот. текстов, предисл., коммент., пер. с морд. А.М.Шаронова. Саранск, 1977.
- Устно-поэтическое, 1983 — Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 10: Легенды, предания, былички. Сост., пер., предисл., коммент. Л.В.Седовой. Саранск, 1983.
- Устюгов, 1947 — *Устюгов Н.В.* Башкирское восстание 1662–1664 гг. // Исторические записки. Т. 24. М., 1947. С. 30–110.
- Устюгов, 1950 — *Устюгов Н.В.* Башкирское восстание 1737–1739 гг. М.; Л., 1950.
- Фаизов, 1977 — *Фаизов С.Ф.* Восточный герб царей // Герб и флаг России. X–XI века. Отв. ред. Г.В.Вилинбахов. М., 1977. С. 253–259.
- Фаизов, 2002 — *Фаизов С.Ф.* Тугра и Вселенная. Мохаббат-наме и шерт-наме крымских ханов и принцев в орнаментальном, сакральном и дипломатическом контекстах. Бахчисарай, 2002.
- Фаизов, 2003 — *Фаизов С.Ф.* Письма ханов Ислам-Гирея III и Мухаммед-Гирея IV к царю Алексею Михайловичу и королю Яну Казимиру. Крымско-татарская дипломатика в политическом контексте постперекресткового времени. М., 2003.
- Файзрахманов, 2002 — *Файзрахманов Г.Л.* История сибирских татар (с древнейших времен до начала XX века). Казань, 2002.
- Фасмер, 1986 — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. I. М., 1986.
- Фасмер, 1987 — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. III. М., 1987.
- Федоров-Давыдов, 1968 — *Федоров-Давыдов Г.А.* «Аноним Искандера» и термины «Ак-Орда» и «Кок-Орда» // История, археология и этнография Средней Азии. Отв. ред. С.П.Толстов. М., 1968. С. 224–230.

- Федоров-Давыдов, 1973 — *Федоров-Давыдов Г.А.* Общественный строй Золотой Орды. М., 1973.
- Филлюшкин — *Филлюшкин А.И.* Происхождение категорий политической практики Московского государства XV–XVI вв. <http://eu.spb.ru/history/doc1.doc>
- Фирсов, 1866 — *Фирсов Н.А.* Положение инородцев Северо-Восточной России в Московском государстве. Казань, 1866.
- Фирсов, 1869 — *Фирсов Н.А.* Инородческое население прежнего Казанского царства в новой России до 1762 года и колонизация Закамских земель в это время. Казань, 1869.
- Фишер, 1774 — *Фишер И.Э.* Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб., 1774.
- Флетчер, 1991 — *Флетчер Дж.* О государстве Русском // Проезжая по Московии (Россия XVI–XVII веков глазами дипломатов). Отв. ред. Н.М.Рогожин. Сост., коммент. Г.И.Герасимовой. М., 1991. С. 25–138.
- Флоря, 1993 — *Флоря Б.Н.* Исторические судьбы Руси и этническое самосознание восточных славян в XII–XV веках (к вопросу о зарождении восточнославянских народностей) // *Славяноведение*. М., 1993. № 2. С. 42–66.
- Флоря, 2003 — *Флоря Б.Н.* Иван Грозный. М., 2003.
- Фольклор, 1938 — *Фольклор Восточной Сибири*. Сост. А.Гуревич. Иркутск, 1938.
- Фольклор, 1958 — *Фольклор эвенков Бурятии*. Вступит. ст., сост., примеч. М.Г.Воскобойникова. Улан-Удэ, 1958.
- Фольклор, 1967 — *Фольклор эвенков Прибайкалья*. Зап. и обраб. М.Г.Воскобойникова. Улан-Удэ, 1967.
- Фольклор, 1988 — *Фольклор адыгов в записях и публикациях XIX — начала XX в.* Кн. 2. Сост. А.И.Алиевой. Коммент., транслит., общ. ред. А.М.Гутова. Нальчик, 1988.
- Фольклор, 2000 — *Фольклор долган*. Сост. П.Е.Ефремов. Новосибирск, 2000.
- Функ, 2005 — *Функ Д.А.* Миры шаманов и сказителей: комплексное исследование телеутских и шорских материалов. М., 2005.
- Хайретдинов, 2005 — *Хайретдинов Д.[З.]* Основатель Нижнего Новгорода — татарин! // *Татарские новости*. М., 2005. № 7 (132). С. 10.
- Халидова, 1992 — *Халидова М.Р.* Мифологический и исторический эпос народов Дагестана. Махачкала, 1992.
- Халикова, 1985 — *Халикова Р.Х.* Язык башкирских шежере // *Башкирские шежере* (филологические исследования и публикации). Отв. ред. Г.Б.Хусаинов. Уфа, 1985. С. 24–43.
- Хамицаева, 1973 — *Хамицаева Т.А.* Историко-песенный фольклор осетин. Орджоникидзе, 1973.
- Хан-Гирей, 1989 — *Хан-Гирей*. Черкесские предания. Избранные произведения. Нальчик, 1989.
- Хара-Даван, 1996 — *Хара-Даван Э.* Чингис-хан как полководец и его наследие // На стыке континентов и цивилизаций (из опыта образования империй X–XVI вв.). Сост. М.Б.Муслимов. М., 1996. С. 73–274.
- Хафизова, 1974 — *Хафизова К.Ш.* К характеристике политики Цинского Китая в отношении казахов (вторая половина XVIII в.) // V науч. конф. «Общество и государство в Китае». Тез. и докл. Сост. А.Н.Хохлов, Ю.В.Чудодеев. Ч. II. М., 1974. С. 193–198.
- Хафизова, 1975 — *Хафизова К.Ш.* О некоторых методах цинской дипломатии в XVIII в. (на примере политики Китая в Центральной Азии) // VI науч. конф. «Общество и государство в Китае». Тез. и докл. Сост. А.Н.Хохлов, Ю.В.Чудодеев. Ч. I. М., 1975. С. 179–183.
- Хозяин, 1994 — *Хозяин Земли*. Легенды и рассказы лесных юкагиров. Сост. Л.Жукова, О.Чернецов. Якутск, 1994.
- Хорошкевич, 1997 — *Хорошкевич А.Л.* Герб // Герб и флаг России. X–XX века. Отв. ред. Г.В.Вилинбахов. М., 1997. С. 16–376.

- Хорошкевич, 2000 — *Хорошкевич А. И.* Психологическая готовность россиян к реформам Петра Великого (к типологии вопроса) // Российское самодержавие и бюрократия. Отв. ред. А. А. Цыбрицкий. Москва; Новосибирск, 2000. С. 158–181.
- Хорошкевич, 2001 — *Хорошкевич А. И.* Русь и Крым. От союза к противостоянию. Конец XV — начало XVI в. М., 2001.
- Хорошкевич, 2003 — *Хорошкевич А. И.* Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003.
- Хорошкевич, 2004 — *Хорошкевич А. И.* Отражение представлений о регионах Государства всея Руси и Русского государства в великокняжеской и царской титулатуре XVI в. // GRJPSR. С. 102–122.
- Храпачевский — *Храпачевский Р. И.* Русь, Малая Русь и Украина. http://rutenien.pagod.ru/rus_ustr.html#14
- Худяков М., 2003а — *Худяков А. И.* История взаимоотношений татарских и марийских феодалов в XVI веке // *Полтынский князь черемисский. Малмыжский край.* Ред.-сост. Лайд Шейер (Н. И. Козлов). Йошкар-Ола, 2003. С. 87–138.
- Худяков М., 2003б — *Худяков А. И.* История формирования Малмыжского края // *Полтынский князь черемисский. Малмыжский край.* Ред.-сост. Лайд Шейер (В. Н. Козлов). Йошкар-Ола, 2003. С. 11–86.
- Худяков Ю., 2003 — *Худяков Ю. С.* «Добровольное» или «добровольное присоединение»? (дискуссионные вопросы истории Южной Сибири в свете анализа современной «древнехакасской мифологии») // *Полтына*. М., 2003. № 3. С. 170–176.
- Ципинов, 2000 — *Ципинов А. А.* Народная историческая проза адыгов. Нальчик, 2000.
- Циши, 1820 — *Циши.* О перекоче стуратов в Россию и обратном их удалении из России в Зюнгарию // *Сибирский вестник*, под редакцией Сиверсена. СПб., 1820. Ч. 12. С. 168–189, 214–235, 254–269.
- Цыдендамбаев, 1972 — *Цыдендамбаев Ц. Б.* Якутские исторические хроники и родословные. Историко-лингвистическое исследование. Улан-Удэ, 1972.
- Цюрюмон, 2002 — *Цюрюмон А. И.* Формирование этноса в составе Российской империи в XVIII в. // *Образование и развитие конституционного государства в России: сущность, формы и значение.* Отв. ред. И. В. Якушев. Ч. 1. Элиста, 2002. С. 64–68.
- Чацкий, 1824 — *Чацкий Ф.* О татарях живущих в Польше // *Северный архив.* СПб., 1824. Декабрь. № 23–24. С. 224–234.
- Черный, 1997 — *Черный И. И.* История средневековой Руси. М., 1997.
- Черных, 1994 — *Черных И. И.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 1–2. М., 1994.
- Чеснов, 1998 — *Чеснов Я. В.* Лекции по исторической этимологии. М., 1998.
- Четкарев, 1951 — *Четкарев К. А.* Марийские предания о родо-племенных богатырях // Уч. зап. Марийского НИИ языка, литературы и истории. Вып. IV. Йошкар-Ола, 1951. С. 151–172.
- Четкарев, 1955 — *Четкарев К. А.* Марийское предание об Акпарсе (из истории покорения Казани Иваном Грозным) // Уч. зап. Марийского НИИ языка, литературы и истории. Вып. VII. Йошкар-Ола, 1955. С. 33–80.
- Чистов, 1967 — *Чистов К. В.* Русские народные социально-утопические легенды XVI–XIX вв. М., 1967.
- Чулошников, 1936 — *Чулошников А. И.* Феодалы и феодалы в Башкирии и башкирские восстания XVII и первой половины XVIII вв. // *Материалы по истории Башкирской АССР.* Ч. 1. Отв. ред. А. И. Чулошников. М.; Л., 1936. С. 3–64.
- Чулошников, 1940 — *Чулошников А. И.* Восстание 1755 г. в Башкирии. М.; Л., 1940.
- Шаронов, 1973 — *Шаронов А. М.* Русско-мордовские фольклорные отношения (исторические песни XVI–XVIII веков). Автореф. канд. дис. Саранск, 1973.
- Шелегина, 2001 — *Шелегина О. И.* Адаптация русского населения в условиях освоения Сибири. Социокультурные аспекты. М., 2001.
- Шенников, 1981 — *Шенников А. А.* Княжество потомков Мамай (к проблеме «византизма» юго-восточной Руси в XIV–XV вв.). Л., 1981. Деп. в ИНИОН РАН, № 180

- Шерстова, 2004 — *Шерстова Л.И.* Русские и аборигены Южной Сибири: евразийская основа этнокультурных контактов // *Сибирский плавильный котел: социально-демографические процессы в Северной Азии XVI — начала XX века.* Отв. ред. Д.Я.Резун. Новосибирск, 2004. С. 61–71.
- Шерстова, 2005 — *Шерстова Л.И.* Русские в Сибири XVII века: ментальные и социокультурные трансформации // *Проблемы социально-экономического и культурного развития Сибири XVII–XX вв.* Отв. ред. М.В.Шиловский. Новосибирск, 2005. С. 16–28.
- Ширяева, 1966 — *Ширяева П.Г.* Новые фольклорные материалы о марийско-русских взаимоотношениях в период присоединения Поволжья к России // *Марийская литература, искусство и народное творчество.* Ред. К.К.Васин, М.А.Георгина. Йошкар-Ола, 1966. С. 152–161.
- Шмурло, 1912 — *Шмурло Е.Ф.* Петр Великий в оценке современников и потомства. Вып. 1. СПб., 1912.
- Шнирельман, 2003 — *Шнирельман В.А.* Этногенез и идентичность: националистические мифологии в современной России // *ЭО.* 2003. № 4. С. 3–14.
- Шолохов, 1963 — *Шолохов М.А.* Тихий Дон. Кн. 3. М., 1963.
- Шушарин, 1999 — *Шушарин Д.* Славянская идея: от графа Вронского к генералу Лебедю // *Gazeta.RU* (интернет-издание). Вып. 21. http://gazeta.lenta.ru/society/30-03-1999_lebed.htm
- Щербинин, 1997 — *Щербинин А.И.* Государь и гражданин // *Полис.* М., 1997. № 2. С. 159–171.
- Эвлия Челеби, 1961 — *Эвлия Челеби.* Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII в.). Вып. 1: Земли Молдавии и Украины. Отв. ред. А.С.Тверитинова. М., 1961.
- Эвлия Челеби, 1979 — *Эвлия Челеби.* Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII в.). Вып. 2: Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. Сост. и отв. ред. А.Д.Желтяков. М., 1979.
- Энциклопедический, 1891 — *Энциклопедический словарь.* Изд. Ф.А.Брокгауз, И.А.Ефрон. Т. V. СПб., 1891.
- Юль, 1899 — *Юль Ю.* Записки датского посланника при Петре Великом (1709–1711) // *ЧОИДР.* 1899. Кн. 3. С. 129–486.
- Языкова, 1995 — *Языкова И.К.* Богословие иконы. М., 1995.
- Яковлев, 1901 — *Яковлев Е.* «Бывальщины» минусинских инородцев // *Живая старина.* СПб., 1901. Вып. I. С. 97–101.
- Яковлев, 2003 — *Яковлев В.В.* Ироничные «послания» Посольского приказа турецкому султану (О семантике тюрко-монгольской титулатуры в русской дипломатической переписке XVI–XVII вв.) // *ТС.* 2002: Россия и тюркский мир. Редкол.: С.Г.Кляшторный и др. М., 2003. С. 401–415.

- Boeck, 2004 — *Boeck B.J.* Capitulation or Negotiation: Relations between the Don Host and Moscow in the Aftermath of the Razin Uprising // *GRJPSR.* С. 382–394.
- Braun, 1907 — *Braun J.* Die liturgische Gewandung im Occident und Orient nach Ursprung und Entwicklung, Verwendung und Symbolik. Freiburg in Breslau, 1907.
- Castro-Klaren, 1993 — *Castro-Klaren S.* Dancing and the Sacred in the Andes: From the Taqui-Oncoy to Rasu-Niti // *New World Encounters.* Ed. by S.Greenblatt. Berkeley; Los Angeles; Oxford, 1993. P. 159–176.
- Cherniavsky, 1961 — *Cherniavsky M.* Tsar and the People. Studies in Russian Myths. New Heaven; London, 1961.
- DeWeese, 1994 — *DeWeese D.* Islamization and Native Religion in the Golden Horde: Baba Tükles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition. University Park. Pennsylvania, 1994.
- Field, 1989 — *Field D.* Rebels in the Name of the Tsar. Boston etc., 1989.

- Görög-Karady, 1992 — *Görög-Karady T. Filmic Stereotypes and Folklore. The Jew in Hungarian Oral Literature // Folklore Processed. In Honour of Lauri Honko on his 60th Birthday.* Ed. by R.Kvideland. Helsinki, 1992. P. 114–126.
- Ivanics, Usmanov, 2002 — *Ivanics M., Usmanov M.A. Das Buch der Dschingis-Legende (Dāstār-i Čingis-nāmā).* Bd. I. Leipzig, 2002.
- Kappeler, 1982 — *Kappeler A. Die russische Nationalitäten. Das Zarenreich und die Völker der Mittleren Wolga vom 16. bis 19. Jahrhundert.* Köln; Wien, 1982.
- Khodarkovsky, 1992 — *Khodarkovsky M. Where Two Worlds Met. The Russian State and the Kalmyk Nomads, 1600–1771.* Ithaca, London, 1992.
- Khodarkovsky, 2002 — *Khodarkovsky M. Russia's Steppe Frontier. The Making of a Colonial Empire, 1500–1800.* Bloomington, 2002.
- Kollmann, 2001 — *Kollmann N. Russian Law in a Eurasian Setting: the Arzamas Region, Late Seventeenth — Early Eighteenth Century // Место России в Евразии. The Place of Russia in Eurasia.* Ред. J. Чанк-Бьянсини, 2001. P. 200–206.
- Lemerquier-Quelquejey, 1992 — *Lemerquier-Quelquejey Ch. Cooptation of the Elites of Kabarda and Daghestan in the Nineteenth Century // The North Caucasus Barrier. The Russian Advance towards the Muslim World.* Ed. by M.Bennigsen Broxoup. L., 1992. P. 18–44.
- Lewicki, 1977 — *Lewicki T. Żródła mitologiczne dziejów Słowiańszczyzny. T. II. Cz. 2.* Wrocław; Warszawa; Kraków, Łódź, 1977.
- Olcott, 1987 — *Olcott M.B. The Kazakhs.* Stanford, 1987.
- Ostrowski, 1998 — *Ostrowski P. Moscow and the Mongols. Cross-cultural Influences on the Steppe Frontier, 1304–1589.* Cambridge (Mass.), 1998.
- Perrie, 1987 — *Perrie M. The Image of Ivan the Terrible in Russian Folklore.* Cambridge, 1987.
- Peter Griff's — *Peter Griff's Simbolizmi. Символика цвета.* <http://www.apress.ru/pages/greif/sim/0-rzd/zyet.htm>
- Plokhi, 2004 — *Plokhi S. Crossing National Boundaries: the Case of the Comparative Study of Cossakdom // GRJPSR. C. 416–440.*
- Pritsak, 1953 — *Pritsak O. Togan'a Armağan. İstanbul, 1953. S. 144–262.*
- Pritsak, 1954 — *Pritsak O. Orientierung und Farbensymbolik. Zu den Farbenzeichnungen in den altaischen Völkernamen // Sacrobosum. Bd. V. München, 1954. S. 376–383.*
- Pritsak, 1967 — *Pritsak O. Moscow, the Golden Horde and the Kazan Khanate from a Polycultural Point of View // Slavic Review. Campaign (Illinois), 1967. Vol. XXVI. P. 577–583.*
- Rorlich, 1986 — *Rorlich A.A. The Volga Tatars.* Stanford, 1986.
- Rustemeyer, 2004 — *Rustemeyer A. Tschelbi, Däuren und Majestätsverbrechen in Smolensk 1654–1764 // GRJPSR. C. 137–158.*
- Siikala, 1992 — *Siikala A.-J. Understanding Narratives of the «Other» // Folklore Processed in Honour of Lauri Honko on his 60th Birthday.* Ed. by R.Kvideland. Helsinki, 1992. P. 200–213.
- Slezkine, 1994 — *Slezkine Yu. Arctic Minorities. Russia and the Small Peoples of the North.* Ithaca; London, 1994.
- Soloviev, 1959 — *Soloviev A.P. Holy Rus'. A History of a Religious-Social Idea.* The Hague, 1959.
- Toth, 1983 — *Toth S. A felhő és fekete magyarok kérdéséhez // Acta universitatis Szegediensis de Attila József nomen. Acta historica. T. LXXV. Szeged, 1983. L. 3–9.*
- Trepavlov, 1994 — *Trepavlov P.P. The Social Status of the Yakut Epic Hero // Asian Folklore Studies.* Nagoya, 1994. Vol. 54. P. 35–48.

Указатель*

- абадзехи* 105
 Аббас II, иран. шах 189
 Аблай, казах. хан 166–170
 Абуев К.К. 164
 Абу-л-Гази Бахадур, хивин. хан и хронист 208, 212
 Абу-л-Мухаммед (Абулмамбет), казах. хан 166–168
 Абу-л-Фида, хронист 211, 213
 Абу-л-Хайр, казах. хан 17, 61, 104, 161, 164, 165, 167–169, 201
 Абу-л-Хайр, узбек. хан 32
 Август Октавиан, рим. имп. 52, 97
 Адиль-Гирей, шамхал 93
 Адыгея 113
адыги 69, 105, 186, 187
 Азия 11, 205, 212
 Азналинский завод 72
 Азов г. 13
 Ай-Мёкё, фольк. персонаж 20, 26
 Айс, ног. мирза 92
 Акишин М.О. 64, 184
 Акманов И.Г. 59, 129, 151–153
 Акпарс, фольк. персонаж 13, 58, 74, 141
 Акцорин В.А. 75, 101
алатырцы 179
 Албазин г. 171
 Албания 210, 211
албанцы (албаняне) 210, 211
 Алегую Шегануков, кабард. кн. 187
 Александр, грузинский царь 104
 Александр I, имп. 34, 44, 62, 127
 Александр II, имп. 34
 Александр III, имп. 23, 26
 Александр Македонский 98
 Александров Д.Н. 53
 Алексеев И.Л. 198
 Алексеев Н.А. 126
 Алексей Михайлович, царь 17, 19, 20, 21, 41, 48, 50, 51, 62, 70, 72, 79, 90, 98, 107, 138, 159, 174, 189, 193, 204, 210
 Алексей Петрович, царевич 45
 Алексий, митрополит 49
 Алекторов А.Е. 73
 Алена, предв. восстания 112, 113
 Алешка, фольк. персонаж 67, 68
 Алим, фольк. персонаж 110
 Алимов Р. 12, 31
 Алишев С.Х. 52, 81, 143
 Алтай горы 19, 53, 101, 175
алтайцы 24, 108, 177, 179
 Амвросий Медиоланский, церк. писатель 47
 Амурсана, джунгар. нойон 107
 Ангара р. 69
 Андерсон Б. 10
 Андреев Н.Г. 168
 Андрей Боголюбский, вел. кн. владимирский 65
 Аникин В.П. 9
 Анна Иоанновна, императрица 17, 161, 164, 165
 Антон, лекарь 89
 Антоска Бальбин, фольк. персонаж 71
 Ануш-Мухаммед, хивин. хан 18, 90, 98
 Анюрка, фольк. персонаж 110
 Апраксин П.М., казан. губернатор 161
 Араб-Мухаммед, хивин. хан 18
 Аравия 20
 Аралбаев К.А. 102, 149, 152
 Арапов Д.Ю. 12, 139
армяне 30, 107

* Сокращения: г. — город, имп. — император, кн. — князь, обл. — область, предв. — предводитель, р. — река. Этнонимы выделены *курсивом*, современные исследователи, а также историки и авторы этнографических описаний XVIII–XIX вв. — *полужирным* шрифтом.

В указателе учтены также определения, образованные от этнонимов (башкирский, мордовский и т.п.). Они перечислены вместе с соответствующими этнонимами.

- Астраханская губерния 163
Астраханское царство (в составе России) 78, 90
Астраханское ханство 87, 90, 186, 209
Астрахань г. 15, 27, 85, 90, 154–157, 159, 160, 187
Асфандияров А.З. 88, 149
Асцелин, папский посол 208, 212
Аутлева С.Ш. 58, 63
Афанасьев Н. 47
Афон гора 33
Ахлаков А.А. 185
Ахмед (Ахмат), золотоорд. хан 13, 96
Ахметшин Б.Г. 25, 66, 72, 73, 124
ацтеки 116
Аюка, калмыц. хан 22, 157–162
Аюшеев Д., хамбо-лама 25
- Бадмаев П.А. 23, 26
Базаров Б.В. 29
Базилевич К.В. 97
базоли 210
Байбури А.К. 115
Бай-ди, божество 24
Байер Г.З. 211, 213
Бай-ху, божество 24
Бакулин В.С. 37
Балдаев С.П. 64, 101, 118, 121, 124
Балтия см. Прибалтика
Бантыш-Каменский Д.Н. 35, 195, 196
Бараба обл. 177
Баргузин обл. 175
Бартольд В.В. 28, 29
Батмаев М.М. 128, 155, 158–163
Бату (Батый), монг. хан 30, 96, 211
Батур-Убуши-Тюмень, калмыц. нойон 24
Батур-хунтайджи, джунгар. правитель 21, 177
Батырева С.Г. 24
Батырша, предв. восстания 150, 151, 153
Бахадур-Гирей (Богатырь-салтан), крым. султан 92
Бахилина Н.Б. 47, 54
Бахрам Гур, эпич. персонаж 98
Бахрушин С.В. 67, 71, 116, 135, 160, 178–182, 184
Бахтигалиева Д. 23
Бахтин А.Г. 58, 61, 70, 74, 81, 141, 142
Бахчисарай г. 13, 39, 82, 187
Башарин Г.П. 116, 183
- Башкирия (Башкортостан) 71, 118, 129, 145, 149, 150, 152, 156, 192
башкиры 16–18, 25, 31, 32, 59, 61, 66, 70, 74, 77, 80–83, 101, 102, 106, 108, 110, 111, 113, 118, 124, 129, 130, 143, 145, 154, 157, 160, 161, 163–166, 169, 170, 175, 184, 192, 196, 210
Бегеулов Р.М. 190
Бейсембиев Т.К. 98
Бек-Пулад, сибир. бек 82
Бела, венгер. король 37
Белая Орда 27, 30, 209
Белая Русь 20, 33, 38, 210
Белая Тара, божество 25, 26, 99
Белгород (Белград) г. 211
Белгородская губерния 211
Белек-Пулад, ног. мирза 14
Белова О.В. 115
Беловодье 37
Белокуров С.А. 52, 103, 104, 107, 188, 191
Белоруссия 107, 194, 196
Белы А. 38, 55
Белый Старец, фольк. персонаж 24
бельтиры 84, 177
Беляков А. 25
Бердибек, золотоорд. хан 96
Береза р. 210
Березин И.Н. 31
Березов г. 171
Беспярых Ю.Н. 58, 62, 67, 106
бжедуги 105
Бикбулатов С. 143
Бисенбаев А.К. 8
Блиев М.М. 86, 109, 114, 190
Блиева З.М. 109
Ближний Восток 98
Бобровников В.О. 114
Богатырь-салтан см. Бахадур-Гирей
Богданов А.П. 42
Богораз (Богораз-Тан) В.Г. 22, 102, 118, 122, 124, 128
болгары 208, 211
Большакова О.В. 6, 202
Большая Орда 28, 38, 91
Большие Ногаи см. Ногайская Орда
Борисов г. 210
Борисов Н.С. 38, 43, 78, 89, 136, 139
Боук Б. 192; см. также Воеск В.И.
Боханов А.Н. 3, 4, 12, 33, 42, 50, 52, 78

- Бочаров В.В.** 5
 Брагин, офицер 72, 73, 124
 Бранденбург 194
 Братский острог 72
Брикнер А.Г. 196
Бронеvский С.М. 187
Брун М. 135
 Брюховецкий И., гетман 195
 Булавин К., предв. восстания 193
Булгаков С.Н. 41, 42, 46
 Болгария Волжская 90
 Болгарский вилайет 90
 Бурангольская долина 83
 Бурятия 157
бураы 20, 25, 26, 32, 59, 61, 62, 72, 83, 84, 101, 103, 108, 117, 118, 121, 129, 174–176, 184
 Буссов К., хронист 45
Бутанаев В.Я. 20, 75, 84, 120, 130, 176
Бутанасва И.И. 20, 75, 84, 120, 130, 176
Бутков П.Г. 117, 191
 Бухара г. 31, 91
Быков А.Ю. 164
Бычков В.В. 49
Бычкова М.Е. 12, 96
- Вавле Ненянг, предв. ненцев 69
Вагапов Я.С. 166
вайнахи 190
 Валахия 194
 Вали, казах. хан 168
Валиханов Ч.Ч. 25
Варнаvский П.К. 25, 62, 67, 130, 176
 Варшава г. 195
 Василий I, вел. кн. московский 38
 Василий II, вел. кн. московский 33, 38, 40
 Василий III, вел. кн. московский 13, 33, 40, 50, 55, 81, 91, 92
Васильев В. 44
 Великобритания 205
 Великое княжество Литовское см. Литва
 Величко С.В., хронист 48, 52, 194
Вельяминов-Зернов В.В. 88, 89
 Вена г. 192
 Венгрия 194
Вернадский Г.В. 27, 30
 Верхотурье г. 171
Вершинин Е.В. 12, 101, 117, 121, 181
Веселовский Н.И. 28, 37, 139
- Византия (Ромейская империя) 33, 42, 47, 49, 77, 98–100
Виноградов А.В. 12, 39
Витевский В.Н. 105, 111, 146, 150
 Владимир г. 210
 Владимир Святославич, вел. кн. киевский 210
 Владиславич-Рагузинский В., чиновник 173, 174
Власов А.В. 26
Власова З.И. 65
Власова М.Н. 50, 54
 Волга р. 14, 21, 30, 65, 96, 100, 140, 154, 156, 157, 163, 170, 191
Волков С.С. 35, 136
 Вологда г. 210
 Володимер г. см. Владимир
 Волынский А.П., астрах. губернатор 158, 189
 Восточная Европа 38, 137, 160, 197
 Восточно-Европейская равнина 114
 Всеволод Святославич, кн. трубчевский 51
 Всеволожский И.Д., боярин 38
 Выборг г. 58, 68, 106
 Вышний Волочок г. 210
 Вьетнам 169
 Вяземский А.А., ген.-прокурор 196
 Вяткемйнен, эпич. персонаж 65, 68
вятчи 52
 Вятка обл. 83
- Гавриил, митрополит 139
Гаджиев В.Г. 85, 109, 131, 189
 Гази, ног. мирза 15
 Галдан-Церен, джунгар. правитель 61, 167–169
Гальперин Ч. 27, 77, 78, 90
Гатагова Л.С. 12, 19, 71
Гафуров А. 23
 Гераклитов А.А. 83
 Герасимов Д., церк. писатель 48
 Герберштейн С., австр. посол 37, 55
 Гильденштедт И.А. 66
Гильзов И.А. 142, 204
 Гирей, династия 39, 91, 93, 106, 145, 160, 185
 Глинка Ф.Н., поэт 4
 Глинская Е.В., вел. княгиня 96
 Глинские, род 96, 97

- Годунов Б.Ф., царь 16, 30, 83, 89, 213
 Головин П.П., якут. воевода 181
 Головнев А.В. 22, 64
 Горная сторона (Волги) 57, 140, 141
 Городцов П.А. 124
 Горсей Дж., англ. дипломат 112, 156
 Горский А.А. 12, 33, 38, 39, 51, 54, 55, 91, 96, 136
 Григорьев А.П. 91
 Гришин Я.Я. 28
 Гришкина М.В. 81
 Гросул В.Я. 12
грузины 19, 52, 97, 104, 107, 191, 197
 Грузия 98, 104, 190
 Губайдуллин Г.С. 143
 Гуревич Б.П. 169, 180
 Гуськов А.Г. 12
 Гучинова Э.-Б. 119
- Давид, библич. царь 48
 Давыд Евсеевич, фолькл. персонаж 45, 56
 Дагестан 113, 188–190
 Дайчин, калмыц. тайши 154–157, 159
 Даль В.И. 34–38, 102
 Дальний Восток 108, 199
 Даниил, библич. пророк 47
 Даниил из Бухова, хронист 90
 Данилов К. 80
 Даниловка р. 161
 Даныяр, служилый царевич 89
 Дарий, иран. царь 98
 Дахильгов И.А. 120
 Девиз Д. 128; см. также DeWeese D.
 Девлет-Гирей, крым. хан 15
 Девлет-Гирей, сибир. султан 87
 Демидова Н.Ф. 147, 148, 151
дербеты 153
 Державин Н.С. 37, 54
 Дешт-и Кипчак (Кипчакская степь) обл. 79, 80
 Джамбадорджи, хронист 95, 162, 163
 Джан-Мухаммед, ног. мирза 87
 Джемшид, эпич. персонаж 98
 Джунгарское ханство (Джунгария) 22, 151, 153, 158, 162, 163, 166–168, 175, 177–180
джунгары 6, 20, 61, 107, 152, 160, 163, 164, 167, 169, 176–179
 Джучи, монг. хан 29, 30, 95
 Джучиды, род 30, 31
- Дзамихов К.Ф. 7, 186
 Дидона, фолькл. персонаж 123
 Дмитриев В.Д. 66, 81, 84, 106, 112, 113, 123, 124, 141, 142
 Дин-Ахмед, ног. бий 87
 Дингельштедт Н.А. 139
 Длуги Я., хронист 97
 Дмитриева Е.Н. 54
 Дмитриева Р.П. 40
 Дмитрий Иванович Донской, вел. кн. владимирский и московский 82, 209, 210
 Дмитрий Константинович, вел. кн. суздальско-нижегородский 82
 Днепр р. 194, 210–212
 Днестр р. 211
 Доброхотов А.Л. 36, 43
долганы 22, 25, 76, 118, 120, 125–127
 Долгих Б.О. 122, 127, 180
 Долгорукий В.В., генерал 110
 Домников С.Д. 43, 49, 53
 Дон р. 34, 43, 71, 192, 193, 211
 Дондук-Даши, калмыц. наместник 158, 162
 Дондук-Омбо, калмыц. хан 128, 158, 160, 162
 Доннелли А.С. 147
древляне 213
 Дронова Т.И. 115
 Друча р. 210
 Дугаров Б.С. 83
 Дугин А.Г. 29
 Дунай р. 191
- Евгений, рим. папа 32
 Евразия 5, 19, 20, 26, 27, 55, 138, 144, 145, 161, 166, 198, 199
 Европа 10, 34, 53, 157
 Егорий Храбрый, фолькл. персонаж 50
езовитяне 181
 Елеазаров монастырь 42
 Елизавета Петровна, императрица 17, 18, 25, 34, 76, 162, 168, 169
 Екатерина I, императрица 110
 Екатерина II, императрица 17, 25, 34, 35, 59, 62–64, 72, 95, 102, 105, 167, 174, 183, 191, 196
 Елдаш, мулла 150
 Еловка р. 105
 Енисей р. 175, 178

- Енисейск г. 171
 Ермак, казачий атаман 90, 121, 122, 171, 172
 Ермолаев И.П. 90
 Ерофеева И.В. 8, 78, 97, 144, 161, 164, 167, 169
 Ерохина Е.А. 11
 Ерусалимский К.Ю. 53
 Еруслан Лазаревич, фольк. персонаж 35
 Ефимова М.Ф. 57, 59, 62, 65, 68
 Ефремов П. 126
- Желтяков А.Д. 97
 Жуковская Н.Л. 24
- Заволжье обл. 156
 Зайцев И.В. 11, 79, 80, 93, 98, 119, 123, 128, 130, 132
 Зайцева И.Л. 50, 79
 Закриев Б.Б. 110, 190
 Залкинд Е.М. 175
 Западная Европа (Запад) 47, 97, 99
 Запорожье обл. 193
 Зауралье обл. 184
 Зекьерс Дж., итальянский мастер 53
 Златкин И.Я. 158, 177
 Золотая Орда (Улус Джучи) 24, 27, 28, 30, 77–79, 81, 82, 85, 90–93, 96, 97, 99, 137, 143, 146, 180
 Зотов О.В. 78
 Зуев А.С. 8, 102, 105, 134, 177, 181–183, 201
- иберы (иберяне)* 211
 Ибн Русте, хронист 52
 Иван III, вел. кн. московский 13, 39, 42, 51, 79, 81, 88, 89, 92, 209, 213
 Иван IV Грозный, царь 13–16, 18, 27–29, 33, 39–41, 43, 50–53, 57–62, 65, 67, 69, 70, 74, 78, 80–84, 87–90, 92–94, 96–98, 108, 136, 140, 141, 145–149
 Иван Иванович, царевич 15
 Иван Калита (Иоанн I), вел. кн. московский 79, 209, 210
 Иванов В.Н. 116
 Иванов Ф., дьякон 49
 Игнатъев Р.Г. 152
 Игорь, кн. киевский 213
 Игорь Святославич, кн. новгород-северский 51
- Иерусалим г. 47
 Ижорская земля 106
 Измайлов И.Л. 58, 83
 Израиль 48
 Илимск г. 171
 Илья Муромец, фольк. персонаж 26
 Илмаринен, эпич. персонаж 65, 68
 Илья Муромец, фольк. персонаж 26
 Ингушетия 190
 Индия 91, 96, 174
индоевропейцы 55
 Иоанн Дьякон, церк. писатель 47
 Иов, митрополит
 Иосиф Волоцкий, церк. писатель 33, 50
 Иохельсон В.И. 118, 120, 121, 124, 126, 183
 Иран (Персия) 91, 97, 98, 160, 162, 188–190
 Иренек, кыргызский «князец» 19
 Иркутск г. 171
 Иртыш р. 154
 Исая, библ. персонаж 47
 Исидор, митрополит 32
 Искер г. 90, 121, 145
 Искоростень г. 213
 Ислаев Ф.Г. 59, 142, 143, 150, 151, 165
 Исмаил, ног. бий 14, 15, 87
 Истомин К.В. 115
 Исфахан г. 188
 Исфендиар, хивин. хан 18
 Исфендиар, эпич. персонаж 98
 Исхаков Д.М. 39, 83
 Искаков С.М. 12
 Исянгул, фольк. персонаж 165
ительмены 105, 116
 Иудея 48
 Ишим-Мухаммед, каракалпакский хан 18
 Иштерек, ног. бий 85
 Иштерековы, род 87
- Кабарда 58, 106, 110, 160, 186, 187, 192
кабардинцы 7, 18, 58, 86, 102, 104, 107, 109, 185–187, 197
 Кавказ 19, 100, 107, 110, 117, 119, 122, 185, 190, 191
 Кадыр Али-бек Джалаири, хронист 16, 30, 31, 88, 213
казаки 46, 101, 104, 105, 116, 117, 119, 121–125, 128, 129, 140, 156, 171, 176, 177, 191, 202

- казаки донские* 34, 44, 63, 107, 192, 193
казаки украинские 108, 193, 196, 210
казаки лицкие 156, 164, 193
 Казанская земля 70
 Казанское ханство 57, 81–83, 90, 106, 140, 141, 145, 186, 209
 Казанское царство, Казанское государство (в составе России) 78, 90, 123, 143
казанцы см. *татары казанские*
 Казань г. 16, 27, 29, 39, 63, 67, 74, 79, 80, 82, 84, 90, 91, 94, 105, 123, 128, 140, 141, 145, 146, 151, 156
 Казарян П.Л. 121
казахи (киргисцы) 17, 18, 21, 23, 25, 61, 67, 95, 98, 106, 144, 146, 151–154, 160, 161, 163–170, 173, 175, 191, 197, 210
 Казахстан 8, 30, 137, 151, 163, 164, 167–170, 175, 199
 Кайтаг обл. 189
 Калецкий П.И. 33, 35, 43, 57
калмыки 21, 22, 24, 61, 88, 102, 104, 106, 108, 109, 122, 128, 146, 151–165, 167, 169, 173, 175, 187, 191, 196, 197
 Калмыкия 157
 Калмыцкое ханство 91, 156, 157, 160, 162, 163
 Камчатка 102, 116
 Канай, ног. бий 85, 87
 Канси, кит. имп. 122
 Каппелер А. 6, 8, 144, 159, 193, 194; см. также Карпелер А.
 Карабушенко П.Л. 90
каракалпаки 18, 152
 Карасакал, предв. восстания 73, 75
 Кара-Ходжа, татарский бек 89
 Карелия 57, 62, 68, 106
карелы 58, 62, 65, 67, 68, 77, 106, 111, 197
 Карзин В. 184
 Карл XII, швед. король 62, 68
 Карпини Глано (Карпеин), папский посол 29, 208, 212
 Карташев А.В. 33
 Касимов г. 88, 213
 Касимовское царство 16, 88
 Каспийское море 156, 186, 211
 Каспэ А. 6, 202
 Катанов Н.Ф. 16, 25, 124, 150
 Каштанов С.М. 135, 175
керетцы (кериты) 179
 Кертес-Варга Б. 194
 Кетск г. 171
кеты 11, 71, 91
 Киев г. 211
 Кизляр г. 109, 114, 191
киммерийцы (киммеры) 210
 Кипчакская степь см. Дешт-и Кипчак
киргисцы см. *казахи*
 Кирилл Иерусалимский, церк. писатель 47
 Киселева Л.А. 43
 Китай 19, 91, 104, 153, 168, 178–180
китайцы 95, 153, 168, 169
кияты 96
 Классен Е. 38
 Ключевский В.О. 143, 152
 Кляшторный С.Г. 144, 165
 Кобдо-Улясутай, провинция 179
 Кобеко Д.Ф. 88
 Коваленко Г.М. 58, 62, 67, 106
 Кожанов А.А. 118
 Кожин П.М. 7
козары см. *хазары*
 Козлов Н. 48, 54
 Кокандское ханство 164
 Колесник В.И. 23, 163
 Коллманн Н. (Kollmann №) 143
 Колодзейчик Д. 12, 139
 Колывань г. 35
 Колыма р. 184
 Колымский край 126
 Кольцов Р., казак 179
коми 8, 74, 111, 125, 197
коми-зыряне 26, 113
 Коновалова И.Г. 12, 97
 Кононов А.Н. 23–25, 28
 Константин Багрянородный (Порфиrogenет), виз. имп. 211
 Константин Великий, рим. имп. 43, 48
 Константин Павлович, вел. кн. 44
 Константинова Н. 113
 Константинополь (Царьград, «второй Рим») г. 42, 48, 77, 80, 81
 Копенкин, предв. чукчей 183
 Корела (Кексгольм) г. 106
 Корельский уезд 106
 Коренько В.А. 160
 Коровина Н.С. 26
 Коротаев А.В. 198
 Корсунь г. 196

- коряки (олюторы) 102, 105, 183, 196
 Косис, албанский военачальник 211
 Костров Н.А. 20, 176, 177
 Кочкаев Б.-А.Б. 134
 Кралюк П. 38
 Красноярск г. 171
 Красноярский уезд 178
 Крашенинников С.П. 102, 116
 кривичи 210
 Криничная Н.А. 101
 Крылов К.А. 34
 Крымское ханство (Крым, Крымский юрт)
 39, 79, 86, 91, 99, 105, 107, 128, 143,
 151, 160, 186, 187, 192, 199
 крымцы см. татары крымские
 кряшены 63
 Ксенофонов Г.В. 22
 Куббель Л.Е. 199
 Кугужан-юмо, божество 24, 73
 Кузеев Р.Г. 84, 88, 108, 148, 151
 Кузнецк г. 171
 Кузнецкий уезд 172
 Кузнецов С.К. 25, 73
 Кузьминых В.И. 11, 101, 117, 122, 125,
 127, 131
 Кулаковский А.Е. 126, 129
 Кулмаматов Д.С. 18, 136
 Кульшарипов М.М. 148
 кумандинцы 177
 кумыки 86, 109, 190, 197
 Кундакбаева Ж.Б. 6, 8, 100, 158, 165,
 166, 191, 197, 202
 Кура р. 211
 Курбский А.М., кн. 39, 90, 94
 Кучум, сибир. хан 15, 16, 82, 90, 91, 145,
 177, 184
 Кучумов И. 129
 Кучумовичи, род 61, 87, 151, 152, 184
 Кушева Е.Н. 185
 кыргызы (енисейские) 19, 117, 177–179
 кыргызы (тянь-шаньские) 25, 31, 130

 Лаврентьев А.В. 51
 Лапсола, деревня 131
 Лачинов Д., чиновник 82
 Лашков Ф.Ф. 186
 Лебедев В. 166
 Левкович В.П. 10, 132
 Левшин А.И. 166
 Лемерсье-Келькеже Ш. 78

 Ленинград г. 33
 Лжедмитрий I, царь 41, 50
 Лилеев Н.В. 88, 105
 Лисейцев Д.В. 12
 Лисовой Н.Н. 12
 Литва (Великое княжество Литовское)
 27, 41, 81, 97, 194, 196, 210
 литовцы 13, 38, 82
 Лифляндия обл. 196
 Лобанов М., поэт 43
 Лобачева Г.В. 33, 34, 36, 52, 57, 99
 Лопуленко Н.А. 121, 122
 Лоссиевский М.В. 82, 145
 Лоузан, калмыц. тайши 154
 Лубсан, монг. правитель 39
 Лубсан Данзан, хронист 95
 Луговая сторона (Волги) 140, 141
 Лукин П.В. 35, 39–43, 49, 108
 Лхаса г. 162
 Люцидарская А.А. 11, 64
 Ляпин р. 111
 Ляпунов П.П., предв. ополчения 45
 ляхи см. поляки

 Магомедов А.Р. 185, 189
 Магомедов Р.М. 185, 189
 Мазепа И.С., гетман 35, 195
 Майерберг А., австр. посол 78
 Макарий, архиепископ 90
 Макарий, митрополит 27
 Максимилиан I, имп. Священной Римской
 империи 51
 Максимилиан II, имп. Священной Рим-
 ской империи 51
 Максимов К.Н. 159, 160, 162
 Малай-Сары, казах. предв. 168
 Малая Ногайская Орда 15
 Малороссия см. Украина
 Мальбахов Б.К. 109, 114, 117, 160, 186–188
 Мальцев А.Н. 107, 194
 Мамаев М.И. 190
 Мамай, золотоорд. бек 96
 Мангазея г. 171
 манси 60, 71, 172
 Мансур, золотоорд. бек 96
 Мансур, чечен. шейх 104
 Мануил Комнин, виз. имп. 43
 Маныч р. 66
 Маньчжурия 108
 маньчжуры 104, 108, 113, 122

- Марасинова Е.Н.** 12, 43, 59, 135, 136
марийцы (черемисы) 13, 24, 57, 58, 67, 73–75, 80, 101, 122, 123, 131, 140–143
 Мария Темрюковна (Гошаней), царица 58
Мартынова Е.П. 91, 121, 125
Мартынова М.Ю. 121, 122
Маслов А.Л. 34
 Масуди, хронист 97
 Матушалах (Мафусаил), библ. и коран. персонаж 97
 Махмень см. Мухаммед, пророк
 Махмуд из Хиналуга, хронист 189
 Махмудек, казан. хан 39
Мелихов Г.В. 22, 108, 122
 Менгли-Гирей, крым. хан 79, 91, 92
 Мензелинск г. 151
меря 210
Миллер Г.Ф. 21, 82, 85, 104, 105, 117, 121, 122, 125, 126, 135, 160, 177–179, 182, 184, 213
Миненко Н.А. 60, 101, 111, 182
Мининков Н.А. 134, 148, 192, 193
 Минлигул, фольк. персонаж 73
Мирасов С. 17
 Митридат VI, понтийский царь 211, 213
 Михаил Федорович, царь 18, 20, 41, 51, 86, 87, 104, 187
 Михалев, чиновник 173
 Михельсон И.И., офицер 66
мишари 130
 Младший жуз, обл. 17, 104, 144, 161, 163–170, 197
моголы 153
Модоров Н.С. 19, 177, 178
 Моздок г. 109
Моисеев В.А. 61, 168
 Молдавия 194
 Момоли, род 69
 Монголия 21, 26, 91, 95, 96, 108, 153, 157, 175, 179
монголы (монгольские народы) 3, 21–28, 30–32, 62, 84, 95, 107, 137, 145, 153, 154; см. также *халха*
 Монгольская империя 27–29, 95, 96, 153, 180, 198, 212
Монгуш М.В. 157
 Мончак, калмыц. тайши 155, 159
мордва 57, 59, 60, 65, 67, 68, 74, 83, 110, 112, 113, 124, 127, 131, 140, 141, 210
 Мордовия 143
Москаленко С.В. 117
 Москва г. 6, 13, 15, 18, 21, 26, 31, 42, 44, 41, 42, 55, 64, 77, 80, 82, 85, 89, 92, 96, 98, 99, 103, 107, 113, 137, 139, 140, 141, 147, 154, 155, 157, 159, 161, 170, 186–189, 192, 193, 195, 197, 204, 208, 209, 210
 Московское великое княжество 55, 209
 Московское государство (Московское царство, Московская Русь, Московия) 6, 14, 18, 22, 23, 27, 37, 39, 55, 77, 79, 81, 86, 89, 90, 104, 107, 112, 136–138, 146, 153, 155, 156, 159, 170, 171, 176, 178, 186, 188, 192, 194–196
 Мункэ (Менгу), монг. хан 30
мурома 210
Мухамедьяров Ш.Ф. 81
 Мухаммед (Махмень), пророк 25, 139
 Мухаммед-Амин, казан. хан 81, 142
 Мухаммед-Гирей I, крым. хан 91, 92,
 Мухаммед-Гирей IV, крым. хан 79
 Мухаммед-шах, крым. бек 92
Мыльников А.С. 38
Мялль Л.Э. 25
 Навуходоносор (Навходоносор) библ. персонаж 98
 Нагой А., посол 79
Наджиб Э.Н. 31
 Надым г. 171
нанайцы 101, 106
натухайцы 105
нганасаны 127
Небольсин П.И. 58
ненцы (самоезды) 22, 64, 69, 111, 127, 170, 182, 183
 Неплюев И.И., оренбургский наместник 148, 167
 Нерчинск г. (Нерчинский острог) 83, 171
Нестеров А.Г. 91
 Нестор, летописец 210, 211
 Нижегородский край 34
Никитин В.П. 23
Никитин Н.И. 108, 123, 131, 143, 182
Никифоров В.Н. 122, 129, 184
Николаев Г.А. 11, 12, 120, 121, 123, 127, 129–132
 Николай I, имп. 4, 34, 44, 95
 Николай II, имп. 46, 202
Никольский Н.В. 63

- Никон, патриарх 50
 Новгород г. 48
 Новгородская земля 170
 Новосельский А.А. 87
 Новосельцев А.П. 25, 52
ногаи (ногайцы) 13–16, 21, 39, 58, 66, 77, 80, 83–86, 94, 108, 128, 145, 146, 154, 156, 159, 170, 186, 191, 192
 Ногайская дорога, обл. 17, 147
 Ногайская Орда (Большие Ногаи) 14, 16, 85–87, 107, 145, 154, 163
 Ногмов Ш.Б. 69
 Ной, библ. персонаж 42, 97
 Носенко Е.Э. 36, 47
 Нурали, казах. хан 165
 Нух, коран. персонаж 97
 Ням-Осор Н. 29
- Ободовский П.Г., поэт 4
 Обь р. 172, 175
 Овчинников Р.В. 156
 Оджен-бег, фольк. персонаж 176
ойраты 20, 21, 24, 119, 153, 167, 178
 Ока р. 210
 Окладников А.П. 21, 72, 105, 121, 124, 129, 176
 Оксенов А.В. 45, 53
 Олег, кн. киевский 52
 Олкотт М. 166; см. также Olcott M.V.
 Ольга, княгиня киевская 211, 213
олюторы см. *коряки*
 Омь р. 154
 Онжа Юрьев, остяцкий кн. 85
 Онучин И., посол 155, 156
 Орду, монг. хан 30
 Оренбург г. 165, 167, 169, 208
 Оренбургская губерния 207
 Орешкова С.Ф. 139
 Ород, албанский царь 211
осетины 19, 63, 190
 Османская империя (Турция) 107, 160, 169, 187, 188, 192, 194
 Османы, династия 185
осман см. *турки*
 Островски Д. 27; см. также Ostrowski D.
остяки см. *ханты*
 Охотский острог 126
- Павел, апостол 48
 Павел I, имп. 18, 34, 59, 67, 68, 71, 74, 75
- Павлов А.С. 33
 Пайпс Р. 28
 Палуцкий Д., офицер 183
 Палнос Меотийский 211
 Патканов К.П. 30
 Пекин г. 22, 167, 168, 169, 173
 Пелым г. 171
 Перетяткович Г.И. 142, 159, 200
 Переяслав г. 195
 Перри М. 24, 29; см. также Perrie M.
 Персия см. Иран
 Петербург г. см. Санкт-Петербург
 Петерс Д. 129
 Петр, апостол 48
 Петр, митрополит 49
 Петр I, имп. 17, 18, 22, 26, 31, 33, 35, 44, 51, 58, 59, 61, 62, 65, 67, 68, 70, 75, 78, 83, 84, 99, 103, 106, 110, 111, 142, 148, 158, 160, 161, 189, 204
печенеги 210
 Пешенг, эпич. персонаж 97, 98
 Пижда р. 75
 Платонов О.А. 59
 Плетнева С.А. 25
 Плиний Старший, историк 212
 Плюханова М.Б. 80, 81
 Побережников И.В. 35, 42
 Поволжье 8, 13, 31, 57, 80, 100, 112, 119, 122, 131, 135, 143, 158, 180, 196, 199
 Поволжье Нижнее 155
 Поволжье Среднее 70, 123, 140, 141, 143, 165
 Поголяева А.Н. 10
 Подонье 192
 Покровский И.М. 150
половцы 210
 Полтыш, фолькл. персонаж 58, 122
 Польско-Литовское государство 39
 Польша см. Речь Посполита
поляки (ляхи) 6, 39, 107, 112, 195
поляне 211
 Помпей, рим. полководец 211
 Попов А.А. 125
 Попов Н.С. 12
 Поповић Л. 54
 Потапов Л.П. 24, 178, 180
 Потембин А.А. 37
 Потемкин П., военачальник 85
 Похабов И., воевода 72
 Приамурье 108

- Прибалтика (Балтия) 8, 199
 Прибалхашье 163
 Прикаспий 188
 Прикамье 131
 Прикаспий 188
 Приуралье 126, 170
Пропп В.Я. 9
 Птолемей, античный астроном, географ 212
 Пугачев Е.И., предв. восстания 40, 52, 66, 67, 71, 72, 118, 123, 129, 193
 Пунтус, фольк. персонаж 68
 Путилов Б.Н. 9, 33
 Пушкарев Л.Н. 51
 Пушкин А.С., писатель 40
 Пушин, приказчик 126
- Радлов В.В.** 16, 19, 20, 166, 180
Раев М. 202
Ражев Ю. 22
 Разин С.Т., предв. восстания 44
Рафаил, архимандрит 49
Рахматуллин М.А. 12
Резун Д.Я. 135
 Ремезов М., посол 177
Ремнев А.В. 202
Рерих Н.К. 101
 Речь Посполита (Польша) 107, 139, 154, 192, 194, 195, 199
 Рим г. 48, 49, 213
Рифтин Б.Л. 24
Робинсон А.Н. 51
 Родионов М. 20
 Рознега Черемисин, фольк. персонаж 13
Розов Н.Н. 49
Роллен (Ролер) Ш. 211, 213
Романов С.В. 117
 Романовы, династия 3, 93, 98, 185, 197, 204, 205
 Ромодановский Г.Г., воевода 196
Росовецкий С.К. 57
 Российская империя 6, 22, 43, 104, 112, 162, 164, 169, 178, 187, 190, 198
 Российская Федерация 8
 Ростов г. 210
 Рубрук Г., франц. посол 208, 211, 212
Румянцев Г.Н. 175, 176
 Румянцев П.П., военачальник 191
 Рустам, эпич. персонаж 98
русские 5, 9–12, 20, 22, 23, 27, 29, 32, 36, 37, 56, 60, 67, 69, 70, 72, 73–76, 82, 83, 88, 95, 101–105, 107, 109, 111, 112, 114–133, 135, 139, 140, 144, 148, 165, 166, 170–172, 176–179, 187, 194, 195, 198, 205, 208
- Рыбаков Б.А.** 52, 53
Рыблова М.А. 108
Рычков П.И. 4, 54, 55, 147, 167, 206–208, 212, 213
 Рюбрюкис см. Рубрук
 Рюриковичи, династия 95, 97, 185
Рижев А.С. 170
- саамы* 197
Садгисел А., хронист 62, 127
Саадет-Гирей IV, крым. хан 160
Сабырханов А. 8, 144, 165, 166
Савва В.И. 42
Саганович Г. 194
 Салапат Юлаев, предв. восстания 71, 72, 129
 Салехард г. 69
Самаев Г.П. 19, 178–180
 Самара г. 157, 160
самоеды см. *ненцы*
Самойлова Т.Е. 33, 50
 Самойлович И., гетман 196
Сангин Г.А. 12, 103, 105, 139, 194
Сануков Г.А. 142
 Санкт-Петербург г. 18, 19, 98, 166, 168, 187, 190
 Сарай г. 92
 Сарайчик г. 156
 Саркел г. 211, 213
 Сафа-Гирей, казан. хан 83
Сафаргалиев М.Г. 38
Сахаров А.Н. 6
 Саяны горы 178
 Свияжск г. 140, 141
 Святослав Игоревич, кн. киевский 48, 211
 Северный Кавказ 8, 19, 57, 63, 86, 109, 112, 113, 116, 131, 184, 191, 196, 197, 202
 Северный Ледовитый океан 170
северяне 54, 55
 Сегюр Л., французский посол 183
Семенов Н. 119
Семенов Ю.И. 199
 Семиречье обл. 163
 Сенахериб, библ. персонаж 98
Серафим (Соболев) 35, 51
 Сербия 41

- Сефевиды, династия 185
 Сибирская дорога обл. 147
 Сибирское ханство 81, 91, 145, 171, 184
 Сибирское царство (в составе России) 78, 91
 Сибирь 6, 8, 10, 11, 16, 29, 60, 69, 78, 82, 87, 90, 100, 106, 108, 116, 119, 122, 125, 126, 135, 137, 146, 154, 170–174, 180–182, 191, 196, 197, 201
 Сибирь Восточная 6, 22, 131, 180, 183, 199, 202
 Сибирь Западная 91, 117, 131, 172, 184, 199
 Сибирь Южная 91, 126, 131, 175, 177–180, 185, 199
 Сидоров В.В. 25, 118, 124
 Сильвестр, рим. папа 48
 Симеон Касаевич, служилый царь 80
 Симеон Бекбулатович, служилый царь 89
 Симеон Полоцкий, писатель 48
 Симеон Суздальский, церк. писатель 32, 33
 Синицына Н.В. 12, 33
 Синьцзян, провинция 163
 Синяя Орда 30
 Скитский Б.В. 191
 Скобелев С.Г. 81, 116, 117, 126
 Скрынникова Т.Д. 12, 24, 25, 130
 славяне 10, 40, 41, 52–55, 97, 118, 119, 129, 208, 211, 212
 Слезкин Ю. 11; см. также Slezkine Yu.
 Смбат, армянский аристократ 30
 Смирнова Н.С. 165
 Смоленск г. 210
 Смоленская губерния 196
 Соболева Н.А. 49
 Содружество Независимых Государств (СНГ) 8
 Соколов Д.Н. 31, 32
 Соколова В.К. 9
 Соколовский С.В. 132
 Соловьев А.В. 23, 28, 51; см. также Soloviev A.V.
 Соловьев С.М. 37, 79
 Солоневич И.М. 36
 Солопова О. 10
 Солук, фольк. персонаж 69, 70
 Сорокин Ю.А. 48
 Соснин В.А. 10
 Сотавов Н.А. 185
 Спиридон-Савва, церк. писатель 40
 Средний Восток 98
 Средний жуз, обл. 163, 164, 166–168
 Средняя Азия 17
 Срезневский И.И. 67
 Срым Дат-улы, предв. восстания 170
 Стадухин М., служилый 181
 Стамбул г. 189
 Старший жуз, обл. 17, 163, 164
 Стеллер Г.В. 46
 Степанов Н.Н. 105, 126, 182
 Стефан Баторий, пол. король 97, 136
 Стефан Орбелиан, хронист 30
 Стефан Пермский, миссионер 111, 113, 125
 Стрейс Я., путешественник 159
 Стрижев А.Н. 49
 Строгановы, род 71
 Субхан-Кули, балхинский хан 18
 Суздаль г. 210
 Султанов Т.И. 144, 165
 Сунженский городок 189
 Сунчелей, кабард. кн. 86
 Сура р. 210
 Сургут г. 171
 Сурхай, шамхал 86, 189
 Сфорца Франческо, миланский герцог 53
 Сырдарья р. 163
 Таиланд 169
 Таймасов Л.А. 24
 Тамбовская губерния 45
 Тара см. Белая Тара
 Тара г. 154, 171, 177
 Тарки г. 188
 татарские народы см. *тюрки (тюркские народы)*
 татары 6, 13, 18, 24, 28, 29, 38, 67, 77, 81, 85, 88, 92, 97, 100, 101, 104, 112, 123, 127–129, 142, 150, 156, 175, 177, 196, 202, 208–212
 татары астраханские 90, 128, 142, 143, 149, 165
 татары казанские (казанцы) 28, 57–59, 82, 105, 128, 140, 143, 145
 татары крымские (крымцы) 13, 16, 34, 39, 105, 119, 128, 130, 132, 151, 152, 186, 187, 192, 195

- татары мишари*
татары польско-литовские 28
татары сибирские 16, 74, 82, 106, 117, 124, 152, 154, 174, 175, 184
татары турунские 122
 Татигас, башкир. бий 16
 Татищев В.Н. 151, 209–212
 Таубе Э. 107
 Тауке, казах. хан 163
 Ташкин С.Ф. 112, 143, 148
 Тверь г. 39
 Тевкелев А.И. переводчик, дипломат 197
теленгиты 179
телеуты 20, 24, 108, 120, 176–178
 Темрюк Идаров, кабард. кн. 102
 Тепкеев В.Т. 161
 Терехов В.П. 12
 Терский городок 109, 187
 Тибет 157
 Тимур (Темир), золотоорд. бек 13
 Тинмаметевы, род 87
 Титов В. 24
 Тихий океан 170, 180
 Тишков В.А. 118, 132
 Ткачев В.Н. 24
 Тобольск г. 151, 171, 177
 Тодоров Цв. 115, 116
 Токарев С.А. 59, 118, 119, 120, 183
 Толуй, монг. хан 96
 Томск г. 171
 Томский уезд 172
 Топоров В.Н. 125, 201
торгоуты 153
 Тот С. 44; см. также Toth S.
 Трепавлов В.В. 15, 58, 77, 83, 86, 87, 92, 94, 96, 108, 129, 134, 137, 157 см. также Trepavlov V.V.)
 Троцкий И.М. 105, 183
 Трубачев О.П. 52, 54
тубалары 177
тубинцы 179
 Тува 19, 157
тувинцы 19, 107
 Тулохонов М.И. 59, 61, 83, 103, 131
тунгусы см. *эвенки*
 Туран, эпич. страна 97
 Туранлы (Туранли) Ф.Г. 93
 Туринск г. 171
 Туркестан г. 165
турки (османы) 13, 14, 29, 34, 41, 79, 80, 86, 93, 104, 139, 148, 151, 152, 169, 187, 191, 192
туркмены 18, 58
 Турция см. Османская империя
 Туяа М. 23
 Тыгын-тойон, якут. предв. 119
 Тэнгри, божество 24
 Тюмень г. 171
тюрки (тюркские народы) 3, 13, 18, 19, 21, 23–25, 31, 79, 88, 98, 117, 143, 148, 172, 175, 176, 179, 184
 Тюштянь, фольк. персонаж 60
 Убаши, калмыц. хан 162
 Убейдулла I, бухарский хан 18, 31
удмурты 66
 Узбек, золотоорд. хан 79
узбеки 18, 61, 153
 Украина (Малороссия) 8, 41, 102, 107, 159, 193–196, 199
украинцы 51, 52, 107, 195, 197
 Улуг-Мухаммед, золотоорд. хан 38
 Улус Джучи см. Золотая Орда
 Ульгень, божество 24
 Уманский А.П. 108, 134, 176, 177
 Умаханов М.-С.К. 188, 189
 Умма-хан, аварский хан 104
 Унжа р. 210
 Ураз-Мухаммед, касимовский царь 88
 Урак, ног. мирза 14
 Урал, обл. 8, 31, 100, 116, 125, 126, 129, 143, 170, 171, 199
 Южный Урал 57, 80, 118, 146, 147, 150, 151, 161, 169, 196
 Урал, р. см. Яик
 Урус, ног. бий 15
 Урусов В.А., генерал 146
 Усенко О.Г. 40, 63, 192, 193
 Усманов А.Н. 66, 72, 145, 149, 151, 152
 Усманов М.А. 83, 88, 89, 91, 150; см. также Usmanov M.A.
 Успенский А.И. 36
 Успенский Б.А. 41, 42, 46–48, 50, 51, 53, 78, 89, 99
 Устюгов Н.В. 70, 88, 113, 129, 145–153, 155, 184
 Уфа г. 151
 Фавор, гора 45, 49

- Фаизов С.Ф.** 80, 91, 93
Файзрахманов Г.Л. 184
Фальк И.П. 131
Фасмер М. 54, 135
 Федор Иванович, царь 15, 16, 18, 40, 209
Федоров-Давыдов Г.А. 28, 30
 Феридун, эпич. персонаж 97, 98
 Феррара г. 32
 Фик Г., чиновник 76
 Филофей, церк. писатель 42
Филюшкин А.И. 100
 Финляндия 196
финноугры (финноугорские народы)
 13, 24, 25, 101
 Фирсов, чиновник 173
Фирсов Н.А. 142, 143
Фишер И.Э. 23
 Флетчер Дж., англ. посол 37, 123
 Флоренция г. 32
Флоря Б.Н. 38, 42, 50, 70, 90, 98, 136, 194
 «фрязская земля» 32
Функ Д.А. 12, 24, 53
- Хабаров Е., казак 113
 Хазарский каганат (Хазария) 48, 213
хазары (козары) 211
 Хазрат Хамат, фольк. персонаж 128
Хайретдинов Д.З. 66
 Хакасия 19, 179
 Хакасско-Минусинская котловина 178
хакасы 20, 25, 26, 75, 84, 104, 120, 130, 176
 Хакк-Назар, казах. хан 163
Халидова М.Р. 185
Халикова Р.Х. 17
халха (халха-монголы) 20
Хамицаева Т.А. 19, 63
Хан-Гирей 105
 Ханза-бег(пиг), фольк. персонаж 20, 75
ханты (остяки) 64, 69, 74, 85, 91, 106, 121, 122, 125, 172, 174
 Хан-Ходжа, казах. хан 168
Хара-Даван Э. 27, 29
 Хаска Ваносов, Хант 60
Хафизова К.Ш. 168
 Хворостинин А., воевода 188
 Хива г. 4, 91, 208
 Хивинское ханство 206
 Хиландрский монастырь 33
- Хмельницкий Б.М., гетман 41, 103, 104, 139, 193–195, 210
Ходарковский М. 138; см. также **Khodarkovsky M.**
 Ходжа-Ахмед, казах. султан 169
 Ходкевич Г., гетман 98
хойты 153
хоринцы см. *буряты*
Хорошкевич А.Л. 13, 15, 27, 33, 37–39, 41, 51, 80, 82, 92, 93
 Хосров I Ануширван, иран. царь 98
 Хо-Урлюк, калмыц. тайши 154–156
хошуты 153
Храпачевский Р.П. 12, 38
Худяков М.Г. 13, 58, 64, 83, 122
Худяков Ю.С. 177
 Хусайнов М., муфтий 169
- Царевококшайский уезд 112
 Царицын г. 157, 160
 Царьград см. Константинополь
 Центральная Азия 20, 22, 95, 98, 108, 122, 126, 180
 Церен-Дондук, калмыц. хан 158
 Цинская империя 22, 108, 166, 175, 179, 180; (см. также Китай)
 Цин (Цины), династия 107, 160, 168, 169, 178, 179, 184
Ципинов А.А. 102
 Циши, хронист 22
Цыдендамбаев Ц.Б. 59, 62, 83, 84, 127
Цюрюмов А.В. 161
 Цяньлун, кит. имп. 168
- Чагатай, монг. хан 95, 96
Чацкий Ф. 28
 Чемдали, род 69
 Чепца р. 83
черемисы см. *марийцы*
 Черкасские, род 186
черкесы 102, 186, 196, 208
 Черное море (Эксинский понт) 211
Черный В.Д. 49
Черных П.Я. 54
Чеснов Я.В. 118
Четкарев К.А. 25, 57, 64
чеченцы 18, 86, 102, 104, 109, 110, 114, 190
 Чечня 19, 109, 113, 190
 Чимкайган, предв. чукчей 183

- Чингисиды, род 74, 91, 94, 96, 97, 152
 Чингисхан (Чингиз-хан), монг. хан 24–26, 29, 30, 31, 73, 74, 85, 94–97, 144, 208, 209
Чистов К.В. 37, 38, 46
 Чичерин Д.И., губернатор 64
 Чичерин Н.И., сенатор 64
чуваши 11, 24, 26, 58, 66, 67, 106, 112, 113, 120, 123, 124, 127–133, 140–143
 Чугалов П., чиновник 4, 208
чудь 101, 102, 111, 125
 Чукотка 127
чукчи 22, 76, 102, 105, 118, 119, 122, 124, 126–128, 183, 196
Чулошников А.П. 73, 110, 129, 142, 150–153, 170
- шапсуги* 105
Шаронов А.М. 59, 74, 131
Шашков А.Т. 101
шведы 6, 34, 35, 58, 65, 67, 68, 106, 195
 Швеция 58
 Шейх-мурза, чечен. предв. 18
Шелегина О.Н. 116
Шенников А.А. 96
Шерстова Л.И. 123, 135, 180
 Шешуков А., предв. манси 71
Шиловский М.В. 135
Ширяева П.Г. 13, 57, 64
Шмурло Е.Ф. 46
Шнирельман В.А. 9
 Шолохов М.А., писатель 34, 193
шорцы 53, 177
 Шуйский В.И., царь 33, 84, 154
 Шуньчжи, кит. имп. 22
Шушарин Д. 38
- Щербинин А.И.** 40
- эвенки (тунгусы)* 11, 69, 105, 106, 119, 120, 126, 129, 175, 182, 184
эвены 127
 Эвлия Челеби, путешественник 97, 111
 Эксинский понт см. Черное море
 Эндре II, венг. король 44
энцы 11, 122, 126, 127
 Эрдэни-Дайчин-хунтайджи, монг. правитель 21
Эргис Г.У. 22
- Эсен, ойратский хан 153
 Югорская волость 170
 Южная Америка 101
юкагиры 11, 101, 121, 181, 183
 Юлай Азналин, башкир. старшина 72
Юлдашбаев Б.Х. 151
 Юль Ю., датский посол 78, 90
 Юнус, ног. мирза 94
 Юнус-ходжа, ташкентский правитель 18
Юрасов М.К. 12
 Юрий Всеволодович, вел. кн. владимирский 65
 Юрий Дмитриевич, кн. звенигородский и Галицкий 38
юрматы 16, 84
 Юрюнг Уолан, божество 24, 25
 Юстиниан, виз. имп. 43
 Юсуф, ног. бий 13
 Юхан III, швед. король 93, 94
- Ягеллоны, династия 28
 Ядгар, сибир. бек 82
 Ядгар-Мухаммед, казан. хан 140
Языкова И.К. 49
 Яик (Урал) р. 30, 156, 163, 165
 Якоби И.В., астрах. губернатор 109
Яковлев В.В. 14, 105
Яковлев Е. 120
Яковлев И.Я. 123
 Якутия 127
 Якутск г. 171
якуты 11, 22, 24, 46, 59, 69, 70, 105, 116, 119, 122–124, 126–129, 174, 181, 183, 184
 Ян-Казимир, польск. король 195
 Яфет, коран. персонаж 97
- Boeck B.J.** 193; см. также **Боук Б.**
Braun J. 48
Castro-Klaren S. 101
Cherniavsky M. 53, 99
DeWeese D. 128; см. также **Девиз Д.**
Field D. 57
Görög-Karady V. 9
Ivanics M. 31, 96, 150
Kappeler A. 8; см. также **Каппелер А.**
Khodarkovsky M. 77, 135, 138, 140, 159, 160; см. также **Ходарковский М.**
Kollmann N. см. также **Колманн Н.**

Lemercier-Quelquejay Ch. 78; см. также
Лемерсье-Кельеже Ш.
Lewicki T. 52, 53
Olcott M.B. 166; см. также Олкотт М.
Ostrowski D. 27; см. также Остров-
ский М.
Perrie M. 24, 29, 31, 57; см. также Пе-
ри М.
Plokhi S. 193
Pritsak O. 27, 30

Rorlich A.-A. 59
Rustemeyer A. 192
Siikala A.-L. 10
Slezkine Yu. 11; см. также Слезкин Ю.
Soloviev A.V. 53; см. также Соловьев А.В.
Toth S. 44; см. также Тот С.
Trepavlov V.V. 70; см. также Трепав-
лов В.В.
Usmanov M.A. 31, 96, 150; см. также
Усманов М.А.

Содержание

Введение	3
Глава 1. Царь: почему «белый»?	13
Глава 2. Царь и царская власть	57
Глава 3. Россия и русские	101
Глава 4. Подданство подлинное и мнимое	134
Заключение.....	198
Приложение.....	207
Сокращения	214
Источники и литература.....	215
Указатель	240

Научное издание

Трепавлов Вадим Винцевич

«БЕЛЫЙ ЦАРЬ»

Образ монарха
и представления о подданстве
у народов России XV–XVIII вв.

*Утверждено к печати
Институтом российской истории РАН*

Редактор *Л.С. Ефимова*
Художник *Э.Л. Эрман*
Технический редактор *О.В. Волкова*
Корректор *Е.А. Мамиконян*
Компьютерная верстка *Е.А. Пронина*

Подписано к печати 23.03.07
Формат 60×90¹/₁₆. Печать офсетная
Усл. п. л. 16,0. Усл. кр.-отт. 16,7. Уч.-изд. л. 16,9
Тираж 1000 экз. Изд. № 8256. Зак. № 630

Издательская фирма
«Восточная литература» РАН
127051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21
www.vostlit.ru

ППП "Типография "Наука"
121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6